

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

Региональный учебно-научно-практический Юридический центр

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПРАВЕ

Материалы международной
научно-практической конференции,
посвященной 20-летию юридического факультета
и 50-летию Полоцкого государственного университета

(Новополоцк, 6–7 октября 2017 г.)

В трёх томах
Том 1

Новополоцк
2017

УДК 34(082)
ББК 67я43

Рекомендован к изданию
советом юридического факультета
Полоцкого государственного университета (протокол № 7 от 04.09.2017 г.)

Редакционная коллегия:

И. В. Вегера, кандидат юридических наук, доцент (отв. редактор);
Д. В. Щербик, кандидат юридических наук, доцент;
В. А. Богоненко, кандидат юридических наук, доцент;
Е. Н. Ярмоц, кандидат юридических наук, доцент;
П. В. Соловьёв, магистр юридических наук

Рецензенты:

Г. А. Василевич, доктор юридических наук, профессор;
Т. И. Довнар, доктор юридических наук, профессор;
В. М. Хомич, доктор юридических наук, профессор

Традиции и инновации в праве : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию юрид. фак. и 50-летию Полоц. гос. ун-та, Новополоцк, 6–7 окт. 2017 г. : в 3 т. / Полоц. гос. ун-т, Регион. учеб.-науч.-практ. Юрид. центр ; редкол.: И. В. Вегера (отв. ред.) [и др.]. – Новополоцк : Полоцкий государственный университет, 2017. – Т. 1. – 312 с.

ISBN 978-985-531-569-9.

Предложены материалы, в которых обсуждаются проблемы юридической науки и практики с позиций преемственного и инновационного развития национальных правовых систем и международного права.

Адресован научной юридической общественности, практическим работникам, преподавателям, студентам юридических факультетов, слушателям переподготовки по специальности «Правоведение», а также всем, кто интересуется актуальными проблемами в праве.

УДК 34(082)
ББК67я43

ISBN 978-985-531-569-9 (Т. 1)
ISBN 978-985-531-568-2

© Полоцкий государственный университет, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие ректора учреждения образования «Полоцкий государственный университет» Д.Н. Лазовского	7
---	---

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

КАФЕДРА ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Валеўка А.В. Перадумовы рэформ 1760-х гг. у Рэчы Паспалітай	9
Вегера И.В. Интерпретация конституционных прав и свобод в контексте развития международного и национального права	11
Кирыкова И.Н. Место права на социальное обеспечение в системе социально-экономических прав в Республике Беларусь	14
Нуждина А.С. Правовой статус естественных монополий в сфере энергетики и их классификация (на примере Евразийского экономического союза (ЕАЭС))	18
Радзюк А.Л. Польскі кааператыўны закон 1920 г. і яго ўплыў на развіццё заходнебеларускага кааператыўнага руху	21
Соловьёв П.В. Альтернативные проекты нормативных правовых актов как направление развития демократизма в нормотворчестве	24
Шахновская И.В. Социальные общности как участники конституционно-правовых отношений	29
Щербик Д.В. Парламентские слушания как форма деятельности парламента	33

КАФЕДРА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Бесецкая Н.А. Социальные сети и трансграничное судебное извещение: вопросы теории и практики	37
Богоненко В.А. Гипотеза кодификации законодательства Республики Беларусь в сфере энергетики (прелиминарные положения)	41
Максіменюк В.В. Фізкультурна-аздараўленчыя і спартыўныя цэнтры як суб'екты аздараўленчага турызму	46
Малиновская А.И. Классификация источников правового регулирования отношений в сфере использования атомной энергии в Республике Беларусь	50
Савицкая К.Д. Субъекты прав на мультимедийные произведения	53
Семёнова Т.В. Правовой режим доменного имени в гражданском законодательстве Республики Беларусь	27

КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНАЛИСТИКИ

Катушонок О.В. Основные подходы к определению супружеского насилия	59
Кукштель В.А. Уклонение от погашения кредиторской задолженности: предмет преступления	63
Пискунович Е.В. Деятельность органов прокуратуры по противодействию коррупции	65

Приколотина Ю.Л. О возможностях употребления понятия социального стереотипа в криминологических исследованиях насилия в семье	67
Ремнёва Т.И. Нормы международного права об охране окружающей среды от загрязнения	70
Шарикова В.П. Целеполагание личности в системе детерминации преступного поведения	72
Ярмоц Е.Н. Имиджевая информация о суде как фактор повышения доступности правосудия	75

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Белоусов А.Л. Социальная функция белорусского государства в условиях глобализации	79
Бочков А.А., Бочкова А.А. Актуальные проблемы источников (форм) права	82
Брилёва В.А. О институте обеспечения социальной ответственности должностных лиц государственных органов	88
Бурдин М.Ю. Ответственность народа как носителя суверенитета	92
Василевич С.Г. Достижение определенного возраста как условие приобретения правового статуса	96
Вершок И.Л. Некоторые вопросы легитимации правовых норм в процессе правосознания	99
Голубева Л.Л. Ідэі аб праве, палітыцы, заканадаўстве ў творчасці беларускіх мысліцеляў XVI ст.	102
Демичев Д.М. Формирование традиций в интернационализации образования	106
Доўнар Т.І. Народаўладдзе ў Беларусі ў старажытны перыяд	110
Капитанец Е.Т. Правовая политика и правотворчество	116
Ковалёва С.Г. Права городских общин белорусских и украинских земель Великого Княжества Литовского XV – начала XVI вв.	118
Лагун Д.А. Основные подходы к пониманию правотворчества как залог надлежащей реализации прав человека	122
Макарова Е.А. Суверенитет доминионов Британского Содружества наций: историко-правовой аспект	126
Матарас В.Н. О методике исследования социогенеза государства	130
Немкевич И.В. Право на сопротивление (восстание): из истории юридического закрепления	133
Павлов В.И. Антропология права как перспективное направление развития юриспруденции	137
Петров А.П. К вопросу о правовом обеспечении права на жизнь	139
Петров В.А. Исторический аспект становления международных стандартов в области прав и свобод человека	142
Самусенко Л.А. О проблеме правового регулирования национальной безопасности	146
Свиб А.Ф. Межконфессиональное взаимодействие при проведении судебно-правовой реформы 1864 года на территории Беларуси	148
Скоробогатов А.В. Правовой архетип как форма бытия правовых ценностей	151
Сухарев А.А. Пути совершенствования правовой социализации молодежи	154

Хватик Ю.А. Формирование идей о правах человека в системе практико-ориентированного юридического образования Республики Беларусь	157
Цюга С.А. О возможности применения образовательных программ для повышения электорально-правовой культуры участников избирательного процесса в Республике Беларусь	161
Чуприс О.И. Интеграционные преобразования в государственном управлении: от единичных изменений до глобальных реформ?	165
Янч В.В. Тенденции развития современного права: глобальный и региональный аспекты	168

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Белясов С.Н. Суверенитет и международное право	172
Береговцова Д.С. Особенности правового регулирования защиты человека от неблагоприятных последствий современных медицинских технологий в законодательстве ФРГ и Франции (с целью совершенствования законодательства Республики Беларусь)	178
Бранцевич Е.П. К вопросу о государственно-правовом регулировании пребывания в Республике Беларусь иностранцев в период признания их беженцами	182
Василевич Г.А. Информационно-коммуникационные технологии как важнейший фактор совершенствования нормотворческого процесса	186
Ващенко В.А. Особенности денонсации договоров, учреждающих международные организации	189
Гришкевич О.В. Участие Республики Беларусь в разработке и принятии универсальных договоров в сфере прав человека	193
Гуйда Е.П. Референдум как форма непосредственного участия граждан в процессе создания нормативных правовых актов	196
Дашковская Е.Р. Право на неприкосновенность частной жизни в интернет пространстве	201
Ивашкевич Е.Ф. Основные тенденции развития Европейского Союза на современном этапе	204
Каминский И.И. К вопросу о международно-правовом регулировании применения невооруженной силы	208
Карпович Н.А. Правовые позиции Конституционного Суда Республики Беларусь о праве на информацию	210
Кивель В.Н. Понятие и общая характеристика обязанности как элемента конституционно-правового статуса личности	214
Киселёва Т.М. Вопросы равенства при исполнении конституционных обязанностей	219
Кондратович Н.М. К вопросу о совершенствовании публичной власти в Республике Беларусь	223
Красницкая Л.Н. Право человека на образование через призму обязательств государственных органов	227
Краснобаева Л.А. Гендерное равенство: принцип или право человека?	229
Красовская Н.И. Правовые условия гендерного бюджетирования: зарубежный опыт и перспективы инкорпорирования в Республике Беларусь	232

Крылов М.А. Дипломатическая защита в системе защиты прав человека	236
Курак А.И. Народный суверенитет (народовластие) как основа конституционного строя Республике Беларусь	238
Лисовская Т.В. Междисциплинарный подход при изучении гендерного равенства в контексте реализации свободы совести	242
Масловская Т.С. Основные направления развития современного конституционализма	246
Мурашко Л.О. К вопросу взаимодействия различных правовых порядков	250
Назарова О.В. О соответствии Конституции актов Евразийской экономической комиссии	263
Пляхимович И.И. Инновационность законодательства и как ее обеспечить	255
Полещук О.О. Неприкосновенность как гарантия деятельности Президента Республики Беларусь	259
Пугачёв А.Н. Конституция как форма реализации народного суверенитета при образовании нового государства	261
Пузиков Р.В. Влияние деятельности Конституционного Суда Российской Федерации на формирование юридической доктрины	264
Рамазанова Н.О. Проблема правового статуса «неграждан» как субъектов права прав человека в Республике Беларусь	267
Савкин О.М. Вынужденные мигранты в Республике Беларусь: правовое положение и защита	269
Седельник В.В., Чебуранова С.Е. Конституционное регулирование источников права (на примере континентальной правовой семьи)	273
Сергиенко Ю.П. О некоторых аспектах международно-правового статуса Союзного государства и перспективах его развития	276
Скороход И.Г. Ограничение прав человека: конституционные пределы	281
Сливко О.Я. Международный механизм защиты прав человека в сфере современной медицины	285
Смирнова Е.С. Институт гражданства и права человека: традиции и инновации в праве	289
Сокольская Л.В. Евразийская хартия прав человека и народов: утопия или реальность	292
Станкевич О.Г. Инновации в финансовом праве	295
Хацук Ж.В. Проблемы европейской миграции и международная защита беженцев в Европейском Союзе	297
Цукан О.Н. Европейская хартия местного самоуправления как правовая основа трансграничного сотрудничества на примере Украины	301
Чигринов С.П. О конституционной идентичности и тенденциях конституционно-правового развития	304
Шафалович А.А. Субъектный аспект международно-правовой ответственности за нарушение прав человека	307
Шишкин А.А. Прямая (непосредственная) демократия как важнейшая составляющая народного суверенитета	310

Дорогие друзья!

В 2017-2018 учебном году Полоцкий государственный университет празднует 50-летие со дня своего основания. Это первая серьезная веха на пути развития вуза, которая позволяет подвести наиболее значимые итоги и определить дальнейшую стратегию развития.

Полоцкий государственный университет – достойный преемник славных образовательных традиций Полоцкой земли, с которой связаны имена выдающихся белорусских просветителей – Евфросинии Полоцкой, Франциска Скорины и Симеона Полоцкого. Здесь берет свое начало университетское образование на территории современной Беларуси.

История Полоцкого государственного университета вобрала в себя не только достижения великих предков, но и богатый полувековой собственный опыт деятельности в сфере образования и науки. Университет развивается как классическое высшее учебное заведение европейского типа, сочетающее фундаментальные и прикладные исследования, гуманитарные и технические науки, уважение к национальным традициям и ориентацию на лучшие образцы мировой культуры, преданность делу служения обществу и стремление к личному самосовершенствованию.

Университет имеет высокое государственное и общественное признание, что подтверждается его высокими достижениями, победами и наградами. Можно говорить о его значительной роли в системе высшего образования, научном и инновационном развитии страны.

Являясь интеллектуальным ядром крупного промышленного центра, Полоцкий государственный университет обладает уникальной возможностью максимально интегрировать образовательную, научную и инновационную деятельность с потребностями реального сектора экономики и социальной сферы. В тесной связи образования, науки и практики были и остаются сила и преимущество как университета, так и его выпускников.

Внедренные в университете передовые технологии обучения, новые формы организации образовательного процесса, основанного на компетентностном, инновационном и практикоориентированном подходе, гарантируют выпускникам Полоцкого государственного университета конкурентные преимущества на рынке труда и помогают специалистам в их успешном профессиональном становлении.

В стенах университета подготовлены десятки тысяч выпускников различных специальностей – профессионалов высокого уровня, внесших заметный вклад в развитие нашего государства и общества.

Полоцкий государственный университет уже успел зарекомендовать себя на международной арене как сильный и надежный партнер. Сегодня перед нашим вузом стоит задача стать органичной и деятельной частью международной образовательной, научной и информационной среды.

За эти годы университет прошел значимый путь, превратившись в крупнейший региональный научно-образовательный центр, имеющий прочные традиции и уникальные научно-педагогические школы.

Одним из перспективных и динамично развивающихся подразделений Полоцкого государственного университета является юридический факультет, который в этом году отмечает 20-летие с момента своего создания.

Как самостоятельное подразделение юридический факультет образован в 1997 году на базе факультета экономики и права (1994 г.). Все эти годы факультет обеспечивает кадрами многие организации северного региона республики и всей страны. Наши выпускники востребованы во всех сферах общественной деятельности: в государственном управлении и политике, правоохранительной сфере и правосудии, бизнес-среде, образовании, науке и многих других.

Юридический факультет развивается как научное и учебное подразделение, сочетая фундаментальные и прикладные исследования с установившимися традициями культуры и образования.

Юридическим факультетом последовательно решается задача обеспечить системное взаимодействие образования, науки и практики. За эти годы налажены плодотворные связи с практическими организациями, в рамках которых регулярно проводятся совместные учебные и научно-практические мероприятия, визиты, обмен опытом, взаимная помощь и поддержка. С 2016 года внедрена новая форма такого сотрудничества, уникальная по своему воплощению, – создан Региональный учебно-научно-практический Юридический центр, деятельность которого направлена на создание эффективной, основанной на принципе взаимодействия юридической науки и практики, образовательно-исследовательской и информационной среды в области развития юридического образования и совершенствования подготовки специалистов.

Направления научных исследований кафедр юридического факультета соответствуют национальным и мировым тенденциям развития науки. За годы работы коллектива сформировалось несколько направлений научных исследований в области энергетического права; экологической безопасности; конституционного контроля; формирования демократического правового социального государства; предупреждения преступности в сфере семейных отношений и др.

На факультете много лет успешно работает Студенческая служба правовой помощи. Развивается направление «Street law», регулярно организуются правовые тренинги с различными группами населения.

Юридический факультет активно развивает международное сотрудничество и академическую мобильность, участвует в ряде международных проектов и программ. Для студентов, магистрантов и преподавателей имеется возможность зарубежных стажировок в вузах-партнерах.

Накопленный за годы развития потенциал позволяет нам гордиться достижениями, с уверенностью смотреть в будущее и войти в новый этап развития университета, создавая наилучшие условия для продвижения приоритетных научных направлений, совершенствования подготовки специалистов и формирования у них всех необходимых компетенций, соответствующих требованиям времени.

Уверен, что данная конференция будет способствовать совершенствованию юридического образования, созданию условий для более тесного взаимодействия науки и практики. Желаю участникам конференции успешной работы, творческого вдохновения и плодотворного научного диалога.

***Ректор Полоцкого государственного университета
доктор технических наук, профессор
Лазовский Дмитрий Николаевич***

**НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

КАФЕДРА ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.15

ПЕРАДУМОВЫ РЭФОРМ 1760-Х ГГ. У РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ

А.В. Валеўка,

старшы выкладчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы права, Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт

Першая палова 18 ст. у гісторыі Рэчы Паспалітай адзначана паглыбленнем крызісу дзяржавы. Своеасаблівы дзяржаўны лад у сукупнасці з панучай сярод кіруючай эліты ідэалогіі, а таксама шэрагам знешнепалітычных фактараў завёў грамадства і дзяржаўныя ўстановы ў тупіковую сітуацыю. Шматлікія войны на тэрыторыі дзяржавы, сярод якіх асабліва цяжкія наступствы мела Паўночная вайна, знішчалі гаспадаку і не давалі нават магчымасці яе аднавіць і развіваць далей. Барацьба паміж буйнымі магнацкімі родамі за дамінаванне ў Рэчы Паспалітай набыла небывалы размах. Не лічачыся з дзяржаўнымі інтарэсамі, развязаючы сапраўдныя войны паміж сабою, магнацкія групы імкнуліся ажыццяўляць уласныя палітычныя праграмы. «Узброены Радзівілаў натоўп у прыступе шаленства ці на загад князя не раз нападаў на шляхецкія дамы, на абывацельскіх соймах у Вільні, Менску і Лідзе не раз даходзіла да крывавых сцэнаў...», — пісаў пра тыя часы Юзаф Грайнэрт [4, с.323].

Такое бязладдзе паралізавала дзяржаву, а абыякавасць правячай дынастыі Вецінаў яшчэ больш дэмаралізавала шляхту. Абдораная ўсемагчымымі прывілеямі, пануючы над усім грамадствам, сама шляхта як стан перажывала апатыю і выраджалася [4, с.323]. Акрамя таго, дадаваўся нанова абуджаны партыкулярызм, які паралізоўваў і без таго слабую Рэч Паспалітую. Вялізная шматнацыянальная дзяржава толькі знешне здавалася яшчэ адзінай.

Дзяржаўны лад Рэчы Паспалітай, які шляхта лічыла ідэальным, не даваў магчымасці не толькі праводзіць рэформы, але і, часцей за ўсё, вырашаць бягучыя дзяржаўныя пытанні. Сойм, будучы вышэйшым органам дзяржаўнай улады, проста не дзейнічаў, бо цалкам кантраляваўся гэтымі самымі магнатскімі родамі. Паказальна тое, што «з 55 соймаў, якія склікаліся ў 1652 - 1764 гг., 42 былі сарваны накладаннем вета» [1]. Сітуацыя, калі кожны прадстаўнік шляхты мог блакаваць любое рашэнне сойма, рабіла вельмі праблематычным вырашэнне многіх важных пытанняў. Акрамя таго, унясенне зменаў у палітычны лад магло расцэньвацца як парушэнне правоў шляхты і было падставай для непадпарадкавання дзяржаўнай уладзе.

Існуючы парадак поўнасьцю зжыў сябе і зусім не адпавядаў тым рэаліям, якія ўзніклі ў многіх еўрапейскіх краінах. С. Кутшэба характарызуе тагачасны дзяржаўны і грамадскі лад Рэчы Паспалітай як «закасцянены», «захоўваючы ў сабе рысы сярэдніх вякоў» [2, с.177]. Для паспяховага пераадолення крызісу і ажыццяўлення рэфармавання патрэбна была моцная аснова, «выпрацаваннае ужо ўсведамленне неабходнасці гэтых рэформ» [2, с.178].

Паступова ў грамадстве Рэчы Паспалітай пачалі ўзнікаць ідэі аб неабходнасці змянення існуючага парадку. У творах такіх палітыкаў і публіцыстаў як: Ляшчынскі, Карвіцкі, Канарскі, Сташыц і Калантай – выказваюцца прапановы аб зменах у дзяржаўным ладзе Рэчы Паспалітай, ідэалагічнай падставай якім з’яўляліся ідэі Асветніцтва [2, с.178]. У гэты час вельмі развіваецца палітычная і памфлетычная літаратура. Такім чынам пачалося фармаванне ідэалагічнай асновы для ажыццяўлення рэформ у Рэчы Паспалітай.

У перыяд безкараўлеўя, які распачаўся пасля смерці Аўгуста III, умацнілася супрацьстаянне некалькіх арыстакратычных партый, кожная з каторых мела свой погляд на будучыню Рэчы Паспалітай. Прадстаўнікі партыі Чартарыйскіх «Фаміліі» выступалі за актыўныя рэформы, скасаванне «liberum veto», умацненне каралеўскай улады. Ім супрацьстаялі шматлікія прадстаўнікі магнатэрыі: Браніцкія, Патоцкія, Сапегі, Радзівілы. «Фамілія» была ў меншасці, аднак сярод іх праціўнікаў не было адзінства, што канешне давала перавагу першым [3, с.89].

Рэальная магчымасць ухвалення рэформ узнікла падчас правядзення канвакацыйнага сойма 1764 г. Пешапачаткова прадстаўнікі кансерватыўнай часткі шляхты мелі намер сарваць пасяджэнне сойма, аднак Чартарыйскія напамнілі, што на канвакацыйным сойме не дзейнічае прынцып «liberum veto», бо па сваім прававым характары канвакацыя раўнаважна канфедэрацыі [5, 1.75]. Такім чынам склаліся ўмовы для разгляду і ажыццяўлення рэформ так неабходных для Рэчы Паспалітай.

Спіс выкарыстаных крыніц:

1. Галечанка, Г. Развіццё шляхецкай дэмакратыі ў Вялікім княстве Літоўскім у XVI–XVIII ст. / Г. Галечанка ; пер. з рускай А. Шаланда // Герольд Litherland. – 2001. – №3. – С. 85-102
2. Кутшеба, С. Очерк истории общественно-государственного строя Польши / С. Кутшеба ; пер. с польского и вступ. ст. Н.В. Ястребова. – СПб. : Изд-во А.С. Суворина, 1907. – 231 с.
3. Носов, Б.В. Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756 – 1768 гг. / Отв. ред. В.К. Волков. – М. : Индрик, 2004. – 728 с.
4. Сагановіч, Г. Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII ст. / Г. Сагановіч. — Минск : Энцыклапедыкс, 2001. — 412 с.
5. Aleksander Czaja Lata wielkich nadziei: walka o reformę państwa polskiego w drugiej połowie XVIII w / A. Czaja. - Książka i Wiedza, 1992. – 282 l.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

И.В. Вегера,

*декан юридического факультета, Полоцкий государственный университет,
кандидат юридических наук, доцент*

С момента принятия Конституции суверенной Беларуси прошло более 20 лет, что представляет собой немалый срок в условиях высоких скоростей развития общества, трансформации и появления новых общественных отношений.

Конституция уже не ограничивается лишь утверждением сложившихся отношений, ее сущность шире – своими нормами она даёт основу для возникновения новых, не существовавших ранее, общественных отношений, а также программирует развитие на будущее. С учетом сущности и функций Основного закона все большее значение приобретает не только актуальность конституционных норм, их адекватность уровню развития общества, но и прогрессивный характер правового регулирования, включенность в систему международно-правовых принципов и норм.

Данные свойства могут быть обеспечены разными способами, в том числе и путем интерпретации конституционно-правовых норм, которая носит такой же постоянный характер, как и само действие Конституции.

Ключевым в процессе такой интерпретации выступает институт конституционных прав и свобод человека, который уже пережил не одно «поколение» своего развития и продолжает обновляться с учетом высокой скорости общественных трансформаций.

Интерпретация конституционных прав и свобод является процессом непрерывным и многосубъектным. Тем важнее становится установление единых подходов, принципов, правил, позволяющих обеспечить объективность толкования конституционных норм о правах и свободах при сохранении их сущности и назначения, избежать при этом чрезмерно вольного либо наоборот слишком узкого подхода в процессе интерпретации.

Особый характер конституционных прав и свобод, а также конституционные принципы во главе с принципом верховенства права, должны предопределять подходы и пределы толкования соответствующих норм права.

Отправной точкой в данном процессе должно стать следование общепризнанным принципам международного права и национальным конституционным принципам как ориентирам в ценностно-нормативной системе права. Интерпретация конституционных прав и свобод, соответственно, должна осуществляться исходя из всех элементов, содержательно наполняющих принцип верховенства права: высшей ценности человека и его прав, равенства перед законом, верховенства конституции и ее прямого действия, приоритета общепризнанных принципов международного права, демократизма, народного суверенитета и др.

При этом важно сохранять и отталкиваться от общепризнанных и традиционных для белорусского общества ценностей и целей.

Рассматривая ценностно-нормативную основу Конституции, важно обратиться в первую очередь к ее Преамбуле, которую следует интерпретировать с точки зрения принципа верховенства права. В ней содержатся не что иное как социальные нормы-ценности, которые в силу своей особой значимости безусловно должны быть признаны правовыми и обеспеченными защитой государства. Более того, если Конституция – это основа всей системы правовых ценностей и правил страны, то Преамбула – это отправная «точка отсчета» и одновременно стратегическая цель развития государства. В ее тексте заложены важнейшие конституционные нормы-цели (стремление утвердить права и свободы каждого гражданина, желание обеспечить гражданское согласие, незыблемые устои народовластия и правового государства), нормы-принципы (ответственность за настоящее и будущее Беларуси, приверженность общечеловеческим ценностям).

Развитие института прав человека в Республике Беларусь, в том числе и процесс их интерпретации происходит в неразрывном единстве с развитием международного и национального права. Перечень и содержание конституционных прав, закрепленных в Основном Законе Беларуси, обусловлены восприятием нашей страной концепции прав человека, признанной международным сообществом в рамках ООН. Большинство прав сформулировано в Конституции подобно тому, как это сделано во Всеобщей декларации прав человека и Международных пактах, которые также ратифицированы белорусским государством.

Признание Республикой Беларусь приоритета общепризнанных принципов международного права, а также участие страны во многих фундаментальных международных актах в области прав человека обуславливает необходимость рассмотрения прав и свобод, не закрепленных в Конституции, но предусмотренных в обязательных для Беларуси международных правовых актах, также в качестве конституционных. В статье 21 Основного Закона установлена обязанность государства гарантировать права и свободы граждан Беларуси, не только закрепленные в Конституции и законах, но и предусмотренные международными обязательствами страны.

Так, наравне с другими конституционными правами защитой со стороны государства должны пользоваться права, предусмотренные, к примеру, в Конвенции о правах инвалидов (принята в 2006 г., ратифицирована Республикой Беларусь в 2016 г.): самостоятельный образ жизни и вовлеченность в местное сообщество; индивидуальная мобильность; уважение дома и семьи; защита личной целостности.

Закрепленные в Международном пакте о гражданских и политических правах запреты также следует включать в блок конституционных прав и свобод в качестве негативно сформулированных прав-гарантий: никто не должен содержаться в рабстве; рабство и работорговля запрещаются во всех их видах; никто не должен содержаться в подневольном состоянии; никто не может подвергаться насильственному исчезновению и т.д.

В условиях дальнейшей актуализации института конституционных прав и свобод представляется важным своевременное рассмотрение вопросов о присоединении к основным международным договорам в области прав человека, участницей которых Республика Беларусь в настоящее время не является; о возможности присоединения к конвенциям Совета Европы, представляющим интерес для Республики Беларусь.

Поскольку обеспечение и реализация прав и свобод напрямую связаны с универсальной обязанностью государства их соблюдать и защищать, актуальными для конституционно-правовой науки становятся вопросы, касающиеся различных аспектов института конституционных обязанностей государства, его правового регулирования и реализации.

Конституционные обязанности и ответственность всех субъектов должны интерпретироваться как неотъемлемый элемент, обратная сторона единой цели – развития правового государства. Вопрос о том, насколько полноценен институт конституционных обязанностей государства, напрямую зависит от степени развития, правовой регламентации и реализации важнейших институтов – прав человека и конституционно-правовой ответственности.

Отправной точкой в определении системы конституционных обязанностей государства является институт конституционных принципов. Принципы правового социального демократического государства, приоритета и защиты прав человека, верховенства права – основа формирования института конституционных обязанностей государства. Сам факт провозглашения государства в качестве правового и социального ставит в качестве обязательного условия наличие у него обязанностей, закрепленных на конституционно-правовом уровне. Основой взаимных прав и обязанностей является и заложенный в Конституции принцип взаимной ответственности государства и гражданина, социальной солидарности, солидарного развития гражданина и государства, человека и общества.

Гарантийный механизм обеспечения и защиты конституционных прав и свобод как неотъемлемый элемент данного института также должен подвергаться постоянному совершенствованию. Современная интерпретация конституционных норм-гарантий должна формировать стратегию расширения государственно-общественного партнерства в области прав человека; дальнейшего развития всех известных, а также поиска и создания новых форм защиты прав в Республике Беларусь; наращивания потенциала государственных учреждений в области прав человека (в том числе путем расширения компетенции отдельных органов); совершенствования и принятия новых нормативных правовых актов, направленных на реализацию конституционных прав и свобод.

Таким образом, интерпретация прав и свобод в рамках современной конституционной модели должна исходить из принципа верховенства права и исходящих из него иных конституционных принципов, своевременно учитывать и отражать международные подходы в области прав человека, всесторонний характер взаимосвязей «личность-общество-государство» во всех их измерениях, их взаимообусловленность, необходимость обеспечения баланса интересов при безусловном приоритете и высшей ценности человека, его прав и свобод.

МЕСТО ПРАВА НА СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

И.Н. Кирякова,

доцент кафедры теории и истории государства и права, Полоцкий государственный университет, кандидат юридических наук, доцент.

Система социально-экономических прав включает в себя группу прав, которые обеспечивают материальную основу жизнедеятельности человека и поддержку со стороны государства. Их взаимосвязь обусловлена тесными взаимоотношениями, возникающими в процессе жизнедеятельности общества в рамках социальной и экономической сферы.

В статье 47 Конституции Республики Беларусь гарантируется право на социальное обеспечение, в статье 45 – право на охрану здоровья, а в статье 48 закреплено право на жилище [1]. Перечисленные права, например, Н.В. Путилов относит к социальным [2, с. 215-239]. Однако единого подхода в науке конституционное право не существует.

В узком понимании в понятие «право на социальное обеспечение» включают предоставление пенсий, пособий, социальных услуг и иных материальных благ. Данный вывод подтверждает позиция И.В. Гущина, который рассматривает социальное обеспечение «как важнейшее направление в деятельности белорусского государства по правовому регулированию отношений, возникающих в сфере создания фондов для целей социального обеспечения и их распределения среди престарелых граждан и сирот, инвалидов и других категорий граждан при предоставлении им в порядке социальной алиментации пенсий, пособий, услуг, льгот и натуральных видов социального обеспечения» [3, с. 13-14].

Однако на практике понятие «право на социальное обеспечение» представляет собой собирательное понятие, которое включает в себя право на получение социально-экономических благ как в денежной, так и натуральной форме. В ряде случаев право на социальное обеспечение представляет собой механизма реализации социально-экономических прав. Например, при предоставлении субсидий на оплату жилищно-коммунальных услуг, субсидий на приобретение жилья реализуется в определенном объеме право жилище.

Таким образом, право социального обеспечения как собирательное понятие обеспечивает реализацию ряда социально-экономических прав. В системе социально-экономических прав социальный компонент доминирует над экономическим.

Однако при таком подходе к понятию права социального обеспечения возникает вопрос о возможности рассмотрения данного понятия в качестве отраслевого, относящегося к праву социального обеспечения. Может ли понятие «право социального обеспечения» включать при этом право на получение платных социальных услуг и услуг, которые предоставляются на основе добровольного пенсионного страхования? Существуют различные позиции в отношении

поставленного вопроса. Одни авторы отмечают, что поскольку социальная услуга осуществляется на безвозмездной основе, то она не является объектом договора возмездного оказания услуг [4, с. 39]. Другие авторы указывают на то, что возмездное оказание услуг является предметом гражданско-правового регулирования [5, с. 39]. Третьи авторы считают, что оказание социальных услуг в отношении лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, должно регулироваться нормами гражданского права вне зависимости от условий ее оказания [6, с. 20].

Указанные подходы ученых позволяют сделать вывод о том, что из-за дублирования авторами отдельных особенностей социальных услуг (1. вне зависимости от условий их оказания; 2. в отношении лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации) они могут оказываться и в рамках гражданского права, и права социального обеспечения.

Данный вывод подтверждает и позиция Чельшева М.Ю., который отмечает, что гражданское право взаимодействует со многими отраслями, а также существуют отношения, носящий межотраслевой характер, в том числе во взаимосвязи с правом социального обеспечения [7, с. 6].

Т. К. Миронова предлагает рассматривать отношения по оказанию возмездных социальных услуг как сопутствующие связанные с отношениями по социальному обеспечению, то есть имеющие промежуточное положение [8, с. 33-36].

Решение указанной выше проблемы видится автором в необходимости совершенствования правового регулирования отношений, которые включаются в понятие «право на социальное обеспечение». Поскольку отношения, которые включает понятие «право на социальное обеспечение», регулируются нормами различных отраслей права видится возможным преобразование в Республике Беларусь отрасли «право социального обеспечения» в комплексную отрасль «социальное право» как отрасль, которая регулирует осуществление социальной защиты населения. Совокупность понятий «социальная защита» и «социальное обеспечение» включает в себя весь комплекс мер по реализации социальной политики государства, направленной на обеспечение поддержки тех групп населения, которые находятся в особо тяжелом материальном положении.

Отрасль социальное право в отличие от права социального обеспечения не должно ограничиваться простым распределением материальных благ и сводиться только к финансированию как форме господдержки. Социальное право должно включать более широкий комплекс мер и методов государственной защиты со стороны государства. В связи с этим социальное право будет тесно взаимодействовать с другими отраслями права – гражданским, трудовым, семейным, жилищным, конституционным, экологическим.

Становление социального права как самостоятельной отрасли права должно происходить одновременно с процессом упорядочения законодательства, которое в настоящее время регулирует отношения, которые охватываются понятием «социальное право». И в данном аспекте могут возникнуть проблемы, так как в настоящее время столь многогранный спектр отношений, охватываемых понятием «социальное право», регулируется нормами многих отраслей права. Сможет ли отрасль социальное право урегулировать своими нормами всю си-

стему отношений, входящих в ее предмет, так, чтобы не осталось положений, регулируемых нормами других отраслей? Вторая отрицательная сторона процесса формирования новой отрасли права – качество регулирования отношений, которые будут регулироваться нормами разноотраслевого характера.

Е.М. Андреева отмечает, что в настоящее время существует два подхода к рассмотрению содержания отрасли социальное право: широкий – когда к данной отрасли относят трудовое, гражданское и другие отрасли права; узкий – когда социальное право рассматривается как право социальной защиты и ее предмет схож с отраслью право социального обеспечения с реформированием последней в социальное право [9, с. 23-24]. Но в каком объеме оно должно формироваться он не указывает.

Большинство авторов в основу определения предмета регулирования отрасли социальное право закладывают понятие «социальной защиты (И.А. Ледях [10, с. 25], М.И. Фетюхин [11, с. 72]).

Г.А. Коробов считает, что что система социально-экономических прав может быть отнесена к возникающей во второй половине XX века отрасли права – отрасли социального права [12, с. 82].

Таким образом, право на социальное обеспечение следует относить к социальному праву в системе социально-экономических прав. Это обусловлено самой природой данного права, так как связано с отдельными социальными группами. Объединённые одной целью – обеспечением материальной основы жизнедеятельности человека и поддержки со стороны государства, вся совокупность социально-экономических прав находятся в тесной взаимосвязи. В ряде случаев право на социальное обеспечение представляет собой механизм реализации иных социально-экономических прав. Но в системе социально-экономических прав социальный компонент доминирует над экономическим.

Развитие содержания понятия «право на социальное обеспечение» свидетельствует о новой тенденции развития самой отрасли право социального обеспечения, требующей совершенствования законодательства и понятийного аппарата данной отрасли. Проведенный анализ свидетельствует о наличии предпосылок для преобразования отрасли право социального обеспечения в отрасль социального права. Однако в настоящее время такая реформа требует более детального анализа предмета регулирования указанных отраслей, а также обоснования ее необходимости и целесообразности.

Список использованных источников:

1. Конституция Республики Беларусь: [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь 15.03.1994 г. № 2875-ХІІ с изм. от 24 ноября 1996 г. и 17.11.2004 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь – Режим доступа: <http://www.pravo.by>.

2. Путило, Н.В. Социальные права граждан: история и современность. / Н.В. Путило – М.: Юриспруденция, 2007. – 279 с.

3. Гуцин, И.В. Право социального обеспечения / И.В. Гуцин – Минск: «Амалфея», 2002 – 289 с.

4. Шаблова, Е.Г. Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Е.Г. Шаблова – Екатеринбург, 2002. – С. 42.
5. Барков, А.В. Договоры об оказании социальных услуг в российском гражданском праве / А.В. Барков // Российская юстиция. – 2008. – № 10. – С. 20–22.
6. Барков, А.В. Гражданско-правовая модель рынка социальных услуг / А.В. Барков // Юридический мир. – 2007. – № 11. – С. 48-50.
7. Чельшев, М.Ю. О некоторых тенденциях развития гражданско- правовой отрасли и динамике системы межотраслевых связей гражданского права / М. Ю. Чельшев // Росс. юстиция. – 2008. – № 11. – С. 6-8.
8. Миронова, Т. К. Право на социальное обеспечение в системе социально-экономических прав / Т. К. Миронова // Право и государство: теория и практика – 2010. – № 3 – С. 33-36.
9. Андреева, Е.М. Социальная функция государства (конституционно-правовой аспект) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Е.М. Андреева. – М., 1998. – 32 с.
10. Ледах, И.А. Социальное государство и права человека (из опыта западных стран) / И.А. Ледах // В кн.: Социальное государство и защита прав человека – М., 1994. – 258 с.
11. Фетюхин, М.И. Социальное право. Курс лекций // М.И. Фетюхин. – Волгоград, 1998. – 100 с.
12. Миронова, Т.К. Право социального обеспечения и социальное право / Т.К. Миронова // Трудовое право. – 2006. – № 12. – С. 82-85.

**ПРАВОВОЙ СТАТУС ЕСТЕСТВЕННЫХ МОНОПОЛИЙ
В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА (ЕАЭС))**

А.С. Нуждина,

ассистент кафедры теории и истории государства и права, Полоцкий государственный университет

Развитие и формирование региональных экономических союзов, несомненно, играют важную роль, как в мировой экономике, так и в экономике государств-членов таких союзов. 1 января 2015 года вступил в силу Договор о создании Евразийского экономического союза (далее – Договор о ЕАЭС) [1].

Главной целью создания ЕАЭС является повышение уровня национальных экономик государств-членов, что является гарантией высокого уровня жизни населения данных стран. В свою очередь топливно-энергетический комплекс является фундаментом экономик стран Евразийского экономического союза.

Несмотря на большое внимание мирового сообщества к возобновляемым источникам энергии, все же приоритетную позицию в ЕАЭС занимают ископаемые виды топлива и электроэнергетика. Перед данной международной организацией возникает необходимость формирования общих рынков электроэнергетики, газа, нефти и нефтепродуктов, даты которых запланированы на 2019–2025 гг. [1].

Следует отметить, что энергетические рынки государств-членов ЕАЭС, на сегодняшний день, монополизированы. Нельзя не признать тот факт, что естественные монополии, возникают там, где осуществляется добыча, контроль над определённым месторождением полезного ископаемого-зачастую конкретного вида энергетического ресурса.

В соответствии с п.2.Приложения 20 к Договору о создании Евразийского экономического союза (далее-Договор о ЕАЭС) под «естественной монополией» понимается состояние рынка услуг, при котором создание конкурентных условий для удовлетворения спроса на определенный вид услуг невозможно или экономически нецелесообразно в силу технологических особенностей производства и предоставления данного вида услуг [1].

Перейдем к рассмотрению правового регулирования сферы энергетики государств-членов ЕАЭС.

Правовую базу составляют:

- ст.78,81,83,84 Договора о ЕАЭС и Приложения №20-23 к нему;
- Концепция формирования общего электроэнергетического рынка ЕАЭС, утвержденная Решением Высшего Евразийского экономического совета от 8 мая 2015 г.№12;
- Концепция формирования общего рынка газа ЕАЭС, утвержденная Решением Высшего Евразийского экономического совета от 31 мая 2016 г.№ 7;

- Концепция формирования общего рынка нефти и нефтепродуктов ЕАЭС, утвержденная Решением Высшего Евразийского экономического совета от 31 мая 2016 г. №8;

Институт естественных монополий в процессе их взаимодействия в значительной степени зависит от национального законодательства государств-членов ЕАЭС. Система законодательства государств-членов о естественных монополиях включает в себя такие законодательные акты, как например:

- Закон Республики Беларусь "О естественных монополиях" от 16 декабря 2002 г. N 162-3;

- Федеральный закон "О естественных монополиях" от 17 августа 1995 г. N 147-ФЗ;

- Закон Республики Казахстан "О естественных монополиях и регулируемых рынках" от 9 июля 1998 г. N 272.

Рассматривая национальное законодательство государств-членов ЕАЭС, следует отметить, что государства - члены устанавливают в своем законодательстве правила регулирования, обеспечивающие доступ к услугам субъектов естественных монополий, и обеспечивают контроль над их соблюдением.

Основываясь на формальном подходе, при рассмотрении Договора о ЕАЭС и в частности Раздела XX, мы можем сделать вывод о том, что существуют следующие субъекты естественных монополий в ЕАЭС в сфере энергетики:

- субъекты естественных монополий в сфере электроэнергетики;
- субъекты естественных монополий в сфере транспортировки газа;
- субъекты естественных монополий в сфере транспортировки нефти и нефтепродуктов.

Изучив Раздел XX Договора о ЕАЭС, мы предлагаем классификацию естественных монополий в сфере энергетики, где критерием классификации является способ доставки (передачи) энергоресурсов:

- осуществление одним естественным монополистом доставки (передачи) энергоресурсов (передача электроэнергии);

- осуществление доставки (передачи) энергоресурсов естественным монополистом посредством привлечения еще одного (или нескольких) естественных монополистов (например, поставка нефти танкерами или поставка антрацита посредством железнодорожной перевозки на договорных условиях).

Субъекты естественных монополий занимаются такими видами деятельности, которые являются трудоемкими, в связи, с чем повторять и создавать их другими фирмами нецелесообразно с экономической точки зрения или технически невозможно. Именно поэтому в энергетической отрасли существует чаще всего единственное национальное предприятие (или крайне ограниченное их количество), что является причиной их монопольного положения на рынке.

Процесс создания и деятельности ЕАЭС связан с необходимостью преодоления коллизий, вероятность которых достаточно высока в сфере отношений, связанных с производством и передачей энергетических ресурсов, а также их потреблением [5, с. 178].

На основании изложенного, мы хотим отметить, что в ЕАЭС поэтапно реализуется один из фундаментальных проектов - процесс формирования общих энергетических рынков.

Поставленные цели достигаются путем гармонизации законодательства государств-членов ЕАЭС, устранение недостатков и барьеров в нём. Национальное законодательство, государства-члены ЕАЭС приводят в соответствие с принципами и целями Договора о ЕАЭС. Многие проекты и мероприятия, проводимые в целях создания общих энергетических рынков, требуют временного ресурса и финансовых затрат.

Несомненно, совершенствование законодательства внутри государств-членов приобретает значение в дальнейшем, предупреждает возникновение противоречий между внутригосударственным законодательством и международными актами, способствует успешному функционированию интеграционного объединения.

Список использованных источников:

1. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // Евразийский Экономический Союз. - 2017. - Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/#info>. - Дата доступа: 10.06.2017.

2. Концепция формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] / Высш. Евраз. экон. совет // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Концепция формирования общего рынка газа Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] / Высш. Евраз. экон. совет // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. Концепция формирования общего рынка нефти и нефтепродуктов Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] / Высш. Евраз. экон. совет // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Богоненко, В.А. Национальный элемент права международных договоров в сфере энергетики: на примере государств-членов Евразийского экономического союза (прелиминарные положения) / В.А. Богоненко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2016. – № 5. – С. 175–179.

**ПОЛЬСКІ КААПЕРАТЫЎНЫ ЗАКОН 1920 Г. І ЯГО ЎПЛЫЎ
НА РАЗВІЦЦЁ ЗАХАДНЕБЕЛАРУСКАГА КААПЕРАТЫЎНАГА РУХУ**

А.Л. Радзюк,

дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права, кандыдат гістарычных навук

Кааперацыя была адметнай з’явай у гаспадарчым жыцці Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд. Акрамя эканамічнай дзейнасці, кааператывы праводзілі актыўную культурную працу, накіраваную на захаванне і пашырэнне нацыянальнай свядомасці беларускага насельніцтва.

Развіцце беларускага заходнебеларускага руха адбывалася на падставе польскага закону аб кааператывах, які быў прыняты Сеймам 29 кастрычніка 1920 г. (далей – закон) Паводле меркаванняў некаторых даследчыкаў, дадзены заканадаўчы акт быў адным з самых прагрэсіўных у сферы прававой рэгламентацыі кааперацыі ў тагачасным свеце [1, s. 62].

У законе падавалася вызначэнне тэрміна “кааператыў” і фармуляваліся агульныя прынцыпы кааперацыі. Характэрнай рысай была тое, што кааператывам давалася магчымасць правядзення працы з мэтай павышэння “культурнага ўзроўню” членаў [2]. Гэта спрыяла актывізацыі адукацыйнай і культурнай дзейнасці сярод прадстаўнікам кааператыўнага руху нацыянальных меншасцяў.

Працэдура заснавання і рэгістрацыі кааператыву, у параўнанні з кааператыўным заканадаўствам Расійскай імперыі, была нескладанай. Для гэтага трэба было падаць у акружны суд статут, дзе агаворваліся асноўныя арганізацыйныя прынцыпы і гаспадарчыя мэты таварыства. Пасля разгляду статуту судом і Міністэрствам фінансаў кааператыў на працягу 2 месяцаў рэгістраваўся і мог распачынаць гаспадарчую дзейнасць. Закон дэталізаваў умовы членства ў кааператывах, рэгламентаваў правядзенне рэвізій і дзейнасць рэвізійных саюзаў. Таксама былі вызначаны органы кааператываў і акрэслены іх функцыі [3, s. 25-26].

Асобная роля належыла Кааператыўнай радзе (далей – Рада). Яна была створана 14 снежня 1920 г. пастановай Міністэрстваў фінансаў і Міністэрства юстыцыі Польшчы і выконвала функцыю своеасаблівага злучніка паміж урадам і кааперацыяй [4, s. 30]. Для беларускага кааператыўнага руху роля гэтай інстытуцыі была надзвычай высокай. Калі ў саюзных кааператывах канчатковыя гадзінныя рэвізіі праводзіліся адпаведным рэвізійным саюзам, то ў незалежных кааператывах (большасць беларускіх гаспадарчых арганізацый належалі менавіта да гэтай групы) гэта функцыя адводзілася Радзе. Паводле арт. 117 закону 1920 г. Рада магла распачаць працэдуру ліквідацыі кааператыва, ці саюзу кааператываў [5, s. 37]. Акрамя таго незалежныя (“дзікія”) кааператывы павінны былі: 1) штогод прысылаць справаздачы агульных сходаў і пасяджэнняў нагляднай рады; 2) плаціць грошы за правядзенне канчатковай рэвізіі (раз у два гады);

3) кожны год абвясчаць свой баланс у прэсе; 4). плаціць грошы за апрацоўку балансаў [6, л. 16].

Характэрна, што кансерватыўныя колы польскага кааператыўнага руху абвінавачвалі закон у празмерным грамадскім радыкалізме і дэмакратызме [3, s. 31]. Менавіта яны ініцыявалі кампанію за рэфармаванне кааператыўнага заканадаўства ў прэсе. Іх галоўныя патрабаванні можна звесці да наступных пунктаў: 1) павышэнне ролі дзяржавы ў кіраўніцтве; 2) ліквідацыя кааператыўнай рады; 3) няроўнасць галасоў для сяброў усіх кааператываў; 4) павышэнне ролі акруговых судоў у адносінах да кааперацыі. На базе гэтых прэтэнзій у 1925 г. быў падрыхтаваны альтэрнатыўны праект закона аб кааперацыі [7, s. 56]. У рэшце рэшт на пачатку 1930-х гг. нападкі з боку санацыйнага рэжыму і буйнога прыватнага капіталу прывялі да рэфармавання ўсёй кааператыўнай сістэмы.

У 1934 г. былі прыняты змены у кааператыўны закон, згодна з якімі ўся тэрыторыя тагачаснай Польшчы была падзелена на акругі, дзе маглі дзейнічаць толькі буйныя рэвізійныя саюзы [8]. Для беларускіх кааператываў дадзенае палажэнне пакідала толькі два варыянты магчымай дзейнасці: 1) у межах польскіх рэвізійных саюзаў, што фактычна азначала інкарпарацыю ў польскую кааператыўную сістэму; 2) заставацца “дзікімі”, г. зн. не ўваходзіць у рэвізійныя саюзы і плаціць вялізныя падаткі. Таксама закон прадугледжваў павышэнне ролі мясцовай адміністрацыі пры рэгістрацыі кааператыва. Тая, у сваю чаргу, з вялікай неахвотай дазваляла заснаваць беларускі кааператыў [8; 9, л. 3].

Пазней былі абмежаваны паўнамоцтвы Рады. Яе новая роля і стаўленне да “дзікай” кааперацыі былі акрэслены на III канферэнцыі рэвізораў Кааператыўнай рады 2-3 верасня 1935 г. Адзін з кіраўнікоў рады Т. Клапкоўскі паміж іншага адзначыў: “Рада больш не жадае быць сурагатам рэвізійнага саюзу для “дзікіх” кааператываў, таму ўся ўвага Бюро (кіраўніцтва рады – А.Р.) будзе скіравана на тое, каб весці развіцця кааператывы да ўступлення ў рэвізійныя саюзы, а неразвітыя кааператывы і псеўда-кааператывы ліквідаваць” [9, л. 5].

Такім чынам, у міжваеннае дваццацігоддзе заканадаўчая база дзейнасці беларускіх кааператываў у Польшчы перажыла пэўную эвалюцыю. Польскі закон аб кааператывах ад 29 кастрычніка 1920 г. у цэлым насіў дэмакратычны характар і даваў шырокія магчымасці для развіцця кааперацыі. Аднак, ён распаўсюджваўся на беларускі кааператыўны рух праз мясцовую адміністрацыю, якая парушала яго прынцыпы і часта не дазваляла адкрываць кааператывы па палітычных матывах. Абноўлены пры санацыйным рэжыме закон аб кааператывах быў пазбаўлены ранейшых прынцыпаў дэмакратычнасці і адкрытасці, узмацняў кантроль дзяржавы над кааператыўнымі таварыствамі. Галоўным вынікам заканадаўчых змен для кааператараў Заходняй Беларусі стала немагчымасць існавання без прыналежнасці да якога-небудзь рэвізійнага саюзу. А так як уласнага саюзу ў беларускіх кааператараў не было, гэта азначала паступовае ўключэнне ў польскую кааператыўную сістэму.

Спис використаних крыніц:

1. Piechowski, A. Wkład spółdzielczości w odzyskanie niepodległości / A. Piechowski // Spółdzielczość w budowie społeczeństwa obywatelskiego. – historia i współczesność. – Warszawa : Muzeum Niepodległości, 2013. – S. 49–62.
2. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. —111. — Poz. 733. — Ustawa z dnia 29 października 1920 r. O spółdzielniach.
3. Rusiński, W. Zarys historii polskiego ruchu spółdzielczego (część II 1918-1939) / W. Rusiński. – Warszawa: Zakład wydawnictw CZSR, 1980. — 355 s.
4. Chyra-Rolicz, Z. Z tradycji polskiej spółdzielczości II Rzeczypospolitej: idee, fakty, dokonania / Z. Chyra-Rolicz – Warszawa : Polski Dom Wydawniczy „Ławica”, 1992. — 102 s.
5. Wrzolek-Romańczuk, M. Model nadzoru nad spółdzielniami i ich lustracji / M. Wrzolek-Romańczuk // Kierunki zmian prawa spółdzielczego w Polsce –Warszawa: Kancelaria Senatu, 2014. – S. 35– 47.
6. Архіў новых актаў у Варшаве (АНА) Ф. 213. Кааператыўная рада (КР). – Адз. зах. 18384.
7. Kędziołek, F. Spółdzielczość w zaryse / F. Kędziołek. – Warszawa: Wyd. Spółdzielcze, 1988. — 157 s.
8. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. — №38. — Poz. 342. — Ustawa z dnia 13 marca 1934 r. w sprawie zmiany ustawy o spółdzielniach. – S. 635–641.
9. АНА. – Ф. 213. КР. – Адз. зах. 74

**АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ
КАК НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ ДЕМОКРАТИЗМА
В НОРМОТВОРЧЕСТВЕ**

П.В. Соловьёв,

*старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права,
Полоцкий государственный университет*

Демократизм – один из центральных принципов нормотворчества. Принцип демократизма закреплён в ст. 1 Конституции Республики Беларусь, где определено, что Республика Беларусь является демократическим государством. Указанное положение непосредственно развивается в иных статьях Конституции: единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ (ч.1 ст.3); народ осуществляет свою власть непосредственно, через представительные и иные органы в формах и пределах, определенных Конституцией (ч.2 ст.3); демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе многообразия политических институтов, идеологий и мнений (ч.1 ст.3) [2] и целый ряд других конституционно-правовых институтов, закреплённых в Основном Законе, и выступающих необходимыми составляющими демократического государства.

Закон «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» [5], закрепляя принципы нормотворчества, принцип демократизма не использует. Однако определяет, что нормотворческая деятельность осуществляется на принципе защиты прав и свобод, законных интересов граждан (абз.5 ст.7). Аналогичным образом проект закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» [8] к основным принципам нормотворческой деятельности относит принцип защиты прав, свобод и законных интересов граждан, юридических лиц, интересов общества и государства (абз.5 п.1 ст.6), при этом законодательно определяет его содержание: «нормотворческие органы (должностные лица) при планировании, подготовке, принятии (издании) и реализации нормативных правовых актов учитывают мнение населения республики и интересы его различных групп, политических партий, религиозных организаций и иных общественных объединений» (п.5 ст.6).

Конституционный Суд Республики Беларусь в своих правовых позициях категорию «демократия» использует лишь путем отсылки к ст.1 Конституции: Республика Беларусь – демократическое государство. При этом содержание данного понятия суд не раскрывает.

В юридической литературе посвящённой проблемам нормотворчества принцип демократизма обозначается, как изучение социальных интересов и возможности их выражения в сфере правотворчества, учёт общественной поддержки проектов правовых актов, широкое привлечение граждан к правотворческой деятельности, выражение в нормах права воли населения [6, с.402; 4, с.45].

Главное предназначение принципа демократизма – максимально полно выявить и отразить в праве социальный заказ по нормативному регулированию тех или иных общественных отношений.

Представляется более верным использование в Законе «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» термина «принцип демократизма», а не формул «принцип защиты прав», «учет мнения населения республики». Поскольку принцип демократизма не ограничивается лишь учетом мнения граждан. Ведь учесть мнение – это не то же самое, что принять позицию населения, учет мнения предполагает лишь корректировку окончательного решения с учетом мнения населения. Принцип демократизма, главным образом, предполагает воплощение в нормах права воли большей части народа с учётом прав интересов меньшинства.

Реализация указанного принципа состоит в широком использовании институтов народовластия: формирование населением представительных органов, наделенных нормотворческими полномочиями; общественное обсуждение проектов правовых актов; участие представителей общественности при разработке правовых актов; проведение референдумов – как высшее проявление демократизма нормотворчества.

Нормотворчество соответствует принципу демократизма, если оно осуществляется в рамках институтов прямого народовластия: реализация нормотворческих инициатив граждан, проведение референдумов по принятию, изменению, отмене нормативных актов. Однако это невозможно по вполне понятным объективным причинам: сложность ряда вопросов, подлежащих правовому регулированию; потребность в обладании специальными юридическими знаниями по осуществлению нормотворчества; необходимость осуществлять нормотворческую деятельность постоянно и ежедневно и др.

Прямая демократия может функционировать «продуктивно лишь в локально-территориальных пространствах (Афины – классический пример)» [9, с.136]. Поэтому главную роль в нормотворчестве занимают публичные органы, создаваемые для осуществления власти на постоянной и квалифицированной основе. И в данном случае вопрос демократизма нормотворчества становится одним целым с важнейшей конституционно-правовой проблемой – представительство.

Демократизм нормотворчества публичных органов власти напрямую зависит от форм и способов реализации представительства народа, т.е. от таких переменных представительной демократии, как модель органов власти, порядок их формирования, срок полномочий и возможность досрочного прекращения, взаимоотношения с народом и другими государственными органами [1, с.22]. Все иные элементы демократизма нормотворчества (институт нормотворческих инициатив граждан, публичное обсуждение проектов нормативных актов, альтернативность концепций и проектов нормативных актов) имеют второстепенное и зависимое значение от демократизма реализованной модели представительства.

Проблеме демократии посвящена не одна научная работа, и она выходит за предмет нашего исследования. Однако придание главенствующего положения

идеи представительства в реализации принципа демократизма не отменяет значения иных элементов демократизма нормотворчества: публичное обсуждение проектов нормативных актов, институт нормотворческих инициатив граждан, общественные советы при нормотворческих органах и др.

Поэтому рассмотрим такой элемент принципа демократизма в нормотворчестве, как альтернативность концепций и проектов нормативных актов, что позволит показать влияние института представительства на демократичность в нормотворчестве. Логично будет представить этот вопрос на примере законодательного процесса, поскольку именно законы играют центральную роль в регулировании общественных отношений.

В соответствии с ч.1 ст.99 Конституции, право законодательной инициативы принадлежит: Президенту, депутатам Палаты представителей, Совету Республики, Правительству, а также гражданам, обладающим избирательным правом, в количестве не менее 50 тысяч человек. Практика законодательного процесса в Республике Беларусь свидетельствует о том, что доминирующим субъектом права законодательной инициативы является Правительство, поскольку порядка 90% законопроектов направляется в Парламент Советом Министров. Президент вносит 8-10% проектов законов, как правило, по вопросам, затрагивающим систему высших органов государственной власти (например, Закон «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» 2000 г.) или касающихся экономики. На долю депутатов Палаты представителей, Совета Республики приходится не более 1-2% проектов законов [7, с.284].

Гражданами в Парламент не было внесено ни одного законопроекта, что является следствием, как низкой политической активности белорусского населения, так и ряда административных и юридических преград для этого, частью которых является Закон Республики Беларусь от 26 ноября 2003 г. № 248-З «О порядке реализации права законодательной инициативы гражданами Республики Беларусь» со своей усложненной процедурой: короткий срок в один месяц, предоставленный инициативной группе для сбора подписей граждан; предварительная подготовка законопроекта и проведение его экспертизы в Министерстве юстиции.

В силу этого законодательный процесс в Республике Беларусь имеет ограниченный круг разработчиков законопроектов – органы исполнительной власти (Правительство, министерства и государственные комитеты, подчиненные учреждения и организации). Отдельно в качестве разработчика проектов законов также следует выделить Национальный центр законодательства и правовых исследований, который является научно-практическим государственным учреждением, подчиненным Президенту, обеспечивающим подготовку проектов законодательных актов в Республике Беларусь. Законопроекты, разработанные данным государственным учреждением, вносятся в Парламент Правительством или Президентом.

Подобное положение дел с высокой долей законопроектов, разрабатываемых исполнительными органами, объяснимо, так как разработка современного закона требует значительных информационных, кадровых, организационных ре-

сурсов, которые у исполнительной власти есть. Ведущая роль органов исполнительной власти, в качестве разработчика законопроектов, типична для развитых демократических государств.

Однако складывается ситуация, при которой разработкой законопроектов занимаются исполнительные органы, которые, как показывает практика, склонны противопоставлять себя обществу и человеку, преследовать свои корпоративные и личные интересы, вплоть до организации авторитарных режимов. Ведь именно по этой причине существует концепция разделения властей, а в юридической доктрине исследуется проблема «согласования и противоборства интересов в праве» [10, с.92].

Велика вероятность, что при разработке законопроекта исполнительными органами, в сфере деятельности которых будет реализовываться закон, в случае коллизии прав, свобод человека и интереса системы государственной службы, предпочтение будет отдано последнему. Как собственно и вся концепция законопроекта будет строиться с позиций субъекта исполнительной власти (чрезмерная и детальная регламентация общественных отношений, превалирование разрешительной процедуры над заявительной, сохранение и расширение аппарата государственного управления и т.п.). Разумеется, на страже интересов личности и общества находится Парламент, рассматривающий и принимающий законы. Однако при превалировании законопроектов, разработанных органами исполнительной власти, их «мировоззрение» по правовому регулированию общественных отношений будет основой для всего массива нормативных актов.

Именно по этой причине видится необходимым развитие института альтернативных проектов нормативных актов, а не использования существующей системы запросов и консультаций исполнительных органов по отдельным вопросам разработки проектов. Поскольку только в таком случае удастся достигнуть многообразия концепций, а значит и вероятности выбора наиболее оптимальной модели правового регулирования, отражения интересов граждан в нормативных актах.

В этой связи представляется возможным нормативно установить обязанность нормотворческих органов при работе с наиболее важными и сложными вопросами правового регулирования инициировать разработку альтернативных проектов нормативных актов. Координатором такой деятельности может быть Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь. Подобные положения могут быть включены в Закон «О нормативных правовых актах Республики Беларусь».

Одним из действенных механизмов по обеспечению альтернативности проектов нормативных актов может быть учреждение системы специальных грантов. На получение которых могли бы претендовать общественные и научные организации, учреждения образования, временные научные коллективы, физические лица. При этом дополнительным механизмом стимулирования здесь могло бы стать правило выделения доли из средств, которые были сэкономлены за счет реализации положений альтернативного проекта. Подобное правило мог-

ло бы быть применимо к нормотворческим инициативам, воплощение которых можно было бы прямо связать с экономией государственных средств.

Список использованных источников:

1. Авакьян, С. А. Публичная власть и представительство: организационные, социальные и персоналистские начала (конституционно-правовой взгляд) / С. А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – №11. – С. 20–30.

2. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Курак, А. И. О понятиях «референдум», «народный опрос», «народное обсуждение», «народное голосование», «плебисцит» (теоретико-прикладные аспекты) / А.И. Курак // Право.by. – 2013. – № 5. – С. 45–50.

4. Нормография: теория и методология нормотворчества: научно-методическое и учебное пособие / Ю.Г. Арзамасов [и др.] ; под ред. Ю.Г. Арзамасова. – М. : Академический Проект, 2007. – 480 с.

5. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10 января 2000 г. № 361-З : в ред. от 7 июля 2009 г. № 31-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

6. Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах. / С. Н. Бабурин [и др.] ; под ред. М. Н. Марченко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2010. – Т. 2. – 816 с.

7. Пляхимович, И. И. Комментарий к Конституции Республики Беларусь : в 2 т. / И. И. Пляхимович. – Минск : Амалфея, 2015. – Т. 2. – 984 с.

8. Проект закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3941&p0=2016004024>. – Дата доступа: 10.04.2017.

9. Пугачев, А. Н. Представительные учреждения в конституционном процессе / А. Н. Пугачев // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2013. – № 14. – С. 136–145.

10. Тихомиров, Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика / Ю. А. Тихомиров. – М. : Формула права, 2008. – 400 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ КАК УЧАСТНИКИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

И.В. Шахновская,

*старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права,
Полоцкий государственный университет*

Конституция Республики Беларусь (далее – Конституция) содержит общую формулировку относительно прав социальных общностей. Так, согласно ч.1 ст.14 Конституции «государство регулирует отношения между социальными, национальными и другими общностями на основе принципов равенства перед законом, уважения их прав и интересов» [1].

В законодательстве зарубежных стран термин «социальная общность» в Конституциях, как правило, не употребляется. В Конституциях отдельных государств (Украина, Польша, Россия, Румыния и др.) используются термины «национальные общности» либо «меньшинства» (этнические, культурные, национальные). Понятие «социальная общность» не используется и в текстах основных международных документов, закрепляющие правовые стандарты для государств. Они указывают на равенство национальных общностей либо на защиту прав меньшинств. К примеру, ст.27 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [2] закрепляет такое положение: «В тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, использовать свою религию и исполнять свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком.» Не содержит упоминания о социальных общностях и Всеобщая декларация прав человека 1948 г. [3], Международный пакт о социальных, экономических и культурных правах 1966 г. [4]. В этом прослеживается своеобразие белорусской Конституции.

Конституция в ряде норм прямо признает отдельные социальные общности субъектами конституционно-правовых отношений. К примеру, таковыми признаются социальные группы (ч.2 ст.4), народ (ч.1 ст.3; ч.1 ст.9), национальные и иные общности (ч.1 ст.14; ст.15), молодежь (ч.6, ч.7 ст.32), трудящиеся (ч.8 ст. 13), женщины (ч.5 ст. 32) и др. В ряде конституций зарубежных стран расширяется перечень таких субъектов. Например, согласно ч.1 ст. 72 Конституции Португальской Республики «престарелые имеют право на материальную обеспеченность и на такие условия жизни, проживания в семье и местном сообществе, которые позволяли бы избегать и преодолевать изоляцию и социальную отверженность» [5]. В соответствии со ст. 76 Конституции Исландии «право самоуправления местных общин под контролем правительства устанавливается законом» [6].

Таким образом, в современный период к числу субъектов конституционно-правовых отношений, которых можно объединить под термином «социальная

общность», относятся социальные группы, слои населения (здесь возможно выделение по различным критериям), семья, местные сообщества и др.

Сущность социальных общностей как субъектов конституционно-правовых отношений, на наш взгляд, имеет в качестве своей социальной основы объединение отдельных лиц, а в некоторых случаях – реализацию конституционного права на объединение.

Отметим, что разработка проблем конституционного права на свободу объединения осуществляется, как правило, относительно вопросов создания и деятельности только общественных объединений (организаций). К примеру, по мнению О.А. Кожевникова, «право на объединение выражается в создании общественных, религиозных, предпринимательских и других объединений, что не исключает возможности деления в различных отраслях права с учетом предмета правового регулирования каждой отрасли, известных разновидностей объединений граждан, например, по целям деятельности (коммерческие, некоммерческие), критериями организации (добровольные, недобровольные) и др.» [7, с.19]. И.И. Пляхимович отмечает, что право на свободу объединений предполагает возможность создания организации, т.е. нового субъекта, именуемого общественным объединением. К таким объединениям он относит политические партии, религиозные объединения, объединения нанимателей, профсоюзы и иные общественные объединения [8, с.684].

На наш взгляд, понятие «право на свободу объединений» следует трактовать шире, включая в него возможность образования иных общностей людей. Так, профессор С.А. Авакьян считает, что право на объединение - основа организованного контакта граждан, в результате которого возникает их общность. Причем степень прочности контактов может быть различной [9, с.618]. Таким образом, в подходе С.А. Авакьяна речь идет как об отдельных общественных организациях, политических партиях, которые являются юридическими лицами, а также и о различных временных коллективах людей (избирательный корпус, инициативные группы).

Кроме этого, Н.А. Желтухова под реализацией права на объединение понимает создание различных общественных формирований, общностей. По мнению указанного автора, «общности - природно-культурные целостности, реализующие себя через деятельность индивидов, организаций. Общности отделяют себя от внешнего мира, полагают себя в нем, удовлетворяют собственные интересы единственно через активность составляющих их индивидов, организованных групп» [10, с.81]. Таким образом, из вышеприведенных подходов становится ясно, что право на объединение подразумевает образование различных общностей людей, которые могут существовать как в форме организаций, так и групп отдельных индивидов. Причем отметим, что в данном случае объединение может происходить исходя из двоякого смысла: а) при реализации права на объединение, т.е. в случае волеизъявления лиц (явка избирателей на выборы составляет такую социальную общность, как избирательный корпус); б) в силу естественного объединения, наличия у конкретной группы людей общих специ-

фических признаков, которые позволяют им выступать субъектами конституционно-правовых отношений (национальные общности).

Ранее нами был поставлен вопрос о сущности прав социальных общностей [11]. Необходимо определить, к какой группе прав (индивидуальных или коллективных) относятся права лиц, входящих в ту или иную общность. Существуют два подхода: а) коллективные права – это права, принадлежащие группам людей; б) коллективные права – это индивидуальные права, реализуемые в коллективе. По мнению американского ученого Б.Дж. Сингера, «коллективные права - это те права, которыми индивидуумы обладают в силу их коллективной принадлежности к какому-либо подсообществу» [12, с.78]. Е.Р. Зайцева придерживается другой точки зрения и в качестве примера коллективных прав (индивидуальных прав, реализуемых в коллективе) приводит право на петицию, на объединение, на митинг, шествие, демонстрацию [13, с.70].

Следовательно, в отношении прав социальных общностей выделяется два главных подхода: 1) права социальных общностей – формы реализации индивидуальных прав граждан; 2) права социальных общностей – права коллективов. В этой части отметим свою приверженность второму подходу, поскольку социальные общности как субъекты конституционно-правовых отношений представляют собой единый субъект, которому присущи свои права, обязанности, меры ответственности, предусмотренные законодательством. Сама сущность социальной общности основывается на духе коллективизма, сплоченности, объединения отдельных лиц. Следовательно, определенным конституционно-правовым статусом та или иная социальная общность наделяется в силу своей принадлежности к ней определенных лиц.

Список использованных источников:

1. Конституция Республики Беларусь 1994г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс] : [принят резолюцией 2200 А (XXI) Ген. Ассамблеи от 16 дек. 1966 г.] // Организация Объединенных Наций / Конвенции и соглашения. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. – Дата доступа: 20.06.2017.

3. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]: [принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года] // Организация Объединенных Наций / Конвенции и соглашения. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. – Дата доступа: 20.06.2017.

4. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [Электронный ресурс]: [принят резолюцией 2200 А (XXI) Ген. Ассамблеи от 16 дек. 1966 г.] // Организация Объединенных Наций / Конвенции и соглашения. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml. – Дата доступа: 20.06.2017.

5. Политическая Конституция Португальской Республики от 19 марта 1933 г. [Электронный ресурс] // Конституции государств (стран) мира / Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=1084>. – Дата доступа: 20.06.2017.

6. Конституция Республики Исландия от 17 июня 1944 г. (с изм. и доп. от 30 мая 1984 г., 31 мая 1991 г., 28 июня 1995 г. и 24 июня 1999 г.) [Электронный ресурс] // Конституции государств (стран) мира / Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=150>. – Дата доступа: 20.06.2017.

7. Кожевников, О.А. Конституционное право на объединение нуждается в многословном законодательном закреплении / О.А.Кожевников // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 3. – С. 18 – 20.

8. Пляхимович, И.И. Комментарий к Конституции Республики Беларусь: в 2-х т. Т.1 / И.И.Пляхимович. – Минск : Амалфея, 2015. – 1224с.

9. Авакьян, С.А. Конституционное право России : учеб. курс : в 2 т. / С.А. Авакьян. – М.: Юристъ, 2005. – Т1. – 719 с.

10. Желтухова, Н.А. Правогражданна территорияльное общественное самоуправление - естественное право человека / Н.А. Желтухова // Материалы международной научно-практической конференции «Социально-правовые гарантии прав и законных интересов граждан в Российской Федерации». – Оренбург, 2006. – С. 78–84.

11. Шахновская, И.В. О сущности конституционных прав социальных общностей / И.В.Шахновская // Актуальные проблемы современного публичного и частного права : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9 апр. 2015 г. // «Экоперспектива», Минск, 2015. – С. 37–38.

12. Сингер, Б.Дж. Демографическое решение проблемы этнического многообразия / Б.Дж. Сингер // Вопросы философии. – 1994. – № 6. – С. 78–94.

13. Зайцева, Е.Р. Коллективные формы реализации и защиты основных прав и свобод граждан : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Е.Р. Зайцева. – М., 1993. – 170 с.

ПАРЛАМЕНТСКИЕ СЛУШАНИЯ КАК ФОРМА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРЛАМЕНТА

Д.В. Щербик,

заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Полоцкий государственный университет, кандидат юридических наук, доцент

Кризис современного парламентаризма [1, с. 288, 289], который проявляется как в уменьшении нормотворческой активности парламентов [2, с. 230], в росте политического абсентеизма на выборах в парламенты различных государств [3, с. 132], так и в падении уровня доверия национальным парламентам [4], обуславливает необходимость поиска путей по актуализации и повышению эффективности деятельности столь значимого в прошлые столетия высшего представительного органа.

Основные проблемы, осмысленные еще К.Шмиттом к настоящему времени только усугубляются: утрата исключительной демократической легитимности, которая теперь фактически лежит в основе деятельности всех органов государственной власти, в особенности выборного президента [5, с. 353]; утрата прозрачности принятия решений в парламенте в связи с развитием партийной демократии и дорогостоящих медийных политических PR-технологий, требующих взаимодействия партий и финансовых олигархических групп [5, с. 500-501]; расширение функций государства, сфер нормотворческого регулирования, что в условиях нестабильности приводит к превалированию собственного нормотворчества глав государств и правительства над парламентским законотворчеством, а равно к повышению их активности в законодательном процессе [6, с. 216].

Кризис парламентаризма порождает дополнительную проблему, особенно актуальную благодаря развитию информационных технологий, заключающуюся в росте популярности антисистемных форм непосредственной демократии в виде акций прямого действия, участники которых фактически выражают недоверие представительным органам власти (Occupy Wall Street, Black Lives Matter, Unite the Right rally и др. в США, акции зеленых, антиэмигрантского движения PEGIDA и др. в ФРГ, методики «цветных» революций и др.).

Решение проблем современного парламентаризма видится в развитии, а в ряде стран в восстановлении контрольных полномочий парламента, а также в активном привлечении к парламентской деятельности представителей общественности. Одной из форм деятельности парламентов, которая сочетает в себе и тесную взаимосвязь с обществом и избирателями, а равно обеспечивает реализацию парламентом своеобразной формы общественного контроля, является парламентское слушание.

В научной литературе существуют различные подходы к определению парламентских слушаний, в рамках которых одни авторы рассматривают их как «форму обсуждения» в парламенте значимых вопросов, а другие как «форму деятельности» парламента [7, с. 72]. Последняя формулировка представляется более удачной, т.к. в данном случае появляется возможность четко отграничить

слушания от иных форм деятельности парламента, напр. заседаний. Удачное определение слушаний предлагает Л.Ю.Свистунова: парламентские слушания – это самостоятельная организационно-правовая форма деятельности законодательного (представительного) органа, состоящая в публичном и профессиональном обсуждении общественно и государственно-значимых вопросов, входящих в компетенцию органа, с привлечением экспертов и представителей иных ветвей власти, с целью выработки единых рекомендаций для последующего формирования объективной позиции депутатов по обсуждаемому вопросу [7, с. 72-73].

Белорусский законодатель следует данному подходу. Так, в соответствии со ст.80 Закона Республики Беларусь «О Национальном собрании Республики Беларусь» парламентские слушания – это «форма деятельности палат Национального собрания, состоящая в заслушивании сообщений и мнений депутатов Палаты представителей, членов Совета Республики, представителей государственных органов и общественных объединений, экспертов и специалистов по конкретной проблеме или вопросу, относящимся к компетенции палат Национального собрания» [8]. Данная норма дублируется в регламентах палат.

В отличие от Республики Беларусь федеральное законодательство Российской Федерации, регулируя порядок их проведения, не содержит определения парламентских слушаний, аналогичная ситуация сложилась и в законодательстве Украины. Так, ч.3 ст.101 Конституции РФ устанавливает, что «Совет Федерации и Государственная Дума ... проводят по вопросам своего ведения парламентские слушания» [9]. Более расширенной является формулировка ст.233 Закона «Про Регламент Верховной Рады Украины»: «Парламентські слухання у Верховній Раді проводяться з метою вивчення питань, що становлять суспільний інтерес та потребують законодавчого врегулювання» [10].

Указание на необходимость «изучения вопросов..» представляется удачным, т.к. оно фактически указывает на основную цель слушаний – информирование депутатов с целью обеспечения и повышения эффективности дальнейшей деятельности парламента. Учитывая, что парламент выполняет и законотворческую, и контрольную, и бюджетную, и кадровую, и организационную функции, очевидно, что слушания могут отыгрывать роль одного из важнейших элементов их институционального механизма. Кроме того, учитывая представительный характер формирования парламента, слушания выступают и как способ обеспечения общественного контроля (через связь депутатов и их избирателей), и как метод информирования населения о функционировании парламента (через зачастую открытый характер их проведения), и как обеспечение функционирования политического процесса в стране (благодаря обмену мнений представителей различных политических сил).

Важная роль слушаний как формы работы парламента, подтверждается и тем, что в ряде стран (напр., США, Украина и др.) кроме собственно парламентских слушаний предусмотрено существование и комитетских слушаний, которые устраивают комитеты и комиссии парламента в рамках предмета своего ведения. Так, ст.42 Закона «Про комитеты Верховной Рады Украины» выделяет среди форм деятельности комитетов заседания и слушания [11].

В отличие от зарубежных государств, в Республике Беларусь такая форма осуществления деятельности парламента как слушания своего распространения

не получила. Так, Информационно-аналитические бюллетени Палаты Представителей за июнь 2016 – июнь 2017 гг. не содержит информации о проведении парламентских слушаний. Сайт Палаты Представителей содержит лишь информацию о проведении двух парламентских слушаний в 2014 и 2013 годах [12]. В тоже время в Украине за 2016 г. проведено 16 парламентских слушаний, не включая комитетских [13]. В Российской Федерации Информационно-аналитические бюллетени в последние годы перестали отдельно подавать информацию по парламентским слушаниям, но в 2011 г. их было проведено 21 [14], сайт же Государственной Думы на сентябрь – октябрь 2017 г. указывает на 2 запланированных слушания [15].

Такое массовое проведение парламентских слушаний позволяет авторам их классифицировать. Так, Л.Ю.Свистунова выделяет слушания по обсуждению законопроекта; по вопросам совершенствования законодательства; парламентские слушания, направленные на получение информации о состоянии внутренней и внешней политики; слушания, проводимые с целью осуществления контроля за деятельностью органов исполнительной власти [16, с.11]. В США выделяют слушания законодательного характера (заслушивание информации по вопросам, связанным с законопроектом или законопроектами; оценка общественного мнения о потенциальных законопроектах; организация поддержки или сопротивления тем или иным законопроектам; донесение до широкой общественности вопросов, которых касается законопроект), контрольного характера (анализ текущей государственной политики; заслушивание сведений относительно возможных улучшений в текущей государственной политике), следственного характера (расследование подозрений в правонарушениях в пределах компетенции парламента или комитета) [17].

Использование схожих форм, а именно выездных заседаний комитетов парламента, функционирования рабочих групп по разработке законопроектов, организации круглых столов и совещаний, не позволяет в полной мере восполнить те задачи, которые может решить парламентское слушание, как благодаря значимому публичному политическому статусу последнего, так и благодаря его нацеленности на получение результата – обязательной разработке рекомендаций по итогам обсуждения.

Очевидно, что пассивность в использовании такой формы деятельности парламента как парламентские слушания в Республики Беларусь не позволяет отечественным парламентариям в полной мере обеспечить эффективность своей деятельности.

Список использованных источников:

1. Манен, Б. Принципы представительного правления / Б.Манен. Пер. с.англ. Е.Н.Рощина; науч.ред. О.В. Харходин. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Манкт-Петербурге, 2008. – 323 с.
2. Чиркин, В.Е. Законодательная власть / В.Е. Чиркин. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. – 336 с.
3. Щербик, Д.В. Кризис парламентаризма в межвоенный период: авторитарное решение А.Салазара / Д.В. Щербик // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2015. – № 13. – С. 132-139.

4. Доверие политическим и государственным институтам [Электронный ресурс] // CESSI. Институт сравнительных социальных исследований. – Режим доступа: http://www.cessi.ru/index.php?id=20&tx_ttnews%5Btt_news%5D=61&cHash=ec871eacaedfb7e805e97ddaf28def31. – Дата доступа: 8.09.2017.
5. Schmitt, Carl. Nauka o konstytucji / Carl Schmitt. – Warszawa : Teologia Polityczna, 2013. – 632 s.
6. Чиркин, В.Е. Глава государства. Сравнительно-правовое исследование / В.Е. Чиркин. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. – 240 с.
7. Свистунова, Л.Ю. К вопросу о понятии и признаках парламентских слушаний / Л.Ю. Свистунова // Общество и право. – № 12. – С. 70-73.
8. О Национальном собрании Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 ноября 1998 г., № 196-З ; с изм. и доп. от 25 ноября 2013 г. № 72-З // Палата Представителей Национального Собрания Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://house.gov.by/ru/glava-7-organizatsija-dejatelnosti-palat-natsionalnogo-sobranija-ru/>. – Дата доступа: 8.09.2017.
9. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : офиц. текст : с изм. от 30 дек. 2008 г. // Конституция Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru/index.htm>. – Дата доступа: 8.09.2017.
10. Про Регламент Верховной Рады Украины [Электронный ресурс] : Закон Украины от 10 февраля 2010 г., № 1861-VI ; с изм. и доп. от 13.07.2017 г. № 2136-VIII // Верх.рада України. офіційний портал. – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1861-17/page10>. – Дата доступа: 8.09.2017.
11. Про комітети Верховної Ради України [Электронный ресурс] : Закон Украины от 04.04.1995 № 116/95-ВР; с изм. и доп. от 05.01.2017 г. № 1798-19 // Верх.рада України. офіційний портал. – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/116/95-%D0%B2%D1%80/page2>. – Дата доступа: 8.09.2017.
12. Парламентские слушания [Электронный ресурс] // Палата Представителей Национального Собрания Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://house.gov.by/ru/news-ru/findTags/97/>. – Дата доступа: 8.09.2017.
13. Матеріали парламентських слухань (VIII скл.) [Электронный ресурс] // Верх.рада України. офіційний портал. – Режим доступа: http://static.rada.gov.ua/zakon/new/par_sl/index.htm. – Дата доступа: 8.09.2017.
14. Парламентские слушания [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический бюллетень Государственной Думы Федерального Собрания РФ (ИАБ). - 2011г. - № 1 (весенняя сессия) // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. – Режим доступа: <http://iam.duma.gov.ru/node/1/4896/19651>. – Дата доступа: 8.09.2017.
15. Парламентские слушания, запланированные комитетами и комиссиями Государственной Думы, фракциями в Государственной Думе, на 2017 год. По состоянию на 21.07.2017 г. [Электронный ресурс] // Гос. Дума Федерального Собрания Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.duma.gov.ru/legislative/parliament-hearings/>. – Дата доступа: 8.09.2017.
16. Свистунова, Л.Ю. Парламентские слушания как организационно-правовая форма деятельности законодательного (представительного) органа государственной власти Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Л.Ю. Свистунова ; Кубанский государственный аграрный университет. – Саратов, 2013. – 26 с.
17. Етапи проведення слухань у Конгресі США // USAID. Програма сприяння Парламенту України. – Режим доступа: <http://pdp.org.ua/analytics/control/880-149-a2----->. – Дата доступа: 8.09.2017.

КАФЕДРА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

УДК 346.91-054.6(476)

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ТРАНСГРАНИЧНОЕ СУДЕБНОЕ ИЗВЕЩЕНИЕ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Н.А. Бесецкая,

*доцент кафедры гражданского права, Полоцкий государственный университет,
кандидат юридических наук*

Развитие современных технологий и их активное внедрение в различные сферы заставляют как ученых, так и практиков задумываться о допустимости и правовых основах их использования. Появились способы передачи информации на расстоянии буквально за считанные секунды. В связи с этим, полагаем, закономерен вопрос, допустимо ли в рамках существующих правовых основ их использование для вручения судебных документов? Существенные проблемы применения современных средств связи возникают и при судебном извещении участников процесса на внутригосударственном уровне. Еще более остро они стоят в рамках правового регулирования трансграничного судебного извещения, когда необходимо вручить судебные документы иностранному лицу, находящемуся за пределами государства суда.

Правовое регулирование в данной сфере и на внутригосударственном, и на международном уровнях значительно отстает от реального развития общественных отношений. Так, лишь незначительное количество государств в национальном законодательстве на сегодняшний день узаконило возможность наряду с другими способами вручения судебных документов с использованием современных технологий [1, с. 36-41]. Ни один из существующих международных договоров по вопросам международного гражданского процесса не содержит норм непосредственно, регулирующих вручение судебных документов посредством современных технологий (например, факсимильной связи, электронной почты и т.п.). Не облегчает применение таких международных договоров с этой целью и их расширительное толкование. В частности, Постоянное Бюро Гаагской конференции по международному частному праву (далее – Бюро) не выработало однозначных рекомендаций по использованию современных технологий в рамках Конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским и торговым делам от 15 ноября 1965 г. [2], хотя неоднократно высказывалось о том, что ни дух, ни буква конвенции напрямую не противоречат этому [3, с. 11]. Кроме того, в то время как Специальные комиссии Бюро пытались выработать единообразный подход к применению имеющихся электронных средств связи появились новые средства коммуникации (различные интернет-сервисы), что неизбежно открывает новые направления доктринального исследования. Наибольший интерес, полагаем, представляет выяснение возможности

использования в процессе судебного извещения иностранных лиц так называемых социальных сетей (на примере «Твиттера» и «Фэйсбука»).

Абсолютными лидерами в данной сфере являются страны общего права (в частности, Австралия, Канада, Великобритания, Новая Зеландия и США). Так, именно Верховный Суд Новой Зеландии продемонстрировал, что «Фэйсбук» способен выступить надлежащим каналом передачи судебных документов иностранному лицу, находящемуся за границей, разрешив 16 марта 2009 г. известить таким способом ответчика по делу, предположительно проживавшего в Великобритании [4].

Суды указанных государств, оценивая возможности социальных сетей с точки зрения судебного извещения, исходят из того, что они удовлетворяют процессуальным требованиям в тех случаях, когда ответчики ведут бизнес онлайн, предпочитают общаться с клиентами через электронную почту, размещают рекламный материал на страницах социальных сетей [2]. Однако на истцов дополнительно возлагается обязанность доказать, что профиль действительно зарегистрирован данным ответчиком, он регулярно посещает страницы социальной сети и, в целом, поддерживает свой аккаунт. Так, по делу, рассматриваемому австралийским судом, адвокату истца удалось убедить судью в том, что за профилями ответчиков стоят конкретные личности, опираясь на такие данные, размещенные на личной странице, как имя, дата рождения, а также через списки «друзей» доказать, что ответчики поддерживают связь друг с другом через «Фэйсбук» [5]. Тем не менее сделать это не всегда так просто. В частности, в другом деле австралийский судья усомнился в том, что профиль в «Фэйсбуке» действительно принадлежит ответчику по делу и что такой способ судебного извещения фактически и своевременно донесет необходимую ему информацию. Аналогичные прецеденты есть и в американской судебной практике [6, с. 566].

Применение социальных сетей в процессе судебного извещения как отечественных, так и иностранных участников процесса связано, прежде всего, с техническими сложностями. Справедливости ради следует отметить, что изначально они и не создавались в качестве элементов технического обеспечения осуществления правосудия. Вследствие этого возникает множество вопросов с точки зрения доказательственного процесса, ответ на которые еще предстоит найти.

Так, социальные сети не гарантируют, что за определенным аккаунтом стоит конкретная личность, поскольку учетная запись может быть создана под вымышленным именем. «Твиттер» имеет количественные ограничения личных сообщений, а также их длительности (только 140 символов). Личное сообщение можно послать только своим читателям, несмотря на то, что получать сообщения можно от любого пользователя, которого сам получатель читает. Политика конфиденциальности «Фэйсбука» позволяет владельцу аккаунта контролировать доступ к информации на своей странице. Система фильтрации в почтовом сервисе данной социальной сети может быть неадекватной. У сети нет данных об отношениях пользователей за ее пределами, так как она использует информацию, которую о себе предоставляет сам пользователь. Вследствие этого, зани-

женный приоритет автоматически может быть присвоен всем сообщениям, пришедшим по внешней электронной почте, а значит, они попадут в папку, которая равнозначна папке «спам» в традиционных почтовых сервисах электронной почты. Для того чтобы адресат видел такое сообщение в первую очередь (в папке «входящие»), нужно иметь учетную запись на «Фэйсбуке» или быть «другом» пользователя в сети. Так, например, в сообществе американских адвокатов обсуждался вопрос об этичности поведения адвокатов, добавлявших под вымышленными предложениями потенциальных адресатов судебных документов в «друзья», и обходивших таким образом настойки безопасности указанной социальной сети. Кроме того, возникают большие вопросы к обеспечению конфиденциальности, поскольку «Фэйсбук» не поддерживает шифрование сообщений, логин и пароль во время авторизации могут быть перехвачены злоумышленниками.

Тем не менее иностранные специалисты в последнее время справедливо указывают, что перед лицом технических достижений большинство высказанных выше критических замечаний в отношении электронного судебного извещения уже утратило свою актуальность [7, с.71-73]. Техническое оснащение социальных сетей постоянно совершенствуется, поэтому многие аспекты уже разрешены. Например, довольно просто доказать получение судебного извещения, размещенного на «стене» пользователя «Фэйсбук». Даже факт удаления такого сообщения является неоспоримым подтверждением его фактического получения и прочтения. Кроме того, система точно фиксирует дату и время совершения пользователем всех действий со страницей профиля. Письмо отмечается в режиме онлайн, поэтому отправитель видит не только то, что оно было получено, но и прочитано адресатом. Учитывая, что доступ к аккаунту осуществляется через пароль, то не возникает сомнений в личности лица, прочитавшего письмо. В своей политике конфиденциальности «Фэйсбук» анонсирует возможность раскрытия информации о журнале действий владельца аккаунта на основании официального запроса.

Что касается правовой составляющей поднятой проблемы, то ее решение изначально должно проводиться на внутригосударственном уровне. Существует государства (например, Франция, Германия), где с процедурной точки зрения уведомление посредством социальных сетей будет невозможно, так как их законодательство устанавливает требование личного вручения судебных извещений и документов. Необходимо, чтобы национальное законодательство государств предусматривало возможность наряду с другими способами вручение судебных документов с использованием современных технологий. Это, в свою очередь, положительно отразится на дальнейшей реализации Конвенции о вручении 1965 г. В частности, в соответствии с пп. а) ч. 1 ст. 5 Центральный орган запрашиваемого государства сможет вручить или доставить судебный документ таким способом при условии, что это допускается его законодательством, а при вручении документов без соблюдения формальных требований (ч. 2 ст. 5) адресат согласен добровольно его принять и законодательство запрашиваемого государства не запрещает это.

В пользу современных технологий в сфере судебного извещения говорят легкость и скорость передачи информации, а также снижение материальных издержек. И, несмотря на определенные технические проблемы, существует достаточное количество прецедентов, свидетельствующих об открытии новых перспектив использования социальных сетей в качестве инструмента судебного извещения иностранных лиц, способствующих совершенствованию данного процесса.

Список использованных источников:

1. Synopsis of responses to the questionnaire of November 2013 relating to the Hague convention of 15 November 1965 on the service abroad of judicial and extrajudicial documents in civil or commercial matters [Electronic resource] : [Info. Doc. № 1] // HCCH – the Hague Conference on Private International Law [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.hcch.net/upload/wop/2014/2014sc_id01.pdf. – Date of access: 01.08.2017.

2. Draft Appendix The use of information technology in the operation of the Service Convention. Practical Handbook on the operation of the Service Convention [Electronic resource] : (Service Handbook) : [Prel. Doc. № 6] // HCCH – the Hague Conference on Private International Law [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.hcch.net/upload/wop/2014/2014sc_pd06en.pdf. – Date of access: 01.08.2017.

3. Conclusions and recommendations of the Special Commission on the practical operation of the Hague apostille, service, taking of evidence and access to justice conventions (28 October to 4 November 2003) [Electronic resource] // HCCH – the Hague Conference on Private International Law [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.hcch.net/upload/wop/lse_concl_e.pdf. – Date of access: 01.08.2017.

4. Ferguson, A. High Court Allows Service of Proceedings on Facebook [Electronic resource] / A. Ferguson, F. Monteiro // Intern. Law Office. – Mode of access: <http://www.internationallawoffice.com/Newsletters/Detail.aspx?g=f6817d35-a2ee-45bd-a0d8-835bd61898e3>. – Date of access: 01.08.2017.

5. Shultz, A. Superpoked and Served: Service of Process Via Social Networking Sit [Electronic resource] / A. Shultz // Univ. of Richmond Law Review. Mode of access: <http://lawreview.richmond.edu/superpoked-and-served>. – Date of access: 01.08.2017.

6. Van Horn, H. Evolutionary Pull, Practical Difficulties, and Ethical Boundaries: Using Facebook to Serve Process on International Defendants [Electronic resource] / H. Van Horn // Global Business & Development Law Journal. – 2013. – Vol. 26, iss. 2. – Mode of access: http://www.mcgeorge.edu/Documents/Publications/262_6VanHorn.pdf. – Date of access: 01.08.2017.

7. Hedges, R.J. Electronic Service of Process at Home and Abroad : Allowing Domestic Electronic Service of Process in the Federal Courts [Electronic resource] / R.J. Hedges, K.N. Rashbaum, A. C. Losey // Federal Courts Law Review. – 2009. – Vol. 4, iss. 1. – Mode of access: <http://www.fclr.org/fclr/articles/html/2009/hedges.pdf>. – Date of access: 01.08.2017.

**ГИПОТЕЗА КОДИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ
(ПРЕЛИМИНАРНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ)**

В.А. Богоненко,

заведующий кафедрой гражданского права, Полоцкий государственный университет, кандидат юридических наук, доцент

Применительно к сфере правового регулирования отношений по производству, передаче и потреблению энергетических ресурсов, а также регулированию смежных с ними отношений, тема систематизации законодательства практически не исследовалась. Период формирования правового института, нормы которого направлены на регулирование данных отношений, пришелся на исторически короткий промежуток социалистического права, когда в основе своей было создано законодательство в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов. Представления о правовой природе правоотношений, реализуемых в сфере энергетики, эволюционировали под воздействием многих факторов: в первую очередь, исторических и экономических. С появлением первых видов энергетических ресурсов, таких как, электричество, тепловая энергия, нефть, попытки их правовой идентификации осуществлялись в рамках частного или гражданского права. Такая направленность объяснялась природной сущностью энергетических ресурсов, как объектов, имеющих материальную ценность, стоимость, выражаемую в денежных единицах и способных к обращению на рынке спроса и предложения. Такие объекты могли быть средством выражения и реализации имущественных интересов и таким образом, претендовали на принадлежность к имуществу или вещам, как объектам гражданских прав. Имущественные правоотношения в свою очередь всегда были прерогативой гражданского права и всегда находились под пристальным вниманием исследователей. Правовая характеристика имущественных отношений с точки зрения потребностей гражданского права, по сути, осуществлялась посредством абстрагирования, ибо неизменно указывалось на чрезмерное разнообразие имущественных отношений и разнообразные формы их проявления в гражданско-правовом обороте. Таким образом, тема систематизации или кодификации законодательства в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов поглощалась традиционной для гражданского права общей темой кодификации гражданского права.

Произошедшая уже в современной Беларуси кодификация гражданского права в целом закрепила традиционные институты гражданского права, часть из которых происходит еще из времен Древнего Рима. Среди иных и немногих новейших институтов оказался и институт энергоснабжения, целиком и полностью сформировавшийся в период социалистического права. Первые традиционные институты гражданского права (мена, купля-продажа, ссуда, сервитут, наем, товарищество и др.) происходили из римского гражданского права и впоследствии

сохранили свою правовую сущность, хотя и трансформировались в ходе эволюционирования в новейшие формально-юридические формы. Римское гражданское право в отличие от «законов царей греческих, внесенных в Кормчую книгу» послужило отправной точкой в сложном и длительном процессе формирования права европейских стран, в том числе и российского права. Право европейских стран в том виде, в котором оно сейчас существует, формировалось столетиями, под воздействием множества различных факторов (создание государственности, определение территорий, осуществление торговли и возникновение промышленного производства и др.) постепенно наполняясь теми элементами и качествами, которые соответствуют уровню развития современных европейских государств [1, с. 10].

С начала 90-х гг. XX века, когда стало формироваться национальное законодательство в каждой из бывших союзных республик, в белорусской гражданско-правовой доктрине прижились представления о правоотношениях в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов как правоотношениях снабженческого характера, формализованных в форме института энергоснабжения. В Гражданском кодексе Республики Беларусь 1964 г. отсутствовали нормы, которые регулировали бы отношения по снабжению энергетическими и другими ресурсами. Такие отношения регулировались подзаконными нормативными правовыми актами, например, Правилами пользования электрической энергией и Правилами пользования тепловой энергией, утвержденными министром энергетики и электрификации СССР 13 января 1969 г. Такой же подход сохранился и в отношении к газовой (нефтяной) отрасли. Вместе тем, по мере развития тех или иных экономических отношений и при все более возрастающей эффективности их воздействия на экономику, в отраслевой науке, в науке гражданского права формируются новые подходы и взгляды, касающиеся необходимости придания этим отношениям адекватной гражданско-правовой формы и обеспечения их эффективного правового регулирования. Именно поэтому история развития гражданского права и обязательственного права, в частности, отмечена тенденцией неуклонного расширения общего числа обязательств, включаемых в Гражданский кодекс. Результатом воздействия объективно сложившихся и интенсивно развивающихся отношений энергоснабжения, отношений по доставке нефти (нефтепродуктов), газа магистральными трубопроводами стало включение в Гражданский кодекс Республики Беларусь Закона «О внесении изменений и дополнений в Гражданский кодекс Республики Беларусь» от 3 марта 1994 г. главы 261 («Снабжение энергетическими и другими ресурсами»), которая состоит из одной статьи (ст.2641). В статье давалось понятие договора о снабжении энергетическими и другими ресурсами через присоединенную сеть и определялось общее содержание договора. Значение данной новеллы заключалось в том, что впервые в Гражданский кодекс были включены правила о снабжении энергетическими и другими ресурсами. В тоже время принципиального решения вопроса правового регулирования рассматриваемых отношений не последовало. По-прежнему эти отношения регулировались подзаконными нормативными правовыми актами.

Заметные изменения произошли с принятием Гражданского кодекса Республики Беларусь (1998г.). Здесь, в главу 30 (“Купля-продажа”) включен §6 «Энергоснабжение». В п.2 ст. 519 ГК содержится норма, в соответствии с которой к отношениям, связанным со снабжением через присоединенную сеть газом, нефтью и нефтепродуктами, водой и другими товарами, правила о договоре энергоснабжения (статьи 510-518) применяются, если иное не установлено законодательством или не вытекает из существа обязательства. Несомненно, это правильный в своей последовательности шаг законодателя в сторону расширения договорных обязательств, включенных в Гражданский кодекс. Параграф 6 главы 30 ГК состоит из десяти статей, содержащих нормы, устанавливающие порядок заключения и продления договора энергоснабжения, его изменения и расторжения, закрепляющие основные права и обязанности сторон, а также ответственность энергоснабжающей стороны. Безусловно, что естественные свойства электроэнергии и газа различны, но различны еще и те правовые формы, посредством которых электроэнергия, газ, как объекты гражданских прав участвуют в гражданском обороте. Эти различия ставят под сомнение возможность регулирования нормами §6 главы 30 ГК всего комплекса отношений по доставке газа и, прежде всего, отношений по доставке газа магистральными газопроводами [2, с. 19]. То же самое можно сказать и об остальных энергетических ресурсах. Не случайно в юридической литературе существует мнение о том, что по мере нарастания дефицита энергоресурсов и поиска новых альтернативных видов энергии еще в большей степени будет активизироваться законодательная деятельность, направленная на детализацию нормативного регулирования данных отношений [3, с. 71-72].

Чрезвычайно динамичное развитие отношений в энергетической отрасли предопределяет необходимость выработки новых подходов к вопросу о правовом регулировании отношений в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов. В гражданско-правовой доктрине тематика традиционных договорных обязательств в значительной мере пополняется результатами научных исследований правоотношений в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов. Теоретико-правовые основы института энергоснабжения в значительной мере отягощены традиционными представлениями об этом институте, закрепившимися в доктрине гражданского права. Следствием такой стагнации является фактическое отсутствие каких-либо комплексных исследований, касающихся кодификации норм, регулирующих отношения в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов. В результате страдает качество законодательной деятельности и по-прежнему главенствующее место среди источников правового регулирования отношений в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов занимают так называемые, подзаконные акты. На данное обстоятельство справедливо указывается в юридической литературе. В частности, С.В Мещерякова отмечает, что именно законы должны стать основой правового регулирования энергетических отношений в сфере топливно-энергетического комплекса. Такое ре-

гулирование должно быть максимально чётким и детализированным, что позволит минимизировать принятие подзаконных нормативно-правовых актов и избежать дискриминационного применения законодательства. В настоящее время правовое регулирование топливно-энергетического комплекса имеет несистемный характер и характеризуется отсутствием рамочного закона, который устанавливал бы основные принципы и подходы к регулированию отношений в электроэнергетическом, ядерно-промышленном, угольно-промышленном и нефтегазовом комплексах [4, с. 4].

Тезис о необходимости коренного изменения подходов к вопросу о правовом регулировании отношений в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов основывается на следующих ключевых положениях:

1. Нормы § 6 главы 30 Гражданского кодекса не могут применяться к отношениям, реализуемым в нефтегазовой, угольно-промышленной, атомной энергетике и иных отраслях энергетики. Данный вывод следует из правовой сущности этих правоотношений и их элементов, отличных от элементов правоотношений энергоснабжения, закрепленных в § 6 главы 30 ГК.

2. Основным регулятором отношений в сфере производства передачи и потребления энергетических ресурсов должны быть законы, но не нормативные правовые акты республиканских органов государственного управления или так называемые подзаконные акты.

3. В своем нынешнем виде законодательство в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов построено на традиционных положениях гражданско-правовой доктрины, не учитывающей теоретико-правовые конструкции сформировавшейся в последние десятилетия доктрины энергетического права.

4. Интернационализация энергетического рынка и развитие интеграционного взаимодействия в сфере энергетики существенным образом преобразуют структуру правоотношений в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов, в том числе в значительной степени усиливают зависимость этих правоотношений от иностранного элемента.

5. Законодательство в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов должно строиться и развиваться на системной основе и на определенных принципах, закрепленных на уровне закона.

6. Очевидный дуализм правоотношений в сфере энергетики, проявляющийся в наличии двух основных видов правоотношений, гражданско-правового и административно-правового характера или публично-правового характера, требует моделирования закона на кодификационной основе.

7. Систематизация норм посредством кодификации позволит консолидировать и доктринально упорядочить смежные институты (институты-сателлиты) энергетического права, например, такие как снабжение энергетическими ресурсами и энергосбережение или создание энергетических организаций и управление ими.

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости осуществления работ по кодификации норм, направленных на регулирование отношений в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов. Кодификация позволит систематизировать нормы, содержащиеся в действующем законодательстве Республики Беларусь, повысить эффективность правового регулирования не только отношений в сфере производства, передачи и потребления энергетических ресурсов, но и смежные с ними отношения.

Список использованных источников:

1. Богоненко, В.А. Кодификация гражданского права в странах правового классицизма: монография / В.А. Богоненко – Минск : А.Н. Варахсин, 2008. – 142 с.
2. Богоненко, В.А. Правовое регулирование доставки газа магистральными трубопроводами: монография / В.А. Богоненко – Минск : УП «Технопринт», 2004. – 216 с.
3. Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь : в 2 кн. / отв. ред. В.Ф. Чигир. – Минск : Амалфея, 1999. – Кн. 2. – 1008 с.
4. Мещерякова, С.В. Правовое обеспечение топливно-энергетического комплекса России: современное состояние и перспективы развития: учебное пособие / С.В. Мещерякова, Е.Е. Орлова, С.А. Фролов. – Тамбов : Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2013. – 84 с.

**ФІЗКУЛЬТУРНА-АЗДАРАЎЛЕНЧЫЯ І СПАРТЫЎНЫЯ ЦЭНТРЫ
ЯК СУБ'ЕКТЫ АЗДАРАЎЛЕНЧАГА ТУРЫЗМУ**

В.В. Максіменюк,

старшы выкладчык кафедры грамадзянскага права, Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт

У цяперашні час адным з распаўсюджаных відаў турызму з'яўляецца аздаравленчы турызм.

Для мэтай дадзенага даследавання аўтар прапануе наступную дэфініцыю: аздаравленчы турызм – турыстычная падарожжа грамадзян Рэспублікі Беларусь, а таксама, замежных грамадзян і асобаў без грамадзянства, ў санаторна-курортныя і аздаравленчыя арганізацыі для адпачынку і атрымання санаторна-курортных паслуг з мэтай прафілактыкі і лячэння захворванняў, захавання і аднаўлення здароўя [1, с. 304].

У Рэспубліцы Беларусь пералік санаторна-курортных арганізацый, якія могуць прадастаўляць аздаравленчыя паслугі, ў тым ліку, – турыстам, нарматыўна вызначаны. Пералік аздаравленчых арганізацый усталяваны адкрытым і ўключае прафілакторыі, аздаравленчыя цэнтры (комплексы), аздаравленчыя лагеры, дамы (базы) адпачынку, пансіянаты, а таксама іншыя арганізацыі, калі адным з відаў іх дзейнасці з'яўляецца аздаравленне насельніцтва [2].

Аб'екты спартыўнай інфраструктуры, якая актыўна развіваецца, шмат у чым выкарыстоўваюцца для аказання аздаравленчых паслуг турыстам.

Пералік арганізацый фізічнай культуры і спорту ўсталяваны Законам Рэспублікі Беларусь «О физической культуре и спорте» [3]. У даследванні разглядаюцца толькі некаторыя з іх, у прыватнасці, фізкультурна-аздаравленчыя і спартыўныя цэнтры (камбінаты, комплексы, цэнтры фізкультурна-аздаравленчай работы).

Пры разглядзе прававога статусу дадзеных арганізацый узнікае неадназначнае пытанне: разглядаць падобныя арганізацыі ў якасці самостойных суб'ектаў грамадзянскага права ці яны могуць не маць статус юрыдычнай асобы, і такім чынам, не валодаць грамадзянскай правасуб'ектнасцю?

У прыватнасці, Непракін П.П., гаворачы пра ўвод у эксплуатацыю фізкультурна-спартыўных збудаванняў у Рэспубліцы Беларусь за перыяд з 2011 по 2014 гг., ўключае ў іх лік, як найпростыя спартыўныя пляцоўкі, так і шматфункцыянальныя фізкультурна-спартыўныя комплексы, такія як «Чыжоўка-арэна» або спартыўна-забаўляльны комплекс «Мінская абласная комплексная дзіцяча-юнацкая спартыўная школа «Алімпік-2011» у Маладзечне [4, с. 117].

Паняцце спартыўнага збудавання змяшчаецца ў арт. 1 Закона Рэспублікі Беларусь «О физической культуре и спорте», згодна з якім фізкультурна-спартыўныя збудаванні – аб'екты, прызначаныя да заняткаў фізічнай культурай і спортам. Больш ёмістае паняцце змяшчае арт. 2 пастанаўлення Міжпарламенц-

кай Асамблеі дзяржаў – удзельнікаў Садружнасці Незалежных Дзяржаў № 33-23 «О новой редакции модельного закона «О физической культуре и спорте»: фізкультурна-аздараўленчыя, спартыўныя і спартыўна-тэхнічныя збудаванні – спецыяльна створаныя і абсталяваныя будынкі, пабудовы, фізкультурна-спартыўныя комплексы, збудаванні, якія прызначаны для правядзення фізкультурна-аздараўленчых, спартыўных ды спартыўна-відовішчных мерапрыемстваў, якія маюць прасторава-тэрытарыяльныя межы [5].

Дастаткова распаўсюджаным з’яўляецца меркаванне пра прыкметы, якія уласцівы юрыдычным асобам. Прыведзеныя прыкметы адначасова дазваляюць прызнаваць гэтых асоб самастойнымі суб’ектамі грамадзянскіх праваадносін:

- 1) арганізацыйнае адзінства;
- 2) маёмасная адасобленасць;
- 3) самастойная маёмасная адказнасць по сваіх абавязках;
- 4) выступленне ў грамадзянскім абароце, а таксама пры вырашэнні спрэчак у судах ад уласнага імя [6, с. 190].

Такім чынам, фізкультурна-спартыўныя збудаванні, якія «находзяцца на балансе коммерческих организаций государственной и негосударственной форм собственности, санаторно-курортных учреждений» [4, с. 117] не з’яўляюцца юрыдычнымі асобамі. Іх варта разглядаць толькі ў якасці аб’ектаў грамадзянскага права, і, такім чынам, аб’ектаў (а не суб’ектаў) спорту і турызму.

Артыкул 25 Закона Рэспублікі Беларусь «О физической культуре и спорте» вызначае, што фізкультурна-аздараўленчыя і спартыўныя цэнтры могуць мець ва ўласнасці, гаспадарчым распараджэнні або апэратыўным кіраванні фізкультурна-спартыўныя збудаванні. Фізкультурна-аздараўленчыя і спартыўныя цэнтры (камбінаты, комплексы, цэнтры фізкультурна-аздараўленчай работы) могуць стварацца у любой арганізацыйна-прававой форме у адпаведнасці з заканадаўствам.

У Рэспубліцы Беларусь могуць стварацца камерцыйныя і некамерцыйныя арганізацыі фізічнай культуры і спорту [3].

Пэралік арганізацыйна-прававых форм юрыдычных асоб усталяваны Грамадзянскім кодэксам Рэспублікі Беларусь.

Да камерцыйных арганізацый адносяцца:

- гаспадарчыя таварыствы (поўнае і камандзітнае);
- гаспадарчыя таварыствы (акцыянернае таварыства (АТ), таварыства з абмежаванай адказнасцю (ТАА), таварыства з дадатковай адказнасцю (ТДА));
- вытворчыя кааператывы;
- унітарныя прадпрыемствы (дзяржаўныя і прыватныя);
- сялянскія (фермерскія) гаспадаркі.

Да некамерцыйных арганізацый адносяцца:

- спажывецкія кааператывы;
- грамадскія арганізацыі;
- рэлігійныя арганізацыі;
- фонды;

- ўстановы;
- рэспубліканскія дзяржаўна-грамадскія аб'яднанні;
- аб'яднання юрыдычных асоб і (або) індывідуальных прадпрымальнікаў (асацыяцыі і саюзы) [7].

У Рэспубліцы Беларусь распаўсюджанымі з'яўляюцца такія арганізацыйна-прававыя формы названых суб'ектаў спартыўнага права, як установы дзяржаўнай формы ўласнасці. У прыватнасці, Віцебскі абласны выканаўчы камітэт у пераліку «Фізікультурна-спартыўныя клубы і цэнтры» паказвае ДУ «Глубокскі раённы фізікультурна-аздараўленчы цэнтр», ДУ «Лепельскі раённы фізікультурна-аздараўленчы цэнтр» і іншыя [8].

Прыкладам разглядаемых суб'ектаў, якія зарэгістраваны і дзейнічаюць у розных арганізацыйна-прававых формах у горадзе Мінску, з'яўляюцца:

- Фізікультурна-аздараўленчы комплекс Атлант (ЗАТ «Атлант»);
- МГА «Фізікультурна-спартыўны клуб «Волат» – (маладзёжнае грамадскае аб'яднанне);
- Таварыства з абмежаванай адказнасцю «Мир фитнеса»;
- Прыватнае фізікультурна-аздараўленчае унітарнае прадпрыемства «МАД МАКС ФАЙТ ЛАБ»;
- ФАЦ імя П.М. Машэрава (РУП Комплекс па аказанні паслуг імя П.М. Машэрава) – рэспубліканскае унітарнае прадпрыемства;
- і іншыя [9].

У сувязі са спецыфікай юрыдычных асоб ў выглядзе сялянскіх (фермерскіх) гаспадарак, стварэнне фізікультурна-аздараўленчых і спартыўных цэнтраў у дадзенай арганізацыйна-прававой форме не прадугледжваецца.

У ліку мэтаў фізікультурна-аздараўленчых і спартыўных цэнтраў Закон Рэспублікі Беларусь «О физической культуре и спорте» ўсталёўвае фізікультурна-аздараўленчую і (альбо) спартыўна-масаваю работу. Артыкул 25 Рэспублікі Беларусь Беларусь «О физической культуре и спорте» вызначае, што фізікультурна-аздараўленчыя і спартыўныя цэнтры могуць аказваць на базе належачых ім фізікультурна-спартыўных збудаванняў фізікультурна-аздараўленчыя паслугі.

Такім чынам, фізікультурна-аздараўленчыя і спартыўныя цэнтры, а таксама фізікультурна-спартыўныя клубы, якія маюць статус юрыдычных асоб і аказваюць аздараўленчыя паслугі, ў тым ліку турыстам, могуць лічыцца суб'ектамі аздараўленчага турызму.

Спіс выкарыстаных крыніц:

1. Максименюк, В.В. Генезис законодательства Республики Беларусь об оздоровительном туризме / В.В. Максименюк // Конституционные права и свободы: проблемы интерпретации и реализации в национальных правовых системах: сборник статей международной научно-практической конференции Полоцкого государственного университета в 3 т.; редкол.: И.В. Вегера (отв. ред.), Богоненко В.А. [и др.]. – Новополоцк: ПГУ. – Т. 2. – 2016. – С. 304–312.

2. О государственной аттестации санаторно-курортных и оздоровительных организаций [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь,

1 ноября 2006 г., № 1450 : в ред. пост. от 29.03.2016 г. № 256 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. О физической культуре и спорте [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 125-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. Непряхин, П.П. Вопросы повышения эффективности физкультурно-спортивных сооружений // Спортивное право в Республике Беларусь. Сборник статей. Выпуск 5. / П.П. Непряхин // Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2015. – С. 117–120.

5. О новой редакции модельного закона «О физической культуре и спорте» [Электронный ресурс] : постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых государств от 3 дек. 2009 г. № 33-23 // В.С. Левоневский. – Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org>Право 2011>republic08/text358.htm. – Дата доступа: 22.05.2017.

6. Чигир В.Ф. Юридические лица / В.Ф. Чигир // Гражданское право : в 3 т. / под ред. В.Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2008. – Т. 1. – Гл. 7. – С. 189–383.

7. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 декабря 1998 г., № 218-З : Принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 января 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

8. Физкультурно-спортивные клубы и центры (ФСК, ФСЦ) [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Витебск. обл. исп. комит. – Режим доступа: <http://www.vitebsk-region.gov.by>>ru/fizkulturno-sportivnye...i... – Дата доступа: 12.06.2017.

9. Спортивно-оздоровительные центры в Минске [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.dumki.by>>minsk/catalogue/sport-centers. – Дата доступа: 14.06.2017.

**КЛАССИФИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

А.И. Малиновская,

преподаватель кафедры гражданского права, Полоцкий государственный университет

На данном этапе в Республике Беларусь создана нормативная правовая база в области использования атомной энергии, касающихся возможных аспектов деятельности в данной области, однако нет единой классификации нормативных правовых актов. Для целей практического применения необходима систематизация законодательства. Представляется возможность разработать доктринальную классификацию источников правового регулирования в сфере использования атомной энергии.

Разработка классификации является сложным процессом, это объясняется в первую очередь тем, что атомное право сочетает в себе нормы различных отраслей права, это условие усложняет процесс разработки. Определяя попытку создания доктринальной классификации источников в сфере атомной энергии, автор исходит из необходимости признания факта наличия комплексной отрасли права – атомного права. Опираясь на данный факт, рассмотрим более подробно предложенную автором доктринальную классификацию источников в данной сфере. Для целей такой классификации следует определить критерии, которые могли бы наиболее точно построить классификационный ряд источников.

Первым теоретико-правовым критерием можно рассматривать источники в зависимости от юридической силы, которой они обладают, к ним относятся:

- Конституция РБ;
- Законы;
- Указы Президента Республики Беларусь;
- Постановления органов государственного управления Республики Беларусь;
- технические нормативные правовые акты;
- положения и др.

Данный критерий классификации является классическим для источников права Республики Беларусь, ее применение возможно в рамках любой отрасли права. В данном случае, применительно к сфере использования атомной энергии данная классификация также применима [1, с. 13].

Следующим критерием классификации выступает значимость регулируемых правоотношений. По этому критерию можно выделить:

- первичные нормативные правовые акты;
- вторичные нормативные правовые акты.

Сущность данного критерия сводится к тому, что при регулировании отношений в сфере атомного права выделяются нормативные акты, которые выступают своеобразным «ядром» при регулировании соответствующих правоотно-

ношений. Такие нормативные акты представляется необходимость рассматривать как первичные акты, соответственно акты, вносящие дополнения, конкретизацию информации в сфере атомного права являются вторичными. В части 3 статьи 2 Закона Республики Беларусь «Об использовании атомной энергии» указывается, что законодательство в области использования атомной энергии основывается на Конституции Республики Беларусь и состоит из настоящего Закона, иных актов законодательства и международных договоров Республики Беларусь. Значимость Конституции и рассматриваемого нами закона очевидна, что делает целесообразным данного критерия классификации [2].

В зависимости от целей, источники следует классифицировать на:

- источники, обеспечивающие ядерную и радиационную безопасность;
- источники, обеспечивающие физическую защиту объектов атомной энергии;
- источники, направленные на усовершенствование развития атомной энергетики;
- источники, направленные на использование атомной энергии в экономике;
- источники, направленные на сотрудничество с иностранными государствами в сфере использования атомной энергетики;
- источники, направленные на предоставление полной, достоверной и своевременной информации.

На наш взгляд, данный критерий классификации имеет особое значение, так как в ее основе лежат первоочередные идеи, на регулирование которых направлено непосредственно законодательство Республики Беларусь в сфере использования атомной энергии.

Основополагающим критерием классификации источников выступают объекты правоотношений, реализуемых в сфере использования атомной энергии. Соответственно, в основании классификации следует выделить:

- атомные электростанции,
- ядерные установки;
- ядерные реакторы;
- радиоактивные отходы.

Каждый объект подпадает под действие определенного акта, который регулирует соответствующие правоотношения [3, с. 56].

В зависимости от специфического круга лиц, подпадающих под действие норм следует выделить:

- нормативные правовые акты;
- нормативные технические акты.

Для уяснения сущности данной классификации необходимо рассмотреть понятие нормативного правового акта, он представляет собой официальный документ установленной формы, принятый (изданный) в пределах компетенции уполномоченного государственного органа (должностного лица) или путем референдума с соблюдением установленной законодательством Республики Бела-

речь процедуры, содержащий общеобязательные правила поведения, рассчитанные на неопределенный круг лиц и неоднократное применение.

Кроме нормативных правовых норм также выделяются нормативные технические нормы. В отличие от нормативного правового акта, нормативный технический акт поведение физических лиц не регулирует. Он не предписывает что-то делать (обязывающая норма), или воздержаться от какого-то действия (запретительная норма). Это регулирование осуществляется косвенно, через какое-то техническое условие, которое все участники данных отношений обязаны соблюдать. Технические нормативные правовые акты имеют узкую направленность, касаются ограниченного круга субъектов, регулируя специфический круг отношений [4, с. 28].

Подводя итог предложенной автором доктринальной классификации источников права в сфере использования атомной энергии, следует сделать вывод о том, что критериями такой классификации являются наиболее важные общественные отношения, регулируемые в сфере использования атомной энергии в Республике Беларусь. Разработка данной классификации затруднялась всесторонним исследованием тесно связанных отраслей права, которые непосредственно взаимодействуют с отраслью атомного права.

Список использованных источников:

1. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь. 10 января 2000 г. (с изм. и доп: Законы от 4 января 2002 г.; 1 ноября 2004 г.; 2 ноября 2005 г.) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2000. № 7. 2/136; 2002. № 7 2/830; 2004. № 175. 2/1070; 2005. №179, 2/1152.

2. Об использовании атомной энергии: Закон Республики Беларусь, 30 июля 2008 г., № 426-З (с изм. и доп.) // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Департамент по ядерной и радиационной безопасности МЧС Республики Беларусь. – Минск, 2017. – Режим доступа: <http://www.gosatomnadzor.gov.by/index.php/ru/>. – Дата доступа: 13.03.2017.

4. Об обеспечении безопасности при сооружении Белорусской атомной электростанции: Указ Президента Респ.Беларусь, 16 февр. 2015 г., №62 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

СУБЪЕКТЫ ПРАВ НА МУЛЬТИМЕДИЙНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

К.Д. Савицкая,

старший преподаватель кафедры гражданского права, Полоцкий государственный университет

В настоящее время мультимедийные произведения становятся все более успешными результатами коммерческой деятельности. Их коммерческое использование происходит не только внутри страны, но и на международном уровне. Однако в законодательстве Республики Беларусь отсутствуют специальные нормы, регламентирующие правовой режим мультимедийных произведений. На законодательном уровне не содержится конкретизации в отношении круга субъектов, которые могут выступать в качестве авторов мультимедийного произведения.

Отсутствие в законодательстве Республики Беларусь правового регулирования мультимедийных произведений, препятствуют развитию коммерческого использования указанных произведений.

В статье 980 Гражданского кодекса Республики Беларусь содержится исчерпывающий перечень результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации, которым предоставляется правовая охрана. Поэтому необходимо определить, является ли мультимедийное произведение самостоятельным объектом или подпадает под режим объектов, указанных в указанной статье.

Судебная практика Российской Федерации рассматривает мультимедийное произведение в качестве программы для ЭВМ [1;2] или базы данных [3]. В судебной практике Соединенных Штатов Америки мультимедийный продукт относят к аудиовизуальным произведениям [4]. Во французской доктрине мультимедийное произведение охарактеризовано как объект «особого рода», который может быть сравним с аудиовизуальным произведением, от которого отличается интерактивностью [5, с.172].

В настоящее время ни один из указанных правовых режимов не подходит для мультимедийного произведения, поскольку последнее имеет ряд специфических особенностей (наличие в структуре нескольких разнородных творческих результатов, включая программу для ЭВМ; интерактивность; виртуальность; электронную (цифровую) форму), которые не позволяют рассматривать его в качестве одного из существующих объектов.

На основании изложенного, представляется целесообразным позиционировать мультимедийное произведение как самостоятельный объект авторских прав. Мультимедийное произведение представляет собой единое сложное произведение, которое является результатом творческой деятельности авторского коллектива. Определение круга авторов таких объектов, как отмечал В.А. Дозорцев, не может происходить традиционно, поскольку в создании сложных произведе-

ний принимает участие большое число авторов, осуществляющих разнородную деятельность [6, с.146].

Среди лиц, которые участвуют в создании мультимедийного произведения, И. Стаматуди указывает: авторов результатов интеллектуальной деятельности, составляющих содержание этого произведения (различные художественные компоненты, компьютерные программы, музыка и прочее); нанимателей, издателей, продюсеров, редакторов, разработчиков, обладателей прав на различные объекты [7, р.33]. С. Новацкий предлагает рассматривать в качестве авторов указанного произведения: главного дизайнера, главного программиста, автора сценария, композитора [8, с.40].

Законодательство Республики Беларусь не содержит специальных норм, посвященных авторскому праву на мультимедийное произведение. Отдельные нормы, по вопросам правового статуса лиц, принимавших участие в создании мультимедийного произведения, отсутствуют.

В условиях разрозненности доктринальных позиций в отношении правового режима мультимедийного произведения и отсутствия четкой правовой регламентации на законодательном уровне, для определения круга авторов исследуемого произведения, представляется необходимым рассмотреть процесс создание мультимедийного произведения на примере компьютерной игры.

Разработка компьютерной игры представляет собой уникальную творческую деятельность, в ходе которой большое количество элементов комбинируется в итоговый игровой продукт.

Процесс разработки игры обычно включает следующие этапы: подготовку, производство, тестирование, выпуск и распространение готового продукта. Однако указанные этапы могут меняться в зависимости от предпочтений разработчиков и особенностей проекта.

На подготовительном этапе разрабатываются и согласовываются: концепция игры, сюжетная линия, дизайн персонажей, прототип игры, план, по которому будет создаваться игра. На данном этапе концепция и геймплей игры получают документальное оформление в дизайн-документе. Разработкой указанного документа, как правило, занимается геймдизайнер.

На этапе производства компьютерной игры выполняется основной объем работ – художники прорисовывают графические компоненты игры, звукооператоры разрабатывают реалистичное звуковое оформление, дизайнеры уровней создают уровни игры, писатели и сценаристы прописывают диалоги персонажей. Для создания звукового сопровождения компьютерной игры используются музыкальные произведения, для написания которых к работе над проектом привлекаются композиторы.

Важную функцию в создании игр выполняют программисты, которые разрабатывают программное обеспечение для игры, а также объединяют работу всех авторов, задействованных в процессе создания компьютерной игры, в единый проект. В проекте могут участвовать несколько программистов, которые специализируются в одной ключевой области, например, графике, зву-

ке или искусственном интеллекте. Так, например, программисты графики – создают программное обеспечение, которое управляет сохранением и отображением графики и анимации; программисты искусственного интеллекта – создают наборы правил, которые определяют поведение врагов или персонажей в различных игровых ситуациях; программисты инструментов – создают программное обеспечение для художников, дизайнеров и дизайнеров звука [9, с.22].

Продюсер выполняет координирующую функцию на всех этапах разработки компьютерной игры.

После завершения работы над игрой, начинается стадия тестирования. Программные ошибки игры выявляют бета-тестеры. Следующим этапом является публичное тестирование. На данном этапе компьютерная игра тестируется профессиональными и обычными пользователями. После публичного тестирования, программисты проводят комплексное тестирование, благодаря которому исправляются все системные ошибки. По окончании данного этапа компьютерная игра считается завершенной и может быть представлена для производства и распространения [8, с.73].

На основании проведенного анализа процесса создания компьютерной игры, можно заключить, что ключевую роль в процессе ее создания выполняют: сценарист, программист, художник и композитор. Результатом творческой деятельности этих лиц является компьютерная игра. Те участники, которые выполняют технические функции, не обладающие признаками творческой деятельности, не могут быть признаны авторами мультимедийного произведения.

По аналогии с компьютерной игрой в качестве авторов иных разновидностей мультимедийного произведения Е.С. Котенко предлагает признать тот же круг лиц [8, с.73]. Данная позиция представляется обоснованной, поскольку компьютерная игра является одним из видов мультимедийного произведения.

Представляется необходимым проведение всестороннего исследования субъектного состава авторов, а также выработка специальной законодательной модели правового регулирования правоотношений между авторами, которые принимают участие в создании мультимедийного произведения.

Для признания автором произведения обязательным условием является творческий вклад субъекта. Таким образом, те лица, которые выполняют сугубо технические функции в процессе создания игры (тестировщики игры) не могут быть признаны авторами компьютерной игры.

Список использованных источников:

1. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 20.02.2015 № С01-42/2015 по делу №А01-161/2014 // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2017.

2. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.09.2015 №09АП -33364/2015 по делу №А40-53098/14 // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2017.

3. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29.07.2015 № 09 АП -25762/2015 по делу №А40-2686/12 // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2017.
4. Copyright Law of the United States 19 October 1976 г. [Electronic resource]. – 2010. – Mode of access: <https://www.copyright.gov>. - Date of access: 12.01.2017].
5. Основные проблемы охраны интеллектуальной собственности в международном частном праве: учебное пособие для магистров / О.В. Луткова, Л.В. Теренььева, Б.А. Шахназаров. – М. : Проспект, 2017.– 224 с.
6. Дозорцев, В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации. Сборник статей / Исслед. центр частного права. М. : Статут, 2005. – 416 с.
7. Stamatoudi I. A. Copyright and multimedia products: A comparative analysis. – Cambridge University Press, 2001. – 318 p.
8. Новацкий, С. Исключительное право на мультимедийное произведение Авторское право и смежные права. – 2017. – № 2. – С. 33-41.
9. Крукс, К. Увлекательное создание трехмерных компьютерных игр без программирования. – М. : ДМК Пресс, 2005. – 560 с.
10. Котенко, Е.С. Авторские права на мультимедийный продукт: моногр. – М. : Проспект, 2014. – 185 с.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ДОМЕННОГО ИМЕНИ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Т.В. Семёнова,

старший преподаватель кафедры гражданского права, Полоцкий государственный университет

Доменные имена являются неотъемлемой частью общего механизма функционирования сети Интернет, осуществляя не только обеспечение адресации запросов в этой информационно-коммуникационной сети, но и позволяя индивидуализировать информационные ресурсы. Доменное имя является объектом гражданского права, потому что имеет следующие признаки: дискретность, наличие юридической привязки, системность. Существуют три основные теории, объясняющие природу доменного имени: 1) доменное имя как услуга; 2) доменное имя как бестелесное имущество; 3) доменное имя как средство индивидуализации.

Доменные имена верхнего уровня и доменные имена второго и последующих уровней, не обладая существенными отличиями с технической точки зрения, имеют разную правовую природу. Доменные имена верхнего уровня («.BY» и «.БЕЛ») не являются объектами гражданских прав и не способны к гражданскому обороту. Говоря о правоотношениях в области доменных имен, имеет смысл выделить несколько видов правоотношений: 1) по регистрации и администрированию родовых (тематических) доменных имен; 2) по регистрации и администрированию географических (а также псевдо-тематических) доменных имен верхнего уровня; 3) по регистрации, администрированию, делегированию и трансферу доменных имен второго и последующего уровней. Правоотношения первых двух видов имеют публично-правовой характер. Правоотношения по регистрации, администрированию, делегированию и трансферу доменных имен второго и последующего уровней своей правовой природе являются гражданско-правовыми: представляют собой имущественное право, заключающееся в возможности управления определенной областью адресного пространства в сети Интернет, извлечении и присвоении благ, связанных с использованием данного пространства.

Существующая в научной литературе позиция, что доменное имя не может относиться к средствам индивидуализации, обосновываемая отсутствием этого объекта среди прямо названных законом охраняемых средств индивидуализации, представляется неоправданно суживающей сферу правового воздействия, поскольку в законодательстве перечислены не все средства индивидуализации, а только те, которым предоставляется правовая охрана. В то же время законодательство фактически содержит специальные правовые режимы для ряда средств индивидуализации, не указанных в законодательстве (названия произведений литературы, науки, искусства, средств массовой информации, фамилии и псевдонимы и т.д.) и прямо допускает возможность использования как в ком-

мерческой, так и в иной деятельности иных средств индивидуализации, не предусмотренных Гражданским кодексом Республики Беларусь.

Доменное имя как объект гражданского права имеет несколько специфических черт, среди которых индивидуализация информационного ресурса в сети Интернет, уникальность доменного имени, символичный характер обозначения, и как следствие возможность совпадения со словами на некоторых языках, именами, заявительный характер регистрации доменного имени и ее возмездность. Единственная группа объектов гражданских прав, к которым можно попытаться отнести доменные имена – это объекты интеллектуальной собственности. Все вышесказанное приводит к выводу о том, что сегодня отечественное законодательство нуждается в специальном правовом регулировании отношений по использованию доменного имени, основанном на его особом режиме, учитывающем его специфику и отграничивающем его от прочих объектов интеллектуальной собственности. Автор предлагает следующее определение доменного имени: «Доменное имя – это средство индивидуализации информационного ресурса в сети Интернет, выражаемое в форме символического обозначения, служащее для идентификации и индивидуализации информационного ресурса в сети Интернет, право на которое обладает способностью участвовать в хозяйственном обороте, зарегистрированное в установленном законом порядке».

Доменное имя должно подчиняться особой системе правового регулирования. С одной стороны, доменное имя можно представить как имущество, а право на доменное имя – абсолютным имущественным правом, при котором право правообладателя доменного имени предполагает, что никакие другие лица не могут нарушить имущественные права обладателя доменного имени. Однако с другой стороны, тот факт, что возникновение права на доменное имя имеет место только на основании договора, влечет то, что право на доменное имя носит относительный характер. Решение проблемы законодательного регламентирования процессов, имеющих отношение к функционированию доменного имени, будет наделение имущественным правом абсолютного характера с рядом ограничений (изъятий), а именно: срок и условия действия договора с регистратором, в случае полного или частичного совпадения с фирменным наименованием, товарным знаком, знаком обслуживания. Необходимо придать специальный правовой режим доменному имени, обратив внимание на ту цель, которая должна преследоваться при этом, а именно вовлечение права такого объекта с особым правовым режимом, как доменное имя, в гражданский, экономический оборот и обеспечение правовыми средствами правообладателю возможности получения материальных благ от его использования. При этом четкий правовой режим доменного имени должен быть заложен в гражданском законодательстве. Для Республики Беларусь, взявшей ориентацию на инновационную экономику, решение указанных задач должно быть в числе приоритетных.

КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНАЛИСТИКИ

УДК 343.9

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СУПРУЖЕСКОГО НАСИЛИЯ

О.В. Катушонок,

*старший преподаватель кафедры уголовного права и криминалистики,
Полоцкий государственный университет*

Ведущим фактором распространения жестокого обращения с членами семьи являются социокультурные установки, т.е. понимание того, насколько насилие приемлемо в культуре данного общества. Например, разделяемое обществом мнение о правомерности телесного наказания ребенка как законном и единственно правильном способе воспитания. Другое мнение, которое снижает порог чувствительности в реакции на семейную жестокость, – это мнение о том, что обращение родителей с детьми, взаимоотношения супругов – личное дело семьи, и вмешательство кого-либо в частную сферу не только не приветствуется, но и вредит устоям семьи.

Противоположные воззрения заложены в феминистской теории, сторонники которой полагают, что домашнее насилие необходимо рассматривать на уровне макросоциума. Тогда государство обязано вмешиваться в частную сферу и способно повлиять на изменение в сосредоточении власти в руках мужчин, господство которых в обществе и семье – основная причина насилия [1, с. 19]. В настоящее время при исследовании супружеского насилия именно феминистская теория играет доминирующую роль. Изучение жертв насилия в семье осуществляется исходя из гендерной природы взаимоотношений между мужчинами и женщинами.

По мнению Н.А. Парыгиной, гендерным насилием может считаться только насильственные действия мужчин по отношению к женщинам, поскольку только мужчина применяет насилие над женщиной на основании того, что он мужчина и его пол дает ему на это право. Женщина, применяя насильственные действия по отношению к мужчине, делает это не вследствие осознания превосходства своего пола, а вследствие признания превосходства над конкретным мужчиной [2, с. 5]. А.В. Выгодская также определяет супружеское насилие как особую гендерную проблему, связанную со спецификой взаимодействия в прошлом и настоящее время мужчин и женщин в качестве представителей различных социально-демографических групп [3, с. 15]. В своих исследованиях авторы ставят знак равенства между супружеским и гендерным насилием, полагая, что жертвами внутрисемейного насилия может быть только женщина. В случае же, если женщина и совершает насилие, то это является самозащитой от агрессии супругов.

Ряд авторов также занимается исследованием женщин-жертв супружеского насилия, однако, они при этом отмечают виктимное поведение женщин. Так,

А.Налчаджян указывает на отдельные факторы, присущие женам, при отсутствии которых мужчины могли бы воздержаться от насильственных действий. В их числе отмечаются три ниже указанные группы:

1. Когда жена более образована, чем муж, она чаще подвергается насилию с его стороны; этим путем мужчины, по-видимому, добиваются самоутверждения. Предполагается, что мужья рассматривают своих более образованных жен претендентами на роль главы семьи, что их, конечно, фрустрирует, особенно в том случае, если они придерживаются традиционных патриархальных взглядов на семью.

2. Конкуренция за роль главы семьи: многие женщины стремятся играть в семье более решающую роль и получают отпор в виде насильственных действий мужей.

3. Экономические трудности: бедность, низкая зарплата, безработица и т.п. [4, с. 531].

Как видно, А.Налчаджян указывает на то, что жены также могут инициировать насилие, однако в силу того, что мужчины физически сильнее, женщины и становятся жертвами.

На наш взгляд, исследование супружеского насилия с точки зрения «мужчина – агрессор, женщина – жертва» – это ограниченный взгляд на существующую проблему. Перекаладывать всю ответственность за осуществление и эскалацию семейного насилия только на мужчин и не уделять внимания женскому супружескому насилию не является верным.

Однако существует ряд факторов, обуславливающих существование и повсеместное распространение такого одностороннего подхода.

1. В общественном сознании семейное насилие ассоциируется только с физическим насилием, когда есть определенные последствия в виде синяков, кровоподтеков, ссадин, царапин и т.д. Мужчина физически сильнее женщины, поэтому в случае возникновения конфликтов в семье он, как правило, не позволяет женщине причинить себе повреждения. В таком случае может произойти перераспределение ролей: мужчины, подвергаясь психическому воздействию со стороны женщины, в результате наносит ей удары и превращается из жертвы психического насилия в агрессора. Женщина же, став жертвой физического насилия, может заявить об этом в правоохранительные органы или иные заинтересованные структуры. То обстоятельство, что мужское насилие может быть как следствие стресса, агрессии или аморального поведения женщины не рассматривается и не учитывается.

2. Мужчины зарабатывают, обеспечивают семью, поэтому имеют право доминировать над женщинами. Действительно, заработная плата мужчин значительно выше, нежели чем женщин. В 2015 году по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь соотношение заработной платы женщин и мужчин составило 76,2 %. Однако, усматривать в этом гендерное неравенство не верно. Мужчины зарабатывают больше, так как заняты в тех сферах, где заработная плата выше (в сфере высоких технологий, в химической, нефтехимической, горнодобывающей промышленности), женщины, же, как пра-

вило, заняты в сферах, где уровень заработной платы невелик (педагогика, здравоохранение).

Большинство женщин заранее выбирают себе сферу деятельности с меньшим заработком. В 2015 году из учреждений среднего специального образования по профилю «педагогика» было выпущено 92,1 % женщин, 7,9 % мужчин; по профилю «гуманитарные науки» - 95,1 % женщин, 4,9 % мужчин; по профилю «здравоохранение» - 91,3 % и 8,7 % соответственно. Если же обратиться к выпускникам высших учебных заведений Республики Беларусь, то здесь ситуация такая же. В 2015 году ВУЗы в сфере здравоохранения окончили 2908 женщин (75,7 %) и 934 мужчин (24,3 %), в сфере педагогики – 6054 женщин (77,7 %) и 1742 мужчин (22,3 %). В сфере техники и технологии ситуация иная – женщин 4161 (29,0 %), мужчин – 10208 (79,0 %).

Если же сравнить количество лиц, имеющих ресурсы ниже бюджета прожиточного минимума, то удельный вес мужчин больше, нежели чем женщин (5,6 % и 4,8 % соответственно). Среди лиц, зарегистрированных в органах по труду, занятости и социальной защите, мужчин также больше (28,1 тыс.) против 15,2 тыс. женщин.

2. Данные о фактах семейного насилия поступают только из официальной статистики. Действительно, согласно статистическим данным мужчины чаще совершают правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений. В 2016 году по Полоцкому региону было зарегистрировано 868 фактов правонарушений в быту. Из них по статье 17.1 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь – 891 (мужчинами совершено 658 правонарушений, женщинами – 233). По статье 9.1 КоАП зарегистрирован 101 факт (мужчинами – 92, женщинами – 8). По статье 17.1 КоАП потерпевшими женщины были в 605 случаях, мужчины в 286 случаях, престарелые родственники - в 84. По статье 9.1 КоАП потерпевших женщин было 69, мужчин – 31.

Однако, по словам представителей правоохранительных органов, от мужчин также поступают звонки о применении в отношении них физического насилия со стороны жен (сожительниц). Однако при выезде милиции по адресу мужчины уже отказываются подавать заявление и сотрудники ОВД ограничиваются проведением профилактической беседы. Следовательно, сведения о таких фактах насилия в статистике не отражаются.

В связи с этим более предпочтительной представляется точка зрения, согласно которой женщины также могут выступать в качестве агрессоров и применять насилие в отношении супруга.

В Российской Федерации в последнее время проблеме женского супружеского насилия начали уделять внимание отдельные ученые (Е.А.Брайцева [5], А.В.Лысова [6]). В зарубежных исследованиях интерес к данной проблеме возник еще в 70-е годы. Именно в тот период, чтобы подчеркнуть важность проблемы физического насилия в отношении мужчин в семье С.Стайнметц ввела новый термин «синдром избиваемого мужа». В последующие годы крупные научные исследования М.Страуса выявили примерно одинаковый уровень доминирования, осуществляемого в паре как мужчинами, так и женщинами. При

этом, М.Страус указал, что при изучении супружеского насилия следует учитывать три типа взаимности (обоюдности) насилия: «мужчина-агрессор», «женщина-агрессор», «оба агрессоры». Взаимность возникает, когда оба партнера агрессивны. Как показало исследование ученого, наиболее распространенной моделью является взаимное насилие. Тип «женщина-агрессор» превалирует также часто, а в некоторых случаях даже чаще, чем тип «мужчина-агрессор» [7]. Другие исследования также показали, что насилие в равной степени могут применять и мужчины, и женщины. Но, отмечалось, что, хотя поведение партнеров схоже, последствия различаются. Женщины имеют гораздо больше шансов быть физически ранены, нежели чем мужчины физически пострадать от женщин [8].

Таким образом, можно сделать выводы, что при исследовании супружеского насилия применяется односторонний подход, согласно которому мужчина всегда выступает в роли агрессора, а женщина в роли жертвы. На наш взгляд, следует к данному вопросу подходить разносторонне и выделить в самостоятельное направление для изучения женское супружеское насилие. В межличностных супружеских отношениях женщины склонны применять насилие так же часто, как и мужчины. Но поскольку мужчины физически сильнее, женщины чаще становятся жертвами физического насилия, что и становится достоянием обществу.

Список использованных источников:

1. Родина, И.В. Социальная проблематизация насилия в семье в современной России : автореф. ... дис. докт. социол. наук: 22.00.04 / И.В.Родина. – М., 2007. – 40 с.
2. Парыгина, Н.А. Гендерный аспект насилия в социальном измерении : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / Н.А. Парыгина. – Хабаровск, 2009. – 24 с.
3. Выгодская, А.В. Насилие в семье : гендерный аспект : автореф. дис ... канд. социол. наук : 22.00.04 / А.В. Выгодская. – Екатеринбург. – 2009. – 21 с.
4. Налчаджян, А. Агрессивность человека / А.Налчаджян. - СПб. : Питер, 2007. – 736 с.
5. Брайцева, Е.А. Женское супружеское насилие : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.А.Брайцева. – Нижний Новгород, 2008. – 34 с. С. 18
6. Лысова, А.В. О границах радикальной феминистской теории в объяснении насилия [Электронный ресурс] / А.В. Лысова // Федеральный правовой портал СЭМ: социология, экономика, менеджмент. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/08/15/1265221932/Lysova.pdf>. – Дата доступа: 15.12.2016;
7. Straus, M.A. Gender symmetry in partner violence: the evidence, the denial and the implications for primary prevention and treatment [Electronic resource] / M.A. Straus // Researchgate. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/253048090_GENDER_SYMMETRY_IN_PARTNER_VIOLENCE_THE_EVIDENCE_THE_DENIAL_AND_THE_IMPLICATIONS_FOR_PRIMARY_PREVENTION_AND_TREATMENT_1. – Date of access: 03.01.2017.
8. Moffitt, T.E. Findings about partner violence from the Dunedin multidisciplinary health and development study [Electronic resource] / Terrie E. Moffitt, A. Caspi // National Institute of Justice. – Mode of access: http://departments.bloomu.edu/crimjust/pages/articles/Dunedin_Viol.pdf. – Date of access: 08.05.2017.

**УКЛОНЕНИЕ ОТ ПОГАШЕНИЯ КРЕДИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ:
ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

В.А. Кукиштель,

преподаватель кафедры уголовного права и криминалистики, Полоцкий государственный университет, аспирант Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

В условиях экономического кризиса, охватившего многие континенты и страны, охрана экономической деятельности от преступных посягательств является одним из приоритетных направлений уголовной политики государства. Нельзя не отметить, что преступления, посягающие на основы гражданского оборота, приобретают первостепенное значение, поскольку современная национальная экономика рассматривает институт кредиторской задолженности как один из важнейших источников финансирования текущей деятельности многих субъектов хозяйствования как частной, так и государственной форм собственности. В соответствии с вышеизложенным особую актуальность приобретает характеристика признаков ст. 242 «Уклонение от погашения кредиторской задолженности» Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь). В рамках данной публикации в целях более полного и всестороннего изучения сущности и правовой природы рассматриваемого общественно опасного деяния, подробнее остановимся на предмете кредиторской задолженности.

На законодательном уровне в Республике Беларусь дефиниция кредиторской задолженности, а также и ее предмет легально не закреплены. В свою очередь в белорусской доктрине кредиторская задолженность является не разработанным направлением, как в правовой, так и в экономической науке.

Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь (далее – комментарий) не разъясняет предмет кредиторской задолженности в рамках ст. 242 УК Республики Беларусь. Однако содержит закрепление того, что кредиторская задолженность складывается из суммы всех материальных требований к должнику, включая реальный ущерб, причиненный неисполнением или ненадлежащим исполнением договорных или иных обязательств, штрафные санкции и понесенные кредитором судебные издержки [1].

В свою очередь законодательство о бухгалтерском учете и отчетности к предмету кредиторской задолженности относит только краткосрочную кредиторскую задолженность, к которой в соответствии с п. 16 Национального стандарта бухгалтерского учета и отчетности «Индивидуальной бухгалтерской отчетности» относится задолженность организации: перед поставщиками, подрядчиками, исполнителями; по авансам полученным; по налогам и сборам; по социальному страхованию и обеспечению; по оплате труда перед работниками, а также перед работниками по начисленным, но не выплаченным в установленный срок суммам; по лизинговым платежам; собственнику имущества (учреди-

телям, участникам) по выплате дивидендов и других доходов от участия в уставном капитале организации; прочим кредиторам [2].

Следует отметить, что субъекты хозяйствования могут иметь задолженность по краткосрочным и долгосрочным кредитам и займам, а также долгосрочные обязательства по лизинговым платежам, которые формально не относятся к кредиторской задолженности.

А. Смольский предлагает решение данной проблемы путем замены в ст. 242 УК термина «кредиторская задолженность» на «задолженность перед кредитором (кредиторами)» [3, с. 53].

На наш взгляд, данное предложение обоснованно, поскольку замена терминологии ликвидирует существующие несоответствия предмета кредиторской задолженности в законодательстве о бухгалтерском учете и отчетности и в уголовном праве.

На наш взгляд, под предметом кредиторской задолженности в рамках ст. 242 УК Республики Беларусь следует понимать денежные средства, которые должник обязан возместить кредитору на основании вступившего в законную силу судебного постановления вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения ранее заключенного между ними обязательства, имевшего гражданско-правовую природу.

В свою очередь предмет кредиторской задолженности нельзя отождествлять с ее дефиницией. При определении понятия кредиторской задолженности необходимо отразить ее гражданско-правовую природу, т.е. на основании чего она образуется, что входит в ее состав. В свою очередь, рассматривая предмет кредиторской задолженности в рамках ст. 242 УК Республике Беларусь мы говорим не о предмете гражданско-правовых обязательств, возникших на договорной основе, а о сумме долга (денежном выражении) возникшей вследствие нарушения вышеупомянутых обязательств и определенной экономическим судом.

Список использованных источников:

1. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Архаменко [и др.]; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2010. – 1007 с.

2. Об утверждении Национального стандарта бухгалтерского учета и отчетности «Индивидуальная бухгалтерская отчетность», внесении дополнения и изменений в Постановление Министерства финансов Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 46 и признании утратившими силу Постановления Министерства финансов Республики Беларусь от 31 октября 2011 г. № 111 и отдельных структурных элементов некоторых постановлений Министерства финансов Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Постановление Министерства финансов Республики Беларусь от 12.12.2016 г. № 104 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Смольский, А. Некоторые правовые и процессуальные аспекты уклонения от погашения кредиторской задолженности / А. Смольский // Судовы веснік. – 2014. – № 3. – С. 52 – 57.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ

Е.В. Пискунович,

ассистент кафедры уголовного права и криминалистики, Полоцкий государственный университет

Вопросам противодействия коррупции сегодня уделяется большое внимание, а их решению придается важнейшее значение во всех государствах. В проводимой Республикой Беларусь политике по противодействию коррупции прокуратура координирует правоохранительную деятельность государственных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией [1]. Проанализировав особенности осуществляемой органами прокуратуры деятельности по противодействию коррупции, а также содержание норм современного антикоррупционного законодательства Республики Беларусь, можно сформулировать ряд положений, направленных на теоретико-прикладное совершенствование деятельности органов прокуратуры по противодействию коррупции:

1. Деятельность органов прокуратуры по противодействию коррупции есть комплекс полномочий и предоставленного прокурорским работникам права:

– по координации деятельности правоохранительных органов, иных государственных органов и организаций, общественных организаций, граждан и средств массовой информации в сфере противодействия коррупции (координационная деятельность);

– по предупреждению коррупции, выявлению и устранению причин ее возникновения (профилактическая деятельность);

– по выявлению, предупреждению и пресечению коррупционных правонарушений (надзорная деятельность);

– по выявлению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (деятельность по борьбе с коррупцией);

– по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений и иных проявлений коррупции (правовосстановительная деятельность).

2. Надзорная деятельность является приоритетным направлением деятельности органов прокуратуры. Несмотря на наличие специфического объекта, предмета, цели и задач, прокурорский надзор за исполнением антикоррупционного законодательства является не отдельной отраслью, а относится к числу участков прокурорского надзора, поскольку пронизывает все отрасли прокурорского надзора, а также осуществляется в рамках приоритетного направления государственной политики Республики Беларусь – противодействия коррупции.

3. Закрепленная на законодательном уровне дефиниция «борьба с коррупцией» представляется терминологически и содержательно неточной, что заключается в отождествлении терминов «борьба с коррупцией» и «противодействие коррупции». Полагаем целесообразным заменить наименование Закона Респуб-

лики Беларусь «О борьбе с коррупцией» [2] на следующее: Закон Республики Беларусь «О противодействии коррупции».

4. Государство в лице правоохранительных органов, в частности, органов прокуратуры, не всегда способно в полной мере осуществлять противодействие коррупции. В связи с этим возникает необходимость тесного взаимодействия государства с институтами гражданского общества. Полагаем, что, несмотря на наличие в Законе Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» правовых норм, предоставляющих гражданам возможность принимать участие в решении государственных и общественных вопросов посредством осуществления ими общественного контроля, вопросы взаимодействия с институтами гражданского общества урегулированы недостаточно [2]. В целях детальной регламентации и закрепления роли институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции считаем целесообразным уточнить положения, касающиеся порядка осуществления институтами гражданского общества общественного контроля в сфере противодействия коррупции. В частности, необходимо определить критерии и детализировать процедуру отбора и участия представителей гражданского общества, уполномоченных принимать участие в координационных совещаниях. Указанные положения могут быть регламентированы, как в рамках отдельной нормы, так и в рамках отдельного закона, которым непосредственно были бы урегулированы вопросы осуществления общественного контроля в Республике Беларусь.

5. Учитывая значимую роль общественности в решении вопросов противодействия коррупции, представляется обоснованным дополнение статьи 4 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», закрепляющей принципы борьбы с коррупцией [2], принципом сотрудничества государства с институтами гражданского общества при осуществлении противодействия коррупции.

Список использованных источников:

1. О прокуратуре Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. О борьбе с коррупцией: Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-З // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК: 343.9

О ВОЗМОЖНОСТЯХ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТЕРЕОТИПА В КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ

Ю.Л. Приколотина,

доцент кафедры уголовного права и криминалистики, Полоцкий государственный университет, кандидат юридических наук

Криминологические исследования феномена насилия необходимо признать относительно самостоятельным и вполне устоявшимся направлением современной криминологии, стремящимся к институционализации в форме частной криминологической теории [1, с. 116]. Это притязание вайолентологии следует признать вполне соответствующим тенденциям современного научного знания – дифференциации исследуемых феноменов и специализации исследователей, выступающим средствами обеспечения достижения максимально конкретного научного результата.

Обособление вайолентологии не в меньшей мере оправдано существенными отличиями присущих насильственному поведению и насильственной преступности закономерностей криминологического характера (правовой природы, детерминационного процесса, криминогенных характеристик личности и т.д.). Абстрагирование более высокого уровня позволяет вычлнить феномен «насильственного» и оперировать им.

Институционализация вайолентологии в равной мере вызвана к жизни рядом иных, не менее значимых, процессов, одним из которых является обновленный социальный дискурс, вызвавший значительный и стойкий интерес к исследованию насилия. Множественность исследований насильственного поведения инасильственной преступности (в особенности, насилия в семье и насилия в отношении женщин) может быть пояснена тем, что насилие (в особенности, его рост) является одним из последствий и, что немаловажно, индикаторов дисфункциональности общественных институтов (ценностно-нормативных образований, составляющих фундамент социальной жизни, и обеспечивающих единство и стабильность социума), вызванной социальными трансформациями.

Иным, не лишенным смысла и не вступающим в противоречие с приведенными выше, гипотетическим объяснением повышенного интереса к насильственному как таковому является трансформация общественного сознания, повлекшая изменение правовой оценки ситуаций употребления силы и соответственно трансформацию методологии исследований. Закономерным является то, что изменение признаков отнесения деяния к насильственному (в том числе криминализация/декриминализация) обуславливают изменение результатов исследования насильственного поведения и насильственной преступности как социального феномена. В этом случае уже сами ценностно-нормативные образования подвергаются ревизии на предмет способности вызывать совершение насилия. В этой связи показательной является следующая мысль, выраженная исследователями И.В. Сошниковой и Г.А. Чупиной: «Тот факт, что проблема семей-

ного насилия ныне осознается как глобальная, невольно наводит на мысль, что указанный феномен имеет не только антропогенную и социально-психологическую природу: его корни уходят в систему ценностей и целей современной цивилизации, которая включает компоненты насилия в систему экологических, экономических, политических, межэтнических, межгосударственных отношений. Общество, заряженное на насильственные способы решения многообразных социальных проблем, продуцирует насилие и в частной сфере жизни» [2, с. 175].

Ряд упомянутых выше преобразований закономерно не мог не обусловить трудностей в части исследования насилия – объяснение насильственного поведения и насильственной преступности, предпринимаемое криминологами, все еще составляет достаточно серьезную проблему. Как показывает опыт, поведение человека может быть полноценно объяснено лишь посредством задействования в интерпретационный процесс всех структур личности, ответственных за человеческие отправления, либо сопряженных с таковыми. Юридическая наука, хранящая свои методологические основы, хотя и трансформирующая их, стоит на позиции ограничения объяснений, апеллирующих к биологической природе человека, обращаясь к сфере самоуправления личности, понимая личность как сознание, как автора деяния. Для криминологии как юридической науки все еще характерно обращение в процессе интерпретации криминального поведения либо масштабных криминогенных процессов к нормативной составляющей как социума, так и личности.

Актуальная криминологическая наука тяготеет к социологической парадигме, стремясь совместить социологические и социально-психологические теории. Это вполне закономерно, учитывая противоречивость (парадоксальность) современного мира и жизни современного человека. Наблюдаемая повсеместно борьба за свободу человека (права человека), инициированная необходимостью защиты личности от государства в условиях всегда наличествующей опасности авторитаризма и тоталитаризма, сопрягается с усилением воздействия коллективных надындивидуальных феноменов, с этой свободой несовместимых.

Перспективным в этом отношении методологическим шагом, позволяющим совместить классическую интерпретацию насильственного поведения и идеями социологического направления, является применение понятия социального стереотипа и модели социальной стереотипизации в процессе изучения криминогенных (виолентогенных) явлений. Социальные стереотипы, представляя собою продукт коллективного взаимодействия бессознательного характера, будучи обусловлены способом своего формирования и распространения, могут быть рассмотрены в качестве феноменов, вовлеченных в процесс продуцирования и воспроизводства насильственного поведения. Социальность стереотипа состоит в том, что он детерминирует восприятие личности и одновременно восприятие личностью того либо иного факта, процесса.

При всей сложности феномена социального стереотипа, выраженной в многообразии его определений, и осложненной эволюционированием его понимания, в современной социальной психологии он понимается преимущественно как обобщенное, устойчивое, шаблонное, эмоционально насыщенное,

связанное с социальной ценностью и мало зависимое от эмпирического познания представление о социальных объектах, которое усваивается индивидом в процессе взаимодействия, слабо рефлексивируется и обладает способностью к автономному воспроизведению [1, с. 7-8]. Проблема стереотипов, стереотипичности приобрела свою значимость в связи с теми действительными изменениями в общественном сознании, которые представляют собой искаженное восприятие действительности либо способствуют ему.

В настоящее время понятие стереотипа имеет преимущественно негативное значение. Итогом такой трактовки является выявление криминогенных стереотипов, навешивание на них ярлыка и полное отвержение. При этом в качестве замены им предлагаются суждения, которые по природе своей так же стереотипичны. Типичным примером является реагирование на выявленные гендерные стереотипы. Однако привнесение в тело культуры чужеродных ей стереотипов является в равной степени криминогенным.

Альтернативным пониманием социального стереотипа является гипотеза О. Клайнберга о «зерне истины». Она заключается в том, что в стереотипе содержится более истинного знания о социальном объекте, чем ложного [1, с. 11]. Так, согласно мнению Р.Ф. Баязитова, авторитарный стереотип является превращенной формой иерархического идеала. Такой подход может с успехом быть применен в исследовании насилия как формы отклонения. Полагаем, что деконструкция стереотипа должна служить не только и не столько цели его опровержения, сколько цели выхода на первоначальную ценность, первоначальные ценностные смыслы, лежащие в основании стереотипа. Социальному сознанию обычно приписывают стихийность, некритичность, ложность, что можно расценивать как криминогенные факторы. Однако употребление принципиально иного подхода к социальному стереотипу открывает возможности для последующего осознания лежащей в их основании ценности. В связи с этим У. Липманн утверждал, что стереотипы выполняют не только функции ориентации и экономии усилий, но и защищают социальные ценности, традиции [1, с. 32].

Приведенные выше вынужденно ограниченные размышления призваны привлечь внимание к возможности использования понятия социального стереотипа в качестве инструмента исследования насилия в семье, а также акцентировать внимание на способе его использования. В этой связи вопрос криминолога приобретает следующую формулировку: «Какие социальные феномены вызвали искажение первоначальной идеи семьи и каковы возможности ее восстановления?».

Список использованных источников:

1. Баязитов, Р.Ф. Авторитарный стереотип : сущность и проявления в социальных взаимодействиях / Р.Ф. Баязитов / Нижнекамск : Изд-во НМИ, 2006. – 175 с.
2. Сошникова, И.В., Насилие в семье: социальные предпосылки и факторы риска / И.В. Сошникова, Г.А. Чупина // Вестник Челяб. гос. ун-та. – 2010. – №20. Философия. Социология. Культурология. Вып. 18. – С. 174-188.
3. Шестаков, Д.А. Частная криминология в структуре науки о преступности / Д.А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – № 2(15). – 2008. – С. 114-118.

НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ОБ ОХРАНЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ ОТ ЗАГРЯЗНЕНИЯ

Т.И. Ремнёва,

*старший преподаватель кафедры уголовного права и криминалистики,
Полоцкий государственный университет*

За последние годы мировым сообществом был проделан огромный шаг в сфере охраны окружающей среды: расширялись исследования по национальным и международным программам, созданы новые системы мониторинга окружающей среды на национальном, региональном и международном уровнях, разрабатывались и внедрялись ресурсосберегающие технологии и системы очистки среды. Очевидно, что предотвратить негативные последствия воздействия на окружающую среду техногенных и иных факторов совместными усилиями представляется более эффективным и обоснованным. В связи с этим возрастает значение международного права в области охраны окружающей среды.

Международное законодательство в области охраны окружающей среды прошло длительный путь своего становления. Отметим, что к пониманию и осознанию острой необходимости совместного решения проблем охраны природной среды от загрязнений и рациональному использованию природных ресурсов мировое сообщество подошло еще в начале XX в.

Как отмечает В. А. Куряков, мировые политические круги и общественность угрожающий характер вредоносного воздействия на экологическую сферу стал серьезно заботить только во второй половине XX века, что было связано с появлением и применением таких методов и средств ведения военных действий, которые имели неизбирательное поражающее действие в отношении всего живого. Если раньше основой всех войн служило физическое поражение войск, то полвека назад сознательное разрушение природы на территории противника стало одним из стратегических и тактических направлений враждующих сторон [1, с. 161].

В то же время, следует отметить приоритетность и значимость международных правовых норм для формирования национального законодательства, что выражено в подходе многих авторов. Так, по мнению В. Г. Тихини, экологическое законодательство Республики Беларусь непосредственно с момента зарождения в качестве основ использовало базовые правовые идеи, которые служат основой эколого-правового регулирования на международном уровне [2, с. 154].

Первый этап создания норм современного международного права и связан с попытками объединения усилий различных стран в целях защиты природы в рамках международных конференций. Впервые конференция такого рода состоялась в 1913 г. в Берне (Швейцария). В 1923 г. в Париже состоялся I Международный конгресс по охране природы. В 1928 г. в Брюсселе было открыто Международное бюро защиты природы.

Второй этап связан с созданием ООН, которой в настоящее время принадлежит ведущая роль в международном экологическом сотрудничестве. В 50-е годы происходит изменение подхода к проблемам окружающей среды: на смену

концепции защиты природы как сохранения отдельных природных объектов пришла концепция охраны природы, предполагающая рациональное, комплексное использование естественных ресурсов. В связи с этим в 1956 г. Международный союз защиты природы был переименован в Международный союз охраны природы и природных ресурсов.

Третий этап характеризуется чрезвычайной активизацией многостороннего международного экологического сотрудничества, что было обусловлено негативными последствиями научно-технической революции. В 60-е годы воздействие человека на окружающую среду приобретает глобальный характер и все чаще превышает естественные возможности экосистем к самовосстановлению. В этот период сессия Генеральной ассамблеи ООН 1968 г. приняла резолюцию, установившую роль благоприятной окружающей среды для соблюдения основных прав человека.

Важнейшим этапом в экологической политике государств и всего международного сообщества принято считать состоявшуюся в г. Стокгольме (1972) Международную конференцию по окружающей человека среде, по решению которой и был создан постоянно действующий орган ООН по охране окружающей среды – ЮНЕП.

Начало четвертого этапа знаменует состоявшаяся 3-14 июня 1992 г. в Рио-де-Жанейро Конференция ООН по окружающей среде и развитию. Она подвела итоги международной деятельности по охране окружающей среды за двадцать лет, прошедших после Стокгольмской конференции, приняла целый ряд программных документов, разработала концепцию устойчивого человеческого развития, открыла для подписания международные конвенции об охране климатических ресурсов и о биологическом разнообразии. Конференция в Рио задала программу дальнейшего международного сотрудничества в области природоохранной деятельности принятием Повестки дня на XXI век и других итоговых документов, а также формированием стройной концепции принципов международного экологического сотрудничества.

В настоящее время международное сообщество заинтересовано в охране окружающей среды от загрязнений, в связи с чем, на международном уровне происходит дальнейшая работа над формированием общих принципов и положений, направленных на такую охрану. Особое значение таких положений обосновано тем, что нормы международного права об охране окружающей среды оказывают непосредственное влияние на формирование национальных законодательств в области охраны окружающей среды от загрязнений.

Список использованных источников:

1. Куряков, В. А. Экологическая безопасность и современная система ее обеспечения общими и уголовно-правовыми нормами международного права / В.А. Куряков // Экономические и юридические науки. Экологическое, жилищное и трудовое право. – № 14. – С. 161-165.
2. Тихиня, В.Г. Нормы международного права об охране окружающей среды в системе законодательства Республики Беларусь / В.Г. Тихиня // Право и демократия: сб. науч. тр.; редкол.: В.Н. Бибило (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2006. – Спец. вып. – С. 154-164.

ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В.П. Шарикова,

доцент кафедры уголовного права и криминалистики, Полоцкий государственный университет, кандидат юридических наук

Господствующие в криминологии теоретические концепции, объясняющие преступный акт как деяние, имеющее объективную социальную обусловленность, дают более органичное объяснение при дополнении детерминационной системы преступного поведения особым видом связи – телеологической (от греч. *телос* «цель»). Связью, возникающей тогда, когда явление предопределено тем значением, которое оно имеет в качестве средств достижения желаемого результата: «Так, человеческие действия определяются в большинстве случаев сознательным стремлением человека к определенной цели...» [1, с. 81]. Процессы целеполагания человека, как справедливо указал С.В. Познышев, представляют собой главные практические двигатели поведения личности. Постановка целей и сила стремления к их достижению является показателем активности лица, а их содержание и внутренняя иерархия раскрывают степень внутреннего духовного развития человека [2, с. 272].

Свобода волеизъявления человека заключается, в частности, в его способности произвольно руководствоваться собственными желаниями при формировании поведения, а основанием к такому произвольному движению воли является цель – *causa finalis*: «нет деяния без цели» [3, с. 2]. Как верно сформулировано доктором юридических наук Б.Н. Головкиным: «Цель указывает на причину планирования и осуществления конкретной деятельности, предопределяет выбор средств, или программы поведения» [4, с. 17].

Человек способен самостоятельно выбирать цели своих действий, однако выбор целей не является хаотическим процессом, напротив, в качестве критериев, которыми можно руководствоваться следует назвать ценность цели, её субъективную значимость или объективный ранг [5, с. 306]. Представление о ценности целей является стержнем для формирования у человека стремления к их достижению, потому ценностное устремление личности является ключевым элементом для объяснения ее поведения.

Оценка значимости достижения конкретной цели лицом определяется внешними факторами, и влияет на оценку средств ее достижения. В то же время человек формирует цели своего поведения и выбирает средства достижения целей, исходя из понимания законов протекания внешних процессов – иными словами, встраивая собственное поведение в законы окружающего мира вообще, и социального взаимодействия, в частности. Следовательно, социальные закономерности приобретают для целеполагания человека характер тех же условий, которые являются необходимыми для выбора им определенного поведения, в том числе преступного.

Стремления криминологов к объяснению того, что лежит в основе выбора конкретных целей, устанавливаемой личностью иерархии целей, и почему пре-

ступление может рассматриваться как приемлемое средство достижения целей, способствовали более глубокому исследованию механизма внешнего воздействия на целеполагание лица.

Ответ на вопрос о механизме влияния общества на личность в общем виде дается в работах Г. де Тарда, описавшего особенности проявления социального закона подражания на уровне общества: «Все самые главные акты общественной жизни совершаются под властью примера» [6, с. 106]. При социализации человек не целенаправленно (в отличие от воспитания), а скорее бессистемно усваивает социальные нормы, регулирующие поведение окружающих людей. В ходе социализации происходит усвоение индивидом посредством подражания присутствующих конкретной культуре норм поведения, социальных установок, культурно одобряемых целей. Последние предстают в форме неких идеалов, достижение которых необходимо каждому для принятия его сообществом и признания его социально успешным. Кроме того, рассматриваемый процесс предполагает и усвоение содержания конкретных социальных эмоций и ожиданий, принятие социальных статусов и ролей, являющихся значимыми для социальных отношений и влияющих на социальное поведение индивида.

Американский социолог Р. Мертон, раскрывая механизм социального обуславливания целеполагания личности и выбора ею средств достижения целей, сформулировал следующие закономерности: «Приобретая эмоциональную поддержку и значимость, господствующие цели устанавливают определенные рамки, в которые должны укладываться человеческие устремления. Это вещи, «за которые стоит бороться». <...> Каждая социальная группа неизменно связывает свои культурные цели с укоренившимися в ее нравах и институтах нормами, регулирующими допустимые процедуры продвижения к этим целям» [7, с. 245]. То есть в качестве источника осознанных стремлений человека и путей реализации возникающих стремлений выступает социальное сообщество. А механизмом восприятия господствующих в обществе целей и разрешенных форм их достижения является подражание имеющимся в социальной среде примерам поведения. Социальные нормы, в форме социальных установок, выступают в качестве источника целей и средств их достижения. Вслед за Р. Мертоном, социологи уверены, что лицо приспособляется к социальному общежитию путем интериоризации культурно одобряемых целей и разрешенных обществом средств их достижения. Поэтому самостоятельное значение для объяснения целеполагания личности приобретают социально культивируемые цели и нормы поведения (наиболее распространенные и типичные для определенного социального сообщества образцы поведения), интериоризируемые личностью в процессе её социализации.

Роль ближайшего окружения лица как источника приобретения им приоритетов собственного целеполагания и поведения раскрыты в теории дифференцированной ассоциации Э. Сатерленда, занимающей особое место в криминологической парадигме объяснения индивидуального преступного поведения. Ученый доказал, что механизм подражания приводит к усвоению личностью социальных норм, присущих её ближайшему окружению, а также мотивов, целей и оценок, доминирующих в различных кругах общения. Существуют цели, являющиеся в определенной степени престижными для большинства членов соци-

альной группы, подражая которым человек интегрируется в социальную жизнь. Социализация личности определяет органическое сочетание объективных внешних условий с внутренними компонентами личности.

Обращая внимание на значительное влияние микросреды при формировании негативных качеств личности, следует подчеркнуть, что неверная оценка конкретного поведения, если она господствует в определенной микросреде, может восприниматься личностью и ложиться в основу ее уже автономного самоопределения. Поэтому необходимым условием формирования у личности терпимого отношения к использованию преступления, как средства достижения конкретных целей, является наличие примеров такого отношения среди окружающих. Профессор Д.А. Шестаков считает, что под воздействием негативных проявлений окружения у человека формируются даже отрицательные черты характера – агрессивность, корысть, тревожность и тому подобное; микросреда предопределяет образ поведения, отношения к окружающим, к социальному порядку, а также правосознание человека. При этом к окружению человека исследователь относит не только семью, группы, в которых человек учится, работает, проводит свой досуг, а также литературу, искусство, средства массовой информации, моду, которые также образуют своеобразные среды обитания индивида [8, с. 215-219].

Таким образом, источником формирования личностных целей индивида выступает общество, а наиболее ощутимо обуславливает ценность тех или иных целей для лица и соответственно влияет на их внутреннюю иерархию – ближайшее окружение человека. Ценностная ориентация человека является первичным элементом для избрания им целей, ведь цели личность избирает в зависимости от их ценности, следовательно, именно актуализированные ценности задают плоскость, в которой будет разворачиваться внутренняя жизнь личности.

Список использованных источников:

1. Франк, С.Л. Введение в философию в кратком изложении / С.Л. Франк. – СПб. : АБРИС-КНИГА, 1993 – 97 с.
2. Познышев, С.В. Криминальная психология: Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности / С.В. Познышев; сост. и предисл. В.С. Овчинского, А.В. Федорова. – М. : ИНФРА-М, 2007. – 302 с.
3. Иеринг, Р. Цель в праве / Рудольф фон-Иеринг ; пер. В.Р. Лицкого, Н.В. Муравьева, Н. Ф. Дерюжинского. – СПб. : Изд. Н.В. Муравьева, 1881. – Т. 1. – 412 с.
4. Головкин, Б.М. Корислива насильницька злочинність в Україні: феномен, детермінація, запобігання : монографія / Б.М. Головкин. – Х. : Право, 2011. – 432 с.
5. Левицкий, С. А. Трагедия свободы: избранные произведения / С. А. Левицкий ; вступ. ст., сост. и коммент. В. В. Сапова. – М. : Астрель, 2008. – 992 с.
6. Тард, Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы / Жан Габриэль Тард ; сост. и предисл. В. С. Овчинского. – М. : ИНФРА-М, 2010. – 319 с.
7. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. – М. : АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
8. Шестаков Д. А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире : учебник / Д. А. Шестаков ; предисл. В. П. Сальникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 561 с.

ИМИДЖЕВАЯ ИНФОРМАЦИЯ О СУДЕ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ

Е.Н. Ярмоц,

заведующий кафедрой уголовного права и криминалистики, Полоцкий государственный университет, кандидат юридических наук, доцент

Слово «имидж» произошло от лат. «*imago*» – изображение, образ, отражение, вид, видимость, мысленный образ, представление, понятие, идея. Б.Ю. Эрдынец указывает на три основных составляющих имиджа – носитель имиджа, концепт имиджа и имидж-информация. Под имиджевой информацией автор понимает весь комплекс имиджевых текстов, используемых для формирования имиджа, которые должны обладать социальной значимостью объекта описания, доступностью, адресностью и аргументированностью предоставляемой информации [1, с. 29.]. Любая имиджевая информация в качестве одной из своих задач имеет создание положительного образа, повышение осведомленности населения, формирование благоприятного мнения об учреждении (организации, государственном органе) и направлена на то, чтобы сделать это мнение устойчивым.

Ниже мы попытаемся раскрыть тезис о том, что суд как публичное учреждение в современном информационном обществе может выступать как носитель имиджа, создающий / размещающий имиджевую информацию о судебной деятельности. Суды, как представляется, в современный период достаточно серьезно и ответственно подходят к формированию своего имиджевого концепта, поскольку положительный имидж способствует повышению доверия, престижа, а, следовательно, авторитета судебной власти в обществе. Особое значение имиджевой судебной информации придается в государствах общего права, что в определенной степени можно объяснить давними традициями осуществления правосудия и институтом выборности судей.

Международные правовые акты и национальное законодательство современных государств в качестве первоочередной задачи развития судебной системы рассматривают создание условий и обеспечение гарантий доступности правосудия для населения. Имиджевая информация о суде, по нашему мнению, может выступать в качестве несомненного и действенного инструмента повышения доступности правосудия. Под доступностью правосудия мы понимаем качественную характеристику правосудия, способную обеспечить оптимальные условия (удобство) для граждан, обратившихся в суд или планирующих обратиться в суд за судебной защитой, а также иных лиц, интересующихся судебной деятельностью в целом или деятельностью конкретного суда.

Важнейшим источником размещения имиджевой информации о суде является сайт конкретного суда или сайт объединенной системы судов. Стоит отметить, что информационное наполнение сайтов судов в различных государствах неоднородно. Это зависит от ряда факторов, таких как наличие сформировавшихся традиций независимой судебной власти в правовом государстве, уровня информационного, кадрового и ресурсного обеспечения, положения суда в судебной системе государства, функционирование института судебного администрирования и т.п.

К имиджевой информации о суде в самом общем смысле можно отнести информацию, направленную на ознакомление с историей учреждения, развития и деятельности того или иного суда, со сложившимися традициями и документальными свидетельствами о людях и событиях, оказавших заметное влияние на формирование независимой судебной власти, судебной системы и принципов правосудия в целом. Так, на главной странице сайта Верховного Суда США имеется вкладка «Посещения», где можно найти сведения о времени и днях визита суда. В целях визуализации информации о суде сайт суда предоставляет возможность виртуального посещения и ознакомления с историей суда, первыми судьями, традициями, историей строительства, архитектурными особенностями здания суда, фотографиями и описанием скульптур, фронтонов, залов судебных заседаний, коллекцией исторических фотографий интерьера и экстерьера суда, портретами и памятными вещами [2].

В Верховном Суде США над созданием имиджа суда работает офис судебных администраторов, который осуществляет подготовку экспозиций, посвященных судебной деятельности [3]; организует прослушивание лекций (на сайте размещен календарь лекций по датам и времени), просмотр фильмов об истории Верховного Суда США (в суде имеется два кинозала, доступных для всех). В здании суда также расположен сувенирный магазин, в котором можно приобрести сувенирную продукцию, развивающие игры, учебную и подарочную литературу о Верховном Суде США [4].

Сайт Верховного Суда Индии также предоставляет возможность виртуального знакомства с историей создания, традициями, структурой и составом суда. На сайте размещены видеоролики и фото о суде [5]. При Суде функционирует музей и судебная библиотека. Идея создания Музея возникла в 1994 г. с целью демонстрации и сохранения редких манускриптов, артефактов, исторических документов, фотографий, образующих юридическое наследие Индии [6]. В библиотеке представлена периодическая литература, монографии, учебники, правительственные отчеты, федеральное законодательство, имеется внутренняя база данных для судей, содержащая последние судебные решения.

К имиджевой информации о суде относится также информация, направленная на популяризацию суда и судебной профессии, возможностей карьерного роста, учреждений образования, дающих возможность получения юридического образования, обучения судей и повышения квалификации. Так, на сайте «Unites States Courts» на главной странице имеется раздел «Моменты в истории». При желании можно пройти по внешней ссылке на канал Youtube, где размещены ролики о людях, внесших значительный вклад в понимание, толкование, развитие и применение права, отдельных его институтов и норм [7]. На сайте можно найти фамилии и инициалы всех судей Верховного Суда США, начиная с 1789 г. и по настоящее время [8], актуальную информацию о ныне работающих судьях (дата рождения, семейное положение образование, карьера, дата назначения на должность и др.), а также просмотреть видеоролики, в которых судьи делятся профессиональным и жизненным опытом [9].

Многие суды размещают на своих сайтах информацию о проведении в суде различных мероприятий по повышению уровня правовой грамотности и правовой культуры населения. Так, во всех американских судах ежегодно проводят-

ся дни «открытых дверей», приуроченные, в том числе, к государственным праздничным дням. Школа может связаться с судом для организации единичного или цикла мероприятий в игровой форме по актуальным правовым вопросам для школьников [10]. Также на сайтах судов можно найти образовательную информацию и примеры занятий для школьников в интерактивной форме, позволяющие познавать основы права и судебной деятельности [11].

Немаловажное значение при формировании имиджа суда имеет способ размещения информации о судебной деятельности. Так, при представлении информации на сайтах судов в демократических государствах большое внимание уделяется вопросу доступности информации для людей с ограниченными возможностями и наличие в содержании информации элементов так называемой «культурной чувствительности» (cultural responsiveness) для различных групп населения: женщины, коренные народы, этнические группы, эмигранты и вынужденные переселенцы, ВИЧ-инфицированные, лица с физическими недостатками и психическими расстройствами, жертвы семейного насилия, иностранцы, несовершеннолетние, пожилые граждане. Суды размещают на своих сайтах информационные листы/брошюры по облегчению доступа к правосудию указанных лиц, содержащие рекомендации как для самих граждан, так и для судебного персонала [12].

Сайты многих судов на главной странице размещают вкладку «Доступность», где можно найти информацию о вспомогательных средствах по обеспечению физической доступности в здание суда для лиц с ограниченными возможностями: о расположении парковочных мест, лифтов, инвалидных колясок, общественных телефонов, вспомогательных средств для прослушивания, о наличии квалифицированной помощи в переводе (включая язык жестов), специально оборудованных помещений на (во) время проведения судебных заседаний, компьютеров с дополнительными программами чтения для слабовидящих (в брайлевском, электронном формате или аудиоформате) [13].

Важное значение сегодня в целях популяризации деятельности различных учреждений (в том числе и судов) приобретает наличие на сайте ссылок на социальные сети (Facebook, Twitter, Instagram, Youtube, Amici Podcast). Это позволяет подписчикам сайта быть в курсе последних новостей и событий, связанных с судом и судебной деятельностью (решения судов, подкасты по наиболее актуальным вопросам, видеоролики и свежие снимки). Так, серия подкастов «Amici» на объединенном сайте судов Нью-Йорка была создана для обмена информацией между судьями и всеми заинтересованными лицами. В этих подкастах размещены интервью с судьями и другими сотрудниками суда, а также комментарии по актуальным вопросам, представляющим интерес для юридической общественности и населения [14].

Можно привести еще довольно много примеров размещения имиджевой информации о суде (сведения о стипендиях, выделяемых судами, для проведения исследований в области права и прохождения стажировок [15], наличие системы поиска вакантных мест в суде, в том числе технического персонала [16], прозрачная система заполнения анкет и сведения о баллах по результатам сдачи экзаменов на занятие судейской должности (должности помощника судьи) и др.

Суд в современном обществе, таким образом, можно рассматривать как носителя имиджа, размещающего имиджевую информацию о своей деятельно-

сти. Суд, являясь публичным учреждением, заинтересован в создании и поддержании положительного имиджа о себе как учреждении с давними традициями осуществления правосудия. Поэтому сайты судов (как правило, высшего звена) многих зарубежных государств предоставляют довольно интересную и обширную информацию, способствующую популяризации юридической профессии как таковой, а также судейской профессии, в частности.

Список использованных источников:

1. Эрдынцева, Б.Ю. Дискурсивная природа конструирования имиджа // Наука и общество: проблемы современных исследований: сб. науч. ст. : в 2 ч. – Ч. 2. Проблемы современных исследований в гуманитарных науках / под ред. А.Э. Еремеева. – Омск : Изд-во НОУ ВПО «ОиГА», 2011. – С. 28–34.

2. Supreme Court of the United States / The Court as an Institution // Режим доступа: <https://www.supremecourt.gov/about/institution.aspx>. – Дата доступа: 24.08.2017.

3. Supreme Court of the United States / Exhibitions // Режим доступа: <https://www.supremecourt.gov/visiting/TempleOfJustice.aspx>. – Дата доступа: 23.08.2017.

4. Supreme Court of the United States / Building Amenities // Режим доступа: <https://www.supremecourt.gov/visiting/buildingamenities.aspx>. – Дата доступа: 24.08.2017.

5. Supreme Court of India / The Court - Photo Gallery // Режим доступа: <https://www.supremecourt.gov/>. – Дата доступа: 25.08.2017.

6. Supreme Court of India // Режим доступа: <http://sci.gov.in/pdf/Museum/m1.pdf>. – Дата доступа: 12.07.2017.

7. United States Courts / Moments in History // Режим доступа: <https://www.youtube.com/playlist?list=PL4bcxoLSIaXcGpuWuSqfymXgMJiFfL9UP>. – Дата доступа: 23.08.2017.

8. Supreme Court of the United States / Justices 1789 to Present // Режим доступа: https://www.supremecourt.gov/about/members_text.aspx. – Дата доступа: 24.08.2017.

9. United States Courts / Pathways to the Bench Video Series // Режим доступа: <http://www.uscourts.gov/judges-judgeships/pathways-bench-video-series>. – Дата доступа: 25.08.2017.

10. United States Courts / Open Doors to Federal Courts // Режим доступа: <http://www.uscourts.gov/about-federal-courts/educational-resources/annual-observances/open-doors-federal-courts>. – Дата доступа: 20.07.2017.

11. United States Courts / Educational Resources // Режим доступа: <http://www.uscourts.gov/about-federal-courts/educational-resources>. – Дата доступа: 25.08.2017; United States Courts / Educational Activities // Режим доступа: <http://www.uscourts.gov/about-federal-courts/educational-resources/educational-activities>. – Дата доступа: 25.08.2017.

12. Center for court innovation / Cultural responsiveness and the courts // Режим доступа: http://www.courtinnovation.org/sites/default/files/documents/Cultural_Responsiveness_0.pdf. – Дата доступа: 17.07.2017.

13. NYCourtsgov. New York State Unified Court System / Accessibility / Americans with disabilities // Режим доступа: <http://www.nycourts.gov/accessibility/index.shtml>. – Дата доступа: 15.07.2017.

14. NYCourtsgov. New York State Unified Court System / Amici Podcast Series // Режим доступа: <http://www.nycourts.gov/admin/amici/>. – Дата доступа: 25.08.2017.

15. Supreme Court of the United States / Fellows Program // Режим доступа: <https://www.supremecourt.gov/fellows/>. – Дата доступа: 24.08.2017.

16. United States Courts / Search Judiciary Jobs // Режим доступа: <http://www.uscourts.gov/careers/search-judiciary-jobs>. – Дата доступа: 25.08.2017.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.123

СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

А.Л. Белоусов,

доцент кафедры теории и истории государства и права, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, кандидат юридических наук, доцент

В последней декаде XX века в качестве социальных государств признали себя практически все страны Центральной и Восточной Европы, что нашло свое конституционное закрепление также и в Республике Беларусь в 1994 году. Данное обстоятельство совпало с кризисом идеи социального государства, начало которого приходится на конец 70-х – начало 80-х годов XX века, который был обусловлен все более широким распространением в мировой экономической науке неоконсервативного направления, концептуальную основу которого составили монетаризм и теория предложения. Практическая реализация данного направления нашла свое отражение в социально-экономических принципах тэтчеризма и рейганомики, и как следствие активизации глобализационных процессов.

Данное обстоятельство оказало непосредственное влияние на объем и содержание социальных функций посткоммунистических государств, определивших для себя различные стратегии проведения рыночных реформ: Польша, Литва, Чехия, Эстония, Словакия – глубокие, быстрые реформы с их дальнейшим сохранением, Россия – прерванные глубокие быстрые реформы, Украина – постепенные реформы, Беларусь – ограниченные реформы.

Более чем двадцатилетний опыт функционирования посткоммунистических государств в условиях глобализационных процессов, свидетельствует, что глобализация оказала значительное влияние на рационализацию их социальных функций. Внедряемые с начала 90-х годов XX века в экономику посткоммунистических стран капиталистические отношения, и в первую очередь основанные на свободной конкуренции, привели на начальном этапе трансформации к обнищанию и маргинализации отдельных социальных групп, что способствовало нестабильности политической ситуации в регионе, а также распространению угрозы построения демократической системы. Либерализация рынка привела к экономическому расслоению общества и ограничила возможности социального взаимодействия. Маргинальные группы и слои населения пытаются найти объяснение ситуации, в которой они очутились, благодаря чему становятся чрезвы-

чайно восприимчивыми к всевозможным политическим воздействиям со стороны популистских лидеров и партий.

Согласно Г. Эспинг-Андерсена в настоящее время сложились три модели социального государства: неолиберальная, консервативно-корпоративистская и социально-демократическая [1]. Этим можно объяснить факт того, что в юридической доктрине отсутствует общепринятое научное определение понятия «социальное государство», которое вряд ли когда-либо будет создано. Тем не менее, определяя Республику Беларусь как социальное государство общество и ее политические элиты должны себе четко представлять, какая модель социального государства в настоящее время наиболее полным образом удовлетворяет наши коллективные потребности, а также ответить на вопрос способно ли белорусское социальное государство эффективно бороться с вызовами глобализации.

Решая данную проблему необходимо провести, прежде всего, анализ взаимосвязей между социальным государством и глобализацией, который позволяет выделить с этой точки зрения три принципиальных подхода.

1. Детерминистический подход. Согласно ему глобализация имеет фундаментальное влияние на социальное государство посредством увеличения роли свободного рынка. Включение государства в мировую экономику ослабляет значение его социальной функции. Уменьшается автономия государства, как в политической, так и экономической сфере. В частности, это проявляется в ослаблении или даже отсутствии контроля над национальной экономикой.

2. Глобализационный индетерминизм. Представители данного направления исходят из того, что процесс глобализации не оказывает существенного влияния на цели, задачи и роль социального государства в современном обществе. Социальное государство – это конечный элемент мировой экономики, который является противовесом негативных последствий, вызванных экономическими изменениями. В основе эрозии социального государства лежат идеологические и политические причины, а не экономические. Социальное государство не может быть ликвидировано, однако при этом его ожидает существенная реорганизация и модернизация.

3. Промежуточный подход между детерминистической и индетерминистической точкой зрения. В данном подходе подчеркивается, что глобализация оказывает влияние на социальное государство, которая при этом учитывается аппаратом государства при планировании и реализации его социальной функции. Сторонники данного подхода, сходятся во мнении, что некоторые модели социального государства лучше подготовлены к функционированию в условиях глобального рынка, а некоторые хуже. Из этого делается вывод, что разные типы социальных государств по-разному реагируют на глобализацию. При этом наиболее значимым негативным последствием глобализации, а также основной проблемой, стоящей перед правительствами государств, является придание рынку неквалифицированного и низко квалифицированного труда международного

характера. В свою очередь способы борьбы с безработицей зависят от политики, принятой правительствами того либо иного государства.

Проведенные размышления убедительно свидетельствуют, что для поддержания социальной стабильности, общественного порядка, укрепления национальной безопасности и суверенитета белорусского государства должна быть сформулирована четкая цель его социальной функции, отсутствующая до настоящего времени, достижение которой невозможно без эффективного выравнивающего перераспределения доходов членов общества на основе принципов социальной справедливости. В связи с этим основное внимание современного белорусского социального государства должно быть сконцентрировано на ликвидации бедности и социальных исключений, как основных факторов, лежащих в основе девиантности общества.

Список использованных источников:

1. Esping-Andersen, G. The three worlds of welfare capitalism / G. Esping-Andersen // Princeton University Press Princeton, New Jersey. – 1990. – 248 p.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВ (ФОРМ) ПРАВА

А.А. Бочков,

профессор кафедры истории и теории права, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, кандидат философских наук, доцент;

А.А. Бочкова,

старший преподаватель кафедры истории и теории права, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Термин источник отличается сложностью, многогранностью и имеет несколько значений: источник происхождения, изменения, прекращения права, появления и функционирования норм права, легитимности, легальности права, его реализации, разрешения юридически значимых дел, силы нормативного правового акта и т.д. Используя термин «источник права», нужно учитывать прежде всего первопричины формирования права, факторы, определяющие происхождение его содержания и формы. Следует признать справедливость утверждения М.Н.Марченко, что «форма права, как и само право, весьма многогранна, многослойна и многозначна» [1, с.424].

Г.Ф. Шершеневич, отмечая малопригодность и многозначность понятия источник права, писал, что в этот термин традиционно вкладывают разный смысл, понимая под ним: а) силы творящие право (воля Бога, власть народа, правосознание, идея справедливости, государственная власть); б) материалы, положенные в основу законодательства (римское право – как источник при подготовке германского Гражданского кодекса, труды ученого Потье при разработке Кодекса Наполеона); в) исторические памятники, которые когда – то имели значение действующего права; г) средства познания действующего права [2, с.368].

Л.И. Петражевский, рассматривая позитивное право и его виды, отмечал различные подходы по вопросу определения источников права: «...Некоторые определяют источники права как формы создания права, другие как основание возникновения права, третьи как факторы, обосновывающие право в объективном смысле, четвертые как признаки обязательности юридических норм, пятые как различные формы выражения права, т.е. общей воли и т.д.» [3, с.411].

Понятие «источник права», обусловлен прежде всего, природой, назначением права, концепцией правопонимания. Для англосаксонского, романо-германского, религиозно-традиционного (мусульманского, индусского, иудейского) права присущ свой набор источников, имеющих различные формы. При этом источник, выступает как закономерно проявляющаяся юридическая форма государственно-правового содержания. Содержание – определяющая сторона целого (взаимосвязь содержания и формы) – единство всех составных элементов объекта, его свойств, внутренних процессов, связей, противоречий и тенденций [4, с.621].

Общераспространенное значение термина «источник права» понимает под ним силу, создающее право. Естественно-правовая теория такой силой считает неотъемлемые естественные права и свободы человека, идущие от Бога, Приро-

ды, от рождения, человеческой сущности. Позитивистская концепция такой силой признает власть государства, принимающего нормы права исходя из его общественных потребностей, интересов властной элиты или правителя.

В литературе нет общепринятой точки зрения, как по определению, так и по соотношению понятий источник и форма права. Форма – это внешнее выражение и внутренняя организация, способ существования содержания. По вопросу соотношения форма и источник, существуют три основных подхода:

1) отождествление данных феноменов, когда они понимаются как совпадающие, равнозначные;

2) различие, полное несовпадение друг с другом;

3) взаимосвязь, совпадение в одном аспекте и значительное отличие в другом.

Проф. Н.В.Сильченко полагает, что для определения внешних форм выражения и закрепления, действующих в обществе норм позитивного права, целесообразно использовать термин «источники права». Выбор данного термина находится «в русле содержания отдельного конституционного института источников права» [5, с.13].

Следует согласиться с проф. Г.А.Василевичем, что форма и источник соотносятся также как диалектические парные категории форма и содержание [6, с.6]. Следует исходить из философского закона тождества и единства формы и содержания, их взаимосвязи и взаимообусловленности. Единство доходит до перехода друг в друга. При этом содержание оформлено, форма содержательна. Однако это единство является относительным. «Во взаимоотношении содержания и формы, содержание представляет подвижную, динамичную сторону целого, а форма охватывает систему устойчивых связей предмета. Возникающее в ходе развития несоответствие содержания и формы, в конечном счете, разрешается «сбрасыванием» старой и возникновением новой формы, адекватной развившемуся содержанию» [7, с.621].

Исходной, определяющей категорией содержания является источник права, а форма права выступает порождением, внешним выражением источника. Вторичность формы права по сравнению с источником, не умаляет ее важности для права и государства. Специфика правовой материи в том, что форма, формализованность – это качественная характеристика права, без которой оно не может функционировать. Организуя и оформляя систему правил поведения, составляющих содержание права, «форма права тем самым создает условия для его стабилизации, закрепления и, соответственно, для его дальнейшего совершенствования и развития» [8, с.427-428]. Источник права – это внешняя форма права, официальный, документированный, формально юридический способ выражения государственной воли.

Понятие «источник права» также употребляется в качестве материальных, политических, социальных, духовных, моральных, религиозных причин возникновения права, определения его содержания и формы. Под источником права понимают и материальные условия жизни общества, и те социальные силы, которые создают право и продукт – этой силы (закон, декрет) и основания юридической обязательности нормы (источник права в формальном, юридическом

смысле), и материалы, посредством которых мы познаем право (источники познания права) и идейные, духовные основы, лежащие в праве (идеи, концепции, доктрины, правосознание и т.д.).

Следует согласиться с известным положением, которое не утратило своего значения: «Законодательная власть не создает закона, – она лишь открывает и формулирует его» [9, с.285].

Рассматривая определение права по источнику, как более объективное, чем по содержанию, Н.М.Коркунов подчеркивал, что «все первоначальное законодательство носит характер лишь дополнения, придатка к обычному праву» [10, с.66]. С его точки зрения, определение права по источнику, зависит от того, возникает ли право как продукт личного духа или оно создается общественными условиями, государством.

Понятие «источник права» в формально-юридическом смысле ввели римские юристы. Еще Марк Тулий Цицерон (106 г. до н.э. – 43 г. до н.э.) в своей знаменитой работе «Три трактата об ораторском искусстве» писал: «Для всякого, кто ищет основ и источников права, одна книжица XII таблиц весом своего авторитета и обилием пользы воистину превосходит все библиотеки всех философов» [11, с.113].

По мнению проф. Г.Н.Муромцева, необходимо выработать многоуровневое, общее понимание источника права и определения, применимые в рамках того или иного типа права, правовой системы. Сам он дает следующее определение источника права, как источника правовых норм, придающих им общеобязательность: «...Под источником права следует понимать обусловленный характером правопонимания данного общества, способ признания социальных норм в качестве обязательных. ...Общеобязательность правовых норм связывается с государственным установлением (правотворчеством) либо санкционированием (признанием)» [12, с.149].

Как считает проф. Н.В. Сильченко, система источников права – «гэта афіцыйныя сродкі, з дапамогай якіх у дзеячую прававую сістэму ў вызначаным парадку ўключаюцца новыя нормы права і з дапамогай якіх з прававой сістэмай выключаюцца непатрэбныя, састарэлыя ці страціўшыя сваё значэнне нормы права» [13, с.16].

Форма (источник) права – это способ объективирования, документирования государством (выражения вовне) норм права, придания им общеобязательной юридической силы. «...Способ (прием, средство) внутренней организации и внешнего выражения права, а точнее, выражения содержащих в нормах права правил поведения» [14, с.433]. Это способ придания государством норме определенной формы. Это тот формализованный акт, откуда черпаются сведения о правиле поведения. Под источниками (формами) права понимают исходящие от государства или признаваемые им официально-документальные способы выражения и закрепления правил поведения, придание им юридически обязательного, государственно-обеспечительного значения [15, с.260]. Позитивное право в обязательном порядке требует своего внешнего выражения, с тем, чтобы его положения были официально закреплены и доведены до сведения масс. Лишь

после официального опубликования нормы права приобретают общеобязательное значение, а нарушители привлекаются к юридической ответственности. Пока нормы права не выражены вовне, не задокументированы, не вступили в силу, не доведены до сведения адресата, они не существуют, не реализуются. Это форма, в которую облакаются нормы права [16, с.247]. Способы внешнего выражения называются формами или источниками права. Форма свидетельствует о внешнем выражении, а источник, указывает, откуда можно взять сведения о нормах права.

Форма закрепляет, фиксирует, символизирует общеобязательность права. Она является источником правовой информации. С помощью правовой структуры, юридических конструкций форма организует, синтезирует, приводит в порядок содержание права. С помощью юридической процедуры, обязательных правовых реквизитов, минимизируется проявление субъективизма при принятии юридических решений [17, с. 388]. Форма права – это внешнее его выражение (юридические источники права: нормативные правовые акты, правовые обычаи, судебные прецеденты, правовые доктрины, правовые принципы и т.д.) и внутренняя организация права (система права, состоящая из норм права, институтов, подотраслей права, отраслей права) [18, с.258].

Черты источников права:

- 1) нормативность (общее правило поведения);
- 2) общеобязательность, что означает непререкаемость правовых установок, беспрекословность их осуществления всеми субъектами права, попавшими в сферу правового регулирования;
- 3) формальная определенность – четкое оформление правовых предписаний, выражение их вовне с указанием на соответствующие права, обязанности и последствия невыполнения (прежде всего в официальном письменном документе);
- 4) общеизвестность – качественный признак форм права, связанный с информированностью, обнародованием, доведением их до адресатов;
- 5) неперсонифицированность (распространенность нормы на всех субъектов права, находящихся в сфере правового регулирования);
- 6) процедурность (связанная с принятием и воплощением права в жизнь по определенной процедуре, последовательности и форме);
- 7) системность форм (источников) позитивного права (единство, взаимосвязь, взаимодействие, формирование их по единым принципам, направленность действия к единой цели);
- 8) иерархическая взаимосвязь источников позитивного права в плане подчиненности, юридической силы, соответствия, значимости и обязательности. Форма акта должна соответствовать содержанию регулируемых общественных отношений, учитывать место правотворческого органа среди других органов власти, для того, чтобы избегать правовых коллизий и пробелов.

Источники права должны оформляться понятным и доступным юридическим языком.

Источники права – это тот юридический резервуар норм, который служит объективной основой для решения юридических дел. Источники и формы права

часто рассматриваются в юридической литературе как синонимы. Источники – это определенные внешние формы выражения правовой нормы. Форма показывает, каковы внешние проявления права, в каком виде оно существует и функционирует в реальной жизни. С помощью формы происходит придание государственной воле доступного и общеобязательного характера, официального доведения этой воли до исполнителей. Посредством формы право получает «путевку в жизнь», приобретает юридическую силу.

Юридическая наука выделяет несколько видов исторически сложившихся форм (источников) права. К наиболее распространенным, относятся: правовые обычаи, юридические прецеденты, правовые доктрины, религиозные писания, общие принципы права, нормативные правовые акты, нормативные договоры, формулы великих юристов и т.д.

Существуют различные классификации форм (источников) права: первичные и вторичные, писанные и неписанные, формальные и неформальные, официальные и неофициальные. Так, в зависимости от способа формирования, источники романо-германского права подразделяются на две группы:

а) акты, исходящие от государственных законодательных и исполнительно-распорядительных органов, формирующие статутное право;

б) источники, возникающие и развивающиеся в силу развития самого общества: обычаи, традиции, правовые доктрины, работы видных ученых юристов (включающие монографии, учебники, комментарии, Конституции, законов), правовая культура [19, с.488].

В этой правовой системе к первичным источникам по степени распространенности и обязательности, относят нормативные правовые акты, во главе с законом и правовые обычаи, вторичным – судебные решения (прецеденты), включая решения зарубежных судов, доктрины, правовые традиции, общие принципы права.

«На доктринальном уровне правовой системы формируются такие источники права, как доктрина и принципы права. В рамках нормативного ее пласта – нормативный правовой акт, а в сфере правореализации – правовой прецедент, судебная практика, нормативный договор, обычай» [20, с.292]. Также выделяют формы, установленные государством (нормативные правовые акты) и формы, санкционированные государством (правовые обычаи, деловые обыкновения, нормативные договоры, акты общественных и коммерческих организаций, правовые прецеденты, юридические доктрины [21, с.389]. При этом нужно учитывать, что источники права имеют исторически-национальный характер, соответствующий своей правовой системе.

Республика Беларусь относится к романо-германской правовой системе. Источники права в Республике Беларусь: нормативные правовые акты, нормативные правовые договоры и правовые обычаи.

Другие источники права, такие как общие принципы права, юридические доктрины, судебные прецеденты, официально не являются источниками права Республики Беларусь, однако используются в нормотворческой, правоприменительной практике и правовом сознании граждан.

Список использованных источников:

1. Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. М.Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – 784 с.
2. Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права / Г.Ф. Шершеневич. – Изд. 2-е. – М., 1912. – 805 с.
3. Петражицкий, Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петражицкий. – Серия «Мир культуры, истории и философии». – СПб.: Издательство «Лань», 2000. – 608 с.
4. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.
5. Сильченко, Н.В. О конституционном институте источников права и соотношении понятий «источники права» и «формы права» // Науч.-практ. журн. ВГУ имени П.М. Машерова «Право. Экономика. Психология». – 2015. – №2(2). – 84 с.
6. Василевич, Г.А. Источники белорусского права: принципы, нормативные акты, обычаи, прецеденты, доктрина / Г.А. Василевич. – Мн.: Тесей, 2005. – 136 с.
7. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф.Ильичев, П.Н.Федосеев, С.М.Ковалев, В.Г.Панов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1983. – 840 с.
8. Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. М.Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – 784 с.
9. Маркс, К. и Энгельс, Ф. Соч. Т.1 / К. Маркс и Ф. Энгельс. – М., 1955. – 723 с.
10. Коркунов, Н.М. Лекции по общей теории права Н.М. Коркунова, проф. С.-Петербур. ун-та / Н.М. Коркунов. – Изд. пятое. – СПб., 1898. – 354 с.
11. Цицерон, Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве / под ред. М.Л. Гаспарова. – М., 1994. – 475 с.
12. *Теория права и государства: учебник для вузов / под ред. проф. Г.Н.Манова.* – М.: Издательство БЕК, 1996. – 336 с.
13. Сільчанка, М.У. Развіццё права і яго крыніц // Научно-практический журнал «Право.by». – 2016. – №2(40). – 136 с.
14. Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. М.Н.Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – 768 с.
15. Актуальные проблемы теории государства и права: учеб. пособие / отв. ред. Р.В.Шагиева. – 2-е изд., пересм. – М.: Норма: ИНФРА-М., 2015. – 576 с.
16. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. проф. М.М. Рассолова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. – 735 с.
17. Матузов, Н.И., Малько, А.В. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Издат. дом «Дело» РАНХ и ГС, 2016. – 640 с.
18. Актуальные проблемы теории государства и права: учеб. пособие / отв. ред. Р.В. Шагиева. – 2-е изд., пересм. – М.: Норма: ИНФРА-М., 2015. – 576 с.
19. Марченко, М.Н. Проблемы теории государства и права: учебник / М.Н. Марченко. – М. : Проспект, 2017. – 760 с.
20. Проблемы общей теории права и государства: учебник / под. общ. ред. В.С. Нерсесянца. – 2-е изд., пересмотр. – М. : ИНФРА-М. 2016. – 760 с.
21. Матузов, Н.И. Теория государства и права: учеб. / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Издат. дом «Дело» РАНХ и ГС, 2016. – 640 с.

УДК 342.7(075.8) 342(075.8)

О ИНСТИТУТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

В.А. Брилёва,

доцент кафедры теории и истории государства и права, УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», кандидат юридических наук, доцент

Исследование механизмов обеспечения социальной ответственности должностных лиц государственных органов обусловлено наличием проблемы ответственности должностных лиц за нарушение прав и свобод личности, которая является краеугольным камнем гуманитарной науки в условиях формирования демократического социального правового государства в Республике Беларусь.

В современных условиях проблема ответственности должностных лиц государственных органов стоит особенно остро, поскольку неизмеримо возросла роль отдельного человека в общественной жизни, расширилась его свобода, и в то же время усложнилась система государственных органов, увеличилось количество правовых предписаний, зависимость человека от внешней социальной и естественной среды. Увеличилось количество ситуаций, при которых над должностным лицом, кроме собственной совести, нет другого контроля. В данных условиях возрастает значение надлежащих механизмов обеспечения социальной ответственности должностных лиц государственных органов.

Строительство гражданского общества и правового государства диктует новые требования к пониманию социальной роли человека, его места в социальных институтах. В настоящее время возникает необходимость укрепления социальной дисциплины и ответственности государства, общества, человека.

М.С. Строгович отмечает, что «правильное понимание ответственности важно и в политическом, и в социальном, и в юридическом смысле, оно имеет громадное значение для научной разработки проблемы прав личности, для повышения ответственности государственных органов, общественных организаций, должностных лиц за порученное дело» [1, с.76]. Социальная ответственность – это взаимодействие (как поощрение, так и лишение) общества и его представителей, основанное на правах и обязанностях по соблюдению социальных норм при условии возможности осознания последствий совершаемых ими социально-значимых поступков [2, с.15]. В формировании социальной ответственности должностных лиц государственных органов определяющую роль призван играть институт Уполномоченного по правам человека.

Главенствующее значение института омбудсмана в формировании социальной ответственности должностных лиц государственных органов обуславливают сущностные характеристики указанного института.

На основе анализа сущностных характеристик института омбудсмана представляется возможным сформулировать определение данного института, которое отражало бы его основные черты и осуществляемую двойную функцию:

омбудсман - это независимое публичное должностное лицо, которое является субсидиарным деполитизированным организационно-правовым средством защиты прав человека, не обладающее правом принимать императивные решения, имеющие силу юрисдикционного акта, уполномоченное осуществлять контроль над органами государственной власти и разрешать жалобы от пострадавших лиц на государственные органы и их должностных лиц.

Институту омбудсмана свойственна способность модифицироваться в зависимости от социальных, правовых условий конкретного государства, не изменяя при этом своей сущности и содержанию. Многообразие омбудсмановского сообщества возможно систематизировать на основе сравнительно-правового анализа организационных форм деятельности омбудсмана, порядка избрания, сферы компетенции, порядка обращения за защитой нарушенных прав, полномочий и методов деятельности, форм реагирования на нарушения прав и свобод человека, в зависимости от формы государственного устройства. Представляется возможным привести следующие модели омбудсмана:

- 1) единоначальный и коллегиальный омбудсмановский институт;
- 2) парламентский и исполнительный омбудсман;
- 3) омбудсман общей компетенции и специализированный омбудсман;
- 4) омбудсман, сфера компетенции которого распространяется на суды, административные органы, негосударственные структуры, и омбудсман с ограниченной сферой компетенции;
- 5) модель омбудсмана непосредственно принимающего жалобы и модель омбудсмана получающего жалобы посредством членов парламента;
- 6) омбудсман, основой деятельности которого является лишь жалоба, и омбудсман, предпринимаящий действия не только на основе жалобы, но и по собственной инициативе;
- 7) модель омбудсмана с широким набором методов деятельности (проверка жалоб, инспекционные обследования) и модель омбудсмана с ограниченным набором методов (проверка жалоб);
- 8) тип омбудсмана с широким комплексом форм реагирования на нарушения, включая обращения в парламент с законодательной инициативой и в Конституционный суд, и тип омбудсмана не обладающий таковым;
- 9) федеративный омбудсман и региональный, омбудсман унитарного государства.

Принимая во внимание существующие в Республике Беларусь элементы механизма защиты прав и свобод человека и гражданина (судебный порядок защиты прав человека; административную жалобу; прокурорский надзор; международный механизм защиты прав и свобод личности), преимуществами института омбудсмана выступают:

- 1) процедура рассмотрения жалоб слабо формализована;
- 2) упрощенный порядок обращения за защитой нарушенного права;
- 3) эффективность и короткие сроки разрешения жалоб;
- 4) незначительные материальные расходы жалобщика;
- 5) возможность действовать не ограничена условием наличия жалобы;

б) действует и в том случае, когда закон формально не нарушен, но права человека нанесен ущерб;

7) оказывает максимально персонифицированную, индивидуализированную помощь.

Введение института Уполномоченного по правам человека Республики Беларусь в национальный механизм защиты прав и свобод человека и гражданина не должно наносить ущерба использованию гражданами других юридических средств восстановления законности и справедливости в сфере управления. Уполномоченный по правам человека Республики Беларусь в совокупности с другими элементами правозащитного механизма должны не конкурировать друг с другом, а содействовать восстановлению нарушенных прав человека и предупреждать нарушения в будущем. Белорусский Уполномоченный по правам человека призван дополнить существующий внутригосударственный механизм защиты прав человека в направлении защиты прав граждан на «хорошее управление» и справедливое обращение со стороны органов государственной власти и управления. Разработанный, исходя из указанных положений и с учетом национально-государственных особенностей Республики Беларусь, комплексный омбудсмановский план станет гарантом практической стабильности, эффективности белорусского Уполномоченного по правам человека.

Концепция института Уполномоченного по правам человека Республики Беларусь состоит из следующих элементов:

1) организационная форма деятельности – единоначальный институт, функционирующий на республиканском уровне, в разрезе проблемы инстанционного построения, - с перспективой учреждения Уполномоченных в регионах;

2) парламентский тип института омбудсмана, который в большей мере соответствует политико-правовой системе Республики Беларусь, в большей степени характеризуется такими качествами, как независимость и беспристрастность, увеличит возможности воздействия на административные органы, повысит эффективность института в глазах граждан, усилит позиции Национального собрания в сфере контроля за органами исполнительной власти;

3) предоставление права обращения к Уполномоченному по правам человека широкому кругу субъектов: гражданам Республики Беларусь, иностранным гражданам, лицам без гражданства, организациям граждан через уполномоченных представителей этих организаций;

4) доступ к белорусскому Уполномоченному не должен ограничиваться условием, чтобы податель жалобы лично пострадал в результате действия или бездействия государственных органов и их должностных лиц; требованиями юридической обоснованности жалобы, оплаты государственной пошлины; жесткими процедурами предоставления жалобы;

5) порядок обращения к омбудсману обусловлен определенными требованиями к жалобе;

б) порядок поступления жалоб в службу Уполномоченного: непосредственно от заинтересованных лиц и опосредованно, то есть через членов парламента;

7) модель Уполномоченного, предпринимающего действия не только на основе жалобы, но и по собственной инициативе;

8) сфера компетенции Уполномоченного по правам человека в Республике Беларусь распространяется на государственные органы, органы местного самоуправления, за исключением президентских структур, правительства, парламента;

9) наличие в Республике Беларусь развернутой системы контрольных и надзорных органов, наделенных правом проведения проверок и инспекций, обуславливает модель омбудсмана, основным методом деятельности которого является проверка поступивших жалоб;

10) наряду с такими распространенными формами реагирования на нарушения прав человека, как предложения, рекомендации, доклады парламенту, Уполномоченному необходимо предоставить широкие возможности в сфере правотворчества, инициирования проверки конституционности нормативно-правовых актов.

Исходя из того, что от эффективности планирования правотворчества в значительной степени зависит качество правовой нормы, опираясь на исследование социально-правовой природы института омбудсмана, разработанную теоретическую модель белорусского Уполномоченного по правам человека и принимая во внимание анализ национального внутригосударственного механизма защиты прав и свобод человека, можно констатировать, что включение в план подготовки законопроектов проекта закона об Уполномоченном по правам человека в Республике Беларусь полностью соответствовало бы современным потребностям и интересам белорусского государства и гражданского общества.

Представляет особое значение включить основные положения, касающиеся службы Уполномоченного, в Конституцию Республики Беларусь, для чего потребуется внесение в нее соответствующих изменений и дополнений.

Таким образом, социально-правовая природа института Уполномоченного по правам человека свидетельствует об его определяющей роли в деле восстановления нарушенных прав и свобод личности и обеспечения социальной ответственности должностных лиц государственных органов.

Список использованных источников:

1. Строгович, М.С. Сущность юридической ответственности / М.С. Строгович // Сов. гос-во и право. – 1979. – №5. – С.76.

2. Родионова, Е.В. Юридическая ответственность, как разновидность социальной ответственности: современные проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е.В. Родионова; Акад. управления МВД России. – М., 2007. – 15 с.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НАРОДА КАК НОСИТЕЛЯ СУВЕРЕНИТЕТА

М.Ю. Бурдин,

проректор, Харьковский национальный университет внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент

Категория «суверенитет народа» нашла достаточное отражение как в многочисленных национальных законодательных актах, так и в научных исследованиях отечественных и зарубежных авторов. Преамбула ныне действующей Конституции Украины провозглашает, что Верховная Рада Украины «от имени украинского народа – граждан Украины всех национальностей, выражая суверенную волю народа, опираясь на многовековую историю украинского государственного строительства и на основе осуществленного украинской нацией, всем украинским народом права на самоопределение» принимает Основной Закон Украины. Подобные положения содержат и конституционные акты многих других стран. Таким образом, можно с полной уверенностью утверждать, что в современных исторических реалиях понятие народного суверенитета является устоявшимся и общепризнанным. Вместе с тем, существует ряд проблемных вопросов, связанных как со смысловым наполнением данного понятия, так и с его практическим воплощением. В частности, остается открытым вопрос об ответственности народа как источника и носителя суверенной власти.

Убеждения и взгляды относительно места народа в системе отношений власти и подчинения существенно разнятся – от его восприятия преимущественно в качестве объекта социального управления, от которого мало что зависит, до абсолютизации его авторитета и непогрешимости (можно вспомнить такие высказывания, как «народ никогда не ошибается», «глас народа – глас Божий», «голос народа – голосовести и истины»). Полагаем, что с идеей народного суверенитета несовместимы только первая позиция, но и вторая, если рассматривать суверенитет не как абсолютную, ничем не ограниченную и безусловную власть (точка зрения Бодена) [1, с.19–21], а как политико-правовую категорию, предполагающую наличие прав, обязанностей, ограничений и ответственности.

Существует немало противников идеи ответственности народа как субъекта политических отношений. Например, О.Э. Лейст отмечает, что «использование понятия и термина "ответственность" в сфере публичного права целесообразно лишь для обозначения прямой зависимости, подчиненности и отчетности одного государственного органа по отношению к другому (например, ответственность правительства перед высшими органами государства)» [2, с.37]. Бывший член Конституционного совета Франции Ф. Люшер убежден, что выражение «суверенитет принадлежит народу» является фикцией, поскольку только индивид воспринимается как чувственная реальность, а народ, нация как собирательные понятия есть не что иное, как конструкции человеческого разума [3, с. 342]. М.А. Краснов полагает, что ответственность народа – это даже не юридическая фикция, а химера. По мнению автора, понятия «народный сувере-

нитет», «народ», «воля народа», «общая воля» являются достаточно условными, они не имеют четких смысловых границ. Поэтому необходимо остерегаться использовать их в таком духе, будто речь идет о чем-то строго установленном, имеющем ясное содержание. И потом, ответственность предполагает свободу воли и свободу выбора. А всегда ли у народа есть выбор? Кроме того, идея ответственности народа обеляет власть, снимает с нее ответственность, позволяет спекулировать понятием «народ» и скрываться за ним [4, с. 15–17].

В противовес представленным выше воззрениям, существует достаточное количество и сторонников идеи ответственности народа. Г. Гессе утверждал, что народ не может и не должен быть управляемым или насилуемым объектом; наоборот, он обязан быть правомочным и ответственным субъектом [5, с. 294]. Г. Кельзен в своем обосновании коллективной ответственности индивидов, образующих население государства, опирался на представление о государстве как юридическом лице (корпорации). По его мнению, проблемы государства как юридического лица, т.е. как субъекта прав, обязанностей и ответственности – это фактически такие же проблемы, что имеются и у обычной корпорации (сообщества людей, которое наделяется правопорядком особыми обязанностями и субъективными правами, не могущими быть обязанностями и субъективными правами составляющих это сообщество отдельных индивидов) [6, с. 117]. Я.М. Магазинер, ссылаясь на исследования Л. Мишу, Л. Дюги, Н.И. Лазаревского, для которых государство выступало как бы обществом взаимного страхования, писал: «В том-то и заключается идея взаимно-страхового союза, каким является государство, что все должны отвечать за убытки, постигшие каждого, и каждый должен участвовать в бедствии, постигшем всех, – что и есть общественная солидарность» [7, с. 175–176]. К. Ясперс, посвятивший рассматриваемой проблеме специальный труд «Вопрос вины. О политической ответственности Германии» настаивает на том, что в современном государстве действует презумпция политической ответственности народа. По мысли автора, с одной стороны, народ не бывает преступником и его невозможно привлечь к уголовной ответственности, но, с другой стороны, коллективная политическая ответственность неснимаема с народа, она всегда на нем и от нее никуда не уйти. Любой человек действует в современном государстве политически: как минимум тогда, когда участвует в выборах или воздерживается от участия в них. Каждый человек солидарно отвечает за то, как им управляют, даже если он аполитичен, находится в оппозиции к власти или борется против существующего режима. Никто не свободен от ответственности, поскольку каждый является неотъемлемой частью политического порядка [8, с. 23–25, 41].

Полагаем, что категория «суверенитет народа» не может быть признана полной, если из нее исключить положение об ответственности народа. Однако, говоря об ответственности народа как носителя суверенитета, необходимо проводить четкую грань между понятиями «население» и «народ». М.А. Краснов верно, на наш взгляд, обращает внимание на тот момент, что выделение населения как одного из базовых признаков государства нуждается в уточнении. Например, оккупированная территория не является государством, хотя формаль-

но тут присутствуют и территория, и власть, и население. Речь должна идти не о населении, а о народе, у которого есть чувство некоего единства, который признает существующую власть как свою независимо от того, нравится она или не нравится [4, с. 13]. Чтобы рассматриваться как народ, население определенной территории должно соответствовать трем критериям субъектности социальной группы: 1) взаимосвязанность и взаимозависимость индивидов в группе, способствующая формированию группового состояния как состояния предактивности, в частности, преддеятельности; 2) качество (способность) группы проявлять различные формы совместной активности и 3) качество (способность) группы к саморефлексии. А.Л. Журавлев выделяет несколько основных функций групповой саморефлексии: «Во-первых, это формирование в группе социально-психологического чувства «Мы», т.е. переживания членами группы своей принадлежности к ней, единства (процесса единения) со своей группой... Во-вторых, это формирование групповых социальных представлений о своей группе, её когнитивных оценок, суждений, мнений и т.п. ... В-третьих, групповая саморефлексия настраивает членов группы на разные формы совместной активности... В-четвёртых, групповая саморефлексия помогает членам группы более адекватно ориентироваться в социальной среде, в частности, оптимальнее адаптироваться к ней. Этому способствуют развиваемые групповой саморефлексией способности личности к более адекватным оценкам своей и чужих групп и их социальному сравнению» [9, с. 75–76]. Кроме того, народ должен иметь реальную возможность влиять на политические процессы в государстве, формула «народ – источник власти» должна быть наполнена конкретным политико-правовым смыслом.

Важным аспектом исследуемой проблемы является вопрос об инстанциях ответственности государственно-организованного народа. Л.С. Мамут, который в своих работах уделял большое внимание проблематике ответственности народа, выделяет три таких инстанции: история, международное сообщество, гражданин (человек). Государственно-организованный народ, который живет в современности, который присутствует в этом мире здесь и сейчас, ответствен прежде всего за настоящее. Но он прикосновенен к политической ответственности за свое прошлое; он прямо отвечает также за свое будущее. Отношение народа к своему прошлому выражается в памяти о нем или в его забвении, в принятии или отвержении его, в его переживаниях и оценках [10]. Народ отвечает и за то, что его ожидает в будущем, поскольку у него есть возможность выбора, критического осмысления и изменения полученного наследия. Иными словами, можно говорить о ретроспективной и перспективной ответственности народа.

Подводя итоги, следует отметить, что современное понимание политико-правовой категории «суверенитет народа» предполагает не только акцентирование внимания на полновластии народа, на его праве формировать органы государственной власти, определять и изменять конституционный строй. Речь должна также идти об ответственности народа как носителя суверенитета. Это положение признается как на уровнях современных теоретико-правовых исследований, так и на законодательном уровне. В преамбуле Конституции Украины подчеркивается мысль о том, что Основной Закон страны принимается от имени народа, с

осознанием ответственности перед Богом, собственной совестью, предыдущими, нынешним и грядущими поколениями. В ст.12 Конституции Японии сказано: «свободы и права, гарантируемые народу настоящей Конституцией, должны поддерживаться постоянными усилиями народа. Народ должен воздерживаться от каких бы то ни было злоупотреблений этими правами и свободами и несет постоянную ответственность за использование их в интересах общественного благосостояния». Понимание этого будет способствовать национальной консолидации, формированию полноценного правосознания народа, развитию гражданской активности и общественно-политической инициативности.

Список использованных источников:

1. Левин, И.Д. Суверенитет / И.Д. Левин. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 373 с.
2. Лейст, О.Э. Понятие ответственности в теории права / О.Э. Лейст // Вестник МГУ. Серия 11. Право. – 1994. – №1. – С.31–37.
3. Люшер, Ф. Конституционная защита прав и свобод личности / Ф. Люшер; пер. с франц. – М.: Прогресс–Универс, 1993. – 384 с.
4. Краснов, М.А. Л.С. Мамут и вечные вопросы / М.А. Краснов // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2016. – № 2 (54). – С. 7–17.
5. Гессе, Г. Письма по кругу : пер. с нем./ Г. Гессе. – М. : Прогресс, 1987. – 400 с.
6. Чистое учение о праве Ганса Кельзена : сб. переводов. Вып. 2 / отв. ред.: В.Н. Кудрявцев, Н.Н. Разумович ; Пер. с нем. С.В. Лезова. – М. : ИНИОН РАН, 1988. – 212 с.
7. Магазинер, Я.М. Общее учение о государстве : курс лекций, читанных в Петроградском университете в 1918-1922 гг. / Я.М. Магазинер. – Пг. : Кооперация, 1922. – XVI, 490 с.
8. Jaspers Karl. Schuldfrage. Von politischen Haftung. Deutschlands. – München: Piper, 1996. – 146 p.
9. Журавлев, А.Л. Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы / А.Л. Журавлев // Психологический журнал. – 2009. – Т.30., № 5. – С. 72–80.
10. Мамут, Л.С. Проблема ответственности народа / Л.С. Мамут // Вопросы философии. – 1999. – №8. – С.19–28.

ДОСТИЖЕНИЕ ОПРЕДЕЛЕННОГО ВОЗРАСТА КАК УСЛОВИЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА

С.Г. Василевич,

доцент кафедры конституционного права юридического факультета, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент

В течение своей жизни человек на определенных этапах начинает приобретать права, свободы, с определенного возраста у него возникают обязанности перед своими близкими, например, родителями, перед обществом, государством, например, обязанность службы в Вооруженных силах и др. В некоторых случаях он утрачивает отдельные права, например, основанием для увольнения является достижение государственным служащим возраста 65 лет или судьей Конституционного Суда – 70 лет.

В различных нормативных правовых актах Республики Беларусь по-разному дается определение термина «возраст». В зависимости от того, как сформулировано данное определение в том или ином нормативном правовом акте можно вести речь о наступлении для лица неких последствий, возникновении у него прав и обязанностей. При этом, в отраслях права определение времени наступления юридических последствий различно, что на практике ведет к коллизиям.

Для обеспечения законности привлечения к административной, уголовной или иной ответственности важно соблюдение всех требований закона. Например, имеет значение решение вопроса о том, является ли деликтоспособным лицо, которое совершило административное правонарушение в день своего рождения: можно ли считать его достигшим 16 лет или для отдельных правонарушений – 14 лет и привлекать к ответственности либо такая деликтоспособность наступает лишь при совершении правонарушения в день, следующий за днем рождения. Вопрос важный для практики: в Беларуси ежегодно совершается около 4 миллионов административных правонарушений, среди нарушителей много несовершеннолетних.

В статье 4.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях установлено, что административной ответственности подлежит физическое лицо, достигшее ко времени совершения правонарушения шестнадцатилетнего возраста. Физическое лицо, совершившее запрещенное КоАП деяние в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, подлежит административной ответственности лишь за некоторые правонарушения. Не подлежит административной ответственности физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего или четырнадцатилетнего возраста, если будет установлено, что вследствие отставания в умственном развитии, не связанного с психическим расстройством (заболеванием), оно во время совершения деяния было не способно сознавать его фактический характер или противоправность.

Таким образом, установленный КоАП общий возраст, по достижении которого лицо будет привлечено к административной ответственности за совершенное правонарушение – это 16 лет. Схожая норма содержится и в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК). Так, статьей 27 УК установлено, что уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста, за исключением случаев, предусмотренных УК. Лицо может быть привлечено к уголовной ответственности в возрасте от четырнадцати до шестнадцати за убийство (статья 139); причинение смерти по неосторожности (статья 144); умышленное причинение тяжкого телесного повреждения (статья 147) и др.

Лицо считается достигнувшим определенного возраста не в день рождения, а начиная с нуля часов, следующих за днем рождения суток. Обычной практикой считается установление возраста на основании таких документов, как свидетельство о рождении, паспорт и т.д. Органы уголовного преследования при отсутствии соответствующих документов и для определения возраста несовершеннолетнего обязаны назначить судебно-медицинскую экспертизу. В этом случае днем рождения подсудимого следует считать последний день того года, который назван экспертом, а при определении минимального и максимального количества лет суду следует исходить из предполагаемого экспертизой минимального возраста такого лица [1, с.87-88]. Так, авторы предлагают решать «пограничную» ситуацию, связанную с возрастом.

Полагаем, что изложенная в комментарии к УК и приведенная выше точка зрения должна быть нормативно закреплена как в УК, так и в КоАП. Прямое закрепление такой нормы позволило бы правоприменительным органам избежать (сократить) ошибок в своей деятельности, а также, как следствие, жалоб на их действия (бездействие) и решения.

Поскольку уголовная ответственность более тяжкая по сравнению с административной, то законодателем учтено и в статьях 58, 59 УК предусмотрено, что такие виды наказаний, как пожизненное заключение и смертная казнь не могут быть назначены, в том числе лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет. К таковым лицам могут применяться наказания в виде: общественных работ; штрафа; лишения права заниматься определенной деятельностью; исправительных работ; ареста; ограничения свободы; лишения свободы. Поэтому и здесь имеет значение правильное решение вопроса при «пограничной» ситуации.

Пунктом 1 статьи 20 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) предусмотрено, что способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (гражданская дееспособность) возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении восемнадцатилетнего возраста. Отметим, что в статье 26 ГК предусмотрена возможность эмансипации (объявления полностью дееспособным) несовершеннолетнего, достигшего шестнадцати лет, если он работает по трудовому договору (контракту) или с согласия родителей, усыновителей или попечителя занимается предприниматель-

ской деятельностью. Пунктом 2 статьи 20 ГК определено, что в случае эмансипации или вступления в брак до достижения восемнадцати лет, гражданин, не достигший восемнадцатилетнего возраста, приобретает дееспособность в полном объеме соответственно с момента принятия решения об эмансипации или со времени вступления в брак. Приобретенная в результате заключения брака дееспособность сохраняется в полном объеме и в случае расторжения брака. При признании брака недействительным суд может принять решение об утрате несовершеннолетним супругом полной дееспособности с момента, определяемого судом.

Полагаем, что для эмансипированных лиц можно было бы снизить возраст для наступления административной ответственности за некоторые административные правонарушения. В частности, за нарушение избирательного законодательства (срывание, уничтожение плакатов и других агитационных материалов), вовлечение иных лиц, не достигших 18-летнего возраста в незаконную деятельность и др. Такие лица, а не их родители, должны нести административную ответственность за распитие спиртных напитков, появление в нетрезвом виде в общественном месте, в том числе на рабочем месте. Что же касается права на продажу им спиртного, то, наш взгляд, оно для них должно быть ограничено на основании статьи 23 Основного Закона.

Статьей 4 Избирательного кодекса Республики Беларусь предусмотрено, что право избирать, участвовать в референдуме имеют граждане Республики Беларусь, достигшие 18 лет. В выборах, референдуме не участвуют граждане, признанные судом недееспособными, лица, содержащиеся по приговору суда в местах лишения свободы. Заметим, что участвовать в голосовании лицо вправе, если уже в день выборов ему исполнилось 18 лет. Известно, что избирательная кампания имеет несколько стадий: от назначения выборов и до голосования и подведения итогов выборов. В этой связи возникает вопрос о возможности участия в избирательной кампании в качестве кандидата гражданина, который достигает, например, 21 года или 30 лет лишь в день голосования. Может ли он до этого быть полноправным участником избирательного процесса, в том числе на стадии выдвижения кандидатом или проведения агитационной работы. Согласно статье 92 Конституции депутатом Палаты представителей может быть гражданин, достигший 21 года, а членом Совета Республики – 30 лет. Учитывая такую редакцию конституционных норм (в них указан возраст парламентариев, а не кандидатов), по нашему мнению, баллотироваться кандидатами на выборные должности в качестве депутата Палаты представителей, в Совет Республики, на должность Президента, в целом участвовать в избирательном процессе также вправе лица, достигшие в день общего голосования (даже при наличии досрочного голосования) соответственно 21 года, 30 и 35 лет.

Список использованных источников:

1. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка, Н.А. Бабий, А.В. Барков и др.; под общ. ред. А.В. Баркова. – Минск : Тесей, 2003. – 1200 с.

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ
В ПРОЦЕССЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ*****И.Л. Вершок,****доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета,
Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук,
доцент*

Эффективная реализация правовых норм в значительной степени зависит не только от факта легального их закрепления и качества соответствующего текстуального выражения. В большей степени такая реализация становится возможной при легитимации норм права. Проблема легитимации правовых норм, ставшая актуальной в настоящее время и изучаемая на основе анализа феномена легитимности в политическом дискурсе (преимущественно по отношению к государственной власти), в юридической литературе рассматривается с разных аспектов, чаще всего с позиций юридического позитивизма либо юснатурализма. Ее актуальность обусловлена стремительным увеличением нормативно-правового массива, что далеко не всегда благотворно влияет на качество правового регулирования общественных отношений. Как результат в современной юриспруденции даже появился термин «актуальная правовая норма», обозначающий норму, неразрывно связанную с поведением, осуществляемым между субъектами [1, с. 72], причем данная дефиниция не охватывает все остальные, имеющие юридическую силу, но не реализованные нормы права.

Характерно, что проблемы легитимации норм права в современной юриспруденции изучаются и в контексте иных типов правопонимания, интегрирующих в себе несколько направлений учений о сущности права. Примечательно, что в рамках коммуникативного правопонимания, сформулированного в контексте постнеклассической парадигмы, происходит интерпретация такой легитимации в качестве признания права, происходящего в процессе правовой коммуникации и состоящего из «внутреннего аспекта» текстуальной нормы, который определяет способность такой нормы воздействовать на эмоциональный, ценностный мир человека, побуждая его к определенному поведению [1, с. 72]. При этом указывается, что при всех различиях в степени разумности и одухотворенности равными людей делает одинаковая способность понимания [1, с. 75] друг друга, без которой вообще невозможна правовая коммуникация и что, по сути, является основой формально-юридического (коммуникативного) равенства. Следует подчеркнуть, что практика легитимации правовых норм посредством правовой коммуникации в настоящее время достаточно фрагментарно, но все же находит свое распространение в правотворческой и правоприменительной деятельности (например, при проведении общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов либо при реализации принципа гласности судебного разбирательства). Однако при этом не учитываются внутренние механизмы такой легитимации как процесса правового сознания, в то время как их изучение может способствовать более комплексному, целенаправленному и широкому воздействию на правовое сознание человека, побуждая его к добровольному, активному, социально-полезному поведению в правовой сфере.

Необходимо подчеркнуть, что процессы легитимации коренным образом связаны с чувственно-рациональной деятельностью человека, осуществляемой под контролем сознания, а с учетом специфики социально-правовой действительности – правового сознания. Характерно, что правосознание сугубо индивидуально, имеет информационную природу. Однако при этом правовое сознание не сводится к простому восприятию и осмыслению (с целью понимания) такой информации. Оно представляет собой сложный, многоуровневый процесс, направленный на восприятие и визуализацию разного рода информации, на основе которой может происходить понимание, о котором говорится при характеристике правовой коммуникации.

Вся правовая информация существует в виде объемных потоков, и каждый субъект правосознания усваивает только те их них, которые ему практически необходимы, делая при этом своеобразную «фильтрацию» [2, с. 96]. Это так называемая информация «внешней среды», которая «безразлична к параметрам личности и внутреннего мира» [2, с. 269] человека. Она отправляется обезличенно, относительно безэмоциональна и таким же образом воспринимается. Такая информация не подвергается глубокому телесному, а потом и чувственно-рациональному анализу, воспринимается только поверхностно, «репрезентируясь в нейронных сетях головного мозга» [2, с. 268]. Такая когнитивная деятельность субъекта правосознания не является легитимацией. Однако если внешняя информация глубоко затрагивает личностные качества человека, начинает восприниматься не только когнитивно, но и эмоционально, проходя обратную трансформацию, тогда она превращается в идею. Идея формируется не только при помощи работы мозга, она «разлита» во всей человеческой телесности [2, с. 268]. Процессы легитимации, учитывая их аксиологическую природу, имеют место именно при втором, наиболее глубоком процессе правового сознания, включающим рационально-эмоциональную переработку данных и использованием не только познавательных, но и иных физиологических (телесных) параметров и способностей человека. На основании этого в литературе признается также наличие глубокой, иррациональной составляющей легитимации [1, с. 73]. Действительно, легитимация может иметь место и на предсознательном, подсознательном и (или) бессознательном уровнях, когда речь идет о правовой ментальности, инстинктивной боязни наказания, исторически сложившихся обычаях. С учетом сугубо индивидуальных признаков телесности каждого человека, такое глубокое усвоение информации и ее конечный продукт в виде легитимности или нелегитимности правовой нормы сугубо индивидуальны, что свидетельствует и об индивидуальности самих процессов легитимации. Даже в случае проявления легитимации правовой нормы на массовом уровне можно вести речь лишь о схожих процессах правосознания, протекающих в данный момент, одинаковая визуализация которых обусловлена различными факторами.

К когнитивно усваиваемой информации внешней среды относится основной массив сведений, с которым сталкивается человек как субъект права, носитель правоспособности. Это так называемая интеллектуальная операция идентификации (узнавания), когда субъект (объект) подводится под какую-либо общую категорию в качестве ее единичного представителя [3, с. 94]. Что же касается восприятия информации эмоционально-когнитивно, с формированием идеи, то здесь идентификация происходит одновременно с «помещением в ценностный контекст, когда

предмет признания наделяется положительным или отрицательным значением» [3, с. 94]. В качестве наглядного примера такого сложного процесса правового сознания в литературе анализируется правовая конструкция, закреплённая в уголовно-процессуальном законодательстве и реализуемая на практике: признание подсудимого виновным в совершении преступления. Так, первый аспект признания виновным заключается в установлении в надлежащем процессуальном порядке наличия в действиях подсудимого состава преступления (простой когнитивный компонент правосознания). В свою очередь, негативная оценка установленных фактов, выражающаяся в констатации их общественной опасности и объявление результатов разбирательства в приговоре суда, заключается в сложнейших эмоционально-когнитивных процессах переработки информации и формирования идеи [3, с. 96].

Необходимо отметить, что сторонники коммуникативного подхода допускают возможность эмпирической проверки наличия процесса легитимации. Так, «использование субъектами своих прав и следование своим правовым обязанностям свидетельствуют о минимально необходимой степени легитимации правовых текстов» [1, с. 74]. Из этого утверждения следует, что, во-первых, наличие легитимации устанавливается постфактум, уже в коммуникативном измерении действия правовой нормы, и только как реальное, а не потенциальное явление. Однако процесс легитимации может иметь место и должен подвергаться оценочному суждению и до вступления правовой нормы в силу, например, при общественном обсуждении нормативного правового акта на проектной стадии нормотворческого процесса. Наличие такой легитимации может быть также эмпирически проверено, например, при анализе общественного мнения непосредственно до вступления (или вообще невступления) правовой нормы в силу. Данное утверждение в значительной степени избавит субъекта нормотворческой деятельности от «метода проб и ошибок» при подготовке и принятии нормативных правовых актов.

Во-вторых, авторами коммуникативного правопонимания допускается различная степень легитимности предписания, которую можно измерить по степени его реализуемости на практике. [1, с. 74]. Представляется проблематичной количественная оценка степени легитимности предписания на основе эмпирических данных, особенно в постоянно и стремительно изменяющихся социальных условиях. Ведь на самом деле даже легитимная правовая норма может не получить свою реализацию по ряду иных, не связанных с общественным признанием причин.

В целях повышения качества реализации норм права необходимо дальнейшее изучение природы, механизма легитимации и способов повышения легитимности правовых норм.

Список использованных источников:

1. Поляков, А.В. Признание права и принцип формального равенства / А.В. Поляков // Принцип формального равенства и взаимное признание права; под общ. ред.: В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко. – М. : Проспект, 2016. – 208 с.
2. Бескова, И.А. Феномен сознания / И.А. Бескова, И.А. Герасимова, И.П. Меркулов. – М. : Прогресс-Традиция, 2010. – 367 с.
3. Ветютнев, Ю.Ю. Коммуникативные формы правового признания / Ю.Ю. Ветютнев // Принцип формального равенства и взаимное признание права; под общ. ред. В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко. – М. : Проспект, 2016. – 208 с.

**ІДЭІ АБ ПРАВЕ, ПАЛІТЫЦЫ, ЗАКАНАДАЎСТВЕ Ў ТВОРЧАСЦІ
БЕЛАРУСКІХ МЫСЛІЦЕЛЯЎ XVI СТ.*****Л.Л. Голубева,****дацэнт кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права, Беларускай дзяржаўнай
ўніверсітэт, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт*

У 2017 годзе адзначаецца 500-годдзе беларускага кнігадрукавання. Дата мае міравую значнасць і занесена ў календар памятных дат ЮНЕСКО. 500-годдзе беларускага кнігадрукавання на працягу гэтага года адзначаюць не толькі па ўсёй Беларусі, але і за мяжой (Расійская Федэрацыя, Рэспубліка Казахстан, Польша, Кітай, Сербія і інш.), дзе таксама праводзяцца міжнародныя канферэнцыі ў гонар гадавіны беларускага і ўсходнеславянскага кнігадрукавання. У сувязі з гэтым цікаvasць да разгляду выклікае XVI ст. – стагоддзе, якому належыць пачатак беларускага кнігадрукавання.

XVI ст. – гэта перыяд Вялікага Княства Літоўскага, палітыка-эканамічным цэнтрам якога, як правільна адзначае прафесар Доўнар Т.І., з’яўляліся беларускія землі і для якога характэрны станаўленне нацыянальнай мовы, нацыянальнай самасвядомасці, гуманістычнага светапогляду [1, с. 66]. Прадстаўнікі гэтага часу актыўна выкарыстоўвалі ідэі антычных аўтараў – Платона (428 да н.э.(?) – 348 да н.э.(?)), Арыстоцеля (384 да н.э. – 322 да н.э.), Марка Тулія Цыцэрона (106 да н.э. – 43 да н.э.). У цэнтры ўвагі мысліцеляў знаходзіцца чалавек і яго інтарэсы. Менавіта ў гэты час Ф. Скарына (1490? – 1551?) ўпершыню надрукаваў Біблію. Палітычным ідэалам Ф. Скарыны з’яўляецца асветная, гуманная, моцная манархія. На яго думку манарх павінен быць набожным, мудрым, адукаваным, чулым, справядлівым да сваіх падданных. Ён абавязаны кіраваць дзяржавай у строгай адпаведнасці з законамі, сачыць за справядлівым выкананнем правасуддзя. Адначасова ён павінен быць моцным і грозным, умець у неабходным выпадку абараніць свой народ. Перавагу Ф. Скарына аддаваў адукаванаму і міралюбіваму кіраўніку дзяржавы [2, с. 389 – 398]. Такія ж палітычныя погляды і ў знакамітага прадстаўніка палітыка-прававой думкі Беларусі XVI ст. С. Буднага (каля 1530 – 1593). У прадмове да кнігі “Другі закон Маісееў” Ф. Скарына прапанаваў класіфікацыю права, якое, на яго погляд, дзеліцца на натуральнае і пісанае. Натуральнае права закладзена ў самой істоце чалавека, яно аднолькавае для ўсіх людзей, уласціва кожнаму чалавеку і не залежыць ад звычаяў, часу і месца. Пісанае права ён падзяляў на боскае, царкоўнае (кананічнае) і земскае. Нормы Боскага права змешчаны ў кнігах Старога і Новага Запавету (Бібліі). У гэтай кнізе змешчаны ўсе законы і правы, якімі людзі павінны кіравацца на зямлі. Гэтыя нормы з’яўляюцца сінонімамі волі бога. Таму заслугоўвае асуджэння не толькі той, хто не падпарадкоўваецца волі бога, але і той, хто не ведае яе прадпісанняў. Царкоўнае (кананічнае) права – гэта пастановы (каноны), прынятыя царкоўнай уладай. У земскім праве ў залежнасці ад грамадскіх адносін, што рэгуляваліся пэўнымі нормаўмі, Ф. Скарына вылучаў: паспалітае права

(уклучала ў сябе нормы грамадзянскага і сямейнага права), міжнароднае, дзяржаўнае, крымінальнае, ваеннае, гарадское, марское, гандлёвае права. Ф. Скарына лічыў, што пісаны закон павінен быць годным для выканання, карысным для насельніцтва і павінен адпавядаць звычаям, часу і месцу [3, с. 55 – 60].

Супастаўленне прававых ідэй Ф. Скарыны са зместам Статута ВКЛ 1529 г. дазволіла асобным даследчыкам (прафесару Юхо Я.А.) прыйсці да высновы, што Ф. Скарына ўдзельнічаў у распрацоўцы першага сістэматызаванага зводу законаў дзяржавы і прапанаваная ім класіфікацыя права была выкарыстана пры падрыхтоўцы Статута ВКЛ 1529 г. [4, с. 204]. На нашу думку, менавіта вылучэнне ў земскім праве вышэй названых галін права, і было пакладзена ў аснову сістэматызацыя нормаў права першага зводу законаў дзяржавы. Выказваўся Ф. Скарына і па адным з найбольш важных пытанняў крымінальнага права – аб меце пакарання. Мэта крымінальнага пакарання – гэта застрашванне злачынцы і адначасова папярэджанне іншым асобам, здольным да злачынства. На думку асветніка закон павінен быць прыгодным для выканання, карысным для насельніцтва і павінен адпавядаць звычаям, часу і месцу. Цікавы той факт, што Ф. Скарына быў не толькі вучоным-прававедам, але і юрыстам-практыкам. Ён неаднаразова выступаў у судах у якасці абаронцы асабістых інтарэсаў, а таксама інтарэсаў сваіх блізкіх (брата Івана і жонкі Маргарыты).

Знакамітым гуманістам XVI ст. з’яўляецца М. Літвін. У сацыяльна-палітычным трактаце “Аб нормах татар, літоўцаў і масквіцян” (выдадзены ў 1615 г. на лацінскай мове) аўтар узняў пытанні сацыяльна-палітычнага ўдасканалення грамадства, рэфармавання існуючых грамадскіх інстытутаў. Аснову гарманічнага грамадства бачыў у маёмаснай роўнасці, прытрымліваўся канцэпцыі ідэальнага правіцеля, справядлівага кіравання і правасуддзя. Грамадскія праблемы разглядаў з пазіцыі проціпастаўлення дрэнных і добрых звычаяў. Так, імкненням да багацця і раскошы проціпастаўляў самаабмежаванне, памяркоўсць. Выступаў супраць заняволення адных людзей другімі. М. Літвін закрануў праблему сацыяльнай роўнасці перад законам. На яго думку павінен быць быць аднолькавы прынцып абкладання падаткамі простага чалавека і шляхціча: чым большая маемасць, тым большым павінен быць падатак. Адлюстраванне погляды тых, хто кіраваўся ў сваёй дзейнасці нацыянальнымі інтарэсамі ВКЛ Шмат месца ў трактаце адведзена пытанням удасканалення правасуддзя. Мысліцель прапаноўваў права на вынясенне смяротнай кары дазволіць толькі вышэйшым судам, а таксама ўвесці агульнанаслоўныя суды. У трактаце М. Літвін вылучыў недахопы судовай сістэмы: адсутнасць апеляцыйных судов; адсутнасць галоснасці; хібы ў сістэме пакаранняў сведак; адсутнасць нормаў судовай пісьменнасці. Ён падкрэсліваў, што сістэма непадзельнасці судовай і адміністрацыйнай улад, сумяшчэнне адной асобай некалькіх адміністрацыйных пасадаў вядуць да страты самой ідэі справядлівасці і незалежнасці суда [5, с. 46 – 48]. Праблемы, узнятыя М. Літвінам у трактаце, часткова былі вырашаны ў час судовай рэформы 1564 г.: удасканалена дзяржаўнае кіраванне і правасуддзе, удасканалена працэдура судовага разбору, створана апеляцыйная судовая інстанцыя, падрыхтаваны кваліфікаваныя ўраднікі дзяржаўнага кіравання і суда [6, с. 179 – 187].

Вядомы гуманіст М. Гусоўскі (каля 1480 – 1533) у творы “Песня пра по-стаць, дзікасьць зубра і паляванне на яго” (1522) заклікаў да яднання і дружбы розных на веры і культуры еўрапейскіх народаў перад пагрозай турэцкага і татарскага нашэсця, услаўляў свабодную, гарманічна развітую і мужную асобу. М. Гусоўскі першым убачыў і адлюстраваў пачатак крызісу сацыяльна-палітычнага ладу ВКЛ. У войнах М. Гусоўскі бачыў адну з найважнейшых прычын няшчасцяў чалавецтва, пакут радзімы і народа. Ён заклікаў спыніць міжусобіцы. Паказаў жыццё мужных, працавітых людзей, іх побыт і звычай, ідэалізаваў вобраз вялікага князя Вітаўта [7].

Ідэолагі рэфармацыйнага руху лічылі, што для выратавання душы веруючага не патрабуецца ўдзелу каталіцкай царквы, таму што выратаванне адбываецца не добрымі справамі, а ўнутранай верай. Прадстаўнікі рэфармацыйнага руху ў ВКЛ адмаўлялі неабходнасць існавання Рымскай Каталіцкай царквы, каталіцкага духавенства як асобнага сацыяльнага слоя, які згодна з вучэннем царквы надае чалавеку Божую ласку. Адзінай крыніцай веры ідэолагі Рэфармацыі лічылі Свяшчэннае Пісанне і адмаўлялі значэнне Свяшчэннага Падання. У другой чвэрці XVI ст. рэфармацыйныя ідэі пачынаюць распаўсюджвацца на тэрыторыі ВКЛ. Рэфармацыйны рух праявіўся ў ВКЛ пераважна ў формах лютэранства, кальвінізму і арыянства [8].

А. Волан (1530 – 1610), як вядомы прадстаўнік кальвінісцкага руху ў ВКЛ, выступаў за рэформы ў сацыяльных і палітычных адносінах, праве і дзяржаўным кіраванні, распрацаваў канцэпцыю свабоды чалавека. У працы “Пра гасудара і ўласцівыя яму дабрачыннасці” аналізаваў тыя рысы, якімі павінен валодаць сапраўдны кіраўнік дзяржавы. Права, на думку А. Волана, павінна быць справядлівым, выступаць гарантам свабоды і роўнасці, быць разумным. Яно павінна стаяць на варце ўсеагульнай справядлівасці. Адзначаў аб неабходнасці пастаяннага ўдасканалення заканадаўства, аб развіцці прававой навукі, аб высокіх маральных якасцях пры выбарах і прызначэнні суддзяў і службовых асоб. Прытрымліваўся тэорыі натуральнага права і выкарыстоўваў для яе характарыстыкі раннехрысціянскі маральны прынцып “І гэтак ва ўсім, як хочаце, каб з вамі абыходзіліся людзі, так і вы абыходзьцеся з імі” [9; 10].

Прадстаўнік правай (памяркоўнай) плыні арыянства С. Будны пераклаў на беларускую мову прадмову да “Катэхізісу” і распрацаваў у ёй вучэнне пра войны справядлівыя і несправядлівыя. На яго думку справядлівыя войны вядуцца дзеля абароны Айчыны і сапраўдны хрысціянін павінен прымаць удзел у такой вайне. Несправядлівыя войны асветнік называе “разбоем”. Абавязак кожнага сумленнага чалавека не ўдзельнічаць у такой вайне. На старонках галоўнай працы свайго жыцця “Аб свецкай уладзе” С. Будны адзначаў, што сапраўдны арыянін можа займаць дзяржаўныя пасады, звяртацца ў суд, весці судовыя працэсы, і нават выконваць абавязкі суддзі. С. Будны лічыў, што суддзя павінен быць справядлівым, чэсным, праўдзівым, веруючым; павінен судзіць справядліва, не перакручваць законы і не браць хабару [2, с. 69 – 76].

На думку вядомага дзяржаўнага дзеяча Л. Сапегі (1557 – 1633) цэнтральнай катэгорыяй філасофіі права з’яўляецца катэгорыя свабоды. “Мудрацы ўсіх

вякоў лічылі, што ў кожнай дзяржаве прыстойнаму чалавеку не можа быць нічога даражэй за свабоду” – такімі словамі пачынае мысліцель “Зварот” да ўсіх саслоўяў ВКЛ. Права ўласнасці і права асабістай недатыкальнасці складаюць сутнасць свабоды. Права Л. Сапега разглядаў як сапраўднае праяўленне розуму чалавека. Права павінна забяспечыць дзяржаве ўнутраны парадак, стабільнае і ўстойлівае развіццё, сацыяльны мір. Толькі павага да права дае магчымасць быць сапраўды свабоднымі. Кожны чалавек павінен ведаць межы сваёй свабоды, а для гэтага неабходна вывучаць законы. Закон павінен быць аднолькавым і абавязковым для ўсіх саслоўяў. Разам з тым, ён павінен быць накіраваны супраць асобных правапарушальнікаў. Калі ў грамадстве адсутнічае павага да права, пануе беззаконнасць, яно не можа лічыцца чалавечым і справядлівым. Такое грамадства асветнік называе “воўчай зграяй”. Права, на яго думку, павінна не дапусціць выкарыстання дзяржаўнай улады ў карысных мэтах правіцеля. Усе думкі Л. Сапегі даюць магчымасць разглядаць яго як прыхільніка ідэі прававой дзяржавы [8].

Такім чынам, прааналізаваўшы погляды некаторых беларускіх мысліцеляў XVI ст. на палітыку, права, заканадаўства, можна сцвярджаць, што яны ў многім апярджвалі свой час. Прычым, гэтыя думкі былі сугучны з сучаснымі ідэямі...

Спіс выкарыстаных крыніц:

1. Доўнар, Т.І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі / Т.І. Доўнар. – Мінск: ДІКСТ БДУ, 2011. – 552 с.
2. Асветнікі зямлі Беларускай: Энцыкл. Даведнік / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў і інш. – Мінск: БелЭн, 2001. – 496 с.
3. Шалькевіч, В.Ф. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі / В.Ф. Шалькевіч. – Мінск: Маладзешнае навуковае суполніцтва, 2002. – 248 с.
4. Юхо, Я.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: у 2 ч. / Я.А. Юхо. – Мінск: РІВШ БДУ, 2000. – Ч. 1. – 352 с.
5. Вішнеўская, І.У. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі / І.У. Вішнеўская. – Мінск: Тэсей, 2004. — 271 с.
6. Гісторыя і сучаснасць: беларуская дзяржаўнасць ва ўсходнееўрапейскім кантэксце: зборнік навуковых прац, прысвечаных 90-годдзю з дня нараджэння прафесара І.А. Юхо / рэдкал.: С.А. Балашэнка (гал. рэд.) і [інш.]. – Мінск: Бизнесофсет, 2012. – 552 с.
7. Сокол, С.Ф. Политическая и правовая мысль в Белоруссии XVI – первой половине XVII в. / С.Ф. Сокол. – Минск: Наука и техника, 1984. — 186 с.
8. Голубева, Л.Л. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі: вучэб. метады комплекс / Л.Л. Голубева. – Мінск: ГІУСТ БГУ, 2005. – 84 с.
9. Доўнар, Т.І. Андрэй Волан (Валян) – беларускі філосаф і правазнаўца XVI стагоддзя // Юстыцыя Беларусі. 2012, № 8. – С. 75 – 77.
10. Доўнар, Т.І. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі XVI – XVIII ст.: хрэстаматыя / Т.І. Доўнар, Ю.П. Доўнар, Л.Л. Голубева. – Мінск: БДУ, 2004. — 206 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИЙ В ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Д.М. Демичев,

заведующий кафедрой теории и истории права, Белорусский государственный экономический университет, доктор юридических наук, профессор

За последние десятилетия интернационализация образования в различных странах, развиваясь в различных формах, стабильно расширяется и все более становится ключевым фактором его трансформации.

В соответствии с установившейся практикой интернационализация образования (Internationalization of higher education) обычно понимается как процесс внедрения и приобретения международного измерения в деятельность университетов в целях повышения качества образования и проводимых в них научных исследований.

Интернационализация образования определяет престиж образовательной деятельности университетов на международном уровне и является существенным фактором обеспечения конкурентоспособности вузов, барометром конкурентоспособности страны в глобальном пространстве.

Термин «интернационализация высшего образования» довольно «молодой». В конце прошлого века использовался другой собирательный термин – «зарубежное образование», который вобрал в себя различные виды деятельности международных отделов университетов – обучение студентов за рубежом, академические обмены, привлечение иностранных экспертов. Впоследствии этот термин ненадолго был заменен понятием «глобальное образование». И лишь затем, выходя за рамки этого понятия, в научный оборот входит термин «интернационализация образования», означавший начало создания концептуального подхода к процессу интернационализации.

В международной практике понятие «интернационализация в сфере высшего образования» традиционно включает в себя два аспекта: «внутреннюю» интернационализацию (internationalization at home) и «внешнюю» интернационализацию, или образование за границей, межстрановое образование, трансграничное образование (education abroad, across borders, cross-border education).

В Республике Беларусь обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях начало осуществляться после окончания Великой Отечественной войны 1941-45 гг. Первыми студентами, обучающимися в Белорусском государственном университете, были граждане Польской Народной Республики и ГДР. Затем различные виды стажировок в вузах Белорусской ССР стали проходить представители европейских государств и Канады. В мае 1961 г. Совет Министров БССР принял решение об организации в БГУ подготовительного факультета для иностранных граждан. В сентябре 1961 г. в БГУ был открыт подготовительный факультет для иностранных граждан. К учебе приступили 62 представителя Республики Куба.

После распада Советского Союза в Республике Беларусь проведена большая работа по повышению международного престижа страны, созданию условий для самостоятельного выхода белорусской системы образования на мировой рынок образовательных услуг. В результате произошел существенный рост экспорта этих услуг со стороны высших учебных заведений страны и увеличение количества принимаемых на учебу иностранных учащихся в вузах нашей страны.

Безусловно, в рейтинге вузов Республики Беларусь лидирующие позиции занимает Белорусский государственный университет – главный университет страны, отметивший в октябре 2016 г. свой 95-летний юбилей. В университете обучается около 30 тыс. студентов, в том числе 2, 4 тыс. иностранцев. Университет участвует в 36 международных образовательных проектах.

Наряду с этим в развитие интернационализации образования в Республике Беларусь весомый вклад вносит и Белорусский государственный экономический университет (БГЭУ) – ведущий вуз республики в области экономического образования. Неотъемлемой составляющей в эффективном функционировании университета является международная деятельность, которая направлена на развитие отношений с зарубежными партнерами, содействующих модернизации образования, укреплению вузовской науки, освоению мирового опыта в сфере высшего образования, привлечению иностранных инвестиций и расширению экспорта образовательных услуг. Основными направлениями международной деятельности БГЭУ являются: прием на учебу иностранных граждан на контрактной основе и в рамках двусторонних межправительственных соглашений; двустороннее академическое сотрудничество с зарубежными университетами и фондами; работа в рамках международных академических проектов/программ с зарубежными университетами и организациями; рекламная работа по привлечению иностранных граждан на учебу и стажировку в БГЭУ; анализ международной информации, поступающей через электронную почту, Internet и поиски новых партнеров для реализации совместных академических проектов.

Университетом подписаны двусторонние соглашения об академическом сотрудничестве в области образования более чем с 100 зарубежными вузами и научными организациями из 25 стран мира. Это направление деятельности БГЭУ постоянно укрепляется и расширяется. Сегодня Белорусский государственный экономический университет является членом ряда международных ассоциаций и объединений: Евразийской ассоциации университетов; Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы; Европейской Академии розничной торговли; Некоммерческой организации «Международная ассоциация организаций финансово-экономического образования»; Евразийской ассоциации экономических университетов (ЕАЭУ); Сети университетов региона Балтийского моря.

Свыше 40 лет БГЭУ осуществляет подготовку специалистов из-за рубежа. В рамках Межправительственных соглашений об академическом сотрудничестве в университете обучаются около 800 иностранных граждан из 16 стран СНГ, Балтии, Азии, Африки, Ближнего Востока, Европы, Вьетнама. В свою очередь студенты, аспиранты и преподаватели БГЭУ направляются на учебу и ста-

жировку в Китай, Францию, Бельгию, Венгрию, Германию, Испанию, Португалию, Италию, Болгарию, Литву, Польшу, Великобританию, США. В целях повышения качества обучения иностранных граждан в университете создан деканат по работе с иностранными учащимися.

В рамках действующих двусторонних соглашений БГЭУ осуществляет академические обмены преподавателями и студентами, проводит совместные научные исследования, издает учебники и учебно-методическую литературу, участвует в международных научно-практических конференциях, семинарах, образовательных выставках.

Совместно с зарубежными партнерами из Германии, Италии, Испании и других европейских стран в университете реализуются международные проекты. На сегодняшний день университет является участником 6 проектов в рамках программы TEMPUS IV. При поддержке Университета прикладных наук (Берлин) в рамках сотрудничества в сети Виртуального института при ЮНКТАД с 2012 г. в БГЭУ функционирует магистратура на английском языке по специальности «Международная экономика и торговая политика», а также «Бизнес-администрирование» и «Событийный маркетинг». В 2014 г. факультетом маркетинга и логистики БГЭУ подписано соглашение с Высшей школой Миттвайда (Университет прикладных наук, Германия) о взаимопризнанных программах обучения с выдачей двух дипломов, в соответствии с которой студенты факультета имеют возможность получить второй диплом бакалавра по специальности «Экономика предприятия» после 1 года обучения в Германии. С Политехническим университетом Брагансы (Португалия) в январе 2015 г. заключен договор о программе двойного диплома по специальностям «Лингвистическое обеспечение межкультурной коммуникации (внешнеэкономические связи)» и «Менеджмент международного бизнеса».

Повышению качества подготовки будущих специалистов и углублению изучения иностранных языков в БГЭУ способствует приглашение в университет иностранных профессоров и преподавателей из Германии, Ирана, Китая, России, Турции, Армении, Украины и других стран.

Расширение географии международных связей, стремление зарубежных вузов к сотрудничеству, участие БГЭУ в работе академических организаций других стран являются свидетельством признания и растущего авторитета университета на международной образовательной арене.

В настоящее время продвижение Республики Беларусь на мировой рынок образовательных услуг осуществляется в условиях жесткой конкуренции среди ведущих университетов международного образовательного пространства. Борьба за потенциальных студентов со стороны представителей вузов США, Канады, Великобритании, Австралии, Южной Кореи и других государств приводит к необходимости совершенствовать систему экспорта образовательных услуг для белорусских вузов.

В целом же в Республике Беларусь создана необходимая нормативная правовая база, регулирующая различные аспекты приема и обучения иностранных граждан: Концепция развития экспорта образовательных услуг в рамках со-

трудничества Республики Беларусь с иностранными государствами, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 октября 2007 г. № 1320 (с изм. и доп.) [1]; Правила приема лиц для получения высшего образования I ступени и среднего специального образования (включая иностранных граждан), утвержденные Указом Президента Республики Беларусь от 7 февраля 2006 г. № 80 (с изм. и доп.) [2]; Инструкция о порядке согласования приглашений иностранных граждан и лиц без гражданства на обучение, утвержденная постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Министерства образования Республики Беларусь от 9 октября 2014 г. № 352/151 [3] и др.

Таким образом, интернационализация является сегодня одним из существенных направлений развития и совершенствования белорусской системы высшего образования и важнейшим трендом в ее реформировании. В этой сфере формируются традиции, наблюдаются устойчивые тенденции и трансформации интернационализации как процесса и ключевой концепции, существенно отражающихся на современном дискурсе и практике высшего образования. Происходящее во многих государствах в условиях экономического кризиса сокращение государственного финансирования высшего образования ориентирует высшие учебные заведения на поиск дополнительных источников финансирования, что зачастую приводит к локальной, региональной и глобальной конкуренции в получении различных денежных фондов и увеличению количества студентов. В целом же наступает эра интернационализации образования, которая прочно закрепляется в институциональных миссиях и стратегиях. Она становится нормативной частью национальной политики многих государств, а также национальной практики и исследований в области высшего образования.

Список использованных источников:

1. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 250. – 5/25955.
2. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 24. – 1/7253; Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 12.01.2017. – 1/ 16853.
3. Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 24.01.2015. – 8/ 29505.

Т.І. Доўнар,

*прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права, Беларускай дзяржаўнай
ўніверсітэт, доктар юрыдычных навук, прафесар*

Самыя старажытныя звесткі, якія дайшлі да нашага часу аб Усходняй Еўропе, сведчаць аб высокай ступені арганізацыі жыцця насельніцтва на самай ранняй стадыі існавання дзяржаўнасці. Славяне былі “мнагалюдным народам”, які займаў “непамерную прастору, бо без гэтага, як адзначаў М.І. Ермаловіч, нельга растлумачыць, чаму яны змаглі рассяліцца на вялікай тэрыторыі, асіміляваўшы шматлікія плямёны і народы [1]. Славацкі гісторык П. Шафарык даказваў магутны рух славян, якія мелі высокую грамадскую упарадкаванасць, у V–VII ст. на захад і поўдзень і іх аселасць на беларускіх землях [2, с.84, 162]. Таксама візантыйскія гісторыкі яшчэ ў VI ст. адзначалі, што ў грамадскай арганізацыі усходніх славян ёсць некалькі груп, якія кіруюцца племянной значцю на чале з адным чалавекам і што жывуць яны ў народапраўстве і іх нельга схіліць да рабства або падпарадкавання [3, с.23–26.]. Увогуле ідэі народаўладдзя і народнага суверэнітэту, як палітыка-прававыя азначэнні здольнасці народа ажыццяўляць вяршэнства улады на ўласнай тэрыторыі, маюць глыбокія гістарычныя карані.

У навуковай літаратуры часта пазначаецца, што дзяржавы Усходняй Еўропы не набылі завершанага манархічнага ўладкавання і на працягу ўсяго існавання мелі схільнасць да народаўладдзя. На падставе абшчыннага спосабу гаспадарання ў іх склалася даволі ўстоўлівая сістэма публічнай улады, асноўнымі элементамі якой выступалі інстытуты непасрэднай дэмакратыі і абшчынна-вечавага самакіравання ў гарадах і сельскай мясцовасці. Фактычна існаваў пэўны дуалізм палітычнага ўладкавання, які сумяшчаў цеснае ўзаемадзеянне і цесную ўзаемасувязь элементаў: манархічнага (у асобе запрошанага або спадчыннага князя і яго рады) і дэмакратычнага (у асобе народных вечавых сходаў). Пры гэтым патрэбна адзначыць умоўнасць выкарыстання тэрмінаў «манархічны», «арыстакратычны», «дэмакратычны» да пазначанага перыяду, таксама як і мець на ўвазе, што ў сучасным палітычным лексіконе тэрмін “народны суверэнітэт” выціснуты паняццем “дэмакратыя”.

Дзяржаўная ўлада ва ўсходнеславянскіх княствах аб’ядноўвала ў сабе публічна-прававы і прыватнаправавы аспекты. Як правіла, сістэма органаў дзяржаўнай улады уяўляла сабой сукупнасць трох асноўных інстытутаў: князя, княжацкай рады і веча, якія ў сваёй функцыянальнай дзейнасці ў значнай ступені залежалі адзін ад другога. Пры гэтым галоўным абавязкам князя на ранніх этапах развіцця дзяржаўнасці з’яўлялася ў асноўным арганізацыя абароны дзяржавы. Як адзначаў А. Е. Праснякоў, князь – гэта «вождь и организатор народного ополчения, глава общего управления землей, защитник от внешней опасности и гарант внутреннего мира» [4, с.197]. Увогуле ж улада ў старажытных дзяржа-

вах аб'ектыўна не магла быць адзінай, бо поруч з дзяржаўнай існавала ўлада “грамады”. Традыцыйна князь ажыццяўляў свае паўнамоцтвы разам з вечам. Аднак рэальнае праяўленне гэтых інстытутаў ў розных княствах некалькі (а часам і істотна) адрознівалася. Напрыклад, агульнавядома аб асаблівым становішчы веча ў Ноўгарадзе, Пскове і Полацку, г.зн. на тых тэрыторыях, якія былі заселены пераважна крывічамі.

Многія навукоўцы адзначалі, што веча як найбольш старажытны орган дзяржаўнай улады, ўяўляла сабой агульны сход свабодных людзей, які існаваў амаль ва ўсіх славянскіх дзяржавах у ноўгарадцаў, смялян, кіяўлян палачан і г.д. [5, с.64]. Пры гэтым большасць навукоўцаў прытрымлівалася думкі, што веча паўстала адначасова з дзяржавай. Так, расійскі гісторык права У.Сяргеевіч пісаў: «вече ... существует с незапамятных времен и было всегда» [6, с.33]. Аднак некаторыя навукоўцы (напрыклад, Б.Д. Грэкаў), не адмаўляючы, што веча адносіцца да самага старажытнага перыяду ўсходнеўрапейскай гісторыі, пазначалі “маўчанне” веча з X па XII стагоддзі. У Кіеўскім княстве доўгі час яно ўвогуле не функцыянавала. Росквіт вечавай дзейнасці прыходзіцца на перыяд феадальнай раздробленасці

Адносна сутнасці і ролі веча ў навуковай літаратуры таксама выказваліся розныя погляды. Так, В.О.Ключэўскі лічыў, што адзінаўладдзе ў Старажытнай Русі да сярэдзіны середыны XI ст. увогуле было палітычнай выпадковасцю і пасля смерці Яраслава Мудрага больш не паўтаралася [7, с.169-170.]. Навуковец сфармуляваў ідэю “калектыўнага сюзэрэнітэту”, зыходзячы, як і С.М.Салаўёў, не з сацыяльна-эканамічных, а з родавых перадумоў. Увогуле многія расійскія навукоўцы адзначалі, што веча – гэта орган старажытнага “русского народо-правства”, аднак яны шмат у чым разыходзіліся ў думках адносна сутнасці самога тэрміна “веча”, а таксама по многіх іншых пытаннях (складу веча, тэрыторыі яго дзейнасці, кола разглядаемых ім пытанняў і г.д.). Пры гэтым навукоўцы правільна пазначалі, што ў розных землях веча мела розныя назвы і словамі «веча», «снем», «сойм», «капа», «купа» даўней пазначаўся ўсялякі грамадскі сход або нарада, а склікаць веча – азначала прадставіць справу на абмеркаванні ўсяго народа.

Як правіла, веча збіралася ў вызначаных месцах: у больш старажытны перыяд часцей за ўсё на месцах паганскіх каповішчаў, пазней – каля царквы, на гандлёвых пляцах і інш. Веча склікалася па ініцыятыве самога князя, ці княжацкай рады, ці групы вольных людзей. Летапісы сведчаць, што часцей за ўсё веча вы сход склікаўся князем. Аднак веча лічылася правамоцным і тады, калі па нейкіх прычынах збіралася стыхійна і не ў загадзя вызначаным (традыцыйным) месцы, бо ўдзел у палітычным жыцці дзяржавы ўсіх свабодных (паўнапраўных) людзей з'яўляўся неабходнай умовай для належнага функцыянавання органаў улады ў старажытных княствах. Пры невялікім службовым апарате княжацкія органы ўлады змушаны былі пастаянна шукаць падтрымкі ў насельніцтва, а таму ўсе больш-менш важныя пытанні дзяржаўнай палітыкі маглі быць праведзены ў жыццё толькі са згоды большасці паўнапраўных грамадзян. Часам сам князь шукаў падтрымку ў народа. Так, В.Т.Пашута пісаў: «Великоняжеская власть,

выступая против засилья растущей сеньориальной боярской знати, опиралось на поддержку торгово-ремесленных верхов городов («мужи градские») и на служилый феодализм («служилое боярство») [8, с.304].

Несумненна, склад, кампетэнцыя і роля веча ў дзяржаўным жыцці адраэнівалася ў княствах Усходняй Русі ў залежнасці ад многіх прычын. Пры гэтым у шэрагу княстваў дзейнасць веча была вельмі актыўнай доўгі перыяд часу, у асобных княствах на даволі раннім гістарычным этапе веча ўвогуле было ліквідавана, у некаторых – паступова страчвала свае функцыі, у іншых – склікалася толькі ў выключных выпадках. Прыкладам апошняга можа служыць вызваленне кіяўлянамі з «поруба» полацкага князя Ёсяслава Брачыслававіча (Чарадзея) у 1066 г. пры нападзе полаўцаў і няздольнасці кіяўскай улады арганізаваць абарону горада.

Як раннефеадальныя манархіі, беларускія княствы будаваліся па прыкладу сэрэрнітэту-васалітэту. Аднак многія з іх не набылі завершанага манархічнага ўладкавання і на працягу ўсяго свайго існавання мелі цягу да народнаўладдзя. На падставе звычайнага права і абшчыннага спосабу гаспадарання ў гэтых дзяржавах склалася даволі ўстойлівая сістэма публічнай улады, асноўнымі элементамі якой выступалі інстытуты непасрэднай дэмакратыі і абшчынна-вечавага самакіравання ў гарадах і сельскай мясцовасці. Існаваў пэўны дуалізм палітычнага ўладкавання, які спалучаў цеснае ўзаемадзеянне і ўзаемазвязь манархічнага (у асобе запрошанага або спадчыннага князя) і дэмакратычнага (у асобе народных вечавых сходаў) элементаў. Сістэма органаў публічнай улады ў беларускіх княствах ўяўляла сабой сукупнасць трох асноўных дзяржаўна-палітычных інстытутаў: князь, рада (савет пры князі), веча (сойм). Старажытнае веча (сойм) як орган дзяржаўнай улады ў гэтых княствах, як правіла, з'яўлялася агульным зборам дарослых вольных мужчын. Як сведчаць летапісы, яно існавала ў Полацку, Віцебску, Друцку, Тураве і іншых месцах. Хоць часцей веча склікалася па ініцыятыве князя, аднак часам яно збіралася самім народам і без князя самастойна вырашала значныя дзяржаўныя пытанні, асабліва калі гэта тычылася адносін з суседнімі “рускімі” землямі. Так, калі ў 1186 г. мяжу Полаччыны перайшлі смаленскія і ноўгарадскія войскі, палачане, абмеркаваўшы сітуацыю на веча, выбралі сваіх прадстаўнікоў, якія правялі перамовы і мірна ўрэгулявалі спрэчныя пытанні. Усе рашэнні на веча прымаліся, як правіла, большасцю галасоў.

Кола пытанняў на вечы не было строга азначана. Часцей вырашаліся найбольш важныя дзяржаўныя справы: абранне і зняцце з пасады (выгнанне) князя, прызначэнне на пасады вышэйшых службовых асоб і пазбаўленне іх гэтых пасадаў, пытанні вайны і міру, міжнародныя адносіны, арганізацыя апалчэння і абароны, падаткі, судовыя справы. Увогуле патрэбна падкрэсліць, што суд з самага старажытнага часу традыцыйна адбываўся публічна, з удзелам народа. Навукоўцы адзначаюць, што судовая ўлада пераходзіць да дзяржаўных органаў (князя і веча) разам з устанаўленнем і фармалізацыяй публічнай улады, хоць частка яе даволі доўгі перыяд часу застаецца ў кампетэнцыі сходаў свабодных людзей – веча і абшчыны. Нават у перыяд Рускай Праўды абшчына валодала значнай су-

довай уладай і яе прадстаўнікі («добрыя людзі») вырашалі ўзнікшыя ў абшчын-ным асяроддзі спрэчкі. Так, З.М. Чарнілоўскі пісаў: «община оказалась настоль-ко универсальным инструментом улаживания коллективных дел и конфликтов, что ее... удерживает и феодальное право» [9, с.18]. Шэраг навукоўцаў лічыць, што ў Праўдзе Яраслава даецца апісанне абшчыннага парадку суда, які адбы-ваўся «мірам», грамадствам, без удзелу князя і яго пасадніка. Судовыя справы вырашаліся зводам, сведкамі або паручнікамі [гл. падрабязней: 10]. Нават у кня-жацкім судзе значную ролю адыгрывалі свабодныя людзі, перш за ўсё самі бакі і іх прадстаўнікі, што сведчыць аб пэўным элеменце яго “народнасці”, хоць выз-начыць суадносіны “княжацкага” і “народнага” суда, як адзначаюць навукоўцы, не ўяўляецца магчымым [11, с.31-32]. На вечы маглі абмяркоўвацца і іншыя, значныя і менш значныя пытанні. Некаторыя навукоўцы адзначаюць, што ў кан-цы XII-XIII стст. развіццё старажытных дзяржаў характэрызуецца далейшай дэмакратызацыяй іх сацыяльна-палітычных сістэм . Адначасова ў гэты перыяд адбываецца павелічэнне значэння і ўплыву мясцовых княстваў і зямель на чале з гарадамі Полацк, Ноўгарад, Смаленск, Чарнігаў, Уладзімір і інш. на фоне рас-пада суперсаюза княстваў, якім з’яўлялася Кіеўская Русь.

Аб значэнні вечы ў дзяржаўным жыцці сведчыць той факт, што толькі за-цверджаны вечам князь лічыўся легітымным. У выпадку, калі вечы не згаджалася выбраць чарговага князя або не падтрымлівала яго, апошні павінен быў пакінуць горад. Напрыклад, у 1127 г. быў выгнаны вечам полацкі князь Давыд. Таксама не рызыкнуў вярнуцца ў Полацк князь Рагвалод Барысавіч пасля таго, як пацярпеў паражэнне ў сутыкненні з войскамі менскага князя Валадара Глебавіча у 1116 г., бо баяўся адказнасці перад вечам за гібель многіх палачан. Полацкае вечы і паз-ней выганяла непажаданых князёў (1128, 1132, 1151, 1159 гг.) [12, с.268-273]. Увогуле палачане, як пішуць летапісы, «в той час волно себе пановали и жадной зверхности над собою не мели..., держали на той час землю Рускую сами ме-щане полоцкие... взявши кшталт справованя речи посполитой от оных славных справ грецких афинеов... » [13, с.20]. Тамсама пазначаецца, што ў другой палове XIII ст. «полочане, гды ся в том Глебе остатный потомок князей полоцких з Лит-вы замкнул (бо без потомства умер), почали себе волно жити, а пана над собою не мели» [13, с.21]. Гэта значыць, што палачане самі без князя ў той час кіравалі ўласнай дзяржавай. Увогуле Полацкая дзяржава, як адзначаюць навукоўцы, знаходзілася на шляху фарміравання сярэдневечнай вечавой рэспублікі. Кня-жацкая ўлада не страціла сваёй моцы, як гэта атрымалася ў Ноўгарадскай рэс-публіцы, а вечы не перастала існаваць, як у Паўночна-усходняй Русі. Полацкі князь лічыўся галавой усёй полацкай зямлі нават тады, калі мясцовыя князі сталі гаспадарамі асобных зямель – Мінскай, Друцкай, Віцебскай і іншых, у якіх так-сама склікалася вечы.

Патрэбна адзначыць, што савецкая гістарычная школа ў цэлым падтрым-лівала вывад аб існаванні ў Полацку моцнага вечы. Аднак, калі Б.Д.Грэкаў, У.І.Пічэта, М.М.Ціханаў бачылі вечавы лад Полацка як наступства няўхільнага росту палітычнага ўплыву баярства і гандлёва-рамесных вярхоў ў XII –першай палове XIII ст. “подобно новгородским порядкам”, то В.Т.Пашута,

Л.В.Аляксеяў, Б.А.Рыбаков, І.Я.Фраянаў і іншыя адзначалі, што баярства не падзяляла сваёй рэальнай улады ні з кім іншым. У той жа час усе даследчыкі адзначалі і слабасць баярскай улады [14, с.129]. Аб моцы Полацкага веча сведчыць той факт, што яно працягвала дзейнічаць і ў складзе Вялікага Княства Літоўскага амаль да канца XV ст.,

Разам з тым навукоўцы адзначалі, што амаль з самага пачатку на вечавых сходах выразна праяўляліся два элементы – “добрых” і “малых” людзей, якія ў асноўным адрозніваліся сваім эканамічным становішчам. Так, М.В.Доўнар-Запольскі пісаў, што ў гэтым адрозненні, чыста бытавым, мы бачым зараджэнне сацыяльных падзяленняў і палітычнай няроўнасці будучых саслоўяў [15, с.52]. Менавіта таму з узмацненнем раслаення грамадства і павелічэннем дзяржаўнага апарату змяншаецца значэнне простых людзей і ўзрастае роля кіруючых феадальных вярхоў, таму веча становіцца менш патрэбным і яго перастаюць склікаць. Пры гэтым пэўны час засталася ў моцы старажытная народная ідэя разумення ўлады манарха як службовай асобы, якая павінна выказваць і ахоўваць інтарэсы ўсяго народа, хоць з цягам часу пад “народам” пачалі разумець не ўсіх людзей у дзяржаве, а толькі асоб, якія выконвалі воінскую павіннасць і ўваходзілі ў склад прывілеяванага саслоўя. У многіх помніках права Вялікага Княства Літоўскага XV- XVI стст. мы знаходзім нормы аб правах усіх людзей і выбранні князёў ўсім народам. Напрыклад, граматай (прывілеям) 1447 года вялікі князь абавязваўся захоўваць «ўсе правы, вольнасці і граматы», выдадзеныя не толькі свецкім і духоўным феадалам, але «гарадам, мяшчанам, жыхарам і нагул асобам усіх саслоўяў і стану»; граматай 1511 г. рэгламентавалася, што полацкі ваявода выбіраецца самімі полачанамі, а «который нелюб им – ино ему чист, инога избрати с полочан по испросу» [16, с. 89, 52] і г.д. Аднак зразумела, што ў гэты перыяд нормы аб захаванні правоў і вольнасцей усяго народа былі ўжо пэўнай данінай “старыне” і мелі яны ў большасці дэкларатыўны і прапагандысцкі характар.

Спіс выкарыстаных крыніц:

1. Ермаловіч, М. Славянскія дарогі Беларусі / М. Ермаловіч // Голас радзімы. – 1982. – № 6. – 11 лютага 1982 года.
2. Шафарик, П.И. Славянские древности / П.И. Шафарик. – М. : В Университетской типографии 1848. – Т.2. – Кн.1. – 462 с.
3. Белоруссия в эпоху феодализма: в 3 т. / Акад. наук БССР, Ин-т истории, Арх. упр. МВД БССР; редкол.: А.И. Азаров [и др.]. – Минск : АН БССР, 1959-1961. – Т. 1. – Минск, 1959. – 516 с.
4. Пресняков, А.Е. Лекции по русской истории / А.Е. Пресняков. – М. : Гос. социально-экономическое изд-во, 1938. – Т. 1: Киевская Русь. – 280 с.
5. Юхо, Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі / Я.А. Юхо. – Мінск : Універсітэцкае. – 270 с.
6. Сергеевич, В.И. Русские юридические древности / В.И. Сергеевич. – Т. 2. Вып. первый : Вече и князь. – СПб. : типогр. Н.А. Лебедева, 1893. – 336 с.
7. Ключевский, В.О. Соч. : в 9 т. / В.О. Ключевский – М. : Мысль, 1987. – Т. 1, Ч. 1: Курс русской истории. – 432 с.

8. Пашуто, В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси / В.Т. Пашуто. – М. : АН СССР. Ин-т истории. [М.] изд. и 2-я тип. Изд-ва АН СССР, 1950. – 386 с.
9. Черниловский, З.М. Русская Правда в свете других славянских судебныхников / З.М. Черниловский // Древняя Русь: проблемы права и правовой идеологии: Сборник научных трудов. – М. : изд-во РИО ВЮЗИ., 1984. –С. 3- 28.
10. Чебаненко, С.Б. Княжеский и народный суд в Древней Руси / С.Б. Чебаненко: дис... канд. исторических наук [07.00.02] – СПб, 2007. – 308 с.
11. Рубаник, В.Е. Суд и следствие в нашем прошлом: исторический обзор / В.Е. Рубаник // История государства и права, 2012, № 20. – С.28-32.
12. Алексеев, Л.В. Полоцкая земля: (очерки истории Северной Белоруссии) в IX-XIII в. – М. : Наука, 1966. – 295 с.
13. Хроника Литовская и Жемойтская // Полное собрание русских летописей. – М., 1975. – Т. 32. – С. 16-127.
14. Стешенко, Л.А. История государства и права России: Академический курс : в 2 т / Л.А. Стешенко, Т.М. Шамба. – М. : Изд-во НОРМА, 2003. – Т.1.V – начало XX в. – 734 с.
15. Доўнар-Запольскі, М.В. Гісторыя Беларусі / М.В Доўнар-Запольскі / Беларус. Энцыкл., Нац.арх. Рэсп. Беларусь; пер. з рус. Т.М. Бутэвіч [і інш.]. – Мінск : Бел Эн, 1994. – 510 с.
16. Дагаворы і граматы як крыніцы беларускага феадальнага права : дапаможнік / Я. Юхо, А. Абрамовіч, Т. Доўнар, У. Сатолін. – Мінск : БДУ, 2000. – 127 с.

Е.Т. Капитанец,

старший преподаватель, Частный институт управления и предпринимательства, соискатель кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь

«Правовая политика должна обладать способностью диагностировать болевые точки жизни общества и своевременно и эффективно профилактировать их», – выражение Н.И. Матузова чрезвычайно актуально для нашего исследования, посвященного оптимизации правотворческого и, в частности, законотворческого процесса в Республике Беларусь.

Декларация о государственном суверенитете Республики Беларусь от 27 июля 1990 года провозгласила Республику Беларусь суверенным независимым государством, заложив основы формирования качественно новых начал в государственной и общественной жизни. 15 марта 1994 г. была принята Конституция Республики Беларусь, провозгласившая нашу республику унитарным демократическим социальным правовым государством [1, с. 4]. Принятие новой Конституции, вовлечение Республики Беларусь в мировое сообщество как суверенного и независимого государства повлекли кардинальные изменения в законодательстве [2].

Важнейшим нововведением Конституции стало изменение системы приоритетов государства. На первое место в иерархии ценностей ставится человек, его права, свободы и гарантии их реализации. Правовое поле страны должно находиться в рамках соблюдения и защиты прав личности. [1, с. 8-17] Основной закон Республики Беларусь базируется на признанных международным правом принципах и нормах в частности, отраженных во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года. [3, с. 94].

Правовая система, система права, являясь объектом правовой политики, выступают также в качестве ее основного средства реализации. [4, с. 41]. «Правовая политика» - понятие, можно сказать, «собирательное, характеризующее определенный вид государственной деятельности. Осуществляться она может в различных сферах ... она может подразделяться на законодательную, исполнительную, судебную, прокурорскую, нотариальную, наградную, дисциплинарную и др. [5, с. 177]. Учитывая наличие указанных видов правовой политики, можем говорить о том, что политика права включает такие действенные составляющие, как правотворчество, право-применение, право-защиту и т.д. Правотворчество, включая нормотворчество, – особая форма государственной деятельности, завершающая процесс формирования права и состоящая в установлении, изменении и отмене правовых норм [6, с.22.] Правотворчество реализуется путем осуществления правотворческой деятельности, которая представляет собой создание норм поведения участников общественных отношений. Направленность и содержание правотворческой деятельности важны для общества, т.к. эти мо-

менты определяют политический режим и форму правления в государстве, а значит и правовую политику государства. Одним из направлений правовой политики считает Минеева В.И. - «политика непосредственно в правовой сфере, связанная с правотворчеством, конструированием самого права, развитием механизма правового регулирования, формированием концепции правового развития в целом» [7, с. 50]

Список использованных источников:

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2014. – 48 с.

2. Мицкевич, В.В. Становление и развитие права современной Беларуси [Электронный ресурс] / В. Мицкевич // Нац. правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа http://www.pravo.by/gosudarstvo-i-pravo/tsikl-publikatsiy-pravo-sovremennoy-belarusi-istoki-uroki-dostizheniya-i-perspektivy/stanovlenie-i-razvitie-prava-sovremennoy-belarusi-mitskevich-v-v-/index.php?sphrase_id=262206. – Дата доступа: 02.09.2017.

3. Большой юридический энциклопедический словарь / А.Б. Барихин. – М. : Книжный мир, 2000. – 720 с.

4. Мазуренко, А.П. Правовая политика и правовое развитие общества / А.П. Мазуренко, Ю.А. Титенко. ; под ред. д.ю.н., профессора А.В. Малько. – М.: «Компания Спутник+», 2007. – 194 с.

5. Малько, А.В. Права, свободы и законные интересы: проблемы юридического обеспечения / А.В. Малько, В.В. Субочев, А.М Шериев. – М. : Норма; Инфра-М, 2010. – 192 с.

6. Соколова, А.А. Законодательный процесс: основные понятия и институты : учеб.-метод. пособие / А.А. Соколова. – Минск : ЕГУ, 2003. – 32 с.

7. Минеева, В.И. Правовая политика российского государства в области экологии: Проблемы реализации : дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2004. – 194 л.

**ПРАВА ГОРОДСКИХ ОБЩИН
БЕЛОРУССКИХ И УКРАИНСКИХ ЗЕМЕЛЬ
ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО XV – НАЧАЛА XVI ВВ.**

С.Г. Ковалёва,

*Черноморский национальный университет имени Петра Могилы, кандидат
юридических наук, доцент*

Изучение права средневековых европейских городов традиционно ограничивается лишь западноевропейским опытом. Причиной, очевидно, является тот бесспорный факт, что лишь в феодальных городах Западной Европы сложились свои системы права, отличные от общеземского, что, в конечном счёте, привело к образованию в западноевропейских обществах городского сословия, обладавшего особым правовым статусом. Такого явления не возникло в городах Восточной Европы, несмотря на широкое распространение в них магдебургского права. Не ставя целью выяснение причин и сущности такого феномена, автор считает возможным говорить о наличии прав городских общин белорусских и украинских земель Великого княжества Литовского. Такие права формировались как следствие пожалования литовскими господами (такой титул с XV в. носили литовские монархи) белорусским и украинским городам так называемых привилеев – жалованных грамот, которыми устанавливались взаимные права и обязанности центральной власти и этих городов. Время пожалования таких привилеев (в литературе за ними закрепилось название областных) – XV – начало XVI в., то есть этап преодоления феодальной раздробленности и формирования централизованного государства. Ликвидируя местную удельную администрацию, центральной власти необходимо было заручиться лояльностью населения с целью предотвращения потенциальных конфликтов; основным средством для этого было сохранение, хотя бы и декларативное, старины, то есть исконных, привычных горожанам норм. Как следует из текстов привилеев, они давались городскими общинами по просьбе их жителей и закрепляли исстари существующие на белорусских и украинских землях нормы и правила. Однако внимательный анализ положений Новоградского, Полоцкого, Витебского, Киевского, Волынского привилеев даёт основания утверждать, что, декларируя «сохранение старины», великие литовские князья не только вынуждены были оставлять без изменений издавна существующие нормы, но и вводить новые при условии, что они не ухудшали положения населения. Разумеется, горожанам легче было получить закрепление желаемых норм в писаных нормативных актах, чем добиться их практической реализации, но сам факт признания за городскими общинами определённых прав свидетельствовал о том, что Великое княжество Литовское придерживалось общеевропейского вектора развития.

Среди правовых норм областных привилеев представляется возможным выделить группу тех, которые закрепляли права не отдельных подданных, а кол-

лективные, солидарные права общины. Выделение и анализ этих норм и является целью данной работы.

Источниками для исследования являются тексты привилеев – Новогрудского (1440), Волынского (1501 и 1509), Витебского (1503), Смоленского (1505 и 1513), Киевского (1507 и 1529), Полоцкого (1511).

В отличие от жалованных грамот на магдебургское право, областные привилеи не предусматривали права города на самоуправление. (Хотя среди городов, получивших областные привилеи, были и магдебургии, например, Киев и Полоцк получили магдебургское право ещё в XV в., Витебск – в XVI в.) Однако целый ряд правовых норм привилеев закрепляли определённую автономию города и его земли. Так, например, Витебский привилей гласил: «Також им нам давати воеводу по старому, по их воли, и который им будет нелюб воевода, а обмовят его перед нами: ино нам воеводу им иного дати, по их воли; а приехавши воеводе нашому к Витебску, первого дня целовати ему крест к Витбляном, на том, штож без права их не казнити по вадам ни в чом» [2, с. 70]. Подобная норма содержится в Полоцком привилее: «Такъже намъ, г(о)с(по)д(а)ру, давати намъ воеводу нашего полочаномъ по их воли, а который будетъ воевода нашъ нелюбъ, и намъ имъ воеводу нашего дати по их воли. А приехавъши воеводе нашому к Полоцкю, перъвого дня ему крестъ целовати к полочаномъ на томъ, штожъ безъ их sprawy полочанина не казънити ни въ чомъ» [2, с. 80]. Таким образом, кандидатуры воеводы и Витебского, и Полоцкого, хотя и выдвигались господарем, всё же должны были согласовываться с горожанами.

Власть воеводы в городах, которым жаловались привилеи, была ограничена. Во-первых, это касалось его права контроля над населёнными пунктами земли, охоты и поборов с местных жителей: «А по волости по Витебской воеводе нашому не ездити, а поедет в ловы, ино его по станом не дарити» [2, с. 68]. Во-вторых, городские общины сохраняли свои суды: «... местичов одному воеводе не судити, нижь судити съ местичи» [4, с. 223], «... [воеводе нашому Полоцкому] мешчанъ одному не судити, судити ему з бояры и мешчаны» [2, с. 78]. Судебный процесс должен был происходить в присутствии наблюдателей из местного населения: «старосте и наместником нашим одному их (волынян – С.К.) не судити, маеть при себе посадити князей, и панов, и землян, тоже мает его з ними судити» [1, с. 271].

Автономия городов (и соответствующих земель) подкреплялась тем, что великие литовские князья обязывались не вмешиваться в дела местных церковных общин. Так, в Киевском привилее указывалось, что монарх обещает «въ церковъные люди и въ земли и во вси доходы и приходы ... не вступатися» [1, с. 278]. Жителям Новогрудка было обещано «оуси надаванья и записы вызволенья церкви столных зборных, монастырских и иных оу Новгородче, оу земли Новгородской хочемъ безъ порушенья держати спольна и боронити подле нашое (господаря – С.К.) моци» [4, с. 222].

Следующая группа прав городских общин касалась освобождения их жителей от определённых повинностей в пользу великого князя и местной администрации. Господарь постановил, что витебских «сябров городских в пригод наш

не гнати, а ни в подводы, а ни в ловы» [2, с. 69], новогрудским мещанам гарантировалось освобождение от подводной повинности («подводь оу местичовъ не имати» [4, с. 225]), жителям Полоцка обещали «въ подводы ... коней в полочанъ не брати, ни въ поселскихъ путъниковъ, ни въ сябровъ городскихъ», «въ заставу ... боярь и мешчанъ полоцких и посельских путниковъ не посылати» [2, с. 76]. Отметим, что жалованные права в ряде привилеев распространялись лишь на свободных жителей городов. Если даже речь шла об отмене некоторых повинностей зависимого населения, то это была уступка не ему, а его хозяевам-феодалам, которые, в конечном счёте, пользовались плодами таких отмен. Так, например, относительно полочан «зъ боярских и з мешчаньскихъ сель» предписывалось «никакою служъбою ненадобе тягнути к нашимъ кн(я)жимъ дворомъ» [2, с. 77]; в Новогрудке «князским людемъ, и паньским, и боярским, и местичомъ оу литовскои земли, оу жомоитскои, оу рускои дяколь намъ не надобе давати, а ни подводъ давати, а ни каменм, ни колодея возити, а ни на сено ходити, а не серебрящизне, ни к инымъ несправедливымъ роботамъ не надобе имъ ходити» [4, с. 222]; частновладельческие, зависимые от церковных или светских феодалов киевские жители освобождались от подводной повинности, от гона бобров, кошения сена, но это означало, что центральная и местная администрация признаёт право распоряжения «слугами» за их хозяевами. Красноречивой в этом отношении является норма Киевского привилея о посылании послов в Орду: «...княземъ, паномъ и бояромъ съ послы къ орде не ходити, слугамъ ходити...» [1, с. 281]. Норма эта напоминает о феодальном, сословном характере права Великого княжества Литовского.

В перечне прав городских общин заметное место занимает группа экономических прав, которые заключались, в основном, в освобождении мещан от налогов, пошлин и других платежей. Например, в 1511 г. полоцким жителям «мыта ... отпустили по въсей нашої державе и тежъ и серебрящину отпустили есмо имъ вечно» [2, с. 79]. В 1513 г. господарь даровал смолянам освобождение от соляной пошлины и других налогов: «...пожаловали есмо мещан смоленских и все посполство: мыто нашо соляное им есмо отпустили», «великоденщины и рожественщины, и глушичщины, и иных поплатов пану воеводе смоленском[у] с них не брати и в службы город[ов]ыи их не вернути» [3, с. 262]. Зачастую центральная власть восстанавливала нарушенные права городских общин, которые подвергались несанкционированному налогообложению по инициативе местной администрации. Например, относительно налогов и пошлин, налагаемых на киевлян, в 1507 г. Жигимонт I распорядился так: «Где бы здавѣна не бывали на предковъ нашихъ, за великого князя Витовта и за Жикгимонѣта и перво сего за отъца и брата нашого, королей ихъ милости, тутъ и теперъ не по-требъ воеводамъ нашимъ мытъ новыхъ уставляти» [1, с. 282].

Торговля играла значительную роль в повышении благосостояния городов. Возможность пользоваться торговыми льготами и привилегиями была важным правом городских общин. В XV – начале XVI вв. города имели право устанавливать свои собственные эталоны мер и весов. Привилеи Новогрудку и Витебску подтверждали: «оу локоть а оу весы городски ино оу которыи пошлины

торговой местицкий воеводе не оуступатися» [4, 225], «...в весы витебский, в ни в локоть нам не вступатися» [2, с. 70]. Торговая автономия давала возможность городской общине наращивать торговый оборот и, следовательно, развиваться экономически.

Ещё одна группа прав городских общин касалась выбора её жителями места проживания и возможности свободного выхода из числа горожан. Такие права, например, были дарованы жителям Витебска и Полоцка: «...полочаномъ всимъ жити в Полоцьку добровольно, покуль хто хочеть. А будет ли которому полочанину от насъ насильство, намъ его силою не держати, ино ему чистъ путь, куда хто хочеть, безъ кажъдое зачепки» [2, с. 80]; «Витбляном жити у Витебску добровольно, всякому, по старому, покуль хто всхочеть; а которому Витблянину будет от нас насилно, а будет ему нелюбо: нам его силою не держати, ино ему путь чист, куды хочет, безо всякое зачепки» [2, с. 71].

Витебский привилей даровал членам городской общины свободу вероисповедания, в частности, белорусское население могло сохранять принадлежность к православной конфессии, хотя ещё земским привилеем 1387 г. провозглашался курс на поддержку католицизма. Привилей 1503 г. гарантировал: «...который будутъ, Литвин, або Лях, крещены были у Витебску в Рускую веру, а хто из того роду и тепере живет, того нам не рушити, права их хрестияньского ни в чом не ломити» [2, с. 71].

Таким образом, городские общины белорусских и украинских городов Великого княжества Литовского, хотя и не стали независимыми от центральной власти, всё же обладали определённым кругом политических, экономических, религиозных прав.

Список использованных источников:

1. Ващук, Д.П. Абыхмо деръжали ихъ подле права ихъ земъли (Населення Київщини та Волині і великокнязівська влада в XV – XVI ст.) : моногр. / Д.П. Ващук. – К. : Інститут історії України НАН України, 2009. – 320 с.
2. Вішнеўскі А.Ф., Юхо А.Я. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (са старажытных гадоў да нашых дзен) / А.Ф. Вішнеўскі, А.Я. Юхо. – Минск, 1998. – С. 68–71.
3. Кромм, М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. – М. : Квадрига, 2010. – 320 с.
4. Привилей Новогрудской земле 1440 / [публикация и пояснения С.Г. Жемайтиса] // Рукописные памятники: Публикации и исследования / сост. Г.П. Енин (науч. ред.). – СПб. : РНБ, 1997. – Вып. 4. – С. 221–225.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ПРАВОТВОРЧЕСТВА КАК ЗАЛОГ НАДЛЕЖАЩЕЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Д.А. Лагун,

доцент кафедры теории и истории государства и права, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент

Правотворчество выступает одной из важнейших категорий в теории права. Содержательное ее наполнение во многом зависит от той или иной концепции правопонимания, на которой стоит определенный исследователь, от мировоззренческой основы его взглядов, от спектра методов научного познания, им используемого. Отсутствие, а главным образом, принципиальная невозможность универсального единства в исходных познавательных началах предопределило не только множество мнений относительно содержания правотворчества, но и многообразие терминов, используемых в научной юридической литературе для его обозначения.

Различными авторами широко используются такие термины, как правотворчество, нормотворчество, правоустановление, нормоустановление, правообразование, формирование права [3, с.311]. В наиболее широком смысле все они рассматриваются как синонимичные или аналогичные, применяемые к одному и тому же правовому явлению, имеющему своей конечной целью формулирование правовых норм, закрепление прав и свобод человека, его юридических обязанностей.

При детальном изучении конкретных терминов, опосредующих правотворчество, проявляются те мировоззренческо-методологические позиции авторов, научных исследователей, которые, по их мнению, обосновывают правильность употребления строго определенного термина и его отличия от других смежных, но не идентичных терминов.

Правотворчество в самом общем, абстрактном смысле есть творение права, создание права.

Под правотворчеством в зависимости от воспринятой концепции сущности права принято понимать:

- акт, деятельность Бога-Творца, направленную на установление наиболее важных, принципиальных правил совместного жительства людей, носящих безусловный, перманентный характер, и обладающих непреходящей ценностью (теологический подход);

- объективно обусловленную естественными, прирожденными, неотъемлемыми и неотчуждаемыми правами человека деятельность различных социальных субъектов по разработке и принятию правовых норм и приданию им общеобязательной юридической силы (естественно-правовой подход);

- государственно-властную деятельность компетентных государственных органов (должностных лиц), направленную на создание, изменение или прекращение правовых норм путем разработки, принятия и введения в силу нормативных правовых актов (позитивистский подход);

- деятельность социальных групп, классов, сообществ, а также общества в целом по выработке и закреплению в процессе жизнедеятельности данного общества общих, универсальных правил поведения индивидов, обеспечиваемых принудительной силой специально образованных, как правило, государственных институтов (социологический подход);

- внутреннюю, интуитивную, умственную, психическую деятельность человека, связанную с выработкой императивных и атрибутивных правил поведения, регламентирующих его поведение (психологический подход);

- жизнедеятельность конкретного народа на протяжении длительного периода времени, в течение которого постепенно вырабатываются и наполняются ценностным содержанием правила поведения, отражающие сущностный мир, специфику развития, уклад жизни данного народа, и цементирующие нравственную, культурную основу его исторического существования (исторический подход).

Обобщая взгляды на правотворчество, предлагаемые в различных концепциях сущности права, можно дать следующее определение правотворчеству: это деятельность субъектов права, направленная на выработку и официальное закрепление в письменных и устных источниках норм права с целью установления общего, универсального порядка правового регулирования социальной жизни в конкретном обществе в соответствии его культурными, нравственными ценностями.

Нормотворчество рассматривается как деятельность различных субъектов, направленная на выработку и принятие норм, регламентирующих различные сферы деятельности людей. Основное сущностное отличие нормотворчества от правотворчества проводится по видовому разнообразию норм, которые становятся результатом творческой деятельности. Если правотворчество имеет своей целью принятие исключительно норм права, то в процессе нормотворчества могут разрабатываться не только правовые, но и другие социальные нормы, а также технические нормы.

Закон Республики Беларусь от 10 января 2000г. №361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» [1] употребляет производный термин нормотворческий процесс, в чем некоторые авторы видят недостаток данного Закона и предлагают заменить его на правотворческий процесс.

Следует признать, что понятие «нормотворчество», в строгом смысле, действительно несколько шире понятия «правотворчество», более того оно не является сугубо юридическим, поскольку предполагает создание не только правовых, но и иных норм. Вместе с тем, считаем, что использование в Законе термина «нормотворческий процесс» более оправдано исходя из того, что в отечественной юридической литературе юридический позитивизм (а именно позити-

вистское правопонимание будет свойственно термину «правотворческий» при условии его закрепления в Законе) перестал рассматриваться как единственно верный или доминирующий тип правопонимания. Кроме того, Конституция Республики Беларусь в ряде статей закрепляет естественно-правовую доктрину правопонимания (это и придание государству правового статуса, и признание человека, его прав и свобод высшей ценностью, и признание приоритета естественных прав человека, и признание народа единственным источником государственной власти, и др.). Эти и другие аспекты свидетельствуют о недопустимости использования в законодательстве правовых категорий в легистском смысле, о необходимости различения не только собственно категорий «право» и «закон», но и всех производных категорий, в том числе «правотворчество» и «нормотворчество».

Для устранения несоответствия между общим пониманием термина «нормотворчество» и термина «нормотворческий процесс», используемой в Законе о нормативных правовых актах, на наш взгляд, достаточно в соответствии с правилами юридической техники дать легальное определение нормотворческому процессу, что законодатель и сделал.

Термины «нормоустановление» [3, с.332] и «правоустановление» [2, с.415] не получили широкого распространения в юридической литературе и предлагаются к использованию отдельными учеными в качестве составных элементов авторских подходов к сущности и стадиям процесса правотворчества. Признавая процесс творения, создания права объективным, длительным, исторически обусловленным, творческим актом, не зависящим от воли законодателя, эти исследователи полагают верным расставить акценты не на творческом начале юридической деятельности по формированию правовых норм, а на научном и организационно-техническом. Цель деятельности законодателя сводится к выявлению существующих в обществе правовых норм и приданию им формально определенного статуса через установление в нормативных правовых актах и других источниках права. При этом подчеркивается, что нормоустановительная деятельность как более организационно-техническая деятельность свойственна исполнительной ветви власти, а правоустановление как более научная деятельность – законодательной ветви.

В отношении терминов «правообразование» [3, с.317] и «формирование права» [4, с.202] в литературе прослеживается подход, согласно которому эти понятия относятся к иному уровню категориального аппарата юридической науки, нежели правотворчество. Они не отождествляются с последним, хотя и тесно связаны с ним. Правообразование рассматривается как длительный исторический процесс, объективно осуществляемый с развитием самого общества, отражающий ценности, этапы его формирования, и включает в себя выявление закономерностей возникновения, развития и функционирования права, научный анализ, оценку действительности, выработку взглядов и концепций о будущем правовом регулировании, максимальный учет предложений и замечаний политических партий, иных общественных организаций, отдельных граждан, специа-

листов-практиков, ученых, выявление эффективности и доступности действия права и т.д.

Список использованных источников:

1. Закон Республики Беларусь от 10 января 2000г. №361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» // Эталон. банк данных прав. инф-ции Респ.Беларусь: Версия 6.6 [Электронный ресурс] / Нац. центр прав. инф-ции Респ. Беларусь. – Минск, 2016. – Дата доступа: 22.09.2016.

2. Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства. Учебник для юридических вузов и факультетов / В.С. Нерсесянц. – М. : Издат. группа НОРМА-ИНФРА·М, 1999. – 552 с.

3. Общая теория права : пособие / В.А. Абрамович [и др.] ; под общ. ред.: С.Г. Дробязко, С.А. Калинина ; БГУ. – Минск : Четыре четверти, 2014. – 416 с.

4. Общая теория права : учебник для юрид. вузов / под ред. А.С. Пиголкина. – 2-е изд. – М. : Изд-во МГТУ, 1997. – 384 с.

**СУВЕРЕНИТЕТ ДОМИНИОНОВ БРИТАНСКОГО СОДРУЖЕСТВА
НАЦИЙ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Е.А. Макарова,

доцент кафедры истории государства и права, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, кандидат исторических наук, доцент

Становление суверенитета отдельных составных частей британской империи берет свое начало в конце 19-начале 20 веков. В британских колониях шел процесс усиления собственного влияния на внутреннюю политику. Объединение колоний в более крупные образования требовали и большей независимости в политике этих территорий: в 1867 году объединились Канада, Новая Шотландия и Нью-Брансуик, в 1900 году шесть австралийских колоний превратились в Австралийский Союз, в 1910 году сформировался Южно-Африканский Союз из 4 южноафриканских колоний. Такие крупные и наиболее развитые колонии превратились в доминионы — квазигосударственные автономные образования [3, с.117].

Процесс законодательного закрепления суверенности доминионов связан с принятием в 1865 году британским Парламентом Акта о действительности колониальных актов (Colonial Laws Validity Act). Акт устанавливает возможность формирования и функционирования собственных представительных законодательных органов в колониях (например, колониальные ассамблеи в Канаде [1, с.77]). Принятые решения такими колониальными легислатурами не должны были противоречить законодательству метрополии согласно ст.5 данного Акта, а также требовали согласования с короной, однако, была зафиксирована некоторая автономность доминионов в сфере правотворчества и организации самоуправления, как первый шаг к государственному суверенитету.

Суверенность доминионов в международной сфере начала формироваться еще в Первую мировую войну, когда в сформированный имперский военный кабинет стали входить и премьер-министры доминионов, что позволило обсуждать политические вопросы непосредственно с премьер-министром Великобритании без посредничества Министерства колоний. В Резолюции имперской конференции 1917 года было зафиксировано участие доминионов в решении внешнеполитических вопросах через согласование с ними совместных действий империи. Доминионы имели собственные делегации (хотя пока лишь в составе общеимперской) и подписали Версальский мирный договор от своего имени, хотя пока. В 1920 году доминионы получили индивидуальное членство в Лиге Наций [4, с. 105].

Однако, юридически признаки государственного суверенитета стран Содружества были зафиксированы в Декларации лорда Бальфура на имперской имперской конференции 1926 года, устанавливая полную независимость доминионов в проведении внутренней политики. Знаменитая формула Бальфура определила доминионы как «автономные сообщества Британской империи, рав-

ные по статусу, никоим образом не подчиненные одно другому ни в одном из аспектов своей внутренней или внешней политики, но при этом объединенные общей приверженностью короне и составляющие свободную ассоциацию членов Британского Содружества наций» [6, с. 58].

В процессе имплементации данного решения в государственно-правовую систему доминионов произошли изменения и в управления и взаимодействии этих территорий с метрополией. Генерал-губернаторы считались теперь личными представителями короны, а не британского правительства, и назначались с согласия доминионов. Официальные отношения между британским правительством и правительствами доминионов велись теперь не через посольство генерал-губернатора, а непосредственно от правительства к правительству. Кандидатура генерал - губернатора могла быть назначена лишь с согласия правительства доминиона. Ряд доминионов добились права использования собственных национальных флагов наряду с британским (например, Южно-Африканский Союз добился этого в 1927 году).

Изменения коснулись и судебной власти. Согласно резолюции имперской конференции 1930 г. судебный комитет Тайного Совета как высшая апелляционная инстанция Великобритании принимает апелляции по делам в доминионах только по желанию последних [10, с.43].

Получение доминионами отдельных аспектов суверенности юридически закрепил знаменитый Вестминстерский статут 1931 года, устранивший юридическую неполноценность доминионов окончательно. Статут установил, что акты, принимаемые в метрополии будут распространяться на доминионы только с их формального согласия, а британский парламент утратил право отменять или изменять законы, принятые в доминионах. Специально оговаривалось, что к доминионам впредь не будет применяться термин колония. Понятие «доминион», зафиксированное в акте 1889 г. изменило свое политическое содержание. Если прежде оно фактически совпадало с понятием «колония», то теперь относилось к государственным образованиям, получившим независимость во внутренней и внешней политике, таким как Канада, Южно-Африканский Союз, Австралийский Союз, Новая Зеландия, Ирландское свободное государство и Ньюфаундленд. Кроме того, в документе оговаривалось, что отныне порядок престолонаследия Великобритании будет регулироваться членами Содружества [10, с. 308-312].

Вестминстерский статут юридически аннулировал Акт о действительности колониальных законов 1865 года, в котором было зафиксировано право признания недействительным закона доминиона в случае его противоречия законам метрополии. Теперь законодательные органы доминионов получили право признавать недействующим на их территории любой закон метрополии.

В 1930-е гг. в доминионах принимаются различные документы, фиксирующие их суверенные государственные права. Так, Парламент Южно-Африканского Союза в 1934 году принимает Закон о статусе Союза, который прямо декларирует: «Парламент Союза обладает суверенной законодательной властью внутри и вне Союза» [8].

Исследователи британской истории неоднозначно оценивают правовую роль этого документа. Понятие государственного суверенитета было определено достаточно расплывчато и, порой, противоречиво. Акт не содержит юридически точной формулировки и закрепления суверенности отдельных составных частей Британского Содружества (причем, суверенными и равноправными признавались только те территории, которые еще в имперский период были самоуправляющимися). Большинство исследователей считают, что Вестминстерский статут – это юридическая база, основа, определившая и формально закрепившая превращение доминионов суверенные государства, определив верховенство этих территорий в пределах собственных границ и их самостоятельность в международных делах, возможность проводить собственную внутреннюю и внешнюю политику. И ратифицировав данный статут, парламенты стран-членов Британского Содружества Наций, признали данный акт как основополагающий для закрепления суверенитета этих государств.

Другие не считают статут имеющим революционное значение. С их точки зрения, акт (в его юридической форме акт Парламента Великобритании) был просто переводом в положительно-законную форму тех мер, которые были уже достигнуты на имперских конференциях 1926 и 1930 годов, да и эти решения конференций только конкретизировали уже существующую практику отношений между Великобританией и доминионами как межгосударственных [7, с. 517]. В частности, исследователи и приверженцы этой точки зрения представляют мнения ирландских юристов, которые считали, что Ирландия стала независимой Республикой в 1919 году и в 1921 году ее независимость была признана британским правительством. Кроме этого, базируясь на суверенитете ирландского народа, британский Парламент предписал Конституцию Ирландского Свободного государства в 1922 году. И, исходя из этого, Вестминстерский статут был необходим для устранения противоречия между определением суверенности конкретного государства и отсутствием таковой в конституционных актах Британской империи.

Исследователи становления суверенитета Канады [напр., 1] обращают внимание и на тот факт, что практика обязательного обжалования постановлений канадских судов в Судебном комитете Тайного совета была отменена по уголовным делам в 1933 году, а по гражданским – только в 1949 году. А ранее принятые решения Судебного комитета, истолковывающие английские законы и нормы общего права, действующие в Канаде, по-прежнему обладают обязательной силой. Что касается полного суверенитета в области законодательства, то лишь с изданием Конституционного закона 1982 года, окончательно закрепившего государственный суверенитет страны, было установлено, что ни один последующий акт британского Парламента не будет иметь силы в Канаде.

Новый суверенный статус доминионов ярко проявился во внешнеполитической сфере. Новая имперская конференция 1937 года ярко продемонстрировала желание доминионов отстаивать собственные нужды в первую очередь и нежелание втягивать свои страны в новую мировую войну, что порождало сильные изоляционистские настроения. По словам премьер-министра Макензи Кинга,

никакая другая политика в доминионе более неприемлема, чем та, которая любыми путями вовлекает страну в возможное участие в войне [5, с. 162]. В коммюнике по внешней политике еще раз пришлось записать право парламентов государств Британского Содружества самим определять цели и пути их собственной внешней политики, используя дефиницию суверенитет.

В Южно-Африканском Союзе ярким проявлением самостоятельности во внешнеполитических решениях можно считать принятие 28 сентября 1938 года кабинетом генерала Дж.Б.М.Херцога Декларации о нейтралитете на случай войны в Европе, в которой Англия будет одной из воюющих сторон. Декларация, отметив неизменность отношений между Южно-Африканским Союзом, метрополией и остальными частями Содружества, тем не менее зафиксировала, что никакому государству не будет позволено использовать территорию Союза в целях, предназначенных нарушить эти взаимоотношения и обязательства, и заявило о нейтралитете своей страны в случае возникновения европейского военного конфликта [9, с. 423].

Список использованных источников:

1. Ившина И.Н. Становление суверенитета Канады в рамках британской империи и объединенного содружества наций (1867-1982 гг.) / И.Н. Ившина // Вестник Вятского государственного университета. – 2007. – С. 76-81.
2. Канада [Электронный ресурс] // Правовые системы мира : энцикл. справ. – Режим доступа: http://kommentarii.org/strani_mira_ekiklopediy/kanada.html. – Дата доступа: 05.09.2017.
3. Макарова, Е.А. Имперские конференции в системе взаимодействия Британского Содружества Наций / Е.А. Макарова // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2015. – №7 (90). – С. 117–120.
4. Dawson, R.M. The Development of Dominion Status 1900-1936 / R.M. Dawson. – London, 1937.
5. Hillmer, N. The Pursuit of Peace: Mackenzie King and the Imperial Conference / N. Hillmer. – Toronto, 1977.
6. Judd, D. Balfour and the British Empire. A Study in Imperial Evolution, 1874-1932 / D. Judd. – London-New-York, 1968.
7. McWhinney, E. “Sovereignty” in the United Kingdom and the Commonwealth Countries at the Present Days / E. McWhinney // Political Science Quarterly. – 1953. – Vol. 68, № 4 (Dec., 1953). – P.511-525
8. Status of the Union Act. № 69 of 1934. S.2
9. Watt, D.C. South African Attempts to Mediate Between Britain and Germany, 1935-1938 / D.C. Watt. – London, 1967.
10. Wheare, K.C. The Statute of Westminster and Dominion Status / K.C. Wheare.

В.Н. Матарас,

доцент кафедры теории и истории государства и права, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент

Любая наука развивается путем расширения диапазона исследования, а не простой смены тематики. Путь сужения специализации имеет смысл до определенного предела и ведет к тому, что, взгляд исследователя сужается и нивелируется смысл исследования, а отсутствие перспективы приводит к не меньшим ошибкам, чем недостаточная углубленность. Это заложено и в самом методе рассмотрения проблемы через предмет, т.е. срез знаний об объекте. Знание о предмете во все большем объеме и без учета полифакторности в объекте – путь в никуда, т.е. в филологические тексты, в вариации разных слов в одинаковых смыслах, или, в силу нашей скудости в терминах, в применение одинаковых концептов терминологии к различным социально-экономическим и политическим условиям. В данном случае, если в науку внесли иные аспекты с расширением – это прогресс науки, а если заменили одно на другое – «топтанье на месте».

Можем ли мы утверждать, что юридическая наука находится только в сфере политико-правовой или гуманитарных наук – как описательная, так и теоретическая. Мы утверждаем – нет, это не так. Г. Еллинек один из первых поставил проблему усложнения социогенеза государства, связав ее с обществом и его состоянием, где государство есть сумма реальных фактических общественных отношений, а не только совокупность юридических норм и субъективных прав [1, с. 5].

Разве география месторазвития коллектива, его экономико-хозяйственные возможности, соседи – дружественные или враждебные – и факторы этногенеза как естественные и природные, а также культурные доминанты и тот социокультурный мир, в который в силу системных связей включена деятельность данного государства, не влияют на возможности государства и фактический суверенитет? Здесь география месторазвития как природная система и государство как рукотворная коррелируют в процессе динамики.

Методика естественных и социальных наук различна. Проблема повторения номотических моделей в природных процессах и изложение в последовательности с развитием и регрессом в социальных системах государств исключает одинаковый подход, но не корреляцию этих сфер. Отсюда и разделение наук на идиографические и номотические как отражение того факта, что действительно существуют два типа наук. Вопрос в том, что эти два типа наук следует различать, но нельзя противопоставлять [2, с. 21]. То, что гуманитарий рассматривает извне, то естественник – изнутри, ибо сам находится в потоке изменений [4, с. 426]. Получается, что мы должны применять разные методики для двух процессов: биологического, природного (этнуса) и рукотворного, социального (государства).

Коллектив (этносоциум) включен в систему социума и одновременно является природным состоянием этноса [3, с. 35]. Деление это условно и включает черты обоих типов. Но в реальной динамике живого потока действительности [5, с. 106] что-то проявляет себя именно в состоянии, а что-то в процессе.

Этносоциум не может быть стабилен. Попытки остановить его во времени, т.е. создать концепт стабильного существования при помощи социальных или конституционных норм, могут привести к состоянию временного неравновесия. Этнос – система дискретная и колебательная [4, с. 60], а социогенез государства – движение поступательное, с накоплением с разрывами и поднастройками. Здесь включена статическая и динамическая природа той или другой системы. По нашему мнению, их необходимо синтезировать при создании теории государства, опираясь на систему эмпирического обобщения.

Государство – видимая часть системы государства. Мы познаем в историческом плане государство только потому, что сюда вложено много рукотворного рационального труда и оно нам известно по зафиксированным источникам информации. А филологический источник, в том числе и закрепленный в виде нормы права, норм Конституции, описывает то, что считает важным стабилизировать для современников в силу политической составляющей. В то же время нам необходимо для понимания и исследования процессов динамики социогенеза институтов государства знать больше.

Необходимо создать методику, где факты отслоены от текстов-мнений, а мнения ученых-правоведов, философов, историков, социологов учитываются как результат достижения науки, но подлежат проверке через эмпирическое обобщение. Ведь тексты всегда тенденциозны, а факты молчаливы, а следовательно, эмпирическое обобщение равно наблюдаемому факту [4, с. 427]. И если мы изучаем чьи-то труды, то только путем проверки через эмпирическое обобщение фактов живого потока действительности [5, с. 106].

Первичным элементом информации являются не отдельно взятые эмпирические факты (как фотографический снимок), а определенная совокупность фактов, создающая картину, отражающую особые свойства и характеристики системы государства, в силу наличия характерных связей, возникающих между элементами. По сути, мы к гуманитарным наукам применяем естественные.

На уровне эмпирического факта мы применяем методику естественных наук, а на уровне эмпирических обобщений, анализа и синтеза мы учитываем методику гуманитарных. К какой сфере при анализе принадлежит данный компонент или элемент, естественной или гуманитарной, такую мы и получаем информацию, отраженную в фактах повторения и фактах последовательной смены.

Поскольку в социосфере невозможно провести эксперимент, то мы берем исследование исторической динамики социогенеза государства на всем периоде его жизнедеятельности, и на этой базе создаем алгоритм этого динамического процесса. Далее мы подставляем в формулу данные стадийных циклов по компонентам и элементам социогенеза и получаем теорию динамики стадийных циклов социогенеза государства с ритмами подъемов и спадов.

Исторические процессы ритмичны. Мы видим это из истории государств и народов. Нет никаких оснований утверждать обратное. Задача – создать мост между естественными науками (этногенезом) и гуманитарными (история и теория государства). И этот мост – модель социогенеза государства в стадильном цикле.

На основании вышеизложенного сделаем следующие выводы.

В теории государства необходимо учитывать процессы, происходящие в этносоциуме, – с его географией месторазвития, состоянием культурогенеза и динамикой социогенеза государства. Необходимо расширить диапазон исследований, включив компоненты, прямо или опосредованно влияющие на систему государства, где сначала расширяем диапазон по элементам, а затем производим синтез.

При анализе социогенеза государства следует включить в него не только гуманитарную, но и естественную сферу жизнедеятельности коллектива и соответствующую методологию. Для получения достоверных результатов по социогенезу государства необходимо отделить философскую составляющую научного исследования от научно-теоретической.

Наряду с предметом и методом необходимо учитывать фактор времени и фон эпохи. Предмет и метод безотносительно ко времени может находиться только в философских постулатах. Применяя теорию систем необходимо рассмотреть в синтезе (конвергенция) и во времени (этносоциум – этнос и общество) власть и ее составляющие в пространстве (географию месторазвития), с учетом контактов с соседями. На базе проявлений в эмпирике всех элементов государства, через теорию систем, ее составляющих, создать через показания юридической сферы целостную концепцию динамики социогенеза государства.

На динамические процессы социогенеза государства влияют факторы географии, месторазвития коллектива, его экономико-хозяйственные возможности, факторы этногенеза и этнопсихологии, а также культурные доминанты и тот социокультурный мир, в который в силу системных связей включена деятельность данного государства.

Дать анализ отдельным компонентам государства (народ, власть, территория). Задача – не изолировать исследуемое данного феномена в узко ограниченном контексте, а изучать прежде всего взаимодействие и исследовать аспекты конвергенции. То есть создать междисциплинарную модель с аспектами юридическими. Привлечь в орбиту исследования все возможные типы государств и их культур.

Список использованных источников:

1. Еллинек, Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – СПб., 1908. – 599 с.
2. Гулыга, А.В. История как наука / А.В. Гулыга // Философские проблемы исторической науки. – М. : Наука, 1969. – С. 7–50.
3. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера земли / Л.Н. Гумилев. – М. : Мишель Ко, 1993. – 503 с.
4. Гумилев, Л.Н. Конец и вновь начало / Л.Н. Гумилев. – М. : Танаис ДИ-ДИК, 1994. – 544 с.
5. Матарас, В.Н. Методы исследования форм государства в историческом времени и пространстве / В.Н. Матарас // Веснік БДУ. Сер. 3. – Мінск : БДУ, 2016. – № 1. – С. 104–112.

**ПРАВО НА СОПРОТИВЛЕНИЕ (ВОССТАНИЕ):
ИЗ ИСТОРИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ**

И.В. Немкевич,

доцент кафедры теории и истории государства и права, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, кандидат исторических наук, доцент

Доктрина народного суверенитета, получившая свое обоснование и политико-правовое закрепление еще в Новое время, нисколько не утратила своей научной и политической актуальности. Первичность народного суверенитета по отношению к государственному обеспечивается не только тем, что именно народ конституирует власть, но и контролем со стороны народа за этой властью, включающим возможность революционного ее ниспровержения. Право сопротивления тиранической власти (или право верховного надзора, говоря словами Локка) было и остается пусть и экстраординарной, но неотъемлемой формой реализации народного суверенитета. Сегодня, однако, противодействие угрозе «цветных революций» и отрицание права народа на восстание является ярко выраженным трендом официальных политических концепций ряда государств постсоветского пространства. Предпринимаются попытки девальвировать значение данного права, оспорить его включение в систему общепризнанных прав человека. В таких условиях исследование исторического опыта юридического закрепления права человека (народа) на сопротивление угнетению (восстание) представляет несомненный интерес.

В западной правовой традиции дискуссия о праве на революцию против тиранов берет свое начало еще во времена Платона. Подъем христианства сопровождался широким признанием законности сопротивления насилию и свержения правителей, «тиранически злоупотребляющих царской властью», по выражению известного трактата Фомы Аквинского «О правлении государей».

Исторической вехой процесса позитивизации права на сопротивление (*jus resistendi*) явилось принятие в 1215 году Великой хартии вольностей. Статья 61 этого конституционного акта не только прямо говорила о праве на восстание, но и прописывала его процедуру: «...и те двадцать пять баронов совместно с общиной всей земли будут принуждать и теснить нас всеми способами, какими только могут, ... пока не будет исправлено (нарушение) согласно их решению» [1, с. 100]. Одним из первых в европейской истории документов, ограничивавших права монарха, стала и грамота венгерского короля Андраша II Арбата – Золотая булла 1222 года. Подобно Великой хартии вольностей в своей 31-й статье булла закрепляла право венгерского нобилитета на неподчинение королю. Внятное закрепление *jus resistendi* получил и в одном из старейших немецких правовых памятников. В статье 78 третьей книги «Земского права» сборника «Саксонское зеркало» мы читаем: «§ 2. Каждый может ... оказывать сопротивление противоправным действиям своего короля или своего судьи и даже оказывать помощь

в обороне от них всяким способом, ...и этим он не действует против своей обязанности верности» [2, с. 112].

Проявлением средневекового права *jus resistendi* и его развитием в Польше и Великом княжестве Литовском стали конфедерации – временные сословные политические союзы вооруженной шляхты с целью защиты своих прав и привилегий. Эффектные вооруженные демонстрации венгерского дворянства на историческом поле Рокош возле города Пешт ввели слово «Рокош» в политический лексикон Польши и ВКЛ. После протестного съезда шляхты под Львовом в 1537 году (так называемая «куриная война»), руководители которого в решении сеймового суда 1538 года были названы рокошанами, этим словом стали обозначать конфедерации, направленные против монарха. Правовую основу конфедерации, направленной против короля, представлял артикул об отказе от повиновения, внесенный в Мельницкий привилей 1501 года. Окончательное закрепление право неподчинения королю получает с принятием на элекционном сейме 1573 года при избрании на трон Речи Посполитой Генриха Валуа конституционного акта, определявшего статус монарха и основы государственного строя (Генриковы артикулы). Все последующие короли Речи Посполитой подписывали этот акт, положения которого завершали слова: «А если бы (упаси Боже) Мы чем-либо против прав, свобод, статей и условий выступили, или чего не выполнили, тогда жителей Короны обоих народов провозглашаем свободными от подчинения и верности Нам». Право на сопротивление оказалось весьма востребованным в Речи Посполитой, политическая история которой включила десятки конфедераций. Даже в условиях углублявшегося кризиса государственности шляхта настаивала на подтверждении права на неподчинение в конституционных актах (Кардинальные права 1768 года, Гродненская Конституция 1793 года).

Свое классическое воплощение право на восстание получает в правовых памятниках Нового времени, созданных на основе теории общественного договора и естественного права. Знаменитые Декларации американской и французской революций сформулировали юридическую максиму: когда правительство нарушает права народа, восстание для народа является его священным правом и обязанностью. После принятия Декларации прав в качестве части Конституции Вирджинии (12 июня 1776 года), включения Деклараций прав в тексты первых конституций американских штатов (Мэриленда и Пенсильвании в 1776 году, Массачусетса в 1780 году, Нью Гемпшира в 1784 году), а также Декларации прав человека и гражданина в Конституцию Франции 1793 года право на сопротивление (восстание) уверенно переходит в конституционное измерение своего закрепления в позитивном праве. Показательно, что нормы исторической Декларации прав человека и гражданина и сегодня остаются основой конституционного права Франции.

Косвенным образом право на восстание закрепляли и конституционные акты, принятые в результате так называемых социалистических и народно-демократических революций, многочисленных в прошлом столетии. В текстах таких конституционных законов отмечалось, что волеизъявление народа осуществляется в результате революции («Декларация прав народов России» 1917

года, «Манифест Временного рабоче-крестьянского Советского правительства Белоруссии» 1919 года, Конституции БССР 1937 года и 1978 года и др.), закреплялась обязанность «всемерной защиты» завоеваний революции (Конституция РСФСР 1918 года, Конституция БССР 1919 года). В Конституции Чехословацкой Республики 9 мая 1948 года, к примеру, идет речь о готовности «защищать всеми своими силами завоевания нашей национальной и демократической революции», а общественно-политический выбор чешского и словацкого народов подкрепляется ссылками на вдохновляющий пример Великой Октябрьской революции, на словацкое и чешское восстания 1944 и 1945 годов и даже на опыт народа «в гуситской революции»(!) [1, с. 414-415].

Более широкое распространение в конституционных текстах право на сопротивление получает во второй половине прошлого века: в 1980-х годах оно было закреплено уже примерно в десяти процентах конституций мира. Сегодня количество таких конституций возросло до двадцати процентов. Даже простой перечень государств, закрепивших право на сопротивление в своих конституциях уже в нынешнем столетии, заслуживает внимания: Восточный Тимор (2002 г.), Руанда (2003 г.), Армения (2005 г.), Демократическая Республика Конго (2005 г.), Таиланд (2007 г.), Эквадор (2008 г.), Мальдивская Республика (2008 г.), Гвинея (2010 г.) и Венгрия (2011 г.).

Современный глобальный конституционный процесс демонстрирует большое разнообразие в формах конституционного закрепления и регулирования права на сопротивление (восстание). В качестве субъекта такого права определяются как коллективы («народ»), так и индивиды («каждый», «каждый гражданин»), либо неопределенные по количеству субъекты («граждане», «все немцы»). По-разному конституции устанавливают и условия осуществления этого права: наличие незаконных приказов, посягательств на конституционный строй, демократию и права человека, отсутствие легальных возможностей защиты последних. Объектами сопротивления могут быть приказы и действия представителей власти, которые наносят ущерб правам и свободам (Гватемала, Демократическая Республика Восточный Тимор, Португалия), агрессоры, узурпаторы народного суверенитета (Греция, Перу), а также – и прежде всего – лица, посягающие на конституционный строй, и даже «любой политический режим, основанный на произволе, диктатуре, несправедливости, коррупции, взяточничестве, семейственности, клановом, племенном и концессионном строе и силовом захвате власти» [3]. Целью реализации права на сопротивление в большинстве случаев называется защита конституционного порядка. Встречаются предельно абстрактные определения: «свобода от угнетения» (Конституция Эквадора 1998 года), «сопротивление угнетению» (Конституции Гвинеи 1999 года и 2010 года). А действующая Конституция Португалии признает «право народов на восстание против всех форм угнетения» (статья 7, часть 3).

В ряде современных конституций данное право ограничивается использованием лишь законных или мирных действий (Конституция Нигера 1992 года, Конституция Республики Восточный Тимор 2002 года, Конституция Армении 2005 года, Конституция королевства Таиланд 2007 года). Закрепляя за каждым

человеком право и обязанность (!) сопротивляться законными средствами попыткам силового захвата или использования публичной власти, Конституция Венгрии 2011 года одновременно наделяет только государственные органы исключительным правом использовать силу для обеспечения действия Конституции и законов (статья С).

Таким образом, исторический опыт свидетельствует о наличии богатой практики включения права на сопротивление (восстание) в позитивное право многих государств, а также многочисленные случаи обращения общества к данному праву. Количество соответствующих примеров имеет положительную динамику (с заметным увеличением в последние десятилетия), охватывает государства разных континентов, принадлежащие к различным правовым системам. Представляется, что реальный мировой конституционный процесс опровергает логику тех его исследователей и комментаторов, которые игнорируют одну из форм реализации народного суверенитета и скептически относятся к идее законодательного закрепления соответствующего права человека.

Список использованных источников:

1. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / под ред. З.М. Черниловского. – М.: Юрид. лит., 1984. – 472.
2. Саксонское зеркало. Памятник, комментарий, исследования. – М.: Наука, 1985. – 275 с.
3. Конституция Республики Чад [Электронный ресурс] : Конституции государств (стран) мира // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/?p=246>. – Дата доступа: 04.08.2017.

**АНТРОПОЛОГИЯ ПРАВА КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
РАЗВИТИЯ ЮРИСПРУДЕНЦИИ**

В.И. Павлов,

*начальник кафедры теории и истории государства и права, Академия МВД
Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент*

Современная постклассическая антропологии права является одним из перспективных направлений развития современного юридического знания, основанного на переосмыслении традиционной концепции субъекта права и всего традиционного юридического дискурса, который в своей основе имеет новоевропейские методологические установки. В этой связи А.И. Ковлер отмечает, что идея *homo juridicus*, в целом идея правового государства, несмотря на ее значимость для европейской мысли, «породила немало мифологизирующих спекуляций, поэтому именно антропологический подход к ней позволяет, видимо, оценить истинное значение этой идеи для правового бытия человека» [1, с. 306].

Антропология права, разрабатываемая в рамках постклассической методологии юридической науки, представляет собой отрасль юридического знания, входящую в блок фундаментальных юридических наук. Фундаментальность антропологии права обусловлена ее эпистемологическим статусом и теми задачами, которые призвана решать данная область юридического знания. В отличие от традиционной антропологии права как юридической этнологии, изучающей разнообразие правовых культур и традиций, постклассическая антропология права является теоретико-правовой концепцией, претендующей на объяснительные возможности правовой реальности. Иными словами, антропология права помимо своего концептуального и методологического значения претендует и на роль общеправовой теории.

В соответствии с таким методологическим статусом предметом антропологии права выступает человек и процесс его правового существования в правовой реальности, а также право, представленное в качестве человекомерного образования, т.е. в связи с существующим и действующим в нем человеком. В отличие от классической общей теории права, которая изучает закономерности развития и функционирования права как институционального явления, антропология права познает право через существующего в правовой реальности человека. Именно поэтому в антропологии права человек в праве – конкретная фигура присутствующего в правовой реальности лица в качестве стороны гражданско-правового договора, потерпевшего, правонарушителя и т.д. выступает методологическим ориентиром и основанием построения всего юридического дискурса. Этот принцип построения юридического дискурса и понимания правовой реальности получил название человекомерности права.

Обозначая перспективы развития антропологии права как постклассической правовой концепции, следует сказать, что ее основная задача заключается в разработке нового понимания, модели человека в праве и инструментальных

средств работы с ним в правовой реальности. В связи с этим антропология права акцентирует внимание на двух важнейших вещах:

– во-первых, на том, что юридический дискурс является и должен быть антропологически ориентированным;

– во-вторых, на том, что сам человек в праве должен рассматриваться не только как субстанциальное образование в форме классического субъекта, но в целом как правовое существование человека в праве в совокупности всех юридически значимых антропологических проявлений.

Это не означает, что в юридическом дискурсе возможно поместить некую идеальную форму человека, но это значит, что через концептуальное понимание человека в праве возможно сконфигурировать сам дискурс таким образом, чтобы он стал человекомерным.

Список использованных источников:

1. Ковлер, А.И. Антропология права : учебник для вузов / А.И. Ковлер. – М. : Норма, 2002. – 467 с.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВА НА ЖИЗНЬ

А.П. Петров,

заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент

Права человека неотчуждаемы и принадлежат ему с рождения. Они универсальны, основаны на принципе равенства и гарантированы каждому.

Права человека – высшая ценность, их уважение, соблюдение и защита – обязанность государства.

Осуществление прав и свобод человека не должно нарушать права других лиц.

Обеспечение прав и свобод несовместимо с дискриминацией по какому-либо признаку.

Право человека на жизнь является, несомненно, самым естественным и неотъемлемым. Оно является главным, основным правом каждого человека. Без обеспечения права на жизнь нельзя говорить о любых других правах и свободах. Право на жизнь открывает перечень прав человека и гражданина. Оно представляет абсолютную ценность мировой цивилизации, ибо все остальные права утрачивают смысл и значение в случае гибели человека. По сути дела все остальные права, так или иначе, объединяются вокруг этого права.

Право на жизнь – совокупность гражданско-правовых норм по охране жизни человека, устанавливающих недопустимость произвольного лишения жизни. Оно включает право на здоровую окружающую среду, предполагает обязанность государства не допускать экологических катастроф и принимать меры по устранению или смягчению их последствий.

Право на жизнь имеет несколько аспектов, в том числе право на сохранение жизни и право на распоряжение жизнью.

Что касается смерти, то различают смерть клиническую и биологическую.

Клиническая смерть обратима, т.к. предполагает возможность восстановления жизнедеятельности, но в строго ограниченный период.

Биологическая смерть необратима и никакие медицинские манипуляции не могут привести к оживлению человека.

Озабоченность международного сообщества в плане содействия осуществлению и защиты самого основного и очевидного и прав человека усилилось в последние годы с осознанием того, что пренебрежительное отношение к человеческой жизни является широко распространенным и угрожает самим основам цивилизованного человеческого общества. Это вопрос больше не является вопросом, рассматриваемым исключительно в рамках внутренней юриспруденции государства, а приобрел международное значение.

Право на жизнь в аспекте современной жизни трактовалось, прежде всего как отказ от войны и участие в ней, установление порядка применения оружия и его нахождения в гражданском обороте.

Право на жизнь в аспекте распоряжения своей жизнью проявляется, как возможность подвергать себя значительному риску и решать вопрос о прекращении жизни.

Право на жизнь - это универсальная ценность. Перед людьми стоят разные проблемы – проблемы войны и мира, здоровья людей и здоровой окружающей среды, аборт, эвтаназии, самоубийства, трансплантации органов и тканей человеческого тела, смертной казни, право на достойное существование.

Всеобщая декларация и Пакты, провозгласив право каждого на жизнь, не запрещали смертной казни. Пакт о гражданских и политических правах лишь запрещал произвольно лишать кого-либо жизни. Он запрещал выносить смертный приговор лишь за преступления, совершенные лицами моложе восемнадцати лет и не исполнять их в отношении женщин.

В настоящее время казнь отменена более чем в 70 странах мира.

Второй факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни, отметил, что все меры по отмене смертной казни следует рассматривать как прогресс в обеспечении права на жизнь.

Противники смертной казни обращают внимание на отсутствие зависимости между уровнем преступности и применении смертной казни. Усиление уголовной репрессии, как правило, не влечет снижения преступности, поскольку ее уровень зависит от социально-экономических, политических, культурологических ориентиров, а также состояния нравственности и даже генетической предрасположенности некоторых лиц к совершению преступлений. Бог дал жизнь, и только он может её отнять.

Смертная казнь усиливает жестокость в обществе и зло нельзя победить злом. Человек не может уступать обществу право на свою жизнь, т.к. он и сам лишен возможности распоряжаться её. Жизнь не составляет благо, даруемое человеку государством, поэтому государство и не имеет законного права отнимать эту жизнь. Таким образом, государство, самовольно прекращает человеческую жизнь, присваивает себе палаческие функции.

Вопрос о применении смертной казни является не только правовым, но нравственно-философским.

Эвтаназия – намеренное ускорение смерти или умерщвление неизлечимого больного с целью прекращения его страданий. В упрощённом понимании это определение сводится к узаконенному убийству из милосердия.

Различают активную эвтаназию, когда используют средства, ускоряющие наступление смерти, например передозировка снотворным, смертельный укол и т.д. и пассивную, которая означает отказ от мер, способствующих поддержанию жизни, например отключение аппарата, поддерживающего жизнеобеспечение.

Право на жизнь – это право на достойное человеческое существование. Сюда входит право на социальное обеспечение, социальное страхование, пенсионное обеспечение и медицинское обслуживание.

Сущность права на социальное обеспечение (по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца и т.д.) состоит в том, что государство гарантирует предоставление достаточных средств гражданам, которые в силу объ-

ективных обстоятельств, лишены полностью или частично способности трудиться и получать доходы от труда, а также семьям, в связи с рождением и воспитанием детей.

Основными видами социального обеспечения являются пенсии, пособия, различные социальные услуги. Социальное обеспечение предоставляется в денежной (пенсии, пособия) и натуральной форме (социальное обслуживание). Социальное обеспечение осуществляется за счет системы социального страхования и национальной системы социального обеспечения. Фонды социального страхования образуются в основном из страховых взносов нанимателей и дотаций государства, а также граждане из своей з/п уплачивают 1%.

Вооруженный конфликт.

Жизнь человека – самый ценный и самый хрупкий дар природы.

Войны как абсолютное зло представляют собой наибольшую угрозу жизни человека, существованию целых народов.

Опасный вызов самому существованию человечества представляет ядерная угроза и основанная на ней силовая геополитика.

В силу этого проблема сохранения и защиты человеческой жизни и жертв войны, насколько это возможно в экстремальных условиях вооруженного конфликта, остаётся чрезвычайно актуальной в наши дни.

Не будучи в состоянии искоренить войну человечество идёт по пути гуманизации их законов и обычаев.

Отказ от войны и участие в ней – это направление получило отражение в международном праве как принцип, обязывающий государство проводить политику сокращения вооружений, безусловного отказа от применения ядерного оружия.

Государство, провозглашая право на жизнь основным правом и на конституционном уровне закрепляет это право, отмечая, что человек не может быть лишен жизни, в то же время, вступая в ряды вооруженных сил, солдат принимает присягу, говоря о том, что в случае надобности отдаст жизнь за свою Родину. Значит, во время войны отдать жизнь за своё Отечество не только не запрещается, но даже приветствуется государством.

Важно отметить, что применительно к ситуации вооруженного конфликта необходимо точное определение субъекта права на жизнь, поскольку убийство лиц из состава вооруженных сил противника считается законным. Исходя из этой особенности, в гуманитарных конвенциях уточняется круг лиц, на жизнь которых запрещено покушаться. К ним относятся раненые, больные, военнопленные, гражданские лица, а также противники сложившие оружие.

Актуальным становится и борьба с терроризмом. Решить эту проблему на общегосударственном уровне практически невозможно. Здесь должны быть направлены усилия всего мирового сообщества под эгидой ООН.

Таким образом, реальное воплощение конституционного права на жизнь – это комплекс мер направленных на сохранение жизни человека как правового, так и международного характера.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СТАНОВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ В ОБЛАСТИ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

В.А. Петров,

старший преподаватель, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Содержание и объем прав и свобод человека в различные исторические эпохи был неодинаковым. Ранее права человека регулировались исключительно внутригосударственным правом. Причём и подход к пониманию прав и свобод в различных государствах был разным, в зависимости от исторического становления государств, их политических систем, религиозных, этнических воззрений и традиций народов, проживающих в этих странах.

Только ограниченное число государств в начале XX века заключали первые международные договоры и конвенции, содержащие положения о борьбе с рабством и работорговлей, о защите религиозных, этнических меньшинств, ряд прав человека в период вооружённых конфликтов и другие права, и свободы. Однако, целью этих соглашений являлось не создание всесторонней системы международной защиты прав человека, а лишь обеспечение некоторых прав личности.

Ход второй мировой войны с очевидностью показал, что вопрос о правах человека неразрывно связан с необходимостью поддержания международного мира и безопасности и выявил ряд недостатков в регулировании прав и свобод.

Агрессия и преступления против человечества, совершенные фашизмом в годы Второй мировой войны побудили мировое сообщество создать международную организацию, которая бы осуществляла международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии. С подписанием 26 июня 1945г. Устава Организации Объединённых Наций такая международная организация была создана. Устав ООН возлагает обязанности на государства содействовать в сотрудничестве с ООН всеобщему уважению и соблюдению прав и свобод человека, не допуская при этом какой-либо дискриминации [1, с.10].

Устав ООН явился первым в истории международных отношений многосторонним договором, который заложил основы широкого развития сотрудничества государств по правам человека.

В рамках ООН были приняты Всеобщая декларация прав человека 10 декабря 1948г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966г., Первый факультативный протокол 16 декабря 1966г. и Второй факультативный протокол 15 декабря 1989г. к Международному пакту о гражданских и политических правах. Эти документы явились универсальными меж-

дународно-правовыми актами, установившими общечеловеческие международно-правовые стандарты в области прав и свобод человека, определили планку, ниже которой государство не может опускаться. Поэтому права и свободы человека перестали быть объектом только внутренней компетенции государства, а стали делом всего международного сообщества.

Таким образом, под международными стандартами следует понимать международные нормы в области прав и свобод человека, закрепляющие общечеловеческие, всеобщие и универсальные права и свободы личности.

Всеобщность и универсальность прав и свобод человека означает:

1) Все люди без какой-либо дискриминации имеют основные права и свободы. Гарантируется равенство прав и свобод человека независимо от пола, расы национальности, языка, отношения религии, убеждений и других обстоятельств;

2) Естественные, неотъемлемые права, принадлежащие человеку от рождения (право на жизнь, неприкосновенность, свободу убеждений и т.д.), – это общие права и свободы всех людей вне зависимости от политического режима, формы государственного устройства, формы правления и международного статуса страны;

3) Везде, где бы человек ни находился, в любом месте он обладает основными естественными правами и свободами вне зависимости от того, является ли эта территория независимой, подопечной, самоуправляющейся или как-либо иначе ограниченной в своём суверенитете.

Анализ международно-правовых документов в области прав и свобод человека позволяет сделать вывод о том, что международная защита прав человека состоит в следующем:

1) в создании всеобщих рекомендаций по универсальному уважению и соблюдению прав и свобод человека без различия расы, пола, языка, религии и других обстоятельств;

2) в разработке международных соглашений о правах и свободах человека (договоров, деклараций, конвенций, пактов и т.п.), которые налагают международные юридические обязательства на государства признавать, предоставлять и обеспечивать защиту национальным законодательством все те права и свободы личности, которые перечислены в международных соглашениях;

3) в создании специального международного механизма по проверке выполнения государствами своих международных обязательств в области прав человека.

В Уставе ООН были закреплены цели и функции ООН в области защиты прав человека и определены органы, ответственные за их реализацию. Осуществлять указанные цели ООН должна была путем координации «международного сотрудничества в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам всех, безразличия расы, пола, языка и религии» (ст. 1 п.3) [1, с.10], содействие «всеобщему ... соблюдению прав человека и основных свобод» (ст.55) [1, с.18].

Всеобщая декларация прав человека была принята в виде резолюции Генеральной Ассамблеи ООН и носила лишь рекомендательный характер. Она не

является межгосударственным договором, поэтому не может рассматриваться как юридический обязательный документ.

И, тем не менее, Всеобщая декларация прав человека – первый международный документ в области прав человека, закрепивший основные гражданские, политические, экономические, социальные и культурные права и свободы человека. Принятая в условиях послевоенного переустройства мира, она внесла ряд новационных моментов как концептуального, так и содержательного плана в области прав человека.

Декларация подчеркнула универсальный характер прав и свобод человека, запретив какие-либо исключения в их предоставлении и распространив их на любого человека, независимо от статуса территории проживания.

Всеобщая декларация прав человека дала мощный импульс дальнейшему развитию международного правотворческого мышления и правозащитной деятельности. Именно на её правовом базисе возникли такие важнейшие акты международного права, как Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международный пакт о гражданских и политических правах, факультативные протоколы по этому пакту, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации и многие другие.

Без Всеобщей декларации прав человека, без других, разработанных на её основе документов общепланетарного характера, без целой системы международных, региональных, межрегиональных, национальных организаций, ставящих своей задачей поощрение и защиту прав человека, немыслимы сегодня цивилизованные международные отношения, демократическое развитие народов и государств, успешная борьба человечества против различных форм коллективной деспотии и насилия.

Всеобщая декларация прав человека дала мощный импульс дальнейшей разработке гражданских прав человека, прав женщины, инвалидов, ребёнка, беженцев, религиозных и национальных меньшинств и других категорий людей.

Международный Пакт об экономических, социальных и культурных правах был принят 16 декабря 1966 г. и открыт для подписания, ратификации и присоединения.

Все три названных документа – Всеобщая декларация прав человека 10 декабря 1948г. и два Международных пакта о правах человека 16 декабря 1966г. – составляют своего рода Хартию прав человека или Международный билль о правах человека, поскольку являются фундаментом, в области прав и свобод человека в международном праве.

Государства, которые присоединились к Пактам обязаны привести свое национальное законодательство в соответствии с требованиями Пактов, а лица, проживающие в этих государствах, получают возможность пользоваться правами, предусмотренными Пактами, независимо от расы, пола, языка, цвета кожи, религии, национального либо социального происхождения, политических и иных убеждений, имущественного, сословного или иного положения. Кроме того, человек, политические или гражданские права которого нарушены, имеет

право обращаться непосредственно в Комитет по правам человека при ООН, если исчерпаны все имеющиеся внутренние средства правовой защиты.

30 сентября 1992 г. Республика Беларусь сделала заявление о признании Комитета по правам человека, в соответствии со ст. 41 Пакта, получать и рассматривать сообщения о том, что какое-либо государство – участник утверждает, что другое государство – участник не выполняет своих обязательств по Пакту.

Международный Пакт о гражданских и политических правах имеет два ратифицированных протокола. Первый из них был принят одновременно с Пактом 16 декабря 1966 г., вступил в силу, как и сам Пакт, 23 марта 1976 г. и ратифицирован Республикой Беларусь 30 сентября 1992 г. этот протокол предусматривает наделение Комитета по правам человека компетенцией принимать и рассматривать сообщения от лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством – участником какого-либо из прав, закреплённых в Пакте. Эти лица могут обращаться в Комитет, если исчерпали все имеющиеся внутренние средства правовой защиты.

Второй Факультативный протокол к международному Пакту о гражданских правах принят Генеральной Ассамблеей 15 декабря 1989 г., вступил в силу в июне 1991 г., направлен на отмену смертной казни. Данный протокол Республика Беларусь не ратифицировала, поскольку в настоящее время не готова отменить смертную казнь.

Основные положения в области прав человека Всеобщей декларации прав человека и указанных Пактов нашли своё отражение в Конституции Республики Беларусь, принятой 24 марта 1994г. Верховным Советом Республики Беларусь и поэтому по праву можно считать, что наша Конституция в части закреплённых прав и свобод одна из лучших.

Список использованных источников:

1. Права человека : международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. / сост. Е.В. Кузнецова. – Минск, 2009. – Т. 1. – 816 с.

О ПРОБЛЕМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Л.А. Самусенко,

доцент кафедры экологического и аграрного права, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент

Обеспечение национальной безопасности Республики Беларусь является главным условием развития государства.

Вместе с тем, в юридической литературе признается, что правовая регламентация названной сферы общественных отношений находится на недостаточном уровне [1, с. 22].

Речь идет о необходимости придания системе нормативных правовых актов, регулирующих национальную безопасность, иерархически определенной структуры с единым центром в виде специального закона, закрепляющего принципы и нормы регулирования этих важных общественных отношений.

Существование в составе законодательства о национальной безопасности Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, не решает проблемы ее правового обеспечения.

Согласно положениям концепции, этот акт закрепляет совокупность официальных взглядов на сущность и содержание деятельности Республики Беларусь по обеспечению баланса интересов личности, общества, государства и их защите от внутренних и внешних угроз (п. 1); призван обеспечить единство подходов к формированию и реализации государственной политики обеспечения национальной безопасности, методологическую основу совершенствования актов законодательства в различных сферах национальной безопасности (п. 2); является основой документов стратегического планирования, входящих в комплексную систему стратегического планирования, созданную в интересах обеспечения национальной безопасности (п. 64).

Анализ содержания концепции позволяет констатировать, что большинство ее положений представляют собой рассуждения и выводы научного характера [2, с. 71], которые не имеют регулирующего значения; содержат лишь общие направления, показатели, к достижению которых должно стремиться государство; не закрепляют конкретных прав и обязанностей субъектов; не предписывают выполнение тех или иных прямых действий [3, с. 77]. Перечень мер, которые намечаются для реализации, носит достаточно обобщенный характер, конкретные субъекты или исполнители не определяются.

В целом концепция рассматривается как разновидность политической платформы руководства страны в рамках определенного периода [1, с. 89].

Аналогичный подход используется и модельным законодательством стран-участников СНГ. Так, модельным законом «О безопасности» от 15 октября 1999 г. № 9-9, принятым постановлением Межпарламентского Комитета Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской

Федерации и Республики Таджикистан, концепция национальной безопасности определяется как направление в строительстве государства, отражающее совокупность официально принятых взглядов на цели и государственную стратегию в области обеспечения безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз политического, экономического, социального, военного, технического, экологического, информационного и иного характера с учетом имеющихся ресурсов и возможностей (ст. 1).

Изложенное выше дает основание некоторым ученым рассматривать концепцию и иные подобные документы (доктрины, программы, стратегии и др.) в качестве самостоятельного источника права и относить его либо к доктрине (науке) [2, с. 74-75], либо к политико-программным документам [3, с. 77], поскольку такие документы по ряду своих параметров не соответствуют классическим признакам нормативного правового акта. Это касается юридической природы и характера сформулированных в них положений.

Таким образом, существует объективная необходимость разработки и принятия Закона Республики Беларусь «Об основах обеспечения национальной безопасности», устанавливающего общие принципы и подходы в регулировании отношений в данной сфере. Роль такого нормативного правового акта, называемого головным или базовым, заключается в том, что он охватывает весь комплекс общественных отношений, возникающих по поводу национальной безопасности, и консолидирует систему законодательства в области национальной безопасности.

Разработка названного закона рассматривается как одно из перспективных стратегических направлений политики в данной сфере, предусмотренных Концепцией совершенствования законодательства Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205. Вместе с тем, до сих пор проект закона не разработан.

В ряде стран СНГ такие законы уже имеются. Так, в 2003 г. в Кыргызской Республике был принят Закон «О национальной безопасности», в том же году в Украине – Закон «Об основах национальной безопасности Украины», в 2004 г. в Азербайджанской Республике – Закон «О национальной безопасности», в 2012 г. в Республике Казахстан – «О национальной безопасности Республики Казахстан», в 2013 г. в Туркменистане – Закон «О национальной безопасности Туркменистана».

Список использованных источников:

1. Титлов, Д.В. Теоретико-прикладные основы правового регулирования обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : 20.03.01 / Д.В. Титлов. – Минск, 2011. – 161 л.

2. Сільчанка, М.У. Аб новай прававой рэальнасці ў прававой сістэме Рэспублікі Беларусь / М.У. Сільчанка // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2003. – № 4. – С. 70–76.

3. Пляхимович, И.И. Юридическая природа концепций совершенствования законодательства и иных политико-программных документов / И.И. Пляхимович // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2007. – № 2. – С. 71–82.

**МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СУДЕБНО-ПРАВОВОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ**

А.Ф. Свиб,

доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса факультета экономики и права, Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, кандидат юридических наук, доцент

Важнейший фактор социальной стабильности – межконфессиональное взаимодействие - особенно важен в такой конфессионально сложной стране как Беларусь. Противостояние католицизма и православия на протяжении многих не лет, а даже веков отражалось во всех социальных сферах. Это коснулось также проведения судебной реформы 1864 года, наложив специфику на процесс ее проведения.

Осуществление судебной реформы на территории Беларуси претерпело еще больше изменений, чем в центральных губерниях Российской империи, не говоря уже о том, что она была введена здесь по времени гораздо позднее и медленнее.

Царское правительство открыто отвергало важнейшие принципы реформы на территории белорусских губерний. Мировая юстиция была введена отдельно от общих судебных установлений, мировые судьи назначались, серьезно ограничивалась компетенция присяжных заседателей, из числа которых было изъято нерусское население. Были ограничены принципы состязательности и гласности. На должность мирового судьи правительством назначались лица исключительно русского происхождения и православного вероисповедания, был изменен порядок кассационного производства, судебная власть подчинялась административной [1, с. 15].

На территории Беларуси судебная реформа вводилась в два этапа: с 1872 года были введены мировые суды, а с 1882 года уже были образованы окружные суды, судебные палаты, прокуратура, нотариат, адвокатура. Такой порядок был вызван недоверием царизма к польскому населению, которое проживало здесь гораздо в большем количестве, чем русское.

Политические замыслы самодержавия при проведении судебной реформы 1864 года в Беларуси были направлены на прекращение обособленности польской национальности и одновременно на распространение русского языка, но одной из главных политических задач было воспитание верноподданнических отношений к закону и правительству.

Следуя политике русификации, царское правительство стремилось усилить русский элемент в Беларуси, сохраняя за ним в деле суда предпочтительное влияние на все сословия края. Это было связано и с длительным периодом действия Статута ВКЛ 1588 года, который, будучи передовым по своему характеру документом, во многом предвосхитил судебную реформу 1864 года. Однако

царское правительство стремилось не только отменить его действие, но и «вычеркнуть» из памяти населения.

Однако самым отрицательным фактором являлось отсутствие избираемости мировых судей, назначение почетных мировых судей из более крупных местных землевладельцев и домовладельцев русского происхождения, назначение правительством Председателей съездов Почетных мировых судей.

Высказывались мнения и «за» допуск в должности Почетных мировых судей лиц католического исповедания, но крайне разборчиво и таким образом, чтобы их можно было в любое время уволить с должности, не стесняясь трехгодичным сроком пребывания в этой должности.

Мировые судьи из поляков, по мнению правительства, исказили бы учреждения «благодетельной» реформы и были бы положительно вредны не только по отправлению суда, но и принесли бы громадный вред и в политическом отношении [2].

Однако опыт водворения в Беларуси российских чиновников, пользующихся большими льготами, показывал, что не все они были достаточно нравственными и достойными людьми. При этом даже нравственная оценка личностей кандидатов на должности мировых судей из русских людей православного вероисповедания была подчинена одной цели – русификации территории Беларуси. В мировые судьи здесь должны были быть преимущественно приглашаемы мировые судьи великороссийских губерний и в особенности те из них, которые служебными достоинствами обратили на себя внимание правительства, а равно те из местных русских деятелей, труды которых по крестьянскому делу немало способствовали к водворению в Беларуси начал русской народности. Последние могли за счет своего авторитета и влияния утвердить судебную реформу 1864 года на началах чисто русских, что вполне бы отвечало интересам царского правительства на территории Беларуси.

В целом всему институту мировых судей здесь придавался политический характер, т.к. таковой носили многие разрешаемые ими уголовные дела. А выборность судей даже из местного населения русского происхождения не допускалась, поскольку царское правительство опасалось, что поляки постараются выдвинуть недостойные личности, чтобы показать правительству их неспособность к деятельности [3].

Второе, наиболее существенное, отступление от положений судебной реформы 1864 года на территории Беларуси касалось института присяжных заседателей, которые здесь также должны были быть православного вероисповедания и хорошо уметь читать и писать по-русски.

Политика повсеместного насаждения русского языка приводила подчас к тому, что подсудимый, плохо знающий русский язык, не мог принимать деятельное участие в судебном процессе, т.к. не понимал ни судебного разбирательства, ни приговора. Вопрос о языках применительно к судебной системе поднимали в своих произведениях и видные белорусские деятели, ученые, поэты и писатели. Они требовали, чтобы все лица, служащие по судебной части в Беларуси, обязательно знали польский, русский и малороссийский языки. Думается, такое решение во-

проса о языках в суде царским правительством было бы наиболее оптимальным. При этом абсолютно не пострадала бы ни судебная реформа, ни политика, а рейтинг государства возрос. Полагаю, что при введении судебных уставов 1864 года в Беларуси, правительство должно было оставить великодержавные амбиции и разрешить употребление наряду с русским и польского языка.

Следующим, не менее важным моментом, является вопрос о присяжных поверенных. Они также должны были быть православного исповедания и хорошо уметь читать, писать и говорить по-русски. Евреев вообще нельзя было допускать до службы.

Царское правительство боялось усиления польского влияния на русский элемент, что могло бы отразиться неблагоприятным образом на политике русификации. Прислать чиновников из великороссийских губерний не представлялось возможным, т.к. они не получали от казны никакого вознаграждения. Поэтому требования судебной реформы к присяжным поверенным на территории Беларуси были изменены и в этом качестве стали допускать даже лиц, не получивших юридического образования, но имевших стаж работы по судебной части.

Но проводя политику недопущения лиц католического вероисповедания к занятию судебных должностей, царское правительство старалось не обострять религиозный вопрос. Белорусским губернаторам предписывалось осторожно подходить к наказанию за религиозные преступления, чтобы не подать повода к нареканиям на администрацию в преследовании католической веры [4].

Список использованных источников:

1. Галай, Ю.Г. Российская администрация и суд во 2-й половине 19 века (1866 – 1879 гг.) / Ю.Г. Галай. – Минск : БГУ, 1980. – 409 с.
2. Государственный архив Гродненской области (ГАГр). – Ф. 1. Оп. 6. Д. 451. Л. 28.
3. Нацыянальны архіу Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 35111. Л. 2. Подлинник.
4. Нацыянальны архіу Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 446. Оп. 5. Д. 1. Л. 21. Подлинник.

ПРАВОВОЙ АРХЕТИП КАК ФОРМА БЫТИЯ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ

А.В. Скоробогатов,

профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП), доктор исторических наук, доцент

Формирование правовой культуры общества и личности тесно связано с правовым опытом. Хотя правовой опыт может быть представлен не только в социальном аспекте, но и в индивидуальном, именно первый имеет наибольшее значение, т.к. именно под влиянием социального правового опыта происходит формирование правовой ментальности.

В этом процессе ведущая роль отводится освоению субъектом правовых ценностей, знаний, норм и установок о правильном поведении, позволяющих субъекту идентифицировать себя с определенной социальной группой (обществом, локальным сообществом) и адаптироваться в правовой реальности [2, с. 16]. Несмотря на то, что группа стремится транслировать субъекту, прежде всего, современные правовые ценности, позволяющие не только осуществлять социальное воспроизводство, но и успешное функционирование группы в правовой реальности, для придания этим ценностям устойчивости необходимо использование некоего авторитета. Хотя наиболее значимым, конечно является объективный авторитет, свидетельствующий о внешнем и внутреннем восприятии группы, в случае его отсутствия или недостаточности группа может использовать обращение к авторитету предков, который традиционно оказывает большое влияние на правовое поведение субъекта.

Формой бытия правовых ценностей в ретроспективном контексте выступает правовой архетип, под которым мы понимаем правовые знания, нормы и установки, сформировавшиеся в процессе социального взаимодействия и направленные на воспроизводство правовых действий, имевших позитивное значение для развития и воспроизводства группы в прошлом, определенные образы, в т.ч. мифологического характера, которые должны быть восприняты субъектом на бессознательном уровне, отражая его правовой менталитет [5].

Относясь к наиболее глубинному уровню правовых ценностей [6, с. 8], правовой архетип опосредует не только рациональное, но и эмоционально-психическое восприятие правовой реальности. Архетипические структуры позволяют субъекту на основе отражения в правосознании социального правового опыта сформировать образ индивидуальной и коллективной модели правовой коммуникации, взаимодействия личности и социальной группы (локального сообщества, общества) [3, с. 9]. Будучи исторически транслируемы благодаря правовым обычаям, символам и традициям, эти структуры формируют господству-

ющий в группе правовой дискурс и предопределяют усвоение группой и ее членами новых знаний, норм и ценностей.

Правовой архетип является базисным составляющим правовой ментальности и определяет не только когнитивные, но и функциональные аспекты интерпретации правовой реальности субъектом и группой. Основной функцией правового архетипа при этом является снижение противостояния правовой ментальности и правового сознания, достижение гармонии в правосознании не только личности, но и группы. Образование внутренней целостности в правосознании субъекта упорядочивает ее отношение к правовой реальности, которая воспринимается как структурированное пространство правового бытия.

Являясь частью правового менталитета и, будучи органично включенным в правопорядок, правовой архетип присутствует на всех уровнях правовой реальности [4, 7]: на уровне правотворчества он определяет легитимацию законов и их социальную эффективность, на уровне правореализации и правового поведения - определяет образцы и модели правил поведения, когнитивных установок познания и восприятия правовых явлений и процессов.

Воздействие правового архетипа на общественные отношения носит диалектический характер. С одной стороны, правовой архетип, будучи направленным на закрепление и сохранение незыблемости существующих социально-правовых форм, является консервативной силой. С другой – в переломные моменты развития общества, случае становления нового правопорядка именно правовой архетип способен детерминировать изменение традиционных правовых отношений и обеспечить переход к новым правовым отношениям через постепенную трансформацию элементов старого правопорядка в сторону нового качества, их сближение с вводимыми в правовую систему новациями.

Формирование особенностей национального правового архетипа зависит от социокультурных условий исторического развития [1]. Чем более традиционной, консервативной является группа, тем в большей степени значимым для нее является правовой архетип, позволяющий для утверждения своей правоты апеллировать к авторитету предков, который воспринимается сакрально. При этом для группы не столь важно, как осуществлялось правовое поведение в действительности, более важен ментальный образ этих действий, в котором отразилось исторически сформировавшееся отношение к позитивному результату тех или иных поступков. Именно поэтому можно говорить о тесной связи правового архетипа с правовым мифом.

Таким образом, правовой архетип представляет собой сформировавшиеся исторически знания, нормы и установки, направленные на воспроизводство правовых действий, имевших положительный результат в прошлом. Выступая элементом правового менталитета, правовой архетип транслируется субъекту в процессе социального правового опыта. Будучи необходимым элементом, с одной стороны, правовой идентификации и социальной адаптации субъекта, а с другой – способствуя воспроизводству и функционированию группы, право-

вой архетип является формой бытия правовых ценностей, объединяя их индивидуальный и групповой контекст.

Список использованных источников:

1. Вовк В.Н. Патернализм в российском правовом менталитете : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Н. Вовк. – Краснодар, 2010. - 30 с.
2. Колчанова Е.А. «Архетип» как категория философии культуры : автореф. дис. ... канд. филос. Наук / Е.А. Колчанова. – Тюмень, 2006. – 25 с.
3. Мирошниченко О.И. Русский культурный архетип как средство идентификации современного российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.И. Мирошниченко. – М., 2016. – 33 с.
4. Скоробогатов, А.В. Правовая реальность России: понятие и структура / А.В. Скоробогатов, А.В. Краснов // История государства и права. – 2017. – № 7. – С. 54-58.
5. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Российский правовой архетип: сущность и содержание / А.В. Скоробогатов, А.В. Краснов // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 4(5). – С. 28-33.
6. Тюрин М.Г. Архетипы национальной правовой культуры : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.Г. Тюрин. – Ростов-н/Д., 2008. – 30 с.
7. Skorobogatov A.V., Krasnov A.V., Ganeeva D.A., Safiullin L.N. Legal Reality as a Juridical Category // International Business Management. – 2016. - # 10(22). – P. 5215-5218.

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

А.А. Сухарев,

доцент кафедры истории и теории права, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук, доцент

Правовая социализация не является статической «застывшей» категорией. По мере развития общества меняются ее содержание и формы. И. Кон, анализируя процесс социализации, выделил три главные макросоциальные тенденции:

– увеличение числа социальных институтов и изменение значимости конкретных агентов социализации;

– повышение активности и избирательности самого субъекта социализации;

– усложнение и изменение целей и методов правовой социализации.

В этой связи правовая социализация молодежи нуждается в постоянном мониторинге в условиях динамично развивающегося и меняющегося общества, изменения правовой психологии молодых людей, выбора таких средств и способов социально-психологических воздействий, которые способствовали бы позитивным изменениям и предупреждали нежелательные. Само понятие правовой социализации, как составной части общей социализации требует дополнительного исследования. Невозможно осуществить правовую социализацию личности без ее духовной, моральной, религиозной, мировоззренческой составляющих.

Правовая социализация предполагает не только приобретение навыков социального поведения, соответствующим нормам права, но и развитие мотивационных структур как внутренних гарантов, обеспечивающих соблюдение личностью правовых предписаний. Мотивы правомерного поведения личности отличаются большим разнообразием: долг перед обществом; убежденность в общественной пользе поступка; практическая полезность поступка для другого; профессиональное чувство ответственности; конформизм, подчинение большинству; эгоистические интересы; боязнь юридической или моральной ответственности; негативные мотивы (ревность, месть и др.), осуществляемые правомерными средствами; стереотип, привычное поведение.

Известно, что правовая социализация личности происходит под влиянием как целенаправленных воздействий, так и стихийных, спонтанных. Также мотивация поведения даже на уровне простых поведенческих установок складывается из взаимодействия личностной диспозиции и внешних ситуативных стимулов. Следует учитывать и тот факт, что личностная диспозиция, в свою очередь, также является весьма подвижной и динамичной системой и представляет процесс непрерывного взаимодействия инстанций «влечения» и «сопротивления». В этой связи проведенные научные исследования, в частности немецким психологом К. Левиным, подтверждают, что не только разные люди по-разному воспринимают и оценивают одну и ту же ситуацию, но и то, что один и тот же человек

в зависимости от состояния эту же ситуацию может воспринимать совершенно неоднозначно.

В настоящее время проблема правовой социализации молодежи достаточно активно исследуется как отечественными, так и зарубежными учеными: философами, социологами, политологами, психологами, юристами. Ученые Ш. Курильски-Ожвен, М.Ю. Арутюнян, О.М. Здравомыслова считают, что в основе исследования правовой социализации находится представление о законе как о важнейшем элементе любой культуры [1, с.109]. Белорусские ученые О.С. Есипенко, Л.О. Остапишина, Г.Г. Шиханцов рассматривают правовую социализацию как важнейший фактор развития правовой культуры граждан [2, с.28].

Произошедшие изменения в общественной жизни заставили ученых сконструировать новую социологическую парадигму молодежи – рискологическую (В.И. Чупров, Ю.А. Зубок). Данная парадигма предусматривает риск социализации и формирование правовой культуры в двух аспектах:

- понимание риска как явления, обуславливающего условия жизнедеятельности личности;
- рассмотрение деятельности самой личности в ситуации перехода от неопределенности к определенности [3, с.35].

Исследование проблем правовой социализации также обязывает учитывать существование ее когнитивной и бихевиоральной моделей. Среди различных когнитивных моделей правовой социализации выделяют модель правового развития Дж. Танн, Ф. Левина и модели моральной социализации Ж. Пиаже, Л. Колберга [4, с.158]. По мнению сторонников когнитивной модели правовая социализация связана с развитием познавательных процессов и правовые установки индивида по отношению к правовому или криминальному поведению определяются уровнем его правового развития. Термин «аттитюд» (социальная установка) в английском звучании был введен У. Томасом и Ф. Знанецки в 20-е годы XX века.

Результаты проведенных исследований, в частности в США, показали, что наиболее действенной является бихевиоральная модель социализации, при которой поведение людей сильнее влияет на правовые установки, чем установки на поведение. Таким образом, бихевиоральная модель доказывает, что не уровень правового развития определяет поведение, а наоборот, поведение оказывает влияние на отношение (установки) к правонарушениям и их запрещение, а также на уровень правового развития. В то же время поведение зависит от влияния со стороны членов референтной для подростка группы и системы контроля.

По результату правовая социализация подразделяется на социализацию, ведущую к девиантности и к конформности. О.А. Гулевич подчеркивает, что в процессе социализации, ведущей к конформности, подросток усваивает алгоритм, что и как надо делать. То есть, таким образом, он постигает определенное число установок и форм поведения. В процессе социализации, ведущей к девиантности, индивид усваивает не конкретные установки и формы поведения, а границы, которые не следует пересекать [1, с.112].

К сожалению, изучение правовой социализации в семье, школе и референтных группах подростков показывает, что в настоящее время в основном исследуются эксплицитные механизмы социализации, а имплицитные остаются мало изученными. Анализ практики показывает, что изучение имплицитной социализации является значительно более сложным чем эксплицитной. Это объясняется размытостью границ социализации, особенно в начальной стадии, между ведущей к конформности и к девиантности, а также определенной сложностью диспозиционной концепции регуляции социального поведения, которая имеет четыре уровня диспозиции: простейшие ситуативные поведенческие установки; социальные установки, функционирующие на уровне малых групп; диспозиции общей на-правленности интересов личности в отношении конкретной сферы соци-альной активности; система высших ценностных ориентаций личности, регулирующих ее целостное социальное поведение. В этой связи представляется целесообразным рассматривать имплицитную правовую социализацию в двух аспектах: как больше положительную и как больше отрицательную.

Также практика показывает, что зачастую правовая социализация осуществляется в отрыве от моральной и политической социализации. В этой связи необходима научная разработка ее духовной, моральной, религиозной и мировоззренческих составляющих.

Список использованных источников:

1. Гулевич, О.А. Психологические аспекты юриспруденции / О.А. Гуле-вич. – М., 2006. – 511 с.
2. Шиханцов, Г.Г. Юридическая психология / Г.Г. Шиханцов. – М.: Зерцало, 1998. – 344 с.
3. Зубок, Ю.А., Чупров, В.И. О формировании правовой культуры молодежи в России и Беларуси / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Социологические исследования. – 2006. – №10. – С.35.
4. Блэкборн, Р. Психология криминального поведения / Р. Блэкборн. – СПб.: Питер, 2004. – 495 с.

**ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕЙ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА
В СИСТЕМЕ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО
ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Ю.А. Хватик,

доцент кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, международный эксперт в области клинического юридического образования, куратор Юридической клиники БГУ

"Права человека - это прежде всего признание правоспособности и правосубъектности человека. И по объему правоспособности и кругу субъектов права в разные эпохи можно судить о том, кого же из людей и в какой мере данная система права признает в качестве человека, имеющего права" [1, с. 142]. Данный тезис, по нашему мнению, является основополагающим в теории прав человека. Однако, это не первое становление вопрос о естественных правах личности. Впервые в общей форме данный вопрос поставили еще древнеримские юристы, для которых естественное правомочие лица есть не что иное как субъективное выражение всеобщего природного, то есть естественного права (*jus naturale*). Так, согласно мнению известного римского юриста Ульпиана, естественное право могло распространяться не только на людей, но даже и на животных. Например, Ульпиан к предмету регулирования естественного права относил, в частности, заключение брака и воспитание детей, подчеркивая, что и дикие животные якобы обладают определенным осознанием подобного права (Дигесты 1.1.1.3). В дальнейшем весомый вклад в развитие идей естественного права личности внесли христианские богословы, ставшие теми мыслителями, стараниями которых были заложены принципиальные основы современных европейских (и не только) этики и права, признающих права и свободы человека одной из фундаментальных ценностей [2, с. 11].

Система образования в любой стране является приоритетным направлением государственной политики. Это обусловлено заинтересованности государства в построении системы стабильного и устойчивого развития каждого гражданина и самого государства при достижении общественного блага. Безусловно, что именно образование во все этапы развития человечества играло ведущую роль в создании ценностных ориентиров человека, приобщения его к ценностям, идеологии, господствующим в обществе. Особая роль в развитии системы государственного управления, определяющего стратегию развития государства, отводится представителям юридической профессии.

Именно в процессе профессионального обучения выполняется социальный заказ на профессиональную подготовку в соответствии с потребностями общества на определенном этапе исторического развития. В настоящее время в Республике Беларусь остро ощущается необходимостью изменения качества

и содержания профессиональной подготовки с целью повышения конкурентоспособности специалистов на рынке труда страны.

Представляется, что важнейшей задачей современного юридического образования является подготовка нового поколения юристов, ориентированных на защиту прав человека, принимающих во внимание гуманистические ценности демократического общества, разделяющих глобальную идею социальной справедливости, объединенных идеями взаимопомощи, в единое профессиональное сообщество.

Решение данной задачи возможно только путем актуализации изучения в учебном процессе теории прав человека, методик практико-ориентированного образования и доступа студентов к работе с «живыми» клиентами и настоящими правовыми проблемами.

В настоящее время одним из основных способов консолидации вышеуказанных элементов для профессиональной подготовки практико-ориентированных юристов является создание и деятельность юридических клиник. Непосредственно на базе клиник возможна и успешно реализуется эффективная инкорпорация в учебную программу триады элементов: обучения знаниям, выработки навыков и воспитания качеств.

Основным содержанием деятельности всех юридических клиник является обучение студентов практическим навыкам юриста, формирование социально-ответственной модели работы юриста путем оказания студентами бесплатной юридической помощи гражданам.

В Республике Беларусь начиная с 2002 года началась волна создания юридических клиник. По состоянию на начало 2017 года функционировало 11 клиник по всей стране. Представителями клинического сообщества в 2011 году была проведена работа по написанию Рекомендаций по организации деятельности юридических клиник Республики Беларусь.

На основе изучения опыта юридических клиник можно выделить существенные признаки, которые характеризуют современную модель юридической клиники, встраиваемую в систему белорусского юридического образования.

К таким признакам относятся следующие:

1) юридическая клиника в большинстве случаев является структурным подразделением образовательного учреждения образования;

2) юридическая клиника имеет цели деятельности: прежде всего образовательную, а также социальную и иные (сопутствующие образовательным), поэтому она становится обязательным элементом различных образовательных программ (как для бакалавров, так и для магистров);

3) основными субъектами в работе юридической клиники являются студенты-консультанты и преподаватели-кураторы, к которым, как справедливо отмечается российскими коллегами предъявляются повышенные требования, позволяющие им получить доступ к практической деятельности и наставничеству соответственно; при этом работа в юридической клинике требует соответствующей подготовки как для студентов, так и для преподавателей [3, с. 10-11];

4) основным методом обучения студентов является их самостоятельная (но в то же время под руководством преподавателей) практическая деятельность по оказанию бесплатной юридической помощи социально незащищенным слоям населения (т.е. это работа студентов с настоящими делами различных категорий, с реальными жизненными ситуациями); данная деятельность направлена на формирование у студентов общекультурных и профессиональных компетенций, определенных соответствующей учебной программой.

Особая роль в юридической клинике должна придаваться созданию и обновлению содержания учебной программы лиц, обучающихся в юридической клинике. Данное обстоятельство также способствует увеличению количества кураторов, расширению доступа к бесплатной юридической помощи.

К сожалению, в силу отсутствия единства подходов к важности юридической клиники в учебном процессе и добровольных начал работы кураторов клиник, не на каждом юридическом факультете есть утвержденная программа клинического курса. С целью популяризации, создания условий единства подходов и организационной устойчивости профессионального становления кураторов была проведена комплексная работа по созданию Модельной программы юридической клиники в Республике Беларусь [4]. Данная работа стала возможной благодаря поддержке Института Рауля Валленберга (Лунд, Швеция), чей опыт в области обучения правам человека позволил наполнить программу прогрессивными элементами философии и принципов прав человека и гендерного равенства.

Авторами программы ставилась задача в долгосрочной перспективе подготовки социально ориентированных юристов обеспечивает реформу правовой системы, содействие реализации прав человека, верховенству права и формирование человекоцентристских взглядов будущих поколений юристов. Активное включение студентов в разрешение трудных жизненных ситуаций клиентов, в решении социальных проблем населения, по мнению авторов программы, будет способствовать формированию у них активной гражданской позиции, в том числе достижению гендерного равенства в белорусском обществе. Поставка студентов в ситуацию правовой неопределенности с необходимостью последующего правового анализа, выходящим за рамки национального права и обращения к политико-правовым категориям и международно-правовым нормам в прикладном аспекте позволит сформировать у студентов критическое мышление и профессиональное правосознание, основанные на гуманитарных ценностных аспектах теорий прав человека. Для обоснования правовой позиции, на уровне «академических» компетенций, студентам предлагается использовать правовые интерпретации Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта о гражданских и политических правах и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и на их основе обосновать свою позицию.

Пример, содержание темы 1. Юридическая клиника: понятие, цели и задачи: История юридического клинического образования. Особенности клинического обучения. Виды юридических клиник. Цели и задачи юридических клиник, обзор существующих клиник в России, США, странах Евросоюза и Респуб-

лики Беларусь. Цели и задачи Юридической клиники. Права человека и гендерное равенство как составные элементы образовательного процесса в Юридической клинике. Роль теории прав человека при работе над делом клиента [4].

Таким образом, формирование идей о правах человека в системе практико-ориентированного юридического образования Республики Беларусь получило свое выражение в Модельной учебной программе юридической клиники в Республике Беларусь. Авторы выражают надежду, что данный курс займет особое место в системе обучения «академическим» (вузовским) компетенциям. Так, «академические» компетенции отражают способность их носителей к решению профессиональных (близким к научным) задач на основе аналитической оценки научных достижений (доктрины). Связь профессиональных юридических компетенций с теорией прав человека отражается на уровне «академических» компетенций, когда происходит анализ законодательства и поиск баланса интересов субъектов права на основе доктринальных подходов в его трактовке.

Список использованных источников:

1. Нерсесянц, В.С. Философия права : учебник для вузов / В.С. Нерсесянц. – М. : Норма, 1997. - 652 с.
2. Галкин, И.В. Проблема обеспечения эффективной реализации законодательства в сфере защиты прав человека в Российской Федерации / И.В. Галкин // *Lex russica*. – 2016. – N 2. – С. 10 – 28
3. Кулакова, В.Ю. Юридические клиники в России: состояние и перспективы развития / В.Ю. Кулакова, Т.Ю. Маркова, М.В. Самсонова // *Юридическое образование и наука*. – 2014. – N 2. – С. 8 – 11.
4. Проект Модельной программы клинического образования Республика Беларусь : учеб. программа учреждений высшего образования по учеб. дисциплине для специальности 1-24 01 02 «Правоведение». Коллектив авторов. – Мн. БГУ. – 2017. – 24 с.

**О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ
ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ
УЧАСТНИКОВ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

С.А. Цюга,

*старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права,
Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина*

Избирательный процесс – это правовой и демократический институт, отражающий степень вовлеченности народа в процесс управления государством.

В большинстве современных государств избирательный процесс является связующим звеном между гражданами и государственными органами, формирующимся посредством выборов, обеспечиваемых деятельностью избирательных комиссий.

Все избирательные кампании предполагают политическую борьбу за голоса избирателей. Избирательные правоотношения должны находиться в правовом русле. Для осознанной реализации избирательных прав необходима развитая электорально-правовая культура граждан (электората).

В избирательном процессе электорально-правовая культура является частью правовой культуры, влияющей на конечный результат избирательной кампании. «С конституционно-правовой точки зрения, правовая культура представляет собой динамическое единство правовых ценностей, установок и образцов (способов) поведения (правовой деятельности), составляющих одно из средств функционирования и развития правовой и политической системы общества» [1].

Соглашаясь с С.В. Навальным отметим, что «электорально-правовая культура граждан оказывает решающее воздействие на использование или неиспользование ими норм права, а также на уровень их социально-правовой активности, она определяется принятой юридической системой, практикой функционирования ее отраслей и норм, правовых учреждений, формируется на основе их социально-правового опыта» [2].

Ф.Р. Казыханов считает, что «электоральная культура – это культура избирателей, характеризующаяся степенью усвоения норм демократического избирательного права, включением их в базовые ценности индивида и признание им выборов в качестве основного средства и канала формирования органов власти» [3].

Необходимо отметить, что электорально-правовая культура приобретает актуальное значение в периоды проведения выборов и избирательных кампаний.

Л.В. Вонсович отмечает, что «она включает в себя совокупность ориентаций, которые определяют позиции граждан в избирательном процессе. Это: отношение к выборам как форме политического поведения; идентификация по отношению к лидерам, кандидатам и партиям; исходные или тематические ориентации (оценка политических событий)» [4].

Определяющими показателями электорально-правовой культуры являются ответственность и компетентность участников избирательного процесса. «Высокая электорально-правовая культура граждан – это гарантия цивилизованного проведения назревших преобразований в интересах большинства населения страны. Основной задачей электорально-правовой культуры является создание такого юридического механизма, который гарантировал бы человеку реальную свободу поведения в единстве с ответственностью его перед обществом за принимаемые решения» [2].

Если говорить о правовой культуре белорусского общества в целом, то она находится на достаточном уровне, в то время как электорально-правовая культура носит поверхностный характер. Большинство граждан не знакомы с избирательным законодательством, правами избирателей и статусом кандидатов на выборные должности, деятельностью избирательных комиссий и наблюдателей. Вместе с тем, как справедливо заметил Л.В. Вонсович, «многие граждане Беларуси рассматривают голосование на выборах в качестве единственного способа выражения своего участия в политике, отношения к политическим деятелям и партиям, политике властей» [4]. В этой связи необходимым является формирование у участников избирательного процесса как общей правовой культуры, так и правильного представления о своем конституционно-правовом статусе. Для этого в Республике Беларусь необходимо реализовать соответствующие образовательные проекты.

Подобного рода образовательные программы существуют в европейских странах (Австрия, Германия, Норвегия, Швеция), а также в Российской Федерации, в Украине и других странах. Так, например, в Швеции, «на протяжении многих лет учебные ассоциации организовывали множество различных форм для получения политического и социального образования. Основные политические партии Швеции являются членами каких-либо образовательных ассоциаций и получают помощь от них... Партии получают материальную поддержку от государства для проведения работы в учебных кружках. Обычно перед референдумами в Швеции появляются новые учебные кружки, которые дают избирателям возможность для расширения своих знаний и для понимания определённых проблем» [5].

В Российской Федерации созданы и действуют «Школа молодого депутата», «Школа муниципального депутата», «Школа наблюдателя». В Украине функционирует «Школа депутата», «Школа помощника народного депутата», «Школа наблюдателей».

Представляется возможным реализовать в Республике Беларусь образовательные проекты, например, «Школа избирателя», «Школа помощника депутата», «Школа наблюдателя», и др.

На региональном уровне в этом направлении уже сделаны первые шаги. Так, в июле 2017 года принято решение президиума Брестского городского Совета депутатов «О реализации образовательного проекта «Школа депутата» при Брестском городском Совете депутатов» [6].

Данный проект рассчитан не только на депутатов Брестского городского Совета депутатов, но и на членов Молодежного парламента при Брестском городском Совете депутатов (возможных кандидатов в депутаты местных Советов депутатов). Основной задачей Школы является повышение квалификации действующих депутатов Брестского городского Совета депутатов, а также подготовка членов Молодежного парламента при Брестском городском Совете депутатов к участию в выборах и к возможной работе в качестве депутатов местных Советов депутатов (повышение их компетентности в правотворческой сфере, сфере права, политики и экономики). В рамках проекта слушатели приобретут навыки эффективного взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления, освоят механизмы работы с нормативными правовыми актами и социально-экономическими программами».

Кроме школ, где непосредственно происходит процесс обучения слушателей (участников избирательного процесса), полагаем возможным применить в Республике Беларусь интернет-обучение.

Информационные технологии проникают во все сферы жизни и избирательный процесс не станет исключением. Дистанционное обучение набирает свою популярность. Современные интернет-технологии можно применить и для повышения электорально-правовой культуры населения. Для этого требуется разработка соответствующих сайтов с необходимой правовой информацией для участников избирательного процесса. Так, например, Центральная комиссия Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов на своем официальном сайте может выступить организатором интернет-обучения:

- избирателей (принципы участия избирателя в выборах, правовой статус избирателя);

- кандидатов в депутаты и их доверенных лиц (основы избирательного права и процесса, правовой статус кандидата в депутаты и их доверенных лиц, правила общения с электоратом);

- членов избирательных комиссий (основы избирательного процесса, избирательные технологии, правовой статус членов избирательных комиссий);

- наблюдателей (правовой статус наблюдателей при проведении выборов, практические рекомендации осуществления наблюдения за ходом голосования, взаимоотношения наблюдателя и избирательной комиссии);

- представителей средств массовой информации (правовое регулирование деятельности СМИ в период подготовки и проведения выборов, права и обязанности представителей СМИ).

Такое интернет-обучение не потребует больших материальных затрат, необходима лишь разработка соответствующего программного обеспечения сайта Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов.

Кроме того, можно организовать в период избирательной кампании онлайн-консультации для кандидатов на выборные должности, для членов изби-

рательных комиссий и других заинтересованных участников избирательного процесса.

Таким образом, реализация на практике образовательных программ (создание различного рода школ), повышающих электорально-правовую культуру участников избирательного процесса, будет способствовать совершенствованию избирательного процесса в целом, и снижению количества нарушений избирательного законодательства, в частности.

Применение же интернет-технологий в отношении участников избирательного процесса, в силу своей общедоступности, позволит проводить правовое просвещение широких слоев населения в области конституционного, избирательного права и процесса, будет способствовать повышению электорально-правовой культуры граждан.

Список использованных источников:

1. Смолина, И. Г. Правовая культура избирательного процесса в Российской Федерации [Электронный ресурс] / И. Г. Смолина. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/teoria-prava/pravovaja-kultura-izbiratel'nogo-processa-v-rossijskoj-federacii.html>. – Дата доступа: 27.07.2017.

2. Навальный, С. В. Электорально-правовая культура: Вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Электронный ресурс] / С. В. Навальный. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/teoria-prava/jelektoralno-pravovaja-kultura-voprosy-teorii-i-praktiki.html>. – Дата доступа: 28.07.2017.

3. Казыханов, Ф. Р. Электоральная культура в Республике Адыгея [Электронный ресурс] / Ф. Р. Казыханов. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektoralnaya-kultura-v-respublike-adygeya>. – Дата доступа: 28.07.2017.

4. Вонсович, Л. В. Идеология избирательных кампаний / основы идеологии белорусского государства [Электронный ресурс] / Л. В. Вонсович. – Режим доступа: <http://megaobuchalka.ru/8/2811.html>. – Дата доступа: 29.07.2017.

5. Шведская демократия: учебные кружки и народные высшие школы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sweden4rus.nu/lib/obs_ekon/text/shved_demokratija.asp. – Дата доступа: 29.07.2017.

6. О реализации образовательного проекта «Школа депутата» при Брестском городском Совете депутатов : Решение президиума Брестского городского Совета депутатов от 24 июля 2017, № 272/25.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ: ОТ ЕДИНИЧНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ДО ГЛОБАЛЬНЫХ РЕФОРМ?

О.И. Чуприс,

заведующий кафедрой государственного управления, Белорусский государственный университет, доктор юридических наук, профессор

Протекающие в современном мире интеграционные процессы активно влияют на национальную правовую систему, важной частью которой являются государственное управление и административное право, непосредственно обеспечивающие реализацию политических решений, принятых с учетом участия Республики Беларусь в интеграционных образованиях. Любые интеграционные преобразования в экономике, культуре, науке, образовании и т.п. с неизбежностью распространяются на административную сферу.

Интеграция воздействует на все составляющие государственного управления. В частности, изменение отдельных элементов государственного управления происходит при вступлении государства в интеграционные образования. При этом затрагиваются система органов государственного управления, пересматриваются их функции и компетенция. Например, вступление Республики Беларусь в ЕАЭС повлияло на функции Государственного таможенного комитета Республики Беларусь.

При сближении национальных правовых систем также может происходить заимствование целых институтов, например, административной юстиции, административно-хозяйственного управления. Так, в Украине процессы европеизации повлияли на учреждение института административной юстиции. А для Республики Беларусь интеграция в мировое экономическое пространство и стремление к развитию экономических связей в нем позволяет учитывать опыт либерального управления экономикой и вычленения из государственного управления хозяйственного государственного управления, построенного на началах диспозитивного правового регулирования и подчиненного целям общеэкономического равновесия, социальной справедливости и предназначенного для воздействия на экономические процессы посредством планирования, контроля, стимулирования [1, с.11].

Таким образом, в процессе интеграции даже совокупность единичных изменений влияет на саму суть государственного управления, что закономерно порождает вопрос о глобальных изменениях в нем, вплоть до возможного отмирания национального государственного управления и разрастания универсального, интегрированного управления, который в зависимости от уровня может называться глобальным («мировым правительством»), или европейским, или межрегиональным администрированием (управлением).

Тенденция сужения масштабов государственного управления в пользу административных структур интеграционных образований закономерно вытекают из самой сути интеграции как объединительного процесса.

Однако она вызывает к жизни два противоположных социально-правовых явления. С одной стороны, население государства, позитивно оценивающее уменьшение бюрократических проявлений и сокращение числа правовых актов управления в связи с правовой интеграцией, может высказываться в пользу создания и функционирования наднациональных органов государственного управления, так называемого наднационального правительства. С другой стороны, отмеченное явление в реальной действительности трудно реализуемо по той причине, что полифоничность мироустройства и особенности самого государственного управления, где субъектом и объектом управления выступают люди, выросшие в условиях конкретной административно-правовой среды, а не абстрактных общечеловеческих парадигм и ценностей, не позволяют создать такие управленческие «суперструктуры», которые бы могли учесть и внедрить в практику все возможные формы и методы государственного управления, вытекающие из исторически обусловленных особенностей национальных государств. То есть затруднительно создание универсального управленческого механизма, заменяющего многообразие единообразием. Даже юристы-международники, в основном тяготеющие к глобалистским представлениям, склонны считать, что большинство транснациональных проблем лучше решать в юридических рамках, установленных национальными государствами, которые делают поведение более предсказуемым [2, с. 67].

Поэтому заинтересованы в развитии, а не отмирании национального государственного управления и крупные бизнес-структуры. Субъектам хозяйственной деятельности нужны сильные органы государственного управления как партнеры, учитывающие интересы хозяйствующих субъектов для совместного достижения экономически выгодного результата. Учеными отмечается обратная (даже в некоторой степени большая) зависимость транснациональных корпораций от национальных государств [3, с. 68]. Органы государственного управления, привлекая иностранные инвестиции, устанавливая преимущества для крупных инвесторов, вкладывают деньги в развитие инфраструктуры национальных экономик, тем самым влияя на дальнейшее развитие государственного управления.

Данная зависимость обосновывается учеными следующим образом. Экономически успешные страны больше инвестируют в своих граждан. Растущая квалификация населения не только увеличивает его производительность и доходы, но и позволяет осуществлять все виды экономической деятельности с большей эффективностью. Национальные экономические преимущества обеспечиваются хорошими институтами и, в свою очередь, укрепляют институциональную среду [4]. Она обеспечивает защиту прав собственности, честную и эффективную бюрократию, развитую инфраструктуру, здравоохранение и образование. Такие страны осуществляют политику, мотивирующую людей повышать продуктивность своего труда. Страны, добившиеся успеха на этом пути, полу-

чают возможность и дальше совершенствовать систему государственного управления [5, с. 544].

Таким образом, сохраняя в себе национальную сущность, государственное управление сдерживает свое «интеграционное размывание», а значит, интеграционные процессы влияют на государственное управление, но не могут приводить к глобальным реформам в нем.

Список использованных источников:

1. Штобер, Р. Общее хозяйственно-административное право: Основы и принципы. Экономическая конституция / пер. с 11-го нем. перераб. изд. – Минск : Изд-во ЕГУ, 2001. – 54 с.

2. Ratner, S.R. International law the trials of global norms / S.R. Ratner // Foreign policy. – N.-Y., 1998. – № 110.

3. Шаклеина, Т. Критическое направление исследований миропорядка США / Т. Шаклеина // Международные процессы. – Сентябрь – декабрь. – С. 61-75.

4. Вульф, М. Неудачное место жительства / М.Вульф // Ведомости. – 2002. – 2 октября.

5. Смирнова, Е.С. Проблемы правового регулирования статуса иностранцев в условиях глобализации / Е.С. Смирнова. – Изд. 2-е доп. – Тверь : СФК-офис, 2012. – 592 с.

**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА:
ГЛОБАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ**

В.В. Янч,

доцент кафедры истории и теории права, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, кандидат философских наук, доцент

Актуальность темы исследования обусловлена тем фактом, что наряду с процессами глобализации, происходящими в экономической, банковской, торговой и иных сферах, происходит и глобализация в правовой сфере.

Термин глобализация часто используется в отношении экономической глобализации - объединении национальных экономик в международную экономику как единое целое через торговлю, прямые иностранные инвестиции, миграцию капиталов, распространение технологий. Но правовая сфера также находится под влиянием данного явления, так как право является надстройкой над экономическим базисом общества, в его нормах наиболее ярко выражаются глобализационные процессы, связанные с расширением мировой торговли, развитием международных финансовых и экономических структур.

Правовую глобализацию можно определить как процесс развития национальных правовых систем, который характеризуется усилением взаимодействия национального и международного права. Результатом процессов глобализации применительно к праву являются как интеграция, так и интернационализация правовых систем. Глубина проникновения процессов глобализации в национальное право зависит от места государств в системе международных отношений, от их активности в интеграционном взаимодействии.

Среди важнейших правовых тенденций в эпоху глобализации И.И. Лукашук называет: интернационализацию внутреннего права государств; конституционализацию международного права (закрепление в национальных конституциях, особенно в новых, положений о международном праве) и, как следствие, конституционализацию внешней политики; доместикацию (или интернетизацию) международного права — инкорпорирование международного права во внутреннее; глобализацию правового регулирования [1, с.122]. Ю.А. Клочкова считает, что «взаимодействие национальных систем может проходить в виде двух встречных процессов: правовой конвергенции и правовой дивергенции. Конвергенция права – это процесс взаимодействия, сближения элементов механизма правового регулирования, принадлежащих различным национальным правовым системам. В ходе конвергенции происходит весьма заметная трансформация национального права, модернизация правотворческого и правоприменительного процессов» [2, с.41]. По мнению О.Д. Третьяковой, «дивергенцию права... можно трактовать как сложный и многосторонний процесс внутреннего и внешнего взаимодействия элементов права и правовых систем, выраженного в расхождении организации форм права, требований правовых норм, а также частей единых или близких правовых систем общества» [3, с.15]. В целом, конвергенция и дивергенция отражают тенденции развития правовых систем, однако

в условиях глобализации, конвергенция носит преобладающий характер. В наши дни в правовой сфере мы можем наблюдать несколько тенденций глобализации.

Глобализация частного права. В данном аспекте правовую глобализацию можно рассматривать как процесс, сопутствующий глобализации рынков и бизнес-практики транснациональных корпораций, которые работают на рынках различных государств. В основе международного торгового права лежит договор, который определяет взаимные права и обязанности участников торговых правоотношений. Две и более договаривающиеся стороны правомочны создать набор правил, регулирующих их отношения, как это предусмотрено условиями их соглашения. В международной торговле договаривающиеся стороны, как правило, согласны подчиняться неправительственным механизмам арбитража или суда того или иного национального государства для решения споров по контрактам. Они также могут по взаимному согласию выбрать право, по которому любой возникший спор между ними может быть разрешен.

В современном мире взаимозависимости и международной торговли растет значение гармонизации международного торгового права. Большинство стран уже признали необходимость единой, предсказуемой и прозрачной правовой системы для поощрения иностранных инвестиций и международной торговли с другими государствами и экономическими объединениями. В результате этого, суды и законы большинства стран признают и обеспечивают исполнение постановлений других государств. Следовательно, в современном мире существует движение в направлении разработки транснационального коммерческого и договорного права.

В глобальном контексте, в связи со своим мощным экономическим потенциалом, США и некоторые страны Европы существенно влияют на процесс глобализации торгового и договорного права. Причина этого в том, что они осуществляют значительный объем иностранных инвестиций в других частях мира, а также имеют сильное влияние на международную торговлю. Помимо американской экономической мощи, еще одной причиной для этого является восприимчивость общего права к договорному праву.

Глобализация публичного права. Во многих странах, особенно начинающих строить рыночные отношения, велика роль государственного регулирования экономических отношений. С одной стороны, государство, осуществляя сильную социальную политику, стремится нивелировать имущественное расслоение в обществе, заботится о благосостоянии своих граждан. С другой стороны, в таких государствах наблюдается тенденция ко все возрастающему администрированию различных сфер жизни общества.

Это порождает потребность в установлении контроля за правительством со стороны гражданского общества во избежание злоупотребления властными полномочиями. Сегодня мировое сообщество признало необходимость прозрачности и повышения общественного участия в принятии бюрократических решений. Для этого в США, большинстве европейских стран, некоторых других странах мира создана необходимая законодательная база. Поэтому сегодня можно говорить о повышении степени участия общества в контроле над государ-

ственной властью как о глобальной тенденции в сфере публичного права. Такой контроль невозможен и без сильной и независимой судебной системы.

Глобализация публичного права проявляется также в защите конституционных прав и свобод человека и гражданина, в защите прав инвесторов, в развитии природоохранного законодательства и других сферах. На глобальном уровне осуществляется деятельность по повышению правовой защиты от негативных последствий явлений технического, экономического и социального характера. Особенно ярко глобальные процессы видны на примере развития природоохранного права. Сегодня деградация окружающей среды пересекает национальные границы, а это, в свою очередь, требует усиления международного природоохранного законодательства. Существующая однородность промышленных и сельскохозяйственных технологий порождает универсальные факторы загрязнения окружающей среды, а следствием такой однородности является однородность, универсальность национальных и межнациональных природоохранных норм и стандартов безопасности.

Следует отметить, что глобализация в правовой сфере является следствием процессов, происходящих первоначально на региональном уровне. Имеются в виду правовые последствия создания крупных региональных межгосударственных объединений, нуждающихся в универсальных юридических инструментах. В историческом аспекте ярким примером таких объединений является создание Европейского союза, Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Организации американских государств (ОАГ), ЕАЭС и др.

Например, ОАГ была основана в 1948 году на основе Панамериканского союза для выполнения преимущественно коммерческих функций. Целью деятельности ОАГ был провозглашен, в частности, мир и процветание стран Западного полушария. В состав ОАГ входят 35 государств. В 1948 г. в городе Богота (Колумбия) на девятой Международной Конференции американских государств 21 участник конгресса подписал Договор Организации Американских Государств и принял первую в мире декларацию принципов прав человека – Американскую Декларацию Прав и Обязанностей Человека. Помимо этого, 22 ноября 1969 года была принята Американская конвенция о правах человека. То есть на региональном уровне были приняты правовые акты о правах человека, образующие фундамент любой современной правовой системы.

Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), образовано в 1989 г. в Канберре. Главные цели организации – обеспечение режима свободной открытой торговли и укрепление регионального сотрудничества. В 1994 г. в качестве стратегической цели было объявлено создание к 2020 г. в азиатско-тихоокеанском регионе системы свободной и открытой торговли и либерального инвестиционного режима. Каждая страна самостоятельно определяет свой статус и сроки введения новых режимов на основе индивидуальных планов действий. В рамках АТЭС вырабатываются региональные правила ведения торговли, инвестиционной деятельности, экономического и технического сотрудничества, развития инфраструктуры, повышения уровня благосостояния стран-участниц.

Если говорить о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), то он был создан в соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. ЕАЭС является международной организацией региональной экономической интеграции. ЕАЭС призван обеспечить свободу движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в различных отраслях экономики. В состав ЕАЭС входят Кыргызская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация.

Ярким примером проявления правовой глобализации на региональном уровне является деятельность государств-участников по разработке новой редакции Таможенного кодекса ЕАЭС (ТК ЕАЭС). В Таможенный кодекс попытались включить все принятые между участвующими странами соглашения, регулирующие таможенную сферу. По примеру Европейского Союза в ТК ЕАЭС сведены к минимуму особенности национального таможенного регулирования. Фактически реализована тенденция к созданию универсального наднационального таможенного законодательства.

Таким образом, в свете всего вышесказанного, можно сделать вывод, что правовая глобализация является сегодня доминирующей тенденцией развития национальных правовых систем. Подпитка глобализационных процессов осуществляется изменениями на региональном уровне. Межгосударственные объединения нуждаются в универсальных механизмах правового регулирования, позволяющих преодолеть локальные различия правовых систем. Существует растущая потребность в глобальном механизме правового образования, взаимодействия правоохранительных органов, а также согласования большинства транснациональных законов. Эффективные региональные правовые инструменты постепенно становятся востребованными на глобальном уровне, превращаясь в составную часть международного права.

Список использованных источников:

1. Лукашук, И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации / И.И. Лукашук // Журнал российского права. – 2002. – № 3. – С. 121-125.
2. Ключкова, Ю.А. Правовая конвергенция и дивергенция в условиях глобализации: теоретико-методологические аспекты / Философия права / Ю.А. Ключкова. – Издательство: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (Ростов-на-Дону), 2010. – №2. – С. 41-44.
3. Третьякова, О.Д. Факторы культуры в конвергенции права // Правовое регулирование отношений в сфере культуры, искусства и образования в XXI веке: материалы межвузовской научно-практической конференции. – СПб., 2009. – С. 23-26.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

УДК 341.64

СУВЕРЕНИТЕТ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

С.Н. Белясов,

доцент кафедры публичного права, Государственный гуманитарно-технологический университет (г. Орехово-Зуево), кандидат юридических наук

Международные договоры и их применение международными организациями способствуют формированию международной системы права. Взаимосвязь данной системы с национальной правовой системой обеспечивается путем правоприменительной деятельности органов судебной власти.

В связи с этим многие десятилетия Европейский суд по правам человека играет важнейшую роль в установлении и защите общеевропейских стандартов прав человека.

Активный диалог с Европейским судом осуществляется и Российской Федерацией. Европейский суд и Конституционный Суд РФ многократно и весьма уважительно ссылались в своих актах на правовые подходы друг друга по вопросам, отраженным как в Конвенции, так и в Конституции РФ.

Взаимное уважение и учет мнений получают постоянное подтверждение.

В последнее время, наблюдается тенденция, когда Европейский суд вмешивается «под флагом защиты прав человека» во внутренние дела национальных государств. Такое вмешательство так или иначе подрывает суверенитет государства - участника Конвенции, а также национальный публичный порядок и международный публичный порядок.

Необходимо отметить, что положения многих Конвенций почти дословно дублируются в конституциях или других национальных законах стран-участниц. Это уже само по себе говорит о том, что никаких радикальных противоречий между Конвенцией и национальным правом стран-участниц не существует. Речь может идти лишь о расхождении в нюансах интерпретации соответствующих правовых норм.

С этой точки зрения «предел» государственному суверенитету в части прав человека положен не столько международными обязательствами государства, сколько его фидуциарными обязанностями перед собственными гражданами.

Кроме того, положение Конвенции «об обязательности постановлений Европейского суда», принятых в отношении соответствующего государства (ст. 46), не является абсолютным.

Европейский суд не раз отмечал, что не рассматривает отвлеченно совместимость с Конвенцией положений законодательства и практики, решая только

вопрос о том, привело ли к нарушению Конвенции применение тех или иных правил в рассматриваемом деле [1].

В рамках обозначенного вывода, необходимо проанализировать несколько важных дел, разрешенных ЕСПЧ, иллюстрирующих соотношение суверенитета и международного права, а конкретнее, национального права и позиций ЕСПЧ.

Европейский опыт.

В деле Гергюлю (2004 г.), касавшемся прав отца на воспитание ребенка, Конституционный суд Германии довольно резко высказался по поводу действий нижестоящего суда, отказавшегося, по существу, следовать указаниям, сформулированным ранее в решении ЕСПЧ по данному делу [2].

КС Германии, с одной стороны, недвусмысленно подчеркнул суверенитет Германии, дуалистичный характер ее права и формальный приоритет Основного Закона над Конвенцией, но, с другой стороны, указал, что и Конвенцию, и практику ЕСПЧ судам надлежит принимать во внимание при интерпретации положений национального права, включая и нормы самого Основного Закона.

«Основной Закон стремится интегрировать Германию в правовое сообщество миролюбивых и свободных государств, но не отказывается от суверенитета, заключенного в конечном счете в немецкой конституции», – подчеркнул КС Германии.

В крайне спорном деле Херста (2005 г.), касавшемся прав заключенных на участие в выборах, ЕСПЧ, вопреки мнению английских судов, признал, что тотальный запрет на голосование для осужденных заключенных нарушает конвенционные права заявителя (рецидивиста, зарубившего топором свою квартирную хозяйку) [3]. Впоследствии ЕСПЧ принял пилотное постановление, предписав Великобритании изменить нарушающее Конвенцию законодательство.

Одним из наиболее резонансных, привлечших внимание российской общественности к вопросу о пределах усмотрения и роли Европейского суда, стало дело «Константин Маркин против России». В своем Постановлении по данному делу Европейский суд не согласился с позицией Конституционного Суда в оценке допустимости ограничения Российским государством в федеральном законе права военнослужащего-мужчины на получение отпуска по уходу за несовершеннолетним ребенком. Европейский суд признал такое ограничение дискриминационным и непропорциональным [4].

Независимо от захватывающих и периодически возбуждаемых юридических дебатов некоторую пикантность придало решение ЕСПЧ по делу Гладкова и Анчугова против Российской Федерации [5].

Однако для России оно стало крайне неприятным: ведь речь шла о самой российской Конституции. ЕСПЧ определил, что конституционная норма о запрете осужденным заключенным голосовать на выборах нарушает Конвенцию.

Действительно, как следует из положений ст. 46 Конвенции, ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», правовые позиции Европейского суда, которые содержатся в окончательных постановлениях Суда,

принятых в отношении Российской Федерации, являются обязательными для судов [6].

В своем Постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П Конституционный Суд, в частности, вновь указал на обязательность для исполнения окончательных постановлений Европейского суда, принятых в отношении России, в том числе в части выплаты в случае необходимости соответствующей справедливой компенсации (п. 2.1) [7], и отметил, что такое Постановление является составной частью российской правовой системы (п. 2.2) и что Конституция РФ и Конвенция «основаны на одних и тех же базовых ценностях защиты прав и свобод человека и гражданина» (п. 4).

В указанном Постановлении Конституционный Суд разъяснил, что «Россия может в порядке исключения отступить от выполнения возлагаемых на нее обязательств, когда такое отступление является единственно возможным способом избежать нарушения Конституции Российской Федерации» (п. 2.2). Такое положение относится прежде всего не к самому международному договору, а к такому «обязательству, которое основано на истолковании, приданном соответствующей нормой уполномоченным межгосударственным органом в рамках рассмотрения конкретного дела» (п. 3).

Реакция законодателя последовала почти мгновенно. Правомочие Конституционного Суда на проверку через призму национальной Конституции исполнимости решений межгосударственных органов по защите прав и свобод человека (в том числе постановлений ЕСПЧ) было вскоре закреплено в Федеральном конституционном законе от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

В ряд статей указанного ФКЗ внесены положения о том, что Конституционный Суд вправе разрешать вопрос о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека относительно жалоб, поданных против РФ на основании ее международного договора.

Также законодателем выдержана логика Конституционного Суда, отраженная в вышеуказанном июльском Постановлении: конституционному контролю может подвергаться не текст международного договора, а истолкование такого договора, предложенное межгосударственным органом.

В последнее время в российской юридической общественности все чаще вспыхивает жаркая дискуссия о том, какие нормы имеют приоритет: Конституции или международных соглашений? Какие из них действуют в случае конфликта?

В этом аспекте Конституционный Суд однозначно высказался в вышеуказанном Постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П в пользу Конституции РФ. Приведенную в Постановлении аргументацию, основанную как на буквальном, так и на контекстном прочтении норм Основного Закона, можно дополнительно подкрепить ссылкой на ст. 22 «Особый порядок выражения согласия на обязательность для Российской Федерации международных договоров» Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»: «Если международный договор содержит правила, требующие из-

менения отдельных положений Конституции Российской Федерации, решение о согласии на его обязательность для Российской Федерации возможно в форме федерального закона только после внесения соответствующих поправок в Конституцию Российской Федерации или пересмотра ее положений в установленном порядке» [8].

Закрепление названного положения в специальном законе, посвященном международным договорам, позволяет утверждать, что приоритет конституционных положений, в том числе в части, касающейся прав человека, выражен достаточно явно и что конституционные положения в силу их закрепления в Конституции РФ имеют особо важное значение.

В связи с этим Российская Федерация вправе ссылаться на положения п. 1 ст. 46 «Венской конвенции о праве международных договоров», которое гласит, что «Государство не вправе ссылаться на то обстоятельство, что его согласие на обязательность для него договора было выражено в нарушении того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, как на основание недействительности его согласия, если только данное нарушение не было явным и не касалось нормы его внутреннего права особо важного значения» [9].

В апреле 2016 г. Конституционный Суд РФ еще раз подчеркнул верховенство Конституции РФ перед международным правом. В Постановлении от 19 апреля 2016 г. № 12-П [10] Конституционный Суд воспользовался правом на возражение Европейскому Суду, отметив, в частности, что Россия при ратификации Конвенции не давала согласия на возможное изменение ч. 3 ст. 32 Конституции РФ (п. 4.2), что ограничение избирательного права заключенного в системе российского законодательства осуществляется, по сути, не автоматически, а дифференцированно (п. 5.2). При этом КС РФ признал объективную необходимость деятельности Европейского суда, обратив внимание Суда и на наличие проблем, связанных с возможным отступлением от принципа subsidiarity (п. 4.4), высказал предложения, направленные на укрепление диалога между Судами, и др.

В настоящее время сформулированные Конституционным Судом подходы к реализации в российской правовой системе решений Европейского суда не только получили законодательное закрепление, но и отразили проблемы соотношения национального и международного права, а также механизмы конституционной оценки актов конвенционного контроля в качестве основания пересмотра судебных решений.

1. Подводя итог необходимо отметить, что присоединяясь к Европейской Конвенции, ее участники не договаривались о наделении Европейского суда безграничной властью (усмотрением) в толковании абстрактных норм Конвенции.

2. Если изменение обычного закона в соответствии с требованиями ЕСПЧ – задача относительно простая, хотя и не всегда приятная, то изменение конституции страны может оказаться затруднительным, а то и почти невозможным на практике. В этом случае для исполнения решения ЕСПЧ может использоваться механизм судебной интерпретации конституции.

3. Перед высшими судами стран-участниц стоит непростая задача истолкования национального законодательства, в том числе конституции, в соответствии с требованиями и практикой ЕСПЧ, но и не в ущерб национальным интересам. Блестящим примером такого рода является позиция Конституционного суда Германии в деле Гергюлю.

4. Принимая решения, не следующие из буквы Конвенции, без учета мнения властей и граждан стран-участниц, ЕСПЧ ставит в крайне затруднительное положение и правительства, и суды, и парламенты соответствующих стран. Представляется, что именно к этой категории относится вся серия решений Суда о правах заключенных на участие в выборах, от дела Херста до дела Анчугова-Гладкова. Для России этот вопрос стоит особенно остро, ведь спорное (с т.зр. ЕСПЧ) положение содержится в Конституции страны.

5. Что касается соотношения государственного суверенитета страны и ее международных обязательств в области прав человека, то представляется, что пределы суверенитета в этой области определяются обязанностями государства перед собственными гражданами, а международные соглашения лишь фиксируют такие ограничения.

6. В качестве практического процедурного шага по укреплению субсидиарной роли и дальнейшему повышению авторитета Европейского суда, возможно, следует взять на вооружение механизм консультаций, заложенный на уровне Европейского союза в Протоколе «о применении принципов субсидиарности и пропорциональности», утвержденном в Лиссабоне Заключительным актом № 2007/С 306/02 13 декабря 2007 г.

Список использованных источников:

1. Постановления Европейского суда по правам человека от 21 февраля 1975 года по делу «Голдер (Golder) против Соединенного Королевства» (жалоба N 4451/70). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57496> (дата обращения: 30.08.2017); § 60 Постановления Европейского суда по правам человека от 25 марта 1999 года по делу "Николова (Nikolova) против Болгарии" (жалоба N31195/96). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-58228> (дата обращения: 30.08.2017);

2. ЕСПЧ. v. Germany, N 74969/01, judgment of 26 February 2004;

3. ЕСПЧ. Hirst v. the United Kingdom (N 2), N 74025/01, Grand Chamber judgment of 6 October 2005;

4. Постановление ЕСПЧ от 22.03.2012 Дело «Константин Маркин (KonstantinMarkin) против Российской Федерации» (жалоба № 30078/06) По делу обжалуется отказ национальных властей в предоставлении трехлетнего отпуска по уходу за ребенком. По делу нарушены требования статьи 14 во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Бюллетень Европейского Суда по правам человека, 2012. № 6.;

5. Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 г. Дело «Анчугов и Гладков (AnchugovandGladkov) против Российской Федерации» (жалоба №№ 11157/04 и 15162/05) (Первая секция) // Постановления опубликован в Бюллетене Европейского Суда по правам человека. Российское издание. № 2/2014 г.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8, август, 2013

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П // Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации. 2015 г., № 6

8. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 17.07.1995. № 29. Ст. 2757.

9. Венская Конвенция о праве международных договоров (Заключена в Вене 23.05.1969) // Ведомости ВС СССР, 10.09.1986, № 37. Ст. 772.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 25.04.2016. № 17. Ст. 2480.

УДК 342.7:340.5

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ
ЧЕЛОВЕКА ОТ НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ СОВРЕМЕННЫХ
МЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ФРГ
И ФРАНЦИИ (С ЦЕЛЬЮ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)**

Д.С. Береговцова,

доцент кафедры теории и истории государства и права, Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, кандидат юридических наук, доцент

Ускоренное развитие современных медицинских технологий открывает практически неограниченные возможности перед современным человечеством. Однако прогресс медицины также связан с возникновением принципиально новых проблем прав человека, которые по-разному решаются в зарубежных странах. При этом законодательства одних стран обходят молчанием данные вопросы либо характеризуются их фрагментарным регулированием, а других – детальным закреплением особенностей применения достижений современной медицины применительно к человеку. Отметим, что государства, где различные аспекты применения к человеку современных медицинских технологий урегулированы достаточно детально, могут служить примером и для Республики Беларусь. Представляется, что к числу таких государств следует отнести ФРГ и Францию.

Так, в ФРГ действуют федеральные законы «О защите эмбриона» (1990 г.) [1], «Об обеспечении защиты эмбрионов в связи с ввозом и использованием человеческих эмбриональных стволовых клеток» (2002 г.) [2], «О генетических исследованиях на людях» (2009 г.) [3], «О донорстве, заборе и пересадке органов и тканей» (1997 г.) [4]. При этом, по нашему мнению, немецкий законодатель весьма строго придерживается принципа приоритета прав и свобод человека над интересами науки и общества, что отчетливо заметно даже при поверхностном анализе немецкого медицинского законодательства.

Федеральный закон «О защите эмбриона», действующий как дополнительный акт, содержащий уголовные санкции помимо уголовного кодекса: устанавливает ответственность на неправомерное применение репродуктивных технологий (в том числе, например, ответственность тех, кто обязуется в пределах цикла оплодотворить более трех яйцеклеток, а также обязуется подсадить более трех эмбрионов в матку женщины за одну подсадку); содержит запрет на выбор пола (за исключением возможности наследования заболеваний, сцепленных с полом); признает противоправным создание либо попытку создания эмбриона человека генетически идентичного другому эмбриону, плоду, живому или мертвому человеку; запрещает создание гибридов и химер (т.е. объединение эмбрионов с различной генетической информацией, из которых хотя бы один является человеческим, оплодотворение человеческой яйцеклетки семенем животного или оплодотворение яйцеклетки животных спермой человека), а также попытку пересадки подобного эмбриона в полость матки женщины либо животного либо

пересадка человеческого эмбриона животному. Закон также существенно ограничивает возможность проведения предимплантационной диагностики, устанавливая довольно жесткие условия ее осуществления. Кроме того, в нем дается определение понятию «эмбрион» [1, § 8].

Закон «Об обеспечении защиты эмбрионов в связи с ввозом и использованием человеческих эмбриональных стволовых клеток» (2002 г.) направлен на защиту эмбрионов в связи с импортом и использованием человеческих эмбриональных стволовых клеток. В соответствии с ним, в принципе, практически запрещены импорт и использование эмбриональных стволовых клеток. Однако законом также определены исключительные условия (исключения), в соответствии с которыми возможны такие импорт и использование.

Целью закона «О генетических исследованиях на людях» (2009 г.) (§ 1) является определение условий для генетических исследований и генетических анализов, проведенных в рамках генетических обследований, а также определения порядка использования генетических проб и данных человека и предотвращение дискриминации на основе генетических характеристик с целью защиты человеческого достоинства [3]. В параграфе 2 отмечено, что он применяется для определения порядка генетического исследования уже рожденных людей, эмбрионов и плодов во время беременности, в частности в медицинских целях, с целью установления происхождения, в страховой и трудовой сферах.

Закон ФРГ «О донорстве, заборе и пересадке органов и тканей» (Закон «О трансплантации») (1997 г.) [4], характеризуется тем, что: 1) распространяется на человеческие органы и ткани (за исключением крови и ее составных частей); 2) закрепляет условия забора органов при посмертном донорстве; 3) устанавливает порядок изъятия у погибшего внутриутробно эмбриона или плода органов и тканей и порядок получения согласия женщины на данную процедуру; 4) закрепляет порядок изъятия органов и тканей у живого донора; 5) определяет основные принципы сотрудничества при изъятии и пересадке органов и тканей.

Во Франции соответствующие нормы содержатся в ГК [5], УК [6], Кодексе общественного здравоохранения [7], Кодексе научных исследований [8], законе «О биоэтике» (2004 г.) [9]. Последним законом были внесены изменения в УК, ГК и Кодекс общественного здравоохранения. Характерно, что в соответствии с закрепившейся во Франции традицией многие кодексы делятся на законодательную (содержит законодательные нормы) и регламентарную (включает положения, принятые органами исполнительной власти) части. Особо сложной структурой отличается Кодекс общественного здравоохранения Франции, который включает названные законодательную и регламентарную части, каждая из которых делится в свою очередь на шесть частей, подразделяющихся на книги, разделы, главы (некоторые из которых делятся на отделы), статьи. При этом нормы, направленные на защиту прав человека от неблагоприятных последствий современных медицинских технологий, содержатся и в законодательной и в регламентарной частях. Так, в кодексе содержатся положения, посвященные вопросам применения к индивиду современных репродуктивных технологий, генетическим технологиям, биомедицинским исследованиям, трансплантации органов и тканей человека и т.д.

Так, например, генетическим технологиям посвящен один из разделов законодательной части кодекса «Исследование генетических характеристик, генетическая идентификация, генетический консультант» (законодательная часть, часть первая, книга первая, раздел III), а также раздел регламентарной части кодекса «Прогностическая медицина, генетическая идентификация и генетическое исследование» (регламентарная часть, часть первая, книга первая, раздел III). Также в Кодексе общественного здравоохранения есть положения, посвященные регулированию такой достаточно дискуссионной технологии, как клонирование.

ГК Франции, закрепляет основные принципы применения к человеку современных медицинских технологий в том числе [5]: 1) приоритет его прав и достоинства, уважения личности, человеческого тела (в том числе и после смерти), телесной неприкосновенности и соответственно то, что его составные части человеческого тела не могут быть предметом права собственности (ст.ст. 16, 16-1, 16-1-1); 2) необходимость соблюдения целостности человеческого тела и возможности отступления от данного правила лишь в случае медицинской необходимости для самого индивида или других лиц при условии согласия на медицинское вмешательство (ст. 16-3); 3) недопустимость любых евгенических мероприятий, а также запрет любого вмешательства, осуществляемого с целью выращивания ребенка генетически идентичного другому живому или мертвому лицу (т.е. клонирования), а также вмешательства в генетические структуры человека, которое может повлечь изменение генома его потомков (ст. 16-4); 4) запрет суррогатного материнства (ст. 16-7); 5) возможность проведения исследования генетических особенностей человека только в медицинских или научных целях на основании письменного согласия информированного лица (ст. 16-10), устанавливает основания идентификации лица по его ДНК (ст. 16-11), а также недопустимость дискриминации индивида по признаку его генетических характеристик (ст. 16-13).

УК Франции устанавливает уголовную ответственность за преступные злоупотребления достижениями современной медицины. Так, в частности гл. I «Преступления в области биомедицинской этики» раздела I «Преступления против здравоохранения» книги V УК Франции включает в свой состав такие отделы как отд. 1 «Защита человеческого вида», отд. 2 «Защита человеческого тела», отд. 3 «Защита человеческого эмбриона», отд. 4 «Другие положения и доп. меры наказания для физических и юридических лиц». Так, например, отд. 1 «Защита человеческого вида» устанавливает ответственность за злоупотребление отдельными генетическими технологиями, такими, например, как репродуктивное клонирование.

Кроме того, детальному правовому регулированию во французском законодательстве подвержены общественные отношения в области проведения биомедицинских исследований на людях. Помимо уже рассмотренных ранее положений Кодекса общественного здравоохранения, действует также Кодекс научных исследований [8].

Таким образом, проведенный в рамках настоящего исследования анализ основ национального правового регулирования (на примере ФРГ и Франции) позволил сделать вывод о необходимости внесения ряда изменений и дополнений в законодательство Республики Беларусь. Представляется, что в наибольшей

мере в законодательстве нашей страны регламентирован порядок применения к человеку современных репродуктивных технологий, а также технология трансплантации органов и тканей человека. Гораздо в меньшей степени урегулированным на законодательном уровне является порядок применения к индивиду современных генетических технологий, проведения биомедицинских исследований. Полагаем, что все обозначенные общественные отношения должны регулироваться самостоятельными законами либо (в случае кодификации в будущем законодательства о здравоохранении) самостоятельными разделами соответствующего кодекса.

Список использованных источников:

1. Gesetz zum Schutz von Embryonen [Elektronische Ressource] : Bundesgesetz (BRD), 1990 i. // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. – 2017. – Zugriffsmodus: <http://www.gesetze-im-internet.de/eschg/index.html>. – Datum des Zugriffs: 27.01.2017.

2. Gesetz zur Sicherstellung des Embryonenschutzes im Zusammenhang mit Einfuhr und Verwendung menschlicher embryonaler Stammzellen [Elektronische Ressource] : Bundesgesetz (BRD), 2002 i. // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. – 2017. – Zugriffsmodus: <http://www.gesetze-im-internet.de/stzg/BJNR227700002.html>. – Datum des Zugriffs: 27.01.2017.

3. Gesetz über genetische Untersuchungen bei Menschen (Gendiagnostikgesetz - GenDG) [Elektronische Ressource] : Bundesgesetz (BRD), 2009 i. // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. – 2017. – Zugriffsmodus: <http://www.gesetze-im-internet.de/gendg/BJNR252900009.html>. – Datum des Zugriffs: 27.01.2017.

4. Gesetz über die Spende, Entnahme und Übertragung von Organen und Geweben (Transplantationsgesetz) [Elektronische Ressource] : Bundesgesetz (BRD), 1997 i. // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. – 2017. – Zugriffsmodus: <https://www.gesetze-im-internet.de/tpg/BJNR263100997.html>. – Datum des Zugriffs: 27.01.2017.

5. Code civil [une ressource électronique] : Code, version consolidée au 10 août 2016 // [Legifrance.gouv.fr](http://www.legifrance.gouv.fr). – 2017. – Le mode d'accès: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070721>. – Date d'accès: 27.02.2017.

6. Code penal [une ressource électronique] : Code, version consolidée au 22 juillet 2016 // [Legifrance.gouv.fr](http://www.legifrance.gouv.fr). – 2017. – Le mode d'accès: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070719> – Date d'accès: 27.02.2017.

7. Code de la santé publique [une ressource électronique] : Code, version consolidée au 15 août 2016 // [Legifrance.gouv.fr](http://www.legifrance.gouv.fr). – 2017. – Le mode d'accès: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006072665>. – Date d'accès: 27.02.2017.

8. Code de la recherche [une ressource électronique] : Code, version consolidée au 22 janvier 2017 // [Legifrance.gouv.fr](http://www.legifrance.gouv.fr). – 2017. – Le mode d'accès: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006071190>. – Date d'accès: 27.02.2017.

9. Loi n°2004-800 du 6 août 2004 relative à la bioéthique [une ressource électronique]: Loi, version consolidée au 03 février 2017 // [Legifrance.gouv.fr](http://www.legifrance.gouv.fr). – 2017. – Le mode d'accès: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000441469>. – Date d'accès: 27.02.2017.

**К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
ПРЕБЫВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ ИНОСТРАНЦЕВ
В ПЕРИОД ПРИЗНАНИЯ ИХ БЕЖЕНЦАМИ**

Е.П. Бранцевич,

старший преподаватель кафедры истории государства и права, УО «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия»

В условиях развивающегося процесса глобализации люди становятся более мобильными: одни переезжают добровольно, другие стремятся избежать преследования в стране своего происхождения. Кроме того, рост числа беженцев вызывают и другие причины: войны, дискриминация, нетерпимость и прочее. Беларусь стала страной иммиграции и не может изолировать себя от современных миграционных тенденций – и это особенно актуально, принимая во внимание ряд обязательств, которые государство взяло на себя, подписав международные конвенции. В этой связи изучение обозначенной проблемы, представляется весьма актуальным как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что на данном этапе Республика Беларусь добилась определенных успехов в создании системы убежища, которая соответствует международным стандартам. Созданы правовые рамки для деятельности Департамента по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь – органа, который отвечает за вопросы беженцев. Реализуются программы, общественные инициативы, направленные на содействие беженцам.

Однако, несмотря на достижения, есть и нерешенные проблемы. Так, например, отсутствует централизованно управляемая процедура обеспечения жильем беженцев, испытывающих в этом крайнюю нужду. Помимо поиска жилья, получение регулярного и достаточного дохода является еще одним существенным препятствием для нахождения беженцами своего места в обществе и другие. Так в соответствии с законодательством, иностранцев, задержанных за незаконное пребывание в Республике Беларусь, содержат в специальных учреждениях органов внутренних дел отдельно от других иностранцев, задержанных органами внутренних дел за незаконное пребывание в Республике Беларусь или по другим основаниям.

В соответствии с законодательством Республики Беларусь, рассмотрение зарегистрированных ходатайств проводится органами внутренних дел. Если на начальной стадии рассмотрения ходатайства становится очевидным, что оно явно необоснованно или носит характер злоупотребления, проводится ускоренная процедура его рассмотрения и принятия по нему решения в соответствии с Законом Республики Беларусь "О беженцах". На период рассмотрения ходатайства по ускоренной процедуре иностранец содержится в специальном помещении пограничных войск или специальном учреждении органа внутренних дел.

В случае принятия Департаментом по гражданству и миграции решения о направлении дела в орган внутренних дел для проведения полной процедуры рассмотрения ходатайства, иностранец может быть освобожден из специального учреждения и на время рассмотрения ходатайства помещен в пункт временного поселения или он может самостоятельно поселиться на территории области (г. Минска) в семье гражданина Республики Беларусь или постоянно проживающего в Республике Беларусь иностранца. В этом случае требуется согласие всех совершеннолетних членов семьи лица, предоставляющего жилое помещение, на совместное проживание независимо от размера занимаемой жилой площади.

Иностранцы, задержанные пограничными войсками или органами внутренних дел и заявившими о намерении быть признанными беженцами, имеют право обратиться в Представительство Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев в Республике Беларусь.

Иностранцы, получившие свидетельства, регистрируются в органе внутренних дел сроком на шесть месяцев. В течение трех дней после вселения в жилое помещение на основании договора найма (поднайма) иностранец должен получить в органе внутренних дел по месту проживания разрешение на временное пребывание в Республике Беларусь на такой же срок. В случае продления Департаментом по гражданству и миграции срока рассмотрения ходатайства до одного года, орган внутренних дел продлевает иностранцу разрешение на временное пребывание в Республике Беларусь на срок продления рассмотрения ходатайства.

В период рассмотрения ходатайства до принятия решения о признании либо об отказе в признании беженцем иностранец должен пребывать на территории области (г. Минска), в которой расположен орган внутренних дел, зарегистрировавший его ходатайство, и являться в орган внутренних дел или в Департамент по гражданству и миграции по их вызову в назначенный срок.

На период рассмотрения ходатайств иностранцы имеют право на проживание в Республике Беларусь:

- по договору найма (поднайма) жилого помещения, заключенному с собственником либо нанимателем жилого помещения при наличии согласия всех совершеннолетних членов семьи лица, предоставляющего жилую площадь, независимо от размера занимаемой жилой площади. Плата за пользование жилым помещением по договорам найма (поднайма) производится иностранцем из собственных средств;

- по направлениям органа внутренних дел в жилых помещениях из числа определяемых местными исполнительными и распорядительными органами для проживания иностранцев, ходатайствующих о признании беженцами, или в жилых помещениях, принадлежащих организациям, с которыми органы внутренних дел заключили договоры на вселение иностранцев, обратившихся с ходатайствами, или в пунктах временного поселения.

Иностранец, ходатайство которого зарегистрировано, не имеющий возможности самостоятельно поселиться на время рассмотрения ходатайства, должен обратиться в орган внутренних дел с соответствующим заявлением. В слу-

чае принятия положительного решения по заявлению орган внутренних дел выдает иностранцу и прибывшим с ним членам его семьи направление на поселение в жилое помещение из числа определяемых местными исполнительными и распорядительными органами для проживания иностранцев, ходатайствующих о признании беженцами, или в пункт временного поселения.

В этом случае, если иностранец и члены его семьи не имеют средств для оплаты проживания, они могут обратиться с заявлением в орган внутренних дел с просьбой об оказании им денежной помощи. При удовлетворительном решении орган внутренних дел производит оплату за пользование жилым помещением в порядке и размерах, установленных Советом Министров Республики Беларусь.

В период рассмотрения ходатайства иностранец, а также прибывшие с ним члены его семьи имеют право заниматься трудовой или предпринимательской деятельностью в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь.

Правовой статус беженца иностранец приобретает со дня принятия Департаментом по гражданству и миграции решения о признании его беженцем.

Дети, родившиеся в семьях беженцев на территории Республики Беларусь, по заявлениям родителей также признаются беженцами.

За нарушение правил пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь, связанных с получением разрешения на постоянное жительство и вида на жительство, беженец может быть привлечен к административной ответственности за нарушение правил пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь.

По получении вида на жительство иностранного гражданина и лица без гражданства в Республике Беларусь беженец имеет право получить в органах внутренних дел проездной документ установленного образца, выдаваемый иностранцам, признанным беженцами в Республике Беларусь, для выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь.

Выезд из Республики Беларусь и въезд в Республику Беларусь беженца и членов его семьи, имеющих проездные документы, осуществляется в порядке, установленном для выезда (въезда) иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих в Республике Беларусь.

Беженец и члены его семьи в назначенный срок обязаны проходить ежегодную перерегистрацию в органе внутренних дел, в котором они зарегистрированы.

Об изменении фамилии, имени, семейного положения, состава семьи, приобретении гражданства другого государства беженец обязан в семидневный срок уведомить орган внутренних дел для внесения при необходимости изменений в его документы. В случае перемены места жительства беженец и члены его семьи обязаны сняться с учета в органе внутренних дел. В течение трех рабочих дней после прибытия на новое место жительства они должны стать на учет и зарегистрироваться в органе внутренних дел. В интересах несовершеннолетнего беженца, прибывшего в Республику Беларусь без сопровождения родителей или иных законных представителей, снятие его с учета и постановку на учет осуществляет опекун либо попечитель данного беженца.

Права и обязанности беженца регламентированы статьями 31-32 Закона «О беженцах». В соответствии с законодательством они имеют все социально – экономические права наравне с гражданами Республики Беларусь. При ущемлении прав беженцев на труд, получение образования, медицинскую помощь, социальную защиту, приобретение имущества, участие в программах интеграции и других социально-экономических прав решения и действия (бездействие) соответствующих органов государственного управления и должностных лиц могут быть также обжалованы в вышестоящий орган и (или) суд.

В политических правах беженцы ограничены согласно статьям 16-18 Закона Республики Беларусь «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь». Беженцы не могут избирать и быть избранными в выборные государственные органы Республики Беларусь, а также принимать участие в референдумах; не могут занимать должности, назначение на которые в соответствии с законодательством связано с принадлежностью к гражданству Республики Беларусь. Беженцы в Республике Беларусь не исполняют всеобщей воинской обязанности.

Таким образом, права иностранца, обратившегося с ходатайством о признании беженцем, и беженца могут быть ограничены только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц.

Список использованных источников:

1. Закон Республики Беларусь от 04.01.2010 № 105-3 (в ред. от 20.07.2016) «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь»// Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] /ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Закон Республики Беларусь от 20.12.2010 № 225-3 (в ред. от 05.01.2016) «О внешней трудовой миграции»// Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] /ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Г.А. Василевич,

заведующий кафедрой конституционного права, Белорусский государственный университет, доктор юридических наук, профессор

В современных развитых государствах все большее распространение получают информационные технологии. Они пронизывают основные сферы общественной жизни. Высказываются обоснованные суждения о том, что технологии приведут к исчезновению ряда профессий, в том числе некоторых юридических специальностей. Однако полагаем, что речь можно вести не столько о полном упразднении, сколько о перспективах существенного изменения рынка юридических услуг, упрощении коммуникации между государством и гражданами, иными субъектами правовых отношений. Эти технологии способны оказать позитивное влияние на повышение эффективности нормотворческого процесса. Для возможного скептически настроенного читателя этой статьи заметим, что в данном случае наша цель уйти от рутины и несколько пофантазировать. Но может быть эти «фантазии» в той или иной мере осуществляются. Причем нами не отвергается роль человека, его способность оценить многие нюансы, чего не может пока сделать искусственный интеллект.

Процесс нормотворческой деятельности остается динамичным. Все более возрастает число принимаемых актов законодательства как республиканского, так и местного уровня. Сомневаемся, что удачными могут быть законы или иные акты, которые будут готовиться по заранее подготовленной общей программе с использованием технологий без учета особенностей отрасли, территории (области, района и т.п.). Однако подготовку проекта типового решения местного Совета депутатов или местного исполнительного и распорядительного органа соответствующего уровня, который должен быть предметом обсуждения на их заседании, в перспективе вполне допустим. Скептикам сразу напомним: много ли было людей еще лет двадцать назад, кто предполагал те масштабы проникновения в нашу жизнь Интернета, которые мы имеем сейчас? Или насколько облегчена жизнь и работа юриста благодаря созданным электронным базам нормативных правовых актов, правоприменительной практики. Даже не столько важно, как будет облегчена работа разработчиков проектов, сколько времени будет сэкономлено на другую полезную работу. Большой упор в нынешних условиях и на перспективу должен быть сделан на прогнозировании последствий действия принятых нормативных правовых актов. Вот здесь должен быть симбиоз усилий специалистов в области права, экономики, социологии, социальной и индивидуальной психологии, а также айтишников. Надо создавать соответствующие программы для расчета возможных вариантов развития событий после введения в действие акта законодательства. Возможно, помощь «машины» в этом деле

даст позитивный результат и наше законодательство станет более стабильным без непредсказуемых последствий. По существу, такого рода программы могли бы выступать и в роли оппонентов (своего рода «детектора лжи») для субъектов, инициирующих проекты: обычно приводится много аргументов в пользу того, что новые изменения в закон или иной акт улучшат ситуацию, однако по прошествии непродолжительного времени оказывается, что надо опять вносить очередные изменения. Мягко говоря, начинают с известного марша Мендельсона, а заканчивают маршем Шопена.

Например, по состоянию к середине 2017 года в Республике Беларусь принято более 2600 законов, 350 декретов, 5700 указов. Всего принято более 135 тысяч актов законодательства. На первый взгляд, можно сделать вывод, что такое обилие актов законодательства – дело хорошее: все проблемы решены. Однако сложившийся порядок подготовки проектов актов, их обсуждения, введения в действие, особенно многочисленные последующие корректировки сами за себя говорят о серьезных проблемах в нормотворческой деятельности. Насколько «стабильно» законодательство, видно на примере постоянного «совершенствования» актов законодательства: в Гражданский процессуальный кодекс за время его действия вносились изменения примерно 40 законами, в Кодекс об административных правонарушениях – 75 законами, Уголовный кодекс – 70 законами, Уголовно-процессуальный кодекс – 50 законами. Не отличаются стабильностью и некоторые обыкновенные законы. Может «стабильность» не нужна? Конечно, нельзя консервировать ситуацию, но перманентные правки законодательства вносят нервозность в работу организаций, граждан, лишают их возможности планировать свою деятельность.

Особенно полезно было бы внедрить использование технологий при разработке программ или концепций. Так, давно назрела необходимость обновления Концепции совершенствования национального законодательства. Ранее утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 10.04.2002 N 205 Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь себя уже исчерпала даже с точки зрения временного отрезка, на который она была рассчитана. Аналогично считаем важным сделать масштабной, с использованием технологий подготовку и оценку программного закона «Об основных направлениях внутренней и внешней политики».

Информационные технологии должны быть поставлены на службу субъектов, обладающих правом нормотворческой инициативы, органов, принимающих нормативные правовые акты, для проведения экономической и иной оценки права. Часто при обосновании принятия акта эти расчеты не точны, да и их учет не налажен должным образом. Кроме экономической оценки правовых норм, полезно проводить и их иную – социальную, оценку: как может повлиять нормативный правовой акт на психологический климат в обществе, в деловой среде. В советское время часто обращалось внимание на то, что после победы футбольной команды вырастала производительность труда. Так, хороший или плохой закон не влияет ли сокращение или увеличение аварий, смертей, травматизма на дороге, производстве, конфликтов в семье, в быту и т.п.? Это только на

первый взгляд может показаться, что законодательство само по себе, а эмоции, настроение людей, их ощущение счастья – это что-то исключительно личное, не подверженное масштабному влиянию.

Нам полезно было бы предусмотреть право граждан на сбор подписей для реализации права законодательной (нормотворческой инициативы) посредством использования Интернет-ресурса. Это же касается и участия граждан в обсуждении опубликованных для обсуждения проектов актов, выражения недоверия депутату или оценке деятельности должностного лица местного уровня.

Более пятнадцати лет назад автор высказал идею о том, что в перспективе некоторые дела в судах можно будет рассматривать с использованием ИКТ. Не исключаем такой возможности уже в самое ближайшее будущее для административных дел о нарушении правил дорожного движения. Эта сфера наиболее формализованная. Здесь в наибольшей степени удастся сделать суд компетентным, независимым и беспристрастным.

Конечно, инновации в праве также должны быть хорошо «просчитаны», как и в экономике. Они успешны, когда выбрано удачное время, есть относительно него общественное согласие, научное обеспечение. Это в статье можно поимпровизировать, но предложение любого автора требует научного подкрепления, при необходимости проведения эксперимента (хотя в масштабах какого-то региона), обращение к зарубежному опыту.

Из двух типов возникновения инноваций, в том числе в праве, выделяемых в литературе – острого и инкубационного, нельзя сказать, что у нас стоит проблема с их внедрением. Но растягивать инкубационный период на многие годы, даже десятилетие, также не допустимо. Уже сейчас все больше люди полагаются на Интернет, как на основной источник информации, для разрешения своих юридических проблем. Юридические кампании осваивают предоставление стандартной документации, уставов компаний, судебных прецедентов, мнений юристов. Пользователи получают больше возможностей для подготовки нужных им юридических документов, давая ответы на стандартные вопросы. Услугами таких юридических кампаний могут воспользоваться депутаты, структуры коллегиальных представительных органов и др. Отставание в данной сфере грозит застоем, консервированием ситуации. Поэтому недавнее обращение Главы государства к проблеме дальнейшего совершенствования деятельности информационных кампаний, включая парк высоких технологий, подтверждает актуальность данного вопроса.

ОСОБЕННОСТИ ДЕНОНСАЦИИ ДОГОВОРОВ, УЧРЕЖДАЮЩИХ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

В.А. Ващенко,

*аспирант кафедры международного права и международных отношений,
Национальный университет «Одесская юридическая академия»*

Устав международной организации, в отличие от обычного многостороннего договора, не только устанавливает определенные права и обязанности, но и предусматривает учреждение определенной организации, создание ее органов, регламентирует их полномочия, порядок взаимодействия между ними, а также ряд организационных вопросов, в частности, административные, финансовые, правовой статус персонала и т.д.

В ст. 5 Венской конвенция 1969 г. закреплено правило, согласно которому ее действие распространяется на договоры, в соответствии с которыми учреждаются международные организации, а также на договоры, заключенные в рамках международных организаций, без ущерба для соответствующих целей данной организации [1].

Существуют следующие критерии правомерности выхода государства из международной организации:

1) уведомление компетентного органа или должностного лица международной организации о предполагаемом выходе;

Данное условие содержится во всех уставах международных организаций, в которых содержатся положения о выходе. Такое уведомление может привести к мгновенному прекращению членства государства в данной организации, например, ст. XXIV (Раздел I, п. А) Соглашения о Международном валютном фонде гласит: «Любой участник может в любой момент прекратить свое участие в Департаменте специальных прав заимствования, направив Фонду в его штаб-квартиру, письменное уведомление. Участие прекращается со дня поступления указанного уведомления».

2) срок вступления в силу уведомления о выходе;

Данный срок устанавливается для оптимизации деятельности организации в связи с сократившимся кругом участников. На протяжении этого срока происходит пересмотр бюджета, перераспределение обязательств, внесение соответствующих изменений в программы деятельности. Наиболее часто встречается срок в один год, например, в уставах таких организаций, как: ФАО (ст. XIX) [2], Всемирного почтового союза (ст. 12, п. 2). Устав Международной организации труда в п. 5 ст. 1 предусматривает двухгодичный срок вступления в силу уведомления о выходе.

3) срок, во время которого нельзя подавать уведомление о выходе;

Такой срок устанавливается для налаживания механизма работы, а также развития отношений государств в рамках международной организации. Напри-

мер, устав МАГАТЭ устанавливает срок в 5 лет (ст. XVIII, п. D) [3]; ст. 13 Метрической конвенции предусматривает срок в 12 лет; ст. 13 Североатлантического договора предполагает аналогичный срок в 20 лет.

4) выполнение всех обязательств, которые государство взяло на себя, будучи членом международной организации;

В основном, это касается финансовых обязательств, например, в п. 5 ст. I устава Международной организации труда содержится положение о том, что «уведомление входит в силу ... при условии выполнения членом всех финансовых обязательств, вытекающих из его членства». В Регламенте, принятом в дополнение к Метрической конвенции, устанавливается, что государство, за которыми имеется задолженность за три года, через следующие три года исключается из круга участников.

Встречаются также учредительные документы, не содержащие таких положений. Среди наиболее известных можно отметить Устав ООН, Устав Всемирной организации здравоохранения.

В процессе разработки Устава ООН на конференции в Сан-Франциско в 1945 г. Комитет Комиссии I «решил воздержаться от рекомендации включить в Устав постановление, специально воспрещающее или разрешающее выход из Организации» [4]. Отмечалось, что в цели Организации не входит принуждение государства продолжать сотрудничество с Организацией, если в силу исключительных обстоятельств или в случае несогласия с поправкой к Уставу, оно будет вынуждено выйти из Организации.

В ходе учредительной конференции Всемирной организации здравоохранения было решено государства правом выхода лишь в случае, если оно несогласно с поправками, внесенными в устав. В доктрине наблюдается разделение мнений на этот счет: некоторые авторы считают выход возможным только в силу исключительных обстоятельств; другие считают, что членство в международной организации универсального характера должно быть обязательным без возможности прекратить участие. Впрочем, ничто не мешает государству сделать соответствующую оговорку при вступлении в определенную международную организацию, как это сделали США, вступая во Всемирную организацию здравоохранения.

Хотя в практике такие случаи имели место, однако все они не были урегулированы юридически, поскольку государства в итоге возвращались в ряды участников. Уставы таких организаций, как ООН, ВОЗ, ЮНЕСКО (в определенный период ее деятельности), не содержат положений о выходе. На практике дело ограничивается признанием выходящего участника «неактивным членом».

Несмотря на то, что учредительные документы международных организаций являются более сложными конструкциями, чем обычные международные договоры, правовые отношения, связанные с выходом из них, денонсацией их уставов, по своей сути мало чем отличаются от многосторонних договоров, и так же регулируются статьями Венской конвенции. В частности, статья 5 распространяет действие Конвенции на уставы международных организаций таким образом, чтобы не создавать ущерб для них. В случае, если положения о вы-

ходе отсутствуют, необходимо руководствоваться статьей 56 Венской конвенции, которая говорит о подразумеваемом праве на денонсацию международного договора.

Список использованных источников:

1. Венская конвенция о праве международных договоров от 23.06.1969 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml.

2. Устав Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН от 16.10.1945. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/995_c17.

3. Устав Международного агентства по атомной энергии от 26.10.1956 по состоянию на 28 декабря 1989 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/bylaws/iaea_statute.pdf.

4. Устав ООН від 26.06.1945. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/charter/>.

**УЧАСТИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
В РАЗРАБОТКЕ И ПРИНЯТИИ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ДОГОВОРОВ
В СФЕРЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА**

О.В. Гришкевич,

старший научный сотрудник отдела исследований в области государственного строительства и международного права, Институт правовых исследований, Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

В рамках международных межправительственных конференций и организаций, «обладающих нормотворческой функцией» (например, Организация Объединенных Наций, Международная организация труда, ЮНЕСКО, Совет Европы, Содружество Независимых Государств, Африканский союз, Организация американских государств и др.), осуществляется официальная кодификация [1, с. 24]. В целом кодификация определяется как «форма систематизации права, осуществляемая путем его всесторонней переработки, в том числе исключения устаревших, на практике не применяемых норм, устранения внутренних противоречий, очевидных пробелов, и имеющая своим результатом создание системно взаимосвязанного сводного правового акта, более качественного, прогрессивного» [2, с. 100].

Большинство важнейших международных соглашений по защите прав и свобод человека разработано в рамках ООН и ее специализированных учреждений [3, с. 192].

ООН как универсальная международная организация преследует в том числе цель осуществлять международное сотрудничество «в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии» (п. 3 ст. 1 Устава ООН). В свою очередь, Генеральная Ассамблея ООН организует исследования и делает рекомендации также в целях поощрения прогрессивного развития международного права и его кодификации, содействия осуществлению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии (п. 1 ст. 13 Устава). При этом «прогрессивное развитие международного права» употребляется в смысле «подготовки проектов конвенций по тем вопросам, которые еще не регулируются международным правом или по которым право еще недостаточно развито в практике государств»; выражение «кодификация международного права» употребляется в смысле «более точного формулирования и систематизации норм международного права в тех областях, в которых уже имеются обширная государственная практика, прецеденты и доктрины» (ст. 15 Положения о Комиссии международного права ООН) [4].

В контексте соотношения понятий кодификации и прогрессивного развития отмечается, что «эти два понятия близки по своему юридическому содержанию, а в плане правоосуществления – нераздельны. Кодификация (в позитивном

и широком ее понимании) неизбежно сопровождается прогрессивным развитием права и обозначает себя в двуедином качестве: первое – в параметрах констатации (подтверждения) существующего права, причем в упорядоченном его состоянии; второе – в аспекте выработки новых, более прогрессивных правовых норм» [2, с. 101].

По способу разработки многосторонних договоров с участием межправительственных организаций различают договоры, принятые в рамках международной организации, и договоры, принятые под эгидой международной организации. В первом случае подготовка и принятие окончательного текста договора полностью осуществляется в рамках международной организации, а во втором имеет место и в ее органах, и на специально созванной международной конференции [1, с. 47; 5, с. 79]. Соответствующие органы международных организаций «традиционно разделяются на постоянно действующие и временные, создаваемые для осуществления конкретной задачи по кодификации и подготовке проектов статей или конвенций» [5, с. 82].

В процессе создания норм международная организация может выступать в различных ролях, в частности: выступить с инициативой о заключении межгосударственного договора; выступить автором проекта текста договора; созвать дипломатическую конференцию государств с целью согласования текста договора; сыграть роль такой конференции, осуществляя согласование текста договора и его утверждение в своем межправительственном органе; после заключения договора выполнять функции депозитария; пользоваться определенными полномочиями в области интерпретации или пересмотра договора [6, с. 247].

Заключительная же стадия правотворческого процесса – «придание согласованным нормам обязательной силы межгосударственного договора» – может стать только результатом явно выраженной воли заинтересованных государств [1, с. 48–49; 5, с. 80]. Как подчеркивается в научной литературе, международные организации не обладают «законодательными» полномочиями, что означает, что «любая норма, содержащаяся в принятых международной организацией рекомендациях, правилах и проектах договоров, должна быть признана государством, во-первых, как международно-правовая норма, во-вторых, как норма, обязательная для данного государства» [1, с. 28; 6, с. 245].

Согласие государства на обязательность для него договора может быть выражено подписанием договора, обменом документами, образующими договор, ратификацией договора, его принятием, утверждением, присоединением к нему или любым другим способом, о котором условились (ст. 11 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.).

В целях содействия прогрессивному развитию международного права и его кодификации в рамках ООН создана Комиссия международного права (п. 1 ст. 1 Положения о Комиссии международного права), которая осуществляет преимущественно кодификацию «норм общего международного права, регулирующих отдельные институты и отрасли международного права» [1, с. 64]; проекты международных договоров по специальным вопросам разрабатываются вспомогательными органами ООН постоянного и временного характера, напри-

мер, Советом по правам человека, специальными комитетами, созданными для разработки конкретных конвенций [7, с. 19].

Республика Беларусь участвует в кодификационной деятельности Комиссии международного права в следующих формах: участие в обсуждении тем, включенных в доклады Комиссии, на заседаниях Шестого комитета Генеральной Ассамблеи ООН; участие в голосовании при принятии проекта статей или итогового документа Комиссии в иной форме и придании ему определенного правового статуса; участие в международных конференциях, созываемых Генеральной Ассамблеей ООН для доработки и принятия проектов конвенций, разработанных Комиссией; ратификация конвенций, проекты которых были подготовлены Комиссией [1, с. 68–69].

Что касается Международного билля о правах человека и основных договоров в области прав человека, то Республика Беларусь ратифицировала Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г., Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. и Факультативный протокол к нему от 16 декабря 1966 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г., Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г. и Факультативный протокол к данной Конвенции от 6 октября 1999 г., Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г., Конвенцию о правах ребенка от 20 ноября 1989 г., Конвенцию о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г.; а также присоединилась к Факультативному протоколу к Конвенции о правах ребенка, касающемуся участия детей в вооруженных конфликтах, от 25 мая 2000 г., Факультативному протоколу к Конвенции о правах ребенка, касающемуся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, от 25 мая 2000 г. [8].

Относительно договоров по отдельным категориям прав человека отметим, например, что Республика Беларусь активно участвовала «в формировании нормативно-правовой базы института международной защиты прав женщин»; по ее инициативе «в универсальных соглашениях по правам человека и специальных конвенциях, регламентирующих права женщин, нашли закрепление такие социально-экономические и политические права, как право на труд, отдых, образование, социальное обеспечение, участие в управлении государством». Также Республика Беларусь ратифицировала большинство международных соглашений, направленных на противодействие торговле людьми, принимает активное участие в их разработке, выступая с инициативами принятия резолюций в уставных органах ООН и их комиссиях [1, с. 279–280, 384].

Таким образом, были исследованы соответствующая терминология, отдельные содержательные и процедурные аспекты международного правотворческого процесса, а также практика участия Республики Беларусь в разработке и принятии международных договорных норм на универсальном уровне. Участие в универсальных договорах по правам человека, разрабатываемых в рамках или под эгидой международных межправительственных организаций, обуслов-

лено в том числе такими «нормативными характеристиками», как правовая основа взаимодействия, статус соответствующего государства по отношению к данной организации, специфика договорной правоспособности организации (ее содержательной и процедурной составляющих) и специфика конкретного договора, а также «волевыми характеристиками» (заинтересованность, целесообразность и т.п.). При этом основное назначение состоит не в максимально широком номинальном участии, а в действительно продуктивном сотрудничестве с целью обеспечения и защиты всего спектра прав человека.

Список использованных источников:

1. Участие Республики Беларусь в кодификации и прогрессивном развитии международного права / Барковский И. А. [и др.] ; под ред. Ю. А. Лепешкова. – Минск : Бизнесофсет, 2011. – 481 с.

2. Вылегжанин, А. Н. Источники международного права / А. Н. Вылегжанин, П. В. Саваськов // Международное право : учеб. / отв. ред. А. Н. Вылегжанин. – М., 2009. – Гл. 3. – С. 85–104.

3. Мелков, Г. М. Права человека и международное право / Г. М. Мелков, Г. Ю. Федосеева // Международное публичное право : учеб. / под ред. К. А. Бекашева. – М., 1998. – Гл. VIII. – С. 181–213.

4. Положение о Комиссии международного права [Электронный ресурс] : [принято 21.11.1947 г. : с изм. и доп. от 18.11.1981 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.

5. Барковский, И. А. Право международных организаций и международных конференций / И. А. Барковский [и др.] // Международное публичное право. Особен. ч. : учеб. пособие / Ю. П. Бровка [и др.] ; под ред. Ю. П. Бровки, Ю. А. Лепешкова, Л. В. Павловой. – Минск, 2011. – Гл. 2. – С. 62–112.

6. Бекашев, К. А. Право международных организаций / К. А. Бекашев // Международное публичное право : учеб. / под ред. К. А. Бекашева. – М., 1998. – Гл. X. – С. 237–316.

7. Павлова, Л. В. Право международных договоров / Л. В. Павлова // Международное публичное право. Особен. ч. : учеб. пособие / Ю. П. Бровка [и др.] ; под ред. Ю. П. Бровки, Ю. А. Лепешкова, Л. В. Павловой. – Минск, 2011. – Гл. 1. – С. 9–61.

8. Multilateral Treaties Deposited with the Secretary-General. Status of Treaties. Chapter IV: Human Rights [Electronic resource] // United Nations Treaty Collection. – Mode of access: https://treaties.un.org/Pages/Treaties.aspx?id=4&subid=A&clang=_en. – Date of access: 01.09.2017.

УДК 342.57 (342.573)

РЕФЕРЕНДУМ КАК ФОРМА НЕПОСРЕДСТВЕННОГО УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Е. П. Гуйда,

*старший научный сотрудник, Национальный центра законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь*

Развитие современного конституционного права невозможно в настоящее время представить без института референдума, прочно занявшего свое место среди других государственно-правовых институтов.

В соответствии со ст. 3 Конституции Республики Беларусь «народ осуществляет свою власть непосредственно, через представительные и иные органы в формах и пределах, определенной Конституцией» [1].

Одной из важнейших форм непосредственной демократии составляет участие народа в законодательной деятельности, т.е. непосредственное участие в создании законов. Это выражается не только в законодательной инициативе, общественном (публичном) обсуждении проектов нормативных правовых актов, но и в принятии законов посредством референдума.

Как отмечается в научных исследованиях, к настоящему времени практически все европейские страны прошли через процедуру проведения референдумов в той или иной форме. Существует показатель интенсивности проведения референдумов. В 1980-х средний показатель референдумов, проведенных в каждой европейской стране, составлял 0,18 в год, в 1990-х это число увеличилось до 0,39 в год, в 2000-х этот показатель составил 0,27.

Абсолютное большинство референдумов (на уровне общенациональных референдумов) в последние 30 лет было связано с вопросами о разграничении полномочий между уровнями власти. Как отмечают некоторые исследователи, большинство референдумов инициируется властью и приводит к благоприятным для нее последствиям: а) для Центральной и Восточной Европы этот показатель составляет 55%; б) для Западной Европы – 35% [2].

Практика проведения референдумов в зарубежных странах в последнее десятилетие показывает, что референдум может проводиться по различным вопросам: референдум в Греции (июль, 2015 г.) об отношении к программе иностранной помощи; референдум в Шотландии (сентябрь, 2014 г.) по вопросу о независимости; референдум в Великобритании (май, 2011 г.) по вопросу об изменении избирательной системы; референдум в Литве (октябрь, 2012 г.) по вопросу строительства новой атомной электростанции; референдум о статусе Крыма (март, 2014 г.).

Очевидно, что доминирующими темами референдумов стали вопросы конституционного развития. В последнее время в ряде зарубежных стран проведены референдумы по изменению конституций: Армения (декабрь, 2015 г.), Азербайджан (сентябрь, 2016 г.), Турция (апрель, 2017 г.).

В доктрине конституционного права можно выявить множество проблемных, дискуссионных вопросов относительно правовой природы референдума, его значения и функций, механизмов реализации и применения на практике. Много спорных вопросов возникает при толковании понятия «референдум», классификации референдумов, приводимых учеными-юристами.

Наиболее важное положение, на котором хотелось бы остановиться, – это раскрыть понятие «референдум». В юридической литературе под референдумом понимается принятие того или иного государственного решения, придающего ему окончательный и обязательный характер.

Анализ взглядов ученых-государствоведов советского периода на содержание понятия референдума позволяет разделить их на три группы. Первую группу образуют сторонники определения референдума как всенародного голосования по законопроекту (В.Т. Кабышев, В.В. Маклаков, С.В. Троицкий). Вряд ли данная позиция может быть поддержана. Авторы ограничиваются исследованием только общегосударственного уровня реализации данного института, не затрагивая местный уровень; игнорируется возможность использования референдума для консультаций и выяснения позиции граждан по важнейшим вопросам общественной жизни. Вторая группа ученых, характерным представителем которой выступает В.Ф. Коток, сводит определение референдума к утверждению того или иного проекта государственного решения, придающему ему окончательный характер. Данное определение включает в себя возможность принятия различных решений, подчеркивает его значимость по сравнению с иными решениями, принимаемыми органами государственной власти. Представителей указанных позиций объединяет то, что они ограничивают значение референдума нормотворческой деятельностью, однако практика показывает, что оно может быть шире. Третья группа ученых (Г.В. Барабашев, Б. Спасов) рассматривает референдум не только в качестве средства принятия законопроектов, но и как способ решения конкретного государственного вопроса, различных вопросов общественной жизни (в т.ч. и на местном уровне), как способ выявления и выражения воли избирателей.

В современной юридической литературе отмечается, что «референдум – это высшая форма непосредственной демократии, содержанием которой является волеизъявление установленного законом числа граждан по любому общественно значимому вопросу, кроме тех, которые не могут по закону быть вынесены на референдум, обязательное для исполнения» [3, с. 170].

По мнению некоторых ученых (М.И. Амара, И.А. Старостина), в понятийном смысле референдум – это: 1) прямое осуществление публичной власти ее носителями посредством реализации права граждан на участие в референдуме, в результате чего принимается императивное публично-властное решение; 2) форма прямой демократии, обеспечивающая принятие или отклонение публично-властного решения путем голосования [4].

В научном исследовании Г.В. Синцов определяет референдум как одну из форм непосредственной демократии, содержанием которой является прямое волеизъявление установленного законом числа граждан на установленной законом

территории по конкретным общественно значимым вопросам, кроме тех, которые по закону не могут быть вынесены на референдум, обязательно выясняемое в предусмотренном законом случае либо назначаемое по инициативе соответствующего уполномоченного субъекта-инициатора, имеющее высшую юридическую силу и обязательное для исполнения органами, организациями и гражданами либо носящее консультативный характер [5, с. 23].

В данном определении отражены все конституционно-правовые признаки, позволяющие охарактеризовать конкретную теоретически возможную ситуацию проведения референдума в какой-либо стране. Из содержания приведенного определения референдума можно сделать вывод, что на голосование граждан потенциально может быть вынесен любой общественно важный вопрос. Однако необходимо отметить, что возможности принятия гражданами публично-властных решений на референдуме всегда ограничиваются совокупностью норм конституционного права, составляющих институт референдума.

В Избирательном кодексе Республики Беларусь (ст. 111) (далее – ИК) референдум определяется как способ принятия гражданами решений по важнейшим вопросам государственной и общественной жизни [6]. В законодательстве ряда зарубежных стран содержание референдума является различным. Например, Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. «О референдуме Российской Федерации» определяет референдум «как всенародное голосование граждан, обладающих правом на участие в референдуме, по вопросам государственного значения» [7]. В Законе Республики Армения от 9 октября 2001 г. «О референдуме» референдум является непосредственным участием народа в осуществлении власти посредством принятия Конституции или внесения в нее изменений, принятия законов, а также выявления общественного мнения по важнейшим вопросам государственной жизни [8]. В этой связи было бы корректнее указать в ст. 111 ИК, что референдум является способом принятия гражданами Республики Беларусь законов, а также иных решений по важнейшим вопросам государственной и общественной жизни. Такое определение в большей мере отвечает тому, что на практике решения референдума могут иметь как нормативный, так и ненормативный характер, а также непосредственно было бы закреплено право граждан на принятие законов посредством референдума.

В законодательстве зарубежных государств, где предусматривается возможность проведения референдума, обычно устанавливаются пределы его допустимого использования. На голосование избирателей не могут выноситься вопросы чрезвычайного или безотлагательного характера, требующие специальных знаний, а также такие, ответ на которые известен заранее (например, о снижении налогов, повышении заработной платы и т.д.). Не могут выноситься на референдум вопросы бюджета, амнистии, кадровые вопросы, вопросы о мерах по обеспечению общественного порядка, здоровья и безопасности населения. Например, в Конституционном законе Кыргызской Республики от 31 октября 2016 г. «О референдуме Кыргызской Республики» (ст. 8) определены вопросы, не выносимые на референдум: войны и мира; досрочного прекращения или про-

дления срока полномочий Президента, депутатов Жогорку Кенеша; введения, изменения и отмены налогов и сборов, а также освобождения от их уплаты; о тарифах; введения военного или чрезвычайного положения; принятия и изменения республиканского бюджета; амнистии и помилования и др. [9].

В ст. 112 ИК содержится довольно широкий перечень вопросов, которые не могут быть предметом референдума. Тем самым законодатель признает, что есть круг проблем, на которые не может распространяться власть народа. На референдум не выносятся вопросы, которые могут вызвать нарушение территориальной целостности Республики Беларусь; связанные с избранием и освобождением Президента Республики Беларусь, назначением (избранием, освобождением) должностных лиц, назначение (избрание, освобождение) которых относится к компетенции Президента Республики Беларусь и палат Национального собрания Республики Беларусь; о принятии и изменении бюджета, установлении, изменении и отмене налогов; об амнистии, о помиловании. Вполне обоснованным является не вынесение на референдум вопросов об изменении бюджета: специалисты не могут с профессиональным пониманием принимать решения по таким важным вопросам. В целом перечень вопросов, которые не должны выноситься на референдум, является исчерпывающим.

В соответствии со ст. 140 Конституции Республики Беларусь разделы I, II, IV, VIII Конституции могут быть изменены только путем референдума. Конечно, круг вопросов, по которым законы могут приниматься только посредством референдума может быть расширен. Предметом референдумов могут быть особо важные политические решения. Представляется, что к такому перечню могут быть отнесены вопросы о вступлении Республики Беларусь в союзы, государственные образования или выход из них и др.

Таким образом, в результате исследования общих теоретических положений института референдума можно сделать вывод, что данный институт прямой демократии предоставляет гражданам довольно широкие права. Путем референдума граждане могут устанавливать фундаментальные основы жизни общества, принимать конституции и законы государств, вносить в них изменения и дополнения, рассматривать проекты конституционных реформ, принимать иные публично-властные решения по вопросам общественной жизни. Полагаем, что для решения проблемных вопросов народ должен привлекаться только в тех случаях, когда его воля действительно необходима, т.е. для решения наиболее важных для всего населения вопросов.

Список использованных источников:

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

2. Референдум как институт непосредственной демократии: практика проведения референдумов в послевоенной Европе / Е. В. Першин [и др.] ; отв. ред. К. С. Кирюхин. Аналитический вестник. – 2007. – № 3 (320) [Электронный ресурс] // Совет Феде-

рации Федерального Собрания Рос. Федерации. – Режим доступа: council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/25784/. – Дата доступа: 01.09.2017.

3. Референдумный процесс в Российской Федерации : учеб. пособие / В. В. Комарова [и др.] ; под ред. О. Е. Кутафина. – М. : ПолиграфОпт, 2004. – 608 с.

4. Амара, М. И. Конституционный референдум в России и Японии: прошлое, настоящее, будущее [Электронный ресурс] : [по состоянию на 28.07.2014 г.] / М. И. Амара, И. А. Старостина // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.

5. Синцов, Г. В. Современные конституционно-правовые модели института референдума в зарубежных странах : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Г. В. Синцов ; Пензенск. гос. ун-т. – М., 2008. – 58 с.

6. Избирательный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 февр. 2000 г., № 370-З : принят Палатой представителей 24 янв. 2000 г. : одобр. Советом Респ. 31 янв. 2000 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.06.2015 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

7. О референдуме Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. конституц. закон, 28 июня 2004 г., № 5-ФКЗ : в ред. Федер. конституц. закона от 06.04.2015 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.

8. О референдуме [Электронный ресурс] : Закон Респ. Армения, 9 окт. 2001 г., № ЗР-225: в ред. Закона Респ. Армения от 02.07.2015 г. // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2929. – Дата доступа: 01.09.2017.

9. О референдуме Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : Конституц. закон Кыргызс. Респ., 31 окт. 2016 г., № 173 // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=90009. – Дата доступа: 01.09.2017.

ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В ИНТЕРНЕТ ПРОСТРАНСТВЕ

Е.Р. Даишкова,

профессор кафедры теории государства и права, Национальный юридический университет имени Ярослава Мудрого, доктор юридических наук, профессор

Использование ресурсов информационной сети Интернет является необходимым условием полноценной жизни современного человека и важнейшей движущей силой глобализационных процессов в современном мире. Вследствие открытости Интернет-ресурсов и особенностей данной системы, аккумулирующей и обрабатывающей персональные данные субъектов правоотношений, чрезвычайно актуальной является проблема обеспечения конфиденциальности трансляционно-коммуникационных возможностей глобальной сети Интернет.

Обмен сообщениями с помощью Интернет-ресурсов принципиально отличается от передачи информации обычными коммуникационными средствами, поскольку осуществляется через операторов, которые могут вмешиваться в этот процесс с целью получения информации не только о тексте сообщений, но и о персональных данных автора. Передвигаясь в информационном пространстве, пользователь оставляет свой след в виде операционных данных (transactional data), содержащих Интернет-адрес компьютера, информацию о программном обеспечении, посещаемых веб-страницах, предыдущих посещениях. Все это может быть использовано для создания «профиля» пользователя – совокупности характеристик, которыми охватываются его интересы, предпочтения, привычки, мотивации и т.п., что в результате сопоставления с другими данными, позволяет идентифицировать любое лицо. При этом в большинстве случаев, человек и не подозревает, какая именно персональная информация, и с какой целью собирается и обрабатывается третьими лицами.

Возможность нарушения права на неприкосновенность частной жизни существует и при пользовании Интернет-услугами «on-line», доступными через телефонную сеть с помощью модема и компьютера (электронная почта, информационные услуги, игры, участие в группах по интересам или общение в режиме реального времени). Поставщики «on-line» услуг собирают и обрабатывают персональные данные пользователя, поскольку это необходимо для работы электронных систем: авторизация, идентификация, контроль права доступа, ревизия, расчет стоимости услуг и т.п. При этом существуют риски вторжения в частную жизнь, которые усиливаются тем, что программное обеспечение позволяет осуществлять целенаправленный поиск, сопоставление и систематизацию всей доступной в сети информации о конкретном пользователе, включая адрес места жительства, номер телефона, место рождения, образование, профессию, информацию о трудовой деятельности, вкусы, привычки, обороты речи и т.п. Более того, в США существуют организации, предлагающие так называемые «поисковые услуги» («look-up services») на коммерческой основе.

В странах Западной Европы неприкосновенность частной рассматривается как запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия; право контролировать информацию о себе; право на защиту персональных данных; право на тайну всех видов коммуникации. В Европейских государствах в электронной форме хранятся информационные массивы с огромным количеством подробностей частной жизни их граждан, что требует немалых усилий для защиты персональных данных от посягательств со стороны третьих лиц. Данное обстоятельство привело к подписанию Конвенции о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера [1]. Эта Конвенция является основополагающим документом для европейских стран в сфере сбора, хранения и обработки информации в электронной форме.

Анализ зарубежного законодательства о защите персональных данных показал, что защита прав пользователей сети Интернет осуществляется так называемыми законами о «праве на забвение», которые обязывают поисковые системы удалять по требованию любого пользователя ссылки на недостоверную и неактуальную информацию. Исключением являются события, содержащие признаки уголовно-наказуемых деяний, сроки привлечения к ответственности по которым не истекли, и сведения о лицах, совершивших преступления, по которым не снята или не погашена судимость.

В Европе распространение информационной сети Интернет началось гораздо раньше, чем в постсоветских странах, поэтому о «праве на забвение» заговорили еще в 2010 году, когда испанец Марио Костеха Гонсалес потребовал удалить электронную версию статьи 1998 года в архиве одной из газет о продаже его дома в счет уплаты долга, а также ссылки на эту статью в Google. [2] Задолженность Гонсалес погасил, но статью из архива издательство удалять отказалось, поскольку публикация была законной и достоверной. В мае 2014 года Европейский суд по правам человека предписал Google удалить все ссылки, содержащие имя Гонсалеса на испанском поддомене. Сама статья по-прежнему остается в архиве газеты, но больше не индексируется поисковиком.

По предписанию Европейского суда по правам человека Google запустил для европейцев специальную онлайн-форму, где необходимо указать свое имя, страну, адрес электронной почты, ссылки на данные, которые пользователь хочет удалить, с объяснением причин, а также копию личного документа с фотографией – паспорта или ID-карты. Всего за два месяца после старта этого сервиса компания получила более 70 тысяч запросов, касающихся 250 тысяч веб-страниц. Европейской инициативе подчинился Microsoft и стал принимать запросы от граждан ЕС на удаление их персональных данных из выдачи поисковика Bing [2].

Европейский суд по правам человека уточнил, что «право на забвение» не является абсолютным и не распространяется на информацию о публичных лицах сведения, о которых представляют значительный общественный интерес. В тоже время, Google, Mozilla Firefox, Яндекс, и другие поисковики утверждают, что не

несут ответственности за информацию, размещенную на посторонних сайтах. Однако Европейский суд по правам человека счел, что такая позиция противоречит Директиве 95/46/ ЕС о защите персональных данных. Суд указал, что сбор и хранение информации посредством поисковика являются обработкой персональных данных, следовательно, поисковики обязаны обеспечить соблюдение прав лиц, о которых размещена информация.

Таким образом, неприкосновенность частной жизни является основным правом человека, которое должно не только признаваться государством, но и обеспечиваться многочисленными механизмами правовой защиты, что возлагает на органы власти обязанность интерпретировать законодательные новеллы и практику их применения исключительно в интересах защиты прав человека, что будет надежным ответом на вызовы новейших информационных технологий.

Список использованных источников:

1. Конвенция о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера. Страсбург, 28 января 1981 г. – Режим доступа: <http://hrlibrary.umn.edu/euro/Rets108.html>.

2. Яшина Г. Право на забвение в интернете: неприкосновенность частной жизни или переписывание истории? // Капитал страны: федеральное интернет-издание. 7 июля 2015, № 6632.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Е.Ф. Ивашкевич,

заведующий кафедрой истории и теории права, Витебский государственный университет имени П.М. Машера, кандидат педагогических наук, доцент

Характерной чертой современных международных отношений являются интеграционные процессы, которые происходят в различных регионах и охватывают разнообразные сферы отношений государств. Большая роль в развитии этих процессов принадлежит Европейскому Союзу, так как именно он является фундаментом общеевропейского дома. В 2017 г. отмечалась 60-ая годовщина со дня подписания Римского договора, заложившего основу для создания ЕЭС, которая позволила подвести итоги данного образования и наметить дальнейшие перспективы его развития.

Важно подчеркнуть, что ЕС является наиболее развитой интеграционной группировкой государств, не имеющей аналога в мире. До сих пор актуальными являются споры относительно двойственности правовой природы ЕС. Ряд ученых полагает, что ЕС относится к сфере действия международного права и является классической межгосударственной организацией, хотя и со своей спецификой. Другие учёные считают, что различия между ЕС и международными организациями заключаются в содержательном аспекте его целей и функционирования. Международные организации действуют в сфере межгосударственного сотрудничества, не затрагивая внутренних функций государств-членов и их организационных структур, тогда как ЕС – это наднациональная организация, задача которого заключается в унификации территорий, политики и экономики государств-членов. С этой целью он наделяется полномочиями, аналогично государственным, и использует их на территории государств-членов и в отношении их граждан.

Анализ эволюционирования институциональной структуры ЕС показывает, что она отличается от организационной структуры традиционных ММПО, к которым, например, относят ООН и ее специализированные учреждения. Структура ЕС скорее соответствует структуре внутригосударственного механизма, имеющего в своем составе «парламент» и «суды», в то время как организационная структура типичных ММПО представлена органами полного состава или пленарными органами («генеральные конференции или ассамблеи»), исполнительные же органы в типичных ММПО имеют ограниченный удельный вес. Отмеченная близость институциональной структуры ЕС устройству отдельного государства привело к стремлению оценивать ее с точки зрения теории конституционного устройства государства. Однако следует учитывать, что ЕС является международной организацией, поэтому любые принципы, лежащие в основе его институциональной системы, имеют международно-правовой характер, а наднациональные цели достигаются лишь с помощью механизма межгосударственно-

го согласования. Необходимо отметить, что в правовой природе ЕС не существует четко обозначенных границ, разделяющих понятие наднационального и межгосударственного. В связи с этим ЕС, представляет собой международную организацию, имеющую особые отношения с государствами-членами. В западной доктрине преобладает точка зрения, согласно которой ЕС рассматривается как ассоциация суверенных государств с тенденцией постепенной федерализации ЕС, которая прослеживается в расширении компетенции ЕС, первоначально имеющей четко выраженную экономическую направленность, а теперь охватывающей все основные сферы общественной жизни; создании и увеличении полномочий надгосударственных институтов – Европарламента, Европейской комиссии, Суда ЕС, Европейского центрального банка и др.; постепенной ликвидации права вето государств ЕС при принятии решений по вопросам деятельности Союза, назначении должностных лиц ЕС; повышении значимости гражданства ЕС.

Фактически объединил в своём определении разные научные подходы к сущности ЕС известный российский правовед Кашкин С.Ю., характеризуя Европейский Союз как международное и в то же самое время государственно-подобное образование, сочетающее в себе черты как минимум трех видов государственных союзов: международной межправительственной организации, конфедерации и федерации.

Институциональная структура Европейского Союза является сложной и разветвленной. Она направлена на то, чтобы реализовывать на практике поставленные цели ЕС, обеспечивать интересы граждан стран-членов, гарантировать координированность, последовательность и эффективность политики ЕС в целом, а также государств-членов ЕС. В процессе европейского объединения было создано семь основных институтов, которые имеют статус органа, закреплённый в учредительных документах ЕС, а именно: Европарламент, непосредственно представляющий интересы всех граждан ЕС и осуществляющий, прежде всего, законодательную функцию; Европейский совет, включающий высших должностных лиц государств-членов, а также самого Союза, имеющий приоритетную роль в разработке стратегии и общих политических ориентиров для развития ЕС; Совет Европейского Союза, который в отличие от Европарламента, совместно с которым он осуществляет законодательную функцию, состоит из уполномоченных членов национальных правительств каждого государства-члена (в СМИ часто используется термин «Совет министров»); Европейская комиссия, выполняющая разносторонние функции и полномочия, которые обычно на государственном уровне возлагаются на органы исполнительной власти; Суд Европейского Союза, рассматривающий и разрешающий дела, связанные с толкованием и применением права ЕС; Европейский центральный банк (ЕЦБ), обеспечивающий проведение единой финансовой и валютной политики ЕС; Счетная палата, осуществляющая контроль за надлежащим исполнением бюджета ЕС. Каждый институт действует в пределах полномочий, возложенных на него Договорами, и в соответствии с предусмотренными в них процедурами, условиями и целями.

В последнее время возрастает роль Европарламента, который всё больше осваивает новые полномочия. Они пока не затронули права «законодательной

инициативы», которое по-прежнему сохраняется за Комиссией. Регламенты и директивы, т.е. правовые акты, имеющие силу закона в ЕС, принимаются Советом. Однако, расширилась сфера, в пределах которой Совет не вправе издавать «законодательные акты» без обязательной консультационной процедуры с Европарламентом (например, по проблемам правового обеспечения выборов в Европарламент, международным договорам и соглашениям ЕС с третьими странами. В последнее время наметилась тенденция обращения Совета и Комиссии к Европарламенту за консультацией даже в тех случаях, когда процедура принятия правового акта её не предусматривает.

Значительные правовые изменения относительно компетенции и статуса основных органов ЕС были закреплены Лиссабонским договором 2007 года. Наиболее значимыми из них были: реформа системы правовых актов ЕС, выделение среди них «законодательных актов Союза»; более конкретизированное определение компетенции ЕС с подразделением ее на «исключительную», «совместную» и другие категории; сокращение круга вопросов, по которым за государствами-членами сохраняется право вето при одновременном усилении прерогатив Европарламента; модификация правовых основ деятельности ЕС в разных областях (особенно в военной и правоохранительной); распространение компетенции Союза на области, которые ранее непосредственно не относились к его ведению (энергетика, космос, туризм, гражданская оборона, гуманитарная помощь, борьба с изменением климата и мн. др.); создание новых органов и должностных лиц ЕС (Верховный представитель Союза по иностранным делам и политике безопасности, постоянный Председатель Европейского совета и др.); совершенствование механизма «продвинутого сотрудничества», в рамках которого отдельные государства-члены могут развивать между собой более тесное взаимодействие с использованием институтов ЕС. Существенный прогресс достигнут Лиссабонским договором 2007 г. в усилении защиты основных прав человека на европейском уровне. Несмотря на то, что Лиссабонский договор 2007 г. не включил Хартию Европейского Союза об основных правах непосредственно в структуру учредительных документов ЕС, он признал Хартию в качестве источника права, имеющего равную с ними юридическую силу.

После ратификации Амстердамского договора в 1999 г. в ЕС впервые создана правовая база для построения собственного военного измерения. Так, Европейскому совету дано право разрабатывать «общую стратегию» в области ОВПБ, Совету – принимать решение об учреждении системы совместной обороны, причем решения о «совместных действиях» и «общих позициях» принимаются квалифицированным большинством. Введен пост Высокого представителя по ОВПБ/Генерального секретаря Совета, который представляет внешнеполитические интересы ЕС в мире и уполномочен вести переговоры с третьими странами. Главным шагом в военной сфере в данном направлении служит создание в начале XXI в. сил быстрого реагирования ЕС. Основными вопросами общей внешней политики и политики безопасности ЕС на ближайшие 15 лет обозначены три направления – Россия и страны СНГ (поиск форм сотрудничества и стратегического партнерства), Юго-Восточная Европа (укрепление стабильности на Балканах) и проблема беженцев.

В связи с проблемой беженцев возрастает значимость Европейского агентства по управлению сотрудничеством на внешних границах ЕС – ФРОНТЕКС. Силами государств-членов ЕС проводятся наземные, морские, воздушные операции, принимаются проекты, направленные на повышение оперативности и организации сотрудничества в целях пресечения потоков нелегальной миграции и преступлений на отдельных участках Восточной и Южной Европы. При реализации полномочий Агентства ФРОНТЕКС были выявлены значительные противоречия. Его роль виделась, прежде всего, как инструмент пограничного контроля и управления миграционными потоками. На практике оказалось, что деятельность Агентства связана с многочисленными правозащитными аспектами, и для решения возникающих в этой области проблем организация практически не обладает полномочиями. Длительно отсутствовало единое понимание о функциях ФРОНТЕКС по координации и проведению совместных операций по возвращению нелегальных мигрантов, в вопросах ответственности за нарушение прав человека и международного законодательства в результате действий Агентства. В настоящее время необходимо найти баланс между свободой перемещения и обеспечением безопасности на границах, которые являются двумя сферами, которые в ЕС нельзя трактовать отдельно друг от друга. Одновременно в Восточной Европе растет недовольство относительно принятого в сентябре 2015 года плана ЕС по распределению 120 тыс. беженцев и мигрантов. Словакия и Венгрия пытаются оспорить решение о распределении мигрантов в Европейском суде юстиции в Люксембурге. Ряд стран ЕС на национальном уровне ужесточают условия для беженцев (например, Австрия, Дания, некоторые земли ФРГ, Венгрия, Хорватия и др.). Данные действия свидетельствуют, что европейские страны проводят политику, исходя из национальных интересов, невзирая на основы европейской интеграции. Государства ЕС не готовы решать коллективно иммиграционные проблемы в том виде, в каком предлагает ФРГ, но и собственного проекта преодоления кризиса не выдвигают, предпочитая отгораживаться ограничительными мерами.

Сейчас перед ЕС стоит сложная задача сохранения структуры организации, налаженности и предотвращения опасности как чрезмерной централизации власти, что неизбежно вызывает сильное сопротивление, так и центробежных тенденций. В мае 2013 года новое исландское правительство приняло решение о замораживании переговоров о вступлении страны в ЕС. 23 июня 2016 года в результате референдума о членстве Великобритании в ЕС, 51,9 % его участников высказались за выход из него. 29 марта 2017 года официально началась процедура выхода Великобритании из ЕС.

В дальнейшем ЕС, несомненно, ожидает новое реформирование, которое является отражением новых задач европейской интеграции: планируются изменения с целью совершенствования правовых механизмов экономического и валютного союза; предоставление гражданам ЕС, проживающим за пределами своей страны, права участвовать в избрании депутатов национальных парламентов; расширение сфер регулирования интеграционной правовой системы – права ЕС и др.

К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРИМЕНЕНИЯ НЕВООРУЖЕННОЙ СИЛЫ

И.И. Каминский,

*аспирант кафедры международного права и международных отношений,
Национальный университет «Одесская юридическая академия»*

Многолетняя практика международных отношений демонстрирует, что государства для достижения своих интересов способны принимать любые меры, тем самым не только подрывая авторитет международного права, но и создавая угрозы международному миру и безопасности. В условиях существования международно-правового запрета угрозы или применения оружия (воплощенной в основном в ч. 4 ст. 2 Устава ООН) государства вынуждены искать прочие инструменты воздействия как на другие государства, так и на все международное сообщество. Представляется, что совокупность таких инструментов может быть объединена родовым понятием «невооруженная сила», соответственно, из-за отсутствия в таком воздействии вооруженной составляющей.

Распространенным является, например, межгосударственное влияние с помощью различных экономических мер: экспортно-импортных квот, таможенно-тарифной дискриминации, замораживания финансовых активов и т.п. Так, в 1960 г. Куба обвинила США в акте «экономической агрессии», потому что те снизили квоту на импорт сахара с Кубы, а также объявили о прекращении обработки кубинской сырой нефти [1].

Кроме того, пожалуй, одним из самых старых видов межгосударственного противоборства является информационная конфронтация. Ведь она наблюдается не только в ходе вооруженных конфликтов, но и в случаях кризисов, обострений отношений между государствами и т.п. Во время такого противоборства государство распространяет информацию (как правило, недостоверную) для того, чтобы повлиять на население или отдельные социальные группы, из-за чего такой вид невооруженного влияния более целесообразно именовать информационно-психологическим. Информационно-психологическое воздействие широко применялось двумя враждующими блоками, например, в ходе Второй мировой войны.

Глобальный прогресс накладывает свой отпечаток и на возможности государств вести свою внешнюю политику, в частности, применять невооруженную силу. Так, в современную эпоху такое влияние может осуществляться посредством информационно-цифровой среды – киберпространства. Например, в 2010 г. иранский ядерный центр в Натанзе стал объектом невооруженной кибератаки посредством компьютерного «червя» Stuxnet, повлекшей потерю контроля над его центрифугами [2]. Через несколько месяцев так называемые атаки по «отказе в обслуживании» (denial of service attack) вызвали отсутствие Интернет-связи в Бирме, что имело масштабное значение для проведения в этой стране выборов [3].

Характер указанных актов позволяет предположить, что такое влияние является недопустимым в международных отношениях и вынуждает выяснить

способность международного права влиять на акты применения невооруженной силы. Как отмечалось, поскольку на современном этапе международно-правового понимания ч. 4 ст. 2 Устава ООН рассматривается как запрещающая исключительно вооруженную силу, существует необходимость установить международно-правовой запрет применения, собственно, невооруженной силы. Учитывая характер реализации государствами мер, которые представляют собой невооруженное влияние, следует, что международно-правовой запрет последних вытекает из другого основного принципа международного права – принципа запрета вмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого государства (принцип невмешательства).

Принцип невмешательства обладает обычно-правовой природой; его нормативное содержание толковалось в международной судебной практике и детализировалось в международно-правовых актах, принятых в рамках ООН. Обобщая предметную сферу действия принципа невмешательства, следует указать, что по нему государствам запрещено принимать любые действия, которые (1) являются принудительными и (2) касаются вопросов, относящихся к внутренней компетенции государства.

Таким образом, для того, чтобы расценивать этот принцип как запрещающий применение невооруженной силы, конкретные акты такого применения должны быть проанализированы через призму двух указанных критериев. Критерий принуждения определяется прежде всего из факта, повлияло ли невооруженное принуждение на принятие решений и реализацию политики по конкретному вопросу. Поскольку сейчас не существует четкого перечня вопросов, решение которых исключительно принадлежит государству, из решений международных судебных органов, которые детализируют содержание принципа, следует, что такой точный перечень должен определяться на основании фактов каждого дела наряду с состоянием развития международных отношений.

Итак, международное право не является беспомощным к случаям применения невооруженной силы. Как показывает практика, проблема скорее заключается в том, что пострадавшие от такого применения государства практически никогда не выражают своей правовой позиции по поводу такого применения и не принимают других приемлемых действий (например, не инициируют международное судебное разбирательство по этому вопросу и т.д.). Также, необходимо отметить, что вопрос установления международно-правовых оснований запрета применения невооруженной силы, а также выяснения возможных исключений из такого запрета является предметом отдельного, более глубокого исследования.

Список использованных источников:

1. UN Security Council Official Records. Fifteenth Year, 874th meeting, 18 July 1960 (UN Doc. S/PV.874) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://repository.un.org/bitstream/handle/11176/82945/S_PV.874-EN.pdf?sequence=%202&isAllowed=y.

2. Stuxnet worm ‘targeted high-value Iranian assets’ - BBC News [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/technology-11388018>.

3. Burma hit by massive net attack ahead of election - BBC News [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/technology-11693214>.

ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ О ПРАВЕ НА ИНФОРМАЦИЮ

Н.А. Карпович,

*заместитель Председателя Конституционного Суда Республики Беларусь,
доктор юридических наук, доцент*

Право на информацию является одним из фундаментальных прав человека. Частью первой статьи 34 Конституции Республики Беларусь гражданам Республики Беларусь гарантируется право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды. Различные аспекты конституционного права на информацию раскрываются в заключениях и решениях Конституционного Суда Республики Беларусь. Соответствующие правовые позиции содержатся в 81 его акте (около 6% от их общего количества).

Так, исходя из принципов равенства и недискриминации, закрепленных в статье 22 Конституции и являющихся базовыми в законодательном регулировании и реализации прав и свобод личности в Республике Беларусь, а также принимая во внимание принцип универсальности прав человека, зафиксированный в ряде международных документов, в решении от 3 мая 2016 г. № Р-1032/2016 Конституционный Суд установил, что конституционное право на информацию распространяется в равной степени на всех граждан. При этом в глобальном информационном пространстве должны соблюдаться фундаментальные права и свободы любых лиц, затрагиваемых действиями государства. В частности, условия для реализации прав и законных интересов лиц в области охраны интеллектуальной собственности законодательно обеспечиваются вне пределов их пространственного расположения и юрисдикции (решение от 29 декабря 2015 г. № Р-1027/2015).

В ряде решений Конституционного Суда анализируются правовые гарантии обеспечения конституционных требований полноты, достоверности и своевременности информации и указывается на условия такого обеспечения. В решении от 26 декабря 2012 г. № Р-787/2012, обратив внимание на требования Закона «О рекламе» к производству мультимедийной рекламы и к информации, размещаемой в рекламе, а также определяющие информацию, размещение которой в рекламе не допускается, Конституционный Суд пришел к выводу об их направленности на обеспечение достоверности содержащейся в рекламе информации. Отвечающими целям оперативного доступа граждан к информации о лекарственных средствах признаны нормы Закона «О лекарственных средствах», предусматривающие размещение Министерством здравоохранения в сети Интернет Государственного реестра лекарственных средств (решение от 10 ноября 2014 г. № Р-950/2014).

Расширение способов информирования заинтересованных лиц об административных процедурах посредством размещения соответствующих сведений на официальных сайтах вышестоящих государственных органов (организаций) в сети Интернет Конституционный Суд признал более действенным механизмом реализации конституционных положений о человеке, его правах, свободах и гарантиях их реализации как высшей ценности и цели общества и государства и о гарантировании права граждан Республики Беларусь на информацию (решение от 27 декабря 2016 г. № Р-1079/2016). Вместе с тем Конституционный Суд обратил внимание на необходимость конкретизации на уровне закона способов предоставления органом власти отдельных видов информации, имеющей особое общественное значение, в том числе о техногенных и иных рисках, являющихся побочными продуктами высоких технологий, а также об обязанностях граждан (решение от 17 мая 2012 г. № Р-706/2012. В решении от 4 октября 2006 г. № Р-196/2006 Конституционным Судом указано, что конституционная обязанность публиковать или доводить до всеобщего сведения иным предусмотренным законом способом нормативные правовые акты лежит на государственных органах в силу положений статей 1, 7 и других статей Конституции.

В актах Конституционного Суда анализируется также уровень обеспечения нормами законов доступа к информации о деятельности государственных органов, общественных объединений, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды. Так, законодательные положения, предоставляющие местным Советам депутатов полномочия по взаимодействию со средствами массовой информации, содействию реализации государственной информационной политики, признаны направленными на получение заинтересованными лицами полной, достоверной и своевременной информации об органах местного управления и самоуправления (решение от 24 декабря 2014 г. № Р-958/2014).

Важнейшей составляющей конституционной гарантии права на информацию выступает обязанность государственных органов, общественных объединений, должностных лиц предоставить гражданину Республики Беларусь возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы (часть вторая статьи 34 Конституции). Техническая возможность оперативного доведения через электронные ресурсы общественно значимой информации до сведения широкого круга заинтересованных, отчета перед населением за принимаемые решения диктует новый уровень информационной открытости всех субъектов отношений, отвечающий целям наиболее полной реализации положений Конституции об ответственности государства перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности (часть вторая статьи 2), осуществления демократии в Республике Беларусь на основе многообразия политических институтов, идеологий и мнений (часть первая статьи 4), обязанности государства принимать все доступные ему меры для создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан Республики Беларусь, предусмотренных Конституцией (часть первая статьи 59). Так, Конституционный Суд указал на возрастание важности

информации о принятии государственными органами экологически значимых решений в гражданском обществе и демократическом правовом государстве, отметив, что по экологически значимым вопросам пассивному праву граждан на информацию соответствует обязанность государства активно его обеспечить (решение от 16 декабря 2015 г. № Р-1007/2015).

В правовых позициях Конституционного Суда обращается внимание что информационная сфера в настоящее время становится системообразующим фактором жизни людей (решение от 3 мая 2016 г. № Р-1032/2016). Исходя из данной правовой позиции правомерно рассмотрение роли права на информацию как обеспечительного по отношению к иным конституционным правам. Так, право на свободу творчества, закрепляемое статьей 51 Конституции, включает гарантирование свободы художественного, научного, технического творчества и преподавания, охрану законом интеллектуальной собственности. Во взаимосвязи с вышеуказанным аспектом права на информацию правомерно утверждение о конституционном закреплении правомочий субъекта создавать новую информацию, включая научные открытия и изобретения, а также перерабатывать научные и иные сведения, созданные другими лицами.

Часть третья статьи 34 Конституции устанавливает, что пользование информацией может быть ограничено законодательством в целях защиты чести, достоинства, личной и семейной жизни граждан и полного осуществления ими своих прав. Конституционный Суд признал правомерность установления законами видов информации ограниченного доступа, включая тайны и секреты. В решении от 26 декабря 2012 г. № Р-788/2012 указано, что законодатель вправе определять перечень сведений, которые могут быть отнесены к коммерческой тайне, порядок доступа к коммерческой тайне в целях обеспечения баланса интересов ее обладателей и других участников регулируемых отношений, в том числе государства, на рынке товаров, работ и услуг и предупреждения недобросовестной конкуренции, а также реализации лицом, обладающим сведениями, составляющими коммерческую тайну, права на защиту информации. Устанавливаемый Законом «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» запрет требовать от адвоката сообщения каких-либо сведений, составляющих адвокатскую тайну является гарантией того, что информация о частной жизни, доверенная лицом в целях собственной защиты адвокату, не будет вопреки воле этого лица использована в иных целях, в том числе против него самого (статья 27 Конституции) (решение от 23 декабря 2011 г. № Р-657/2011).

Конституционным Судом также признана не нарушающей конституционные положения, в том числе о равенстве прав граждан, включая их право на информацию, возможность установления законом ограничения на доступ к информации для отдельных категорий субъектов. Так, в решении от 3 мая 2016 г. № Р-1032/2016 исходя из права каждого ребенка на защиту от информации, причиняющей вред его здоровью и развитию, признаны эффективными и соразмерными законодательно устанавливаемые меры по защите детей от такой информации, которые учитывают возраст ребенка и ограничивают доступ детей к конкретно определенному контенту.

Конституционный Суд отмечает, что в системе информации ограниченного доступа особого внимания требуют персональные данные, правовая защита которых получает системное обоснование в практике конституционного правосудия; сведения, на основании которых можно установить личность человека, относятся к персональным данным, которые требуют соблюдения особой процедуры их обработки или использования во избежание нарушения права на неприкосновенность частной жизни. Вместе с тем, в целях утверждения верховенства права Конституционный Суд обращал внимание на необходимость совершенствования положения законов и правоприменительной практики в области защиты персональных данных (решения от 2 июня 2016 г. № Р-1037/2016, от 8 июля 2016 г. № Р-1057/2016 и от 14 декабря 2016 г. № Р-1077/2016). Исходя из того, что для защиты гражданина от неоправданного произвольного вмешательства в его личную жизнь реализация полномочий по доступу, включая удаленный, к информационным системам, содержащим персональные данные, без письменного согласия физических лиц возможна только в случаях, предусмотренных законом, должна иметь правомерные цели и быть необходимой для их достижения.

Таким образом, Конституционным Судом выражен ряд правовых позиций, направленных на наиболее полную реализацию положений статьи 34 Конституции о праве граждан на информацию, а также международных обязательств Республики Беларусь в области прав человека в информационной сфере. При этом Конституционным Судом раскрываются круг субъектов права на информацию, содержание гарантий реализации конституционных требований полноты, достоверности и своевременности информации, конституционные основы порядка предоставления заинтересованным различных видов информации, обосновывается связь права на информацию с другими конституционными правами и свободами граждан, получает системное обоснование правовая защита персональных данных, оценивается обоснованность иных ограничений права на информацию. Акты Конституционного Суда интегративно способствуют реализации в законодательстве и общественной практике представлений о праве граждан на информацию как фундаментальном праве личности, неотъемлемой составляющей обеспечения верховенства права во всех сферах отношений в условиях построения информационного общества.

ПОНЯТИЕ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЯЗАННОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТА КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ

В.Н. Кивель,

профессор кафедры трудового и хозяйственного права, Международный университет «МИТСО», кандидат юридических наук, доцент

В научном плане обязанности, в отличие от прав, мало изучены.

Согласно «Современному толковому словарю русского языка» Т.Ф. Ефремовой термин «обязанность» имеет два значения: 1) то, что подлежит безусловному выполнению кем-л. (по общественным требованиям или по внутренним побуждениям); 2) служба, круг действий, связанных с исполнением какой-л. должности [1, с. 421]. И. Кант различал два вида обязанности: «Закон, который дает только основание для обязательности, отличают от того закона, который действительно обязателен... (как, например, закон того, чего требует от меня потребность человека, в противоположность закону того, что требует от меня право человека; последний закон предписывает существенные обязанности, а первый – несущественные)» [2, с. 560]. «Согласно правовому законодательству обязанности могут быть только внешними, ибо это законодательство не требует, чтобы идея внутреннего долга сама по себе была определяющим основанием произволения действующего лица, и так как правовое законодательство все же нуждается в подходящем для закона мотиве, то оно может связать с законом лишь внешние обязанности» [3, с. 240].

Б.А. Осипян считает, что «на каждом человеке лежит бремя определенных обязанностей, которые соответствуют характеру и способам реализации меры его призвания и долга» [4, с. 237].

По мнению Н.В. Витрука, «юридическая обязанность личности есть социально возможная необходимость определенного поведения личности, установленная государством» [5, с. 10].

Известный белорусский теоретик права В.А. Кучинский указывал на то, что «в юридическом плане быть свободным и в то же время ответственным – значит обладать наряду с правами и свободами также обязанностями и осуществлять их» [6, с. 43].

По определению Н.И. Матузова, юридическая обязанность – это вид и мера государственно-целесообразного, разумного, полезного, объективно обусловленного поведения, призванного вносить порядок и «умиротворение» в жизнь, и является законной преградой на пути произвола, хаоса, своеволия, неорганизованности, всего деструктивного и мешающего нормальному развитию общества [7, с. 191–192].

Термин «юридическая обязанность» похоже формулируют белорусские исследователи Е.А. Зорченко, Н.А. Полящук, Н.М. Юрашевич – «это вид и мера

должного, разумного и полезного поведения в обществе. Обязанность – это обратная сторона субъективных прав, способ их обеспечения» [8, с. 290].

Л.Д. Воеводин писал о том, что «если право в рамках предписываемого нормой должного поведения означает для лица возможность действовать, то обязанность – необходимость действовать» [9, с. 15]. В.К. Бабаев под юридической обязанностью понимает необходимое поведение субъекта правоотношения, установленное для удовлетворения интересов носителя субъективного права [10, с. 424]. Р.В. Енгибарян и Ю.К. Краснов рассматривают юридическую обязанность как меру должного поведения человека [11, с. 281–282]. На похожих позициях в определении юридической обязанности стоял и А.И. Лепешкин: «Обязанность – это мера общественно необходимого поведения лица, устанавливаемого и гарантируемого государственной властью в интересах граждан и общества». И если осуществление прав граждан зависит от их воли, то юридические обязанности должны исполняться независимо от личного желания людей в точном соответствии с законом [12, с. 7].

В.С. Нерсеянц понимал под обязанностью «объективно необходимое, должное поведение человека» и говорил о том, что, «принимая на себя обязательства по обеспечению прав человека, государство имеет право требовать от него поведения, которое соответствовало бы эталонам, зафиксированным в юридических нормах. Поэтому государство формулирует свои требования к индивидам в системе обязанностей, устанавливает меры юридической ответственности за их невыполнение» [13, с. 106].

С.Н. Братановский трактует обязанность человека как меру должного поведения по отношению к другому человеку, а также государству и его органам. Он различает конституционные обязанности (основные обязанности, непосредственно зафиксированные Конституцией), которые классифицируются на универсальные – распространяемые на все правоотношения (соблюдать законы), специальные – действующие в определенной области (уплата законно установленных налогов и сборов). Обязанности могут делиться на обязанности гражданина (защита отечества) и обязанности человека (охрана природы и окружающей среды) [14, с. 156–157].

А.С. Пиголкин, рассматривая формы регулирования общественных отношений правом, выделял позитивные (регулятивные) обязанности (платить налоги, исполнять служебные обязанности, воинский долг и др.) и негативные обязанности в виде запрета определенных деяний (хулиганство, служебный подлог, нарушение правил дорожного движения и др.) [15, с. 427–428].

Л.А. Нудненко под конституционной обязанностью видит закрепленную в конституции необходимость, долженствование каждого гражданина следовать определенному виду и мере поведения и нести ответственность в случае ее неисполнения. Причем обязанности, как и права, имеют естественный, неотъемлемый характер. Это обусловлено тем, что обеспечение прав одного человека невозможно без выполнения обязанностей другим человеком [16, с. 120–121]. По И.А. Ильину, обязанность – это установленное нормами и определенное по

субъекту долженствование, будь оно положительное или отрицательное по смыслу [17, с. 881].

Д.А. Липинский под юридической обязанностью понимает вид и меру должного или требуемого поведения, в основе которой лежит юридически закреплённая необходимость [18, с. 33]. Б.Т. Базылев говорит о том, что юридические обязанности, непосредственно связанные с правами, представляют по существу корреляты этих прав, удовлетворяют потребности в чужих действиях, в которых нуждается данный индивид. Конституционные и иные общие обязанности на основании юридических фактов гражданства или проживания на территории государства порождают общие (абсолютные) правовые связи, одним из видов которых являются отношения юридической ответственности [19, с. 28].

Корреляция прав и обязанностей призвана создавать уравновешенное общественное состояние и режим наибольшего благоприятствования для повседневной жизнедеятельности людей, при этом выступать в качестве средства гармонизации интересов государства и личности. Тесная взаимосвязь прав и обязанностей прослеживается прежде всего в функциональном назначении юридических обязанностей в корреспондировании субъективным правам выполнять свою часть работы в общем механизме правового регулирования. А социальное назначение юридических обязанностей – формировать должное правосознание и правовую культуру граждан, служить дисциплинирующим фактором, упрочнять законность и правопорядок в обществе. Все эти функции тесно взаимосвязаны и взаимозависимы, осуществляются одновременно. Любые субъективные права практически могут быть реализованы только через чьи-то обязанности, и наоборот, обязанности предполагают чье-то право требовать их исполнения. Обязанность – обратная сторона права [20, с. 192]. Известный советский исследователь государственного права И.Е. Фарбер также стоял на позиции единства прав и обязанностей, при этом он говорил, что «недопустимо отрывать обязанности граждан от обязанностей государственных органов, учитывая, что и те и другие определяются Основным Законом как конституционные» [21, с. 175].

Обязанность закреплена важнейшими международными документами. В частности, ст. 29 Всеобщей декларации прав человека закрепляет положение о том, что «каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности» [22]. Международный пакт о гражданских и политических правах фиксирует положение, что «отдельный человек имеет обязанности в отношении других людей и того коллектива, к которому он принадлежит» [23].

Согласно мнению Л.Д. Воеводина, конституционные обязанности включают в себя не только ответственность, что составляет их главную особенность, но также свободу, так как каждая конституционная обязанность для своего претворения в жизнь требует активности и инициативы граждан (свободной, сознательной их деятельности) [24, с. 43].

Л.П. Рассказов считает, что «если права и свободы – это сфера власти и свободы индивида, то юридическая обязанность – область необходимости и подчинения», представляющая собой установленную законом меру должного,

общественно-необходимого поведения. В свою очередь, обязанности подразделяются на «естественно-правовые, носителями которых выступает как человек, так и общество, и юридические, носителями которых являются гражданин, государство, его органы и которые отражены в позитивном праве» [25, с. 179–180].

Таким образом, можно сделать вывод, что являясь важнейшим компонентом взаимодействия государства и личности, юридическая обязанность есть установленное и гарантированное законом должное, общественно необходимое поведение в интересах человека, общества и государства.

Список использованных источников:

1. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. – М. : АСТ : Астрель, 2006. – Т. 2 : М–П. – 1160 с.
2. Кант, И. Собрание сочинений : в 8 т. / И. Кант ; под общ. ред. А. В. Гулыги. – Т. 4. – М. : ЧОРО, 1994. – 630 с.
3. Кант, И. Собрание сочинений : в 8 т. / И. Кант ; под общ. ред. А. В. Гулыги. – Т. 6. – М. : ЧОРО, 1994. – 613 с.
4. Осипян, Б. А. Дух правометрии или основание межерологии права / Б. А. Осипян. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 656 с.
5. Витрук, В. Н. Правовой статус личности в СССР / В. Н. Витрук. – М. : Юрид. лит-ра, 1985. – 175 с.
6. Кучинский, В. А. Личность, свобода, право / В. А. Кучинский. – Минск : Наука и техника, 1969. – 198 с.
7. Матузов, Н. И. Теория государства и права : учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – 3-е изд. – М. : Дело, 2009. – 528 с.
8. Зорченко, Е. А. Теория государства и права : пособие / Е. А. Зорченко, Н. А. Полящук, Н. М. Юрашевич ; под общ. ред. Н. М. Юрашевич. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2012. – 308 с.
9. Юридические гарантии конституционных прав и свобод личности в социалистическом обществе / под общ. ред. П. Д. Воеводина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 342 с.
10. Теория государства и права : учебник / В. К. Бабаев [и др.] ; под общ. ред. В. К. Бабаева. – М. : Юристь, 2002. – 592 с.
11. Енгибарян, Р. В. Теория государства и права : учеб. пособие / Р. В. Енгибарян, Ю. К. Краснов. – 2-е изд. – М. : Норма, 2010. – 576 с.
12. Лепешкин, А. И. Правовое положение советских граждан / А. И. Лепешкин. – М. : Мысль, 1966. – 56 с.
13. Нерсесянц, В. С. Философия права / В. С. Нерсесянц. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. – 256 с.
14. Братановский, С. Н. Конституционное право России : учебник / С. Н. Братановский. – 2-изд. – М. : РИОР : ИНФРА-М, 2012. – 375 с.
15. Пиголкин, А. С. Теория государства и права : учебник / А. С. Пиголкин, А. Н. Головастикова, Ю. А. Дмитриев ; под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2011. – 743 с.
16. Конституционное право Российской Федерации : учебник / Н. В. Витрук [и др.] ; под общ. ред. Н. В. Витрука. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 635 с.
17. Ильин, И. А. Путь к очевидности: сочинения / И. А. Ильин. – М. : ЭКСМО-Пресс, 1998. – 912 с.

18. Липинский, Д. А. Проблемы юридической ответственности / Д. А. Липинский ; под ред. Р. Л. Хачатурова. – СПб. : Юрид. центр пресс, 2004. – 409 с.
19. Базылев, Б. Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы) / Б. Т. Базылев. – Красноярск : Краснояр. ун-т, 1995. – 120 с.
20. Матузов, Н. И. Теория государства и права : учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – 3-е изд. – М. : Дело, 2009. – 528 с.
21. Фарбер, И. Е. Советское государственное право : монография / И. Е. Фарбер, О. О. Миронов, В. Т. Кабышев. – Саратов : Саратов. ун-т, 1979. – 324 с.
22. Всеобщая декларация прав человека // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. / сост. Е. В. Кузнецова. – Минск : Амалфея, 2009. – Т. 1. – С. 78–81.
23. Международный пакт о гражданских и политических правах // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. / сост. Е. В. Кузнецова. – Минск : Амалфея, 2009. – Т. 1. – С. 82–94.
24. Воеводин, Л. Д. Юридический статус личности в России : учеб. пособие / Л. Д. Воеводин. – М. : Изд-во МГУ, Издат. группа ИНФРА-М–НОРМА, 1997. – 299 с.
25. Рассказов, Л. П. Теория государства и права : учебник / Л. П. Рассказов. – М. : РИОР : ИНФРА-М, 2010. – 464 с.

ВОПРОСЫ РАВЕНСТВА ПРИ ИСПОЛНЕНИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Т.М. Киселёва,

доцент кафедры конституционного права, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук

Одним из свойств конституционных обязанностей является их общеобязательный характер, что определено содержанием конституционных обязанностей и уровнем их закрепления. Общеобязательность предполагает, что меры должного поведения, закрепленные в Основном Законе, одинаково адресуются всем участникам правоотношений вне зависимости от их статуса, пола, возраста, национальности и других характеристик. В частности, статья 55 Конституции Республики Беларусь устанавливает, что охрана окружающей среды – долг каждого. Этот долг подлежит исполнению любым лицом: гражданами и иностранцами, физическими лицами и юридическими лицами, совершеннолетними и несовершеннолетними и т. д. Но при этом необходимо отметить, что и сама Конституция может устанавливать определенные исключения из общеобязательности. Например, обязанность участвовать в финансировании государственных расходов адресуется непосредственно гражданам Республики Беларусь. Но дальнейшего деления на категории среди граждан Конституция не проводит. Т.е., данная обязанность устанавливается для всех граждан государства вне зависимости от личных характеристик или качеств.

Однако реальное исполнение конституционных обязанностей зачастую опосредуется личностными, субъективными особенностями исполнителя, что вызывает вопрос о существовании фактической общеобязательности конституционных обязанностей. В частности, на процедуру исполнения данных обязанностей могут оказывать влияние возраст, пол, состояние здоровья, имущественное положение и другие характеристики.

При этом зависимость исполнения конституционных обязанностей от личных характеристик субъекта не одинакова по своему содержанию. В одних случаях эта зависимость объективная, наличие определенной характеристики в принципе делает возможным или невозможным исполнение обязанности. Так, обязанность по воспитанию несовершеннолетних детей не может возникнуть у человека, не имеющего детей (отметим, что сама Конституция устанавливает такую обязанность в отношении родителей и лиц, их заменяющих). Или если у гражданина нет на праве постоянного или временного пользования, пожизненного наследуемого владения или в частной собственности земельного участка, он не обязан уплачивать земельный налог.

Но в других же случаях влияние субъективного фактора на исполнение конституционных обязанностей такой объективной основы не имеет, основания для установления исключений не являются очевидными.

Также необходимо отметить, что не всегда различия в исполнении конституционных обязанностей разными субъектами прямо устанавливаются законодательством. В отдельных случаях влияние оказывают сложившиеся в конкретном обществе социальные модели поведения.

Например, часть третья статьи 32 Конституции Республики Беларусь устанавливает в отношении всех родителей и лиц, их заменяющих, обязанность по воспитанию своих детей. Однако в нашей стране традиционно основное бремя по исполнению названной обязанности возлагается на матерей. В частности, по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь женщины затрачивают в среднем в два раза больше времени на ведение домашнего хозяйства и воспитание детей, чем мужчины. В будний день женщины в среднем затрачивают 32 минуты на уход за детьми, в то время как мужчины только 11 минут. На уход за ребенком до 10 лет женщины затрачивают в среднем 2 часа 6 минут в день, а мужчины – 38 минут. При этом именно женщины в основном осуществляют фактический уход за детьми, а мужчины предпочитают проводить время в общении с ними (тратят на это 20 минут в день) [1]. Таким образом, данная конституционная обязанность, хоть и устанавливается для каждого родителя одинаково, фактически в большей мере исполняется женщинами, даже воспитывающими детей в полной семье. При этом закон исключений для родителей не делает, такое распределение бремени по исполнению данной обязанности определило общество и сложившиеся в нем социальные роли. Но закон может повлиять на изменение сложившейся практики. В качестве одного из шагов в направлении решения данной проблемы может стать введение обязательного отпуска по уходу за ребенком для отцов за счет сокращения продолжительности такого отпуска для матерей (за исключением матерей-одиночек). Например, по достижению ребенком 2,5 лет, отпуск для матери заканчивается, но оставшееся время может взять отец ребенка.

Безусловно, такая или подобные меры будут эффективными только при условии готовности отцов брать на себя обязанность по уходу за детьми, а не только общаться с ними в свободное время.

Но зачастую сам закон устанавливает связанные с личными качествами различия в исполнении конституционных обязанностей. Ярким примером выступает обязанность по защите Республики Беларусь, которая установлена статьей 57 Конституции. Исполнение данной обязанности путем прохождения воинской или альтернативной службы возможно исключительно гражданами Беларуси мужского пола, достигшими 18-летнего возраста и не освобожденными от ее прохождения. В данном случае на исполнение рассматриваемой обязанности указанным способом непосредственно влияет возраст, пол и состояние здоровья физического лица.

Однако нельзя утверждать, что иные категории лиц освобождены от исполнения названной обязанности. Её содержание не исчерпывается несением срочной воинской или альтернативной службы. Исполняется она также путём службы в правоохранительных органах, органах государственной безопасности, пограничных служб и т.д. Также ее исполнение осуществляется посредством

воздержания от совершения действий, которые могут причинить вред национальным интересам и безопасности государства, например в результате разглашения государственной или служебной тайны. Таким образом, данные характеристики определяют лишь способы исполнения указанной обязанности, но не выступают основанием для освобождения от неё.

Проявляется такое разграничение и в отношении иных обязанностей. К примеру, статья 52 Конституции устанавливает общую обязанность соблюдать Конституцию и законы. Нормативные правовые акты адресуются физическим лицам, как правило, без уточнения пола. Исключения составляют случаи, связанные с физиологическими вопросами (например, право на аборт гарантируется только женщинам). Поэтому соблюдение и исполнение законов обычно не опосредуется полом лица. Однако при нарушении данной обязанности последствия для мужчин и женщин могут отличаться, что связано с разным набором мер наказания по отношению к правонарушителям разного пола. Так, Уголовный кодекс Республики Беларусь в статьях 58 и 59 устанавливает, что такие виды наказания как пожизненное лишение свободы и смертная казнь не назначаются женщинам. Кроме того, пункт 10 части первой статьи 63 Уголовного кодекса в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность, называет совершение преступления беременной женщиной. Однако каких-либо специальных обстоятельств в отношении мужчин не предусматривается. Кроме того, статья 93 Уголовного кодекса предусматривает отсрочку отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет. Для мужчин подобных льгот не предусмотрено, даже если отец является единственным родителем ребенка.

При этом нельзя утверждать, что противоправные деяния, совершённые женщинами, представляют меньшую опасность. Зачастую более жестокие преступления совершаются именно лицами женского пола. В литературе отмечается, что в последнее время наблюдается значительный рост числа женщин, осужденных за особо тяжкие преступления, преступления, не связанные с семейно-бытовыми конфликтами, участие в террористических актах и преступлениях, совершаемых с применением оружия [2, с. 99]. По данным официальной статистики, из 7 920 преступлений, совершенными женщинами в 2015 году в Республике Беларусь, 83 составляли убийства (1% от общего числа), 163 – умышленное причинение тяжкого телесного повреждения (2%). Для мужчин такой показатель составляет 370 (0,8%) и 679 (1,5%) из 45 162 совершенных ими преступлений [3].

С учетом названных обстоятельств, установление более льготных норм по отношению к женщинам, которые совершают равные по тяжести с мужчинами преступления, является неоправданным и несоответствующим принципу равенства всех перед законом. Если государство вводит подобные льготы с целью защиты детей, то необходимо устанавливать общие правила, распространяемые в равной мере на матерей и отцов, и обеспечить их применение исходя из обстоятельств конкретного дела.

На основе изложенного можно сделать вывод, что конституционные обязанности обладают лишь формальной общеобязательностью, так как они адре-

суются всем физическим лицам или всем гражданам Республики Беларусь, однако процедура их исполнения непосредственным образом зависит от характеристик обязанного субъекта – его возраста, пола, образования, состояния здоровья и т.д. При этом такие различия могут прямо устанавливаться правом, а могут складываться на практике в силу различных причин.

Влияние личных характеристик субъекта на процедуру исполнения конституционных обязанностей может быть объективным (например, когда какое-либо качество делает невозможным исполнение конституционной обязанности), а может и не иметь объективных основания (например, когда такая зависимость существует в силу сложившихся в обществе представлений).

Список использованных источников:

1. Как мы используем свое время [Электронный ресурс] // Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/time_rus.pdf. – Дата доступа: 18.04.2017.

2. Казакова, Е.Н. Реализация уголовно-правовых принципов при применении и назначении пожизненного лишения свободы / Е.Н. Казакова. – Современное право. – 2008. – № 9. – С. 98-103.

3. Женщины и мужчины Республики Беларусь: статистический сборник / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь / отв. ред. И.В. Медведева. – Минск, 2016. – 217 с.

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Н.М. Кондратович,

доцент кафедры конституционного права юридического факультета, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент

Конституция Республики Беларусь 1994 г. в статье 6 закрепляет: «Государственная власть в Республике Беларусь осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную. Государственные органы в пределах своих полномочий самостоятельны: они взаимодействуют между собой, сдерживают и уравновешивают друг друга» [1]. При этом единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь согласно ст. 3 Конституции является народ, который осуществляет свою власть непосредственно, через представительные и иные органы в формах и пределах, определяемых Конституцией. Таким образом, разделение властей в государстве включает непосредственное народовластие и осуществление государственной власти специальными органами государства.

Главная суть принципа разделения властей, как отмечает С.А. Авакьян, и с этой позицией нельзя не согласиться, проявляется в том, что каждая ветвь (каждый уровень) власти занимается своими, юридически порученными ей (ему) делами; ветви (уровни) власти самостоятельны, не имеют права вмешиваться взаимно в деятельность и подменять друг друга; каждая ветвь (каждый уровень) власти обладает средствами воздействия на другие ветви (уровни) власти, чтобы они принимали решения, в которых у данной ветви (данного уровня) власти есть интерес, и чтобы обеспечивался баланс властей, а также соблюдалась законность в их деятельности [2, с.374-375].

Принцип разделения властей не предполагает иерархической подчиненности ветвей власти, они самостоятельны, независимы, взаимовлияют и взаимодействуют строго на основе конституционных норм, закрепляющих систему сдержек и противовесов [3, с. 122].

В рамках реализации концепции разделения властей устанавливается система сдержек и противовесов, обеспечивающая предупреждение возможной абсолютизации власти одной из ветвей. Важное место в этом механизме занимают контрольные функции законодательной власти. Мировая практика идет по пути усиления контрольных полномочий парламента в зарубежных странах и эффективности их реализация. Об этом свидетельствуют конституционные реформы, состоявшиеся во Франции в 2008 г., в РФ и в иных странах. Законом о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. ст. 103 и 114 Конституции были дополнены положением о том, что Государственная Дума ежегодно заслушивает отчеты Правительства РФ о результатах его деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой.

Конституция Республики Беларусь предоставляет парламенту – Национальному собранию Республики Беларусь широкие контрольные полномочия. Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь утверждает республиканский бюджет и отчет о его исполнении (п.2 ст.97); заслушивает доклад Премьер-министра о программе деятельности правительства и одобряет или отклоняет программу; повторное отклонение палатой программы означает выражение вотума недоверия Правительству (п.5 ст.97); рассматривает по инициативе Премьер-министра вопрос о доверии Правительству (п.6 ст.97); по инициативе не менее одной трети от полного состава палаты выражает вотум недоверия Правительству (п.7 ст.97); проводит парламентские слушания. Национальное собрание Республики Беларусь выражает недоверие в целом по отношению к Правительству, однако не имеет такого права по отдельным членам Правительства.

Парламентские слушания — форма деятельности Палаты представителей, состоящая в заслушивании сообщений и мнений депутатов Палаты представителей, представителей государственных органов и общественных объединений, экспертов и специалистов по конкретной проблеме или вопросу, относящемуся к компетенции Палаты представителей. В ходе парламентских слушаний могут быть выработаны рекомендации по обсуждаемым проблеме или вопросу, на основании которых принимается постановление Палаты представителей. Для проведения парламентских слушаний могут проводиться совместные заседания Совета Республики и Палаты представителей.

Совет Республики как палата территориального представительства вправе отменять решения местных Советов депутатов, не соответствующие законодательству (п.5 ст.98); принимать решение о роспуске местного Совета депутатов в случае систематического или грубого нарушения им требований законодательства и иных случаях, предусмотренных законом (п.6 ст.98 Конституции). И здесь наше законодательство имеет пробелы, заключающиеся в отсутствии определения понятий систематического и грубого нарушения законодательства. Осмысливая содержание всей системы сдержек и противовесов, Г.А. Василевич приходит к выводу о том, что оба эти понятия должны рассматриваться не как альтернативные (или-или), а в единстве: грубые нарушения должны иметь систематический характер [4, с. 9].

И, тем не менее, располагая значительным конституционным арсеналом средств парламентского контроля, действенность контрольной деятельности Парламента минимальна, что снижает равновесие ветвей власти.

Не менее важным вопросом является непосредственное участие граждан в управлении делами государства, обеспечиваемое проведением референдумов, обсуждением проектов законов, реализацией законодательной инициативы и иными правовыми способами. Согласно Конституции Республики Беларусь 1994 г. право законодательной инициативы предоставляется ограниченному кругу субъектов, закрепленных в статье 99 Конституции. Это право принадлежит Президенту Республики Беларусь, депутатам Палаты представителей, Совету Республики, Правительству, а также гражданам, обладающим избирательным пра-

вом не менее 50 тысяч человек и реализуется в Палате представителей. Безусловным демократическим достижением действующей Конституции Республики Беларусь является предоставление гражданам возможности непосредственной реализации права законодательной инициативы. Заметим, что Конституция РФ 1993 г. данной возможности своим гражданам на федеральном уровне не предоставляет [5].

Вопрос об изменении и дополнении Конституции Республики Беларусь согласно ст. 138 Конституции рассматривается палатами Парламента по инициативе Президента или не менее 150 тысяч граждан Республики Беларусь, обладающих избирательным правом. Наделение граждан правом законодательной инициативы, правом инициировать изменения и дополнения в Конституцию Республики Беларусь создает реальные возможности для участия граждан в решении общегосударственных вопросов, способствует налаживанию диалога между гражданским обществом и властными структурами, стимулирует правовую активность граждан. Принятый Закон Республики Беларусь «О порядке реализации права законодательной инициативы гражданами Республики Беларусь» предусмотрел процедурные правила реализации гражданами своего конституционного права [6]. При всей позитивности данного закона, следует отметить ряд особенностей, затрудняющих реализацию данного права. Сбор подписей граждан за предложение о внесении проекта закона в Палату представителей проводится только членами инициативной группы в месячный срок со дня регистрации инициативной группы и проекта закона. Столь жесткие временные рамки сбора подписей граждан ограничивают возможности реализации права законодательной инициативы. При этом инициативная группа вносит проект закона в Палату представителей в течение трех месяцев с момента передачи Центральной комиссией инициативной группе заключения о соблюдении инициативной группой требований настоящего Закона и копии протокола о результатах сбора подписей, подтверждающего наличие не менее 150 тысяч подписей граждан при инициировании внесения изменений, дополнений или толкования Конституции Республики Беларусь и не менее 50 тысяч подписей граждан при инициировании принятия законов Республики Беларусь.

Проект закона до внесения его в Палату представителей направляется инициативной группой на обязательную юридическую экспертизу в Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь. К проекту закона, направляемому на обязательную юридическую экспертизу в Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, прилагаются следующие сопроводительные документы: сопроводительное письмо с обоснованием необходимости принятия проекта закона, включая финансово-экономическое обоснование; сведения о согласовании и визировании проекта закона, в том числе замечания и предложения, не учтенные при его согласовании (визировании). К проекту закона могут прилагаться и другие относящиеся к нему материалы, в том числе и запрашиваемые Национальным центром законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

Видится вполне обоснованным предоставить возможность гражданам осуществлять право законодательной инициативы посредством сбора не менее 150 тысяч подписей граждан при инициировании внесения изменений, дополнений или толкования Конституции Республики Беларусь и не менее 50 тысяч подписей граждан при инициировании принятия законов Республики Беларусь в Интернете, разработав порядок официальной регистрации тех, кто хотел бы стать участником такой системы, запретив анонимность [7, с. 660]. Необходимо поднять на качественно новый уровень реализацию конституционного права осуществления законодательной инициативы непосредственно гражданами как формы прямого народовластия, как гарантии участия в управлении делами государства и общества.

Список использованных источников:

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.

2. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб: пособие: в 2 т. / С.А. Авакьян. – 5-е изд., перераб. и доп.– Т.1. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 863 с.

3. Приходько, Л.А. Некоторые аспекты доктринального толкования действующей Конституции Республики Беларусь / Л.А. Приходько // Теоретико-методологические и конституционные основы развития системы права Республики Беларусь: сборник статей / Белорусский государственный университет. – Минск: Право и экономика, 2011. – С. 118-127.

4. Василевич, Г.А. Коллегиальные представительные органы – основные субъекты конституционно закрепленной системы сдержек и противовесов / Г.А. Василевич // Ценностная парадигма Основного закона Республики Беларусь: материалы респ. науч.-практ. конф., 14 марта 2013 г., Минск / редкол.: Г.А. Василевич [и др.]. – Минск: Изд. центр БГУ, 2013. – С. 7-11.

5. Конституция Российской Федерации 1993 года (с учетом поправок, внесенных федеральными конституционными законами от 30.12.2008 № 6-ФКЗ и от 30.12.2008 №7-ФКЗ). – М.: ИНФРА-М, 2012. – 48 с.

6. О порядке реализации права законодательной инициативы гражданами Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 26 ноября 2003 г. № 248-З с изм. И доп. от 4 июня 2015 г. № 268-З (Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 06.06.2015, 2/2266) / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/>– Дата доступа: 06.09.2017.

7. Кондратович, Н.М. К вопросу о политической системе и ее закреплении в Конституции Республики Беларусь/ Н.М. Кондратович // Конституционное право и политика: сборник материал. междунар. конф.: Юрид. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова. 28-30 марта 2012 г. / отв. ред. д.ю.н., проф. С.А. Авакьян. – М.: Издательство “Юрист”, 2012. – С.655-661.

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

Л.Н. Красницкая,

аспирантка юридического факультета, кафедра международного частного права, Университет в Белостоке

Согласно международному праву реализация прав человек на национальном уровне предполагает определенный набор обязательств, возлагаемых на государство с целью гарантии и защиты прав и основных свобод человека. Право на образование, как одно из прав человека, закрепленных в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, представляет собой совокупность обязательств государства, рассматриваемых в трех плоскостях: обязательство уважать, обязательство защищать и обязательство осуществлять право [1, п.30]. Обязательство уважать означает, что государство не должно вмешиваться при реализации права индивидуумами. Защита предусматривает активные действия государственных органов для предотвращения нарушения прав человека другими субъектами. Обязательство по осуществлению права предусматривает активные действия со стороны государства – административные, законодательные, экономические и другие меры, направленные на воплощение прав человека в определенные социальные процессы. Все обязательства государства должны представлять собой сбалансированную образовательную политику, направленную на сохранение и поддержание сущности и природы права человека на образование.

Право человека на образование в Республике Беларусь (ст. 49 Конституции) реализуется посредством осуществления соответствующими государственными органами разнообразных функций, как активного, так и пассивного характера.

На примере правового регулирования сферы высшего образования можно проследить несбалансированность обязательств государственных органов осуществлять и защищать право на образование по отношению к обязательству уважать. Принятие парламентом Кодекса Республики Беларусь об образовании является прогрессивным шагом в унифицировании административных, управленческих и иных процессов в области образования. Тем самым, на законодательном уровне единым правовым актом за государственными органами закреплен спектр широких полномочий, позволяющих воздействовать на процесс образования и его содержание.

Согласно ст. 109 и 205 Кодекса Республики Беларусь об образовании Министерство образования разрабатывает и утверждает образовательные стандарты, что, несомненно, соответствует международным рекомендациям в области образования, закрепленных ст. 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и параграфу 54 Замечания общего порядка №13 [2]. Вместе с тем, разработка на национальном уровне типовых учебных планов,

определяющих перечень, последовательность и объем учебных дисциплин (п.3 ст. 217 Кодекса об образовании), а также учебных программ (типовых) с целями, содержанием учебных дисциплин и методов обучения (п. 8 ст. 217 Кодекса об образовании), на наш взгляд, является достаточно значительным вмешательством в образовательный процесс, осуществляемый учреждениями образования, и ограничивает свободу учреждений образования. Более того, содержание учебных программ определенного учебного заведения не должно отличаться более, чем на 30 процентов от типового плана и программы, утвержденного Министерством образования [3, п.4.8]. Тем самым содержание образовательного материала, выбор методов передачи знаний и способов контроля ожидаемых учебных результатов значительно ограничиваются и зависят от воли государственных органов, что не соответствует понятию академической свободы в международном праве, закрепленному в параграфе 39 Замечания общего порядка №13. Полагаем, что следует сохранить за государственными органами полномочия по разработке и утверждению образовательных стандартов, обязательных для всех, однако предоставить учреждениям образования больше свободы в планировании и организации содержания учебного процесса, освободив от обязанности следования типовым учебным планам и программам. В целях полной реализации права человека на образование государственным органом при исполнении своих функций следует руководствоваться принципом сдержек и противовесов, обеспечивая баланс между степенью вмешательства и воздержания в реализации права человека на образование. При этом международные правовые инструменты и рекомендации могут служить путеводителем в имплементации прав человека на национальном уровне.

Список использованных источников:

1. Маастрихтские руководящие принципы, касающиеся нарушений экономических, социальных и культурных прав [Электронный ресурс] // ООН, 22-26 янв. 1997 г. – Режим доступа: <http://hrlibrary.umn.edu/instreet/RMaastrichtguidelines.html>. – Дата доступа: 05.09.2017.

2. Замечание общего порядка № 13: Право на образование (Статья 13 Пакта) // Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам, 8 дек. 1999 г., E/C.12/1999/10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/gencomm/Rescgencom13.html>. – Дата доступа: 05.09.2017.

3. Порядок разработки и утверждения учебных программ и программ практики для реализации содержания образовательных программ высшего образования I степени, утв. Приказом Министра образования Республики Беларусь, 27 мая 2013 г., № 405 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО: ПРИНЦИП ИЛИ ПРАВО ЧЕЛОВЕКА?

Л.А. Краснобаева,

заведующий кафедрой теории и истории государства и права Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», кандидат юридических наук, доцент

Принцип равенства женщин и мужчин и соответствующий запрет дискриминации является в настоящее время фундаментальным принципом международного права о правах человека. Всеобщая декларация прав человека (ВДПЧ), 1948 года, провозглашает, что: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения» [2].

Схожие антидискриминационные положения можно найти в Международном пакте о гражданских и политических правах (статья 2 (1) и 3) и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (статья 2 (1) и 3), которые были приняты в 1966 году.

При исследованиях, посвященных правовому статусу человека и гражданина должен учитываться принцип равенства, как принцип, который раскрывается через содержание прав, свобод, обязанностей, ответственности как мужчин, так и женщин. Конституционная доктрина равенства двух полов раскрывается через категорию равных возможностей. Равенство возможностей - это система обеспечения равенства в правах.

Впервые ЮНИФЕМ определил гендерное равенство как право человека. Декларация тысячелетий ООН рассматривает гендерное равенство как фундаментальное право человека: «в рамках Целей развития, сформулированных в Декларации тысячелетия, были достигнуты определенные успехи в сфере обеспечения гендерного равенства (в том числе предоставлен равный доступ к начальному образованию и мальчикам, и девочкам), но повсюду в мире женщины и девочки продолжают страдать от дискриминации и насилия. Гендерное равенство – это не только одно из основных прав человека, но и необходимая основа для достижения мира, процветания и устойчивого развития. Предоставление женщинам и девочкам равного доступа к образованию, медико-санитарному обслуживанию, достойной работе и участию в процессах принятия политических и экономических решений будет способствовать достижению устойчивости экономики и принесет пользу обществу и человечеству в целом» [3].

Гендерное равенство может рассматриваться исключительно как право на развитие. Право на развитие является неотъемлемым правом человека, в силу которого каждый человек и все народы имеют право участвовать в таком экономическом, социальном, культурном и политическом развитии, при котором могут быть полностью осуществлены все права человека и основные свободы, а также содействовать ему и пользоваться его благами [4]. С этой точки зрения

гендерное равенство важно по причине его инструментальной ценности в продвижении развития: поскольку цели развития страны не могут быть достигнуты, пока положение женщин и мужчин не будет улучшено, необходимо уделять внимание проблемам, с которыми сталкиваются женщины.

Что дает нам понимание гендерного равенства как право человека?

Во-первых, права человека – это единственные ценности, в отношении которых достигнут консенсус на глобальном уровне. Политический и экономический режимы, культурные и религиозные традиции широко различаются во всем мире и постановка вопроса, какая система правильна, а какая нет – не верна. Однако общие элементы всех этих источников сведены вместе в ходе развития международной законодательной базы в сфере прав человека. По крайней мере, на сегодняшний день сформировано общее согласие относительно уровня человеческих ценностей, что позволяет нам проводить значимые и конструктивные обсуждения того, как надо относиться к людям, несмотря на наше различия. Один из центральных принципов прав человека – все люди, включая женщин, равны и не должны подвергаться дискриминации. Как только гендерное равенство понимается как право человека, ему не требуется дополнительных обоснований, а легитимность деятельности по продвижению гендерного равенства не зависит от доказывания полезности такой деятельности для других целей как, например, целей развития или экономического роста.

Во-вторых, международные стандарты прав человека не являются «законом» как, например, уголовный кодекс. Реализация прав человека намного сложнее. Однако одной из общих характеристик, как международного, так и национального права человека, являются очень четко сформулированные обязательства того, что должно быть сделано, что не должно делаться и кто несет ответственность за такие действия. К примеру, становясь участником Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [5], государство берет на себя обязательство осуществлять большой спектр определенных мер, направленных на продвижение гендерного равенства. Содержание таких обязательств не может быть изменено отдельными правительствами или организациями.

В-третьих, универсальный набор детальных требований к обеспечению гендерного равенства на самом деле может быть препятствием, а не преимуществом в деятельности по вопросу гендерного равенства, если такие требования слишком абстрактны или не поддаются изменениям. Проблемы, с которыми сталкиваются женщины, различаются в разных странах. Даже внутри одной страны они могут со временем отличаться. Международная система прав человека предназначена для того, чтобы быстро реагировать на происходящее и быть гибкой [3].

Таким образом, конструкция гендерного равенства может быть изучена через четыре параметра.

- это права человека как универсальный стандарт политических, гражданских, экономических, социальных и культурных прав и свобод для мужчин и женщин. Эти стандарты закреплены в Конституции, в международных актах и подлежат безусловному осуществлению. Стандарты равенства фактически являются обязательными для государств, которые ратифицировали международно-правовые акты и признают права человека как основополагающий принцип политики.

- это права человека как права женщин. Это особая группа прав человека, она содержит в себе генеральную идею обеспечения прав человека как прав женщин. Признание этих прав связано с нарушением равенства, его идеологии и практики реализации в обыденной жизни. Проблема прав женщин является неотъемлемой составляющей проблематики прав человека как одного из важнейших достижений цивилизации [6].

- это права, свободы, обязанности, ответственность - это основные элементы конституционного правопонимания. Эти элементы очень показательны. Они являются мерилем, измерением стандарта равенства в конституции и текущем законодательстве.

- это равные возможности, основной элемент гендерного (и не только гендерного) равенства. Он отражает адекватность, степень реализации и степень гарантированности стандарта равенства, который содержится в Конституции и законодательстве.

С авторской точки зрения, равенство двух полов закрепленное в законодательстве есть принцип уважения человека в его гендерном измерении. И если этот принцип провести последовательно в текущем законодательстве, то мы получим реализацию принципа равенства для двух полов, с учетом различий между ними. Различия, гендерные особенности в статусе мужчин и женщин не препятствуют равенству, а лишь нуждаются в учете и включенности в законодательство.

Список использованных источников:

1. The European Charter for Equality of Women and Men in Local Life. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.ccre.org/docs/charte_egalite_en.pdf - Дата доступа: 02.09.2017.

2. Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН от 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml - Дата доступа: 01.09.2017.

3. Цели развития тысячелетия: доклад за 2014 год. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/pdf/Russian2014.pdf> - Дата доступа: 30.08.2017.

4. Декларация о праве на развитие. Принята резолюцией 41/128 Генеральной Ассамблеи от 4 декабря 1986 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/right_to_development.shtml - Дата доступа: 01.09.2017.

5. Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml. – Дата доступа: 04.09.2017.

6. Барандова, Т.Л. Гендерное измерение прав человека: понятия, практики нарушений и механизмы защиты [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.hse.ru/.../Барандова_РАПН_гендерное_измерение_ПЧ_XXI_ - Дата доступа: 06.09.2017.

**ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ ГЕНДЕРНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ:
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИНКОРПОРИРОВАНИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Н.И. Красовская,

заведующий Центром социально-демографических исследований, Научно-исследовательский институт труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь», кандидат юридических наук

Республикой Беларусь ратифицирован ряд международных документов, направленных на обеспечение гендерного равенства и преодоление дискриминации по признаку пола. По данным ПРООН, наша страна по индексу гендерного равенства занимает 28-е место среди 152 стран мира [1]. Согласно Докладу о глобальном гендерном разрыве 2016 года по версии Всемирного экономического форума Беларусь занимает 30-е место из 144 государств [2]. Такое высокое положение является следствием целенаправленной и многолетней работы по признанию и инкорпорированию постулата «гендерное равенство» в состав важнейших целей развития белорусского общества.

Вместе с тем проблема гендерного равенства продолжает оставаться актуальной как в Республике Беларусь, так и в мире в целом. Это связано с признанием гендерного равенства не только целью, но и средством (ресурсом, фактором) прогресса социально-экономического развития каждой страны. Обеспечение гендерного равенства определено ООН одной из 17 Целей устойчивого мирового развития на период до 2030 года [3]. Гендерное равенство оказывает влияние на устойчивое развитие благодаря его способности к выравниванию возможностей каждого современного человека в социуме, а также к созданию условий для роста человеческого потенциала.

Одним из инструментов реализации гендерного равенства является гендерное бюджетирование. Рассмотрение бюджета в качестве инструмента продвижения гендерного равенства означает гендерную оценку бюджета, учет гендерной проблематики на всех уровнях бюджетного процесса, реструктуризацию доходов и расходов в целях гендерного равенства [4].

Первые гендерные бюджетные инициативы были предприняты Австралией в 1984 г, а за последнее десятилетие, по оценке ОЭСР, около 90 стран осуществляли деятельность в области гендерного бюджетирования [5]. Часть стран закрепила принцип гендерного равенства в своих конституционных актах (Австрия, Бельгия, Мексика, Норвегия и Испания). Уникальным государством в этом смысле является Австрия, так как ее Конституция закрепляет гендерное равенство в качестве национальной задачи в сфере государственных финансов: «Правительство национального, регионального и местного уровней должно стремиться в управлении своим бюджетом к эффективному обеспечению равенства мужчин и женщин» (пункт 3 статьи 13); «Фундаментальными принципами в управлении национальным бюджетом в целях обеспечения равенства мужчин

и женщин должны стать прозрачность, эффективность и честное и справедливое представление финансового положения Федерального правительства Австрии» (пункт 8 статьи 51) [6].

В законах о бюджете Испании, Нидерландов, Южной Кореи, Франции, Мексики, Исландии, Австрии имеются статьи по гендерному бюджетированию. Например, закон о бюджете Исландии предписывает, чтобы все министерства, прежде чем представить свои бюджетные предложения, осуществляли их гендерный анализ. В Испании все министерства направляют в Министерство по бюджету и расходам доклады с анализом влияния на гендерное равенство их бюджетных программ, на основе которых готовится общий доклад об обеспечении гендерного равенства, сопровождающий Национальный доклад о состоянии бюджета. Австрийский закон о бюджете закрепляет, что каждая глава ежегодного бюджета должна содержать конкретные измеряемые цели, из которых как минимум одна должна относиться к гендерному равенству. Например, сокращение разрыва в оплате труда мужчин и женщин, развитие женского предпринимательства, улучшение здоровья мужчин старше 50 лет и др. [5]. Бельгийский Акт об учете гендерной проблематики закрепил обязательность учета гендерного равенства на каждом этапе процесса разработки политических и экономических мер во всех федеральных органах. Также предусмотрено обязательство по внедрению гендерных подходов в процесс подготовки бюджета, в частности, закреплена необходимость составления «гендерной аннотации», в которой должны быть подробно указаны статьи бюджета, соответствующие деятельности по достижению равенства между мужчинами и женщинами [7].

Только три страны ОЭСР, осуществляющие гендерное бюджетирование (Финляндия, Япония и Швеция) отмечают, что их практика гендерного бюджетирования не закреплена какими-либо правовыми документами. В Финляндии гендерный бюджет опирается на административную практику, а в Японии и Швеции инициатива гендерного бюджетирования поддерживается и продвигается на высоком политическом уровне. Эта политическая приверженность особо ярко выражена в Швеции, где современное правительство называют «первым в мире феминистическим правительством», деятельность которого опирается на давнюю традицию продвижения идей гендерного равенства [5; 7]. Зарубежный опыт программного гендерного бюджетирования свидетельствует, что его достоинствами являются: ориентированность на эффективность; четко обозначенные цели; поддающиеся измерению результаты; возможность маневрирования ресурсами; упрощенная структура программных бюджетов, повышающая его прозрачность и доступность для всех заинтересованных лиц. В большинстве зарубежных государств в соответствии с их экономическими возможностями программное гендерное бюджетирование направлено на повышение участия женщин в принятии решений, обеспечение женской занятости, ликвидацию неравенства в оплате труда бюджетной сферы, поддержку материнства и детства, вовлечение в предпринимательскую деятельность и др.

Сегодня Беларусь также стоит на пороге реформирования системы управления государственными финансами. Постановлением Совета Министров от 23

декабря 2015 г. № 1080 определена стратегия реформирования системы управления государственными финансами Республики Беларусь. Ее цель — обеспечение долгосрочной сбалансированности и устойчивости бюджетной системы, повышение качества управления государственными финансами [8].

В стране существуют предпосылки инкорпорирования гендерного фактора в бюджетный процесс. Конституция Республики Беларусь гарантирует женщинам равные с мужчинами возможности в получении образования и профессиональной подготовке, в труде и продвижении по службе (работе), в общественно-политической, культурной и других сферах деятельности, а также создании условий для охраны их труда и здоровья (статья 22, части вторая и пятая статьи 32).

Бюджетный кодекс Республики Беларусь закрепляет понятие программно-целевого метода в бюджетном процессе как метода управления средствами республиканского и (или) местных бюджетов, бюджетов государственных внебюджетных фондов при выполнении государственных программ, направленного на достижение конкретных результатов с учетом оценки эффективности использования данных средств на всех стадиях бюджетного процесса. Именно появление и развитие программно-целевого метода способствовало включению гендерного измерения в экономику. Программно-целевое бюджетное планирование представляет сочетание двух форм финансового планирования: бюджета и программно-целевых актов. Традиционно бюджет структурируется на основе постатейной разбивки. Основное внимание уделяется затратам, то есть объему ассигнований, а не результату, который должен быть достигнут за счет данных ассигнований. Цель программно-целевого бюджетирования – увязать расходы с результатами [9].

В стране уже создана нормативная и методическая база для разработки государственных программ — это указы Президента Республики Беларусь, постановления Совета Министров Республики Беларусь, Министерства экономики Республики Беларусь. Методология прошла апробацию при подготовке Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016 – 2020 годы, включающей 20 государственных программ.

Вместе с тем применение инструментов гендерного бюджетирования требует совершенствования законодательства. Необходимо разработать Государственную стратегию гендерной политики Республики Беларусь, которая бы обозначила государственную политику по этому вопросу и определила модель гендерного мейнстриминга. Обязательным разделом стратегии должен стать раздел о введении гендерного фактора в процесс разработки бюджета, проведении гендерного анализа бюджетов государственных программ. Это позволит устранить разногласия между целями и порядком расходования бюджетных средств, гарантирует соблюдение принципа гендерного равенства при распределении ресурсов.

В Бюджетный кодекс необходимо внести положения, закрепляющие обязательность проведения оценки бюджетных статей (государственных программ) на предмет их влияния на гендерное равенство до их включения в бюджет; комплексной оценки бюджета (государственных программ), включающей оценку того, как существующее распределение государственных доходов и расходов

способствует гендерному равенству; гендерного аудита бюджета, осуществленного компетентным органом, отличным от органа, составляющего бюджет, который представит независимый объективный анализ степени достижения гендерного равенства за счет политики, заложенной в годовом бюджете. Необходимо также принять специальный закон «О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин».

Список использованных источников:

1. Рейтинг стран мира по уровню гендерного равенства по версии ПРООН [Электронный ресурс] / Информационно-аналитическое агентство «Центр гуманитарных технологий». – Режим доступа : <http://gtmarket.ru/ratings/gender-equity-index-un/info>. – Дата доступа : 28.08.2017.

2. World Economic Forum: The Global Gender Gap Report 2016 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://gtmarket.ru/ratings/global-gender-gap-index/info>. – Дата доступа : 07.07.2017.

3. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. – Режим доступа : <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru>. – Дата доступа : 28.08.2017.

4. Gender Equality Glossary [Electronic resource] / Council of Europe. – Gender Equality Commission. – Mode of access : <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016805a1cb6>. – Date of access : 21.08.2017.

5. Gender Budgeting in OECD countries : 37th Annual Meeting of OECD Senior Budget Officials, Stockholm, 9-10 June 2016 / Public Governance and Territorial Development Directorate. – Stockholm, 2016. – 43 p.

6. Austria's Constitution of 1920, Reinstated in 1945, with Amendments through 2013 [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.constituteproject.org/constitution/Austria_2013.pdf?lang=en. – Date of access : 28.08.2017.

7. Schmitz, C. Gender Responsive Budgeting in the Nordic Countries. The Scandinavian Experience: Barriers, Results and Opportunities / C.Schmitz. – Denmark, 2004. – 12 p.

8. О реформировании системы управления государственными финансами Республики Беларусь : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 дек. 2015 г., № 1080 // Эксперт [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

9. Курченко, Л.Ф. Программно-целевое бюджетирование как инновационное направление реформирования бюджетного процесса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=4>. – Дата доступа: 07.03.2017.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА В СИСТЕМЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

М.А. Крылов,

*аспирант кафедры международного права и международных отношений, НУ
«Одесская юридическая академия»*

До Второй мировой войны и появления международных договоров, посвященных правам человека, человек располагал незначительным числом процедур защиты своих прав, нарушенных, в частности, его собственным государством. С другой стороны, в случае нарушения прав человека за границей иностранным государством, государство гражданства могло бы выступить в его защиту.

В настоящее время сложилась развитая конвенционная и институциональная система защиты прав человека, представленная как универсальными, так и региональными механизмами защиты прав человека. В свете этих тенденций многие пытаются утверждать, что дипломатическая защита как институт защиты прав человека устарела. В общих чертах выдвигается следующая аргументация: на смену стандарту равного с гражданами обращения, который отстаивали развивающиеся страны, и международному минимальному стандарту обращения с иностранцами, за который выступали западные державы, пришел международный правозащитный стандарт, который наделяет граждан и иностранцев одним и тем же стандартом обращения, – стандартом, инкорпорирующим ключевые положения Всеобщей декларации прав человека. Более того, утверждается даже, что сегодня человек является субъектом международного права, способным отстаивать свои права на международном уровне. Ввиду отмеченного право государства выдвигать претензию от имени своего гражданина должно ограничиваться случаями, когда отсутствуют другие способы защиты нарушенных прав. Согласно этому подходу, право государства отстаивать собственное право, когда оно действует от имени своего гражданина, является устаревшей фикцией, и от нее следует отказаться, ограничив случаями, когда затронуты реальные интересы государства. Например, когда нарушения прав иностранцев носят систематический характер и демонстрируют политику дискриминации по отношению ко всем гражданам соответствующего государства.

Высказывается мнение, что изменения в области международной защиты прав человека сделали дипломатическую защиту устаревшим институтом. В частности, специальный докладчик по вопросу об ответственности государств Гарсиа Амадор утверждал, что традиционное представление о том, что дипломатическая защита позволяет государству выдвигать претензии от имени своего потерпевшего гражданина восходит к эпохе, когда права человека и права государства были неразделимы [1, с. 421]. Теперь сложилась совсем иная ситуация, и иностранцы, подобно гражданам, пользуются правами просто как человеческие создания, а не в силу своего гражданства. А это значит, как утверждал Гарсиа Амадор, что иностранец обрел международное признание в качестве право-

способного субъекта независимо от его государства; и он является истинным субъектом международных прав [1, с. 437-439].

Однако если сложившаяся на Европейском континенте на основе Конвенции о защите прав человека и основных свобод правовозащитная система предоставляет реальные средства правовой защиты миллионам европейцев, то другие региональные системы защиты прав человека – американская или африканская, – не могут похвастаться такими успехами. Более того, большинство мирового населения, которое проживает в Азии, не защищено никакой региональной правовозащитной конвенцией. И поэтому говорить о том, что универсальные или региональные правовозащитные конвенции предлагают эффективные средства правовой защиты прав человека, преждевременно. Универсальные и региональные правовозащитные конвенции распространяют защиту на всех лиц, как граждан, так и иностранцев, в пределах территории государств-участников. Но до тех пор, пока человек не обретет всеобъемлющих процессуальных прав и средств правовой защиты по международному праву, отказ от дипломатической защиты представлял бы собой регресс с точки зрения прав человека. Ее следует укреплять и поддерживать как важный инструмент защиты прав человека, а вовсе не отвергать как реликт былой эпохи.

Помимо многосторонних договоров, нормы по правам человека закрепляет и свод норм международного обычного права, куда входит и институт дипломатической защиты. Международные договоры имеют важное значение, но им присущи слабые средства правовой защиты. Дипломатическая защита выступала в качестве обычной нормы международного права, которая имела универсальное применение и обеспечивала более эффективное средство правовой защиты, поскольку большинство государств более серьезно восприняли бы претензию со стороны другого государства в порядке дипломатической защиты, нежели жалобу на его поведение в орган мониторинга по правам человека.

В связи с отмеченным, считаем, что дипломатическая защита остается важным орудием в арсенале средств защиты прав человека. И пока государство остается доминирующим субъектом международных отношений, поддержка государствами претензий, связанных с нарушением прав их граждан, в порядке дипломатической защиты остается наиболее эффективным средством правовой защиты человека.

Список использованных источников:

1. Garcia-Amador, F. V. State Responsibility. Some New Problems / Francisco V Garcia-Amador, Second Report, United Nations document A/CN.4/106. // *Recueil des Cours*. Т. 94 (1958-II). – P. 365-491.

НАРОДНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ (НАРОДОВЛАСТИЕ) КАК ОСНОВА КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А.И. Курак,

доцент кафедры конституционного и административного права, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Как известно, в юридической литературе выделяют три формы суверенитета: суверенитет народа, суверенитет государства и суверенитет нации. Содержание же самого понятия «суверенитет» (от латинского «*suverenus*», что означает «правитель», «тот, кто имеет в руках наивысшую власть», «тот, кто является носителем верховной власти») было разработано еще в XVI в. французским философом Ж. Боденом, который суверенитетом обосновывал неограниченную власть монархов. Полагаем возможным высказать идею о том, что именно с этого момента и происходит зарождение суверенитета государства, поскольку именно монарх в своем лице олицетворял всю государственную власть. Однако учение о суверенитете не оставалось неизменным и уже в XVII – XVIII вв. оно стало использоваться в целях утверждения демократической концепции государства, родоначальником которой по праву можно считать известного французского мыслителя Ж. Руссо, заявившего об ином источнике власти – народе, которому данная власть и должна принадлежать.

Принцип народовластия, т.е. принадлежности всей полноты власти народу нашел отражение и в современной Конституции Республики Беларусь. При этом важно отметить, что данный принцип закреплен в ее первом разделе «Основы конституционного строя», причем в его начальной статье, в первые провозгласившей нашу страну демократическим государством [1]. Это общее положение о демократическом характере Республики Беларусь находит развитие и детализацию в ряде последующих статей Конституции. В частности, в ст. 3 прямо указывается, что единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ, который осуществляет свою власть как непосредственно, так и через представительные и иные органы.

Что касается представительной демократии, то обычно ее связывают лишь с наличием системы избираемых органов государственной власти и местного самоуправления. Как нам представляется, понятие представительной демократии следует рассматривать несколько шире, поскольку после выборов между избранными и избирателями устанавливается определенная система взаимоотношений. Имеются в виду встречи депутатов с избирателями, их отчеты о своей деятельности и работе соответствующего представительного органа. Сюда можно отнести также систему демократических форм работы, применяемых внутри самих представительных органов.

К непосредственным (прямым) формам участия народа в управлении делами общества и государства ст. 37 Конституции относит референдум, обсужде-

ние проектов законов, вопросов республиканского и местного значений. Здесь же отмечается также, что обсуждение вопросов государственной и общественной жизни граждане могут осуществлять на республиканских и местных собраниях. В ст.97 Конституции закреплено право граждан на внесение предложений об изменении и дополнении Основного Закона, а в ст. 99 - их право законодательной (правотворческой) инициативы.

На наш взгляд, к формам непосредственной демократии следует относить и такие предусмотренные законодательством права граждан как возможность отзыва не оправдавших доверие депутатов, избрание органов территориального общественного самоуправления.

Важной новеллой действующей Конституции белорусского государства является и положение, отраженное в ст.4, согласно которой демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе многообразия политических институтов, идеологий и мнений.

Соответствующие положения, касающиеся народовластия, содержатся и в некоторых других статьях Конституции, что свидетельствует о его важности и значимости в функционировании нашего государства. По сути дела, народовластие выступает в качестве основы всего конституционного строя Республики Беларусь. Как справедливо отмечает известный отечественный ученый Г. А. Василевич «весь смысл Конституции, ее цель – обеспечить торжество добра и справедливости, что присуще такому творцу истории, как народ» [2, с.15].

Рассматривая тему народного суверенитета, полагаем необходимым коснуться и понятия суверенитета нации, которое возникло в начале XX в. и отождествлялось с полновластием нации, ее правом на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Однако, как оказалось, подобное учение не выдержало проверку временем, оказалось ошибочным. В конечном итоге суверенитет нации явился средством разрушения многонационального государства и, прежде всего, с федеративной формой устройства, что мы и наблюдали на примерах бывших СССР, Чехословакии, Югославии. Не иначе, как стремлением к национальному суверенитету обусловлены существующие на национальной почве конфликты и в некоторых современных государствах.

В условиях демократического государства в отношении «суверенитета нации» речь должна идти о равноправии всех проживающих здесь наций, а не о возможности их отделения и выхода из состава государства. Поэтому неслучайно современные Конституции, в т.ч. и Беларуси исходят из невозможности существования в пределах одного государства суверенных властей, проживающих в нем наций. И лишь безответственные националисты и сепаратисты могут выдвигать требование предоставления отдельным нациям привилегий, раскола государства под видом популистского лозунга «право наций на самоопределение». Реализация национального суверенитета должна сочетаться с учетом интересов и настроений всех граждан, проживающих на территории страны. Иными словами, суверенитет наций должен осуществляться в рамках общенародного суверенитета, являясь неотъемлемой частью последнего. Как отмечал известный

французский юрист Леон Дюги «... на одной и той же территории может существовать лишь один суверенитет... Суверенитет неделим» [3, с. 131].

Демократические Конституции устанавливают равноправие всех граждан независимо от расы, национальности, языка, религии и других подобных признаков. Так, в соответствии со ст. 14 Конституции Беларуси «государство регулирует отношения между социальными, национальными и другими общностями на основе принципов равенства перед законом, уважения их прав и интересов».

На наш взгляд, суверенитет народа является первичным и в отношении суверенитета государства. Государственный механизм является лишь инструментом, с помощью которого народ и реализует свою суверенную волю.

Таким образом, между всеми тремя формами суверенитета существует взаимообусловленная связь, но в тоже время они довольно самостоятельны. Однако роль первоосновы здесь отводится суверенитету народа. Как справедливо отмечает профессор Д. М. Демичев, народный суверенитет «можно считать предпосылкой суверенитета государственного и суверенитета национального [3, с. 130].

В рамках тезисов полагаем возможным высказать некоторые собственные мнения в отношении референдума, как высшей формы непосредственной демократии. Однако в начале отметим, что в бывшем СССР до принятия Конституции 1936 г. институт референдума в основном негативно оценивался в юридической литературе. Однако с принятием данной Конституции подход в отношении оценки референдума со стороны ученых изменился. Это было связано с тем, что ст. 49 указанная Конституция провозгласила возможность использования референдума, который характеризовался как всенародный опрос. Право проводить опрос, референдум предоставлялось Президиуму Верховного Совета СССР по собственной инициативе или по требованию одной из союзных республик [4]. Институт опроса (референдума) был закреплен и в ст. 31 Конституции БССР 1937 г., в соответствии с которой право его проведения предоставлялось Президиуму Верховного Совета БССР [5]. Однако при этом отметим, что практики проведения референдумов ни на уровне СССР (если не считать референдум 17.03.1991 г. по вопросу сохранения Союза), ни в рамках БССР не было. Что же касается современной Беларуси, то здесь референдум не только получил формальное закрепление на уровне Конституции, но, как известно, неоднократно и проводился на республиканском уровне. В то же время (на наш взгляд, к сожалению) практики проведения местных референдумов в республике пока не имеется.

В завершение остановимся на проблеме соотношения юридической силы решения референдума с иными нормативными актами. Как известно, Закон «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» решение референдума определяет в качестве одного из видов нормативных правовых актов. Однако его юридическую силу данный Закон не устанавливает т.е. здесь явно имеет место правовой пробел [6]. Как нам представляется, определяя юридическую силу решения референдума, следует исходить из значимости вынесенного на него вопроса. Так, решение референдума по внесению в Конституцию изменений или дополнений по своей юридической силе должно находиться на уровне последней.

Референдумом могут приниматься и текущие законы. В связи с этим, представляется логичным отграничить и этот вид законов, назвав их, к примеру, референдарными и придав им более высокую юридическую силу в сравнении не только с обычными, но и программными законами.

В Законе «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» следует, на наш взгляд, разграничить решение референдума на принимаемое республиканским референдумом и решение, принимаемое местным референдумом. Решения местных референдумов должны обладать более высоким статусом по отношению к нормативным актам, принимаемым по аналогичным вопросам местными Советами депутатов, исполнительными и распорядительными органами.

Как известно, в зависимости от юридической силы референдумы принято подразделять на императивные и консультативные. Мы склонны полагать, что было бы оправданным выделять и такой их вид как императивно-консультативные. Суть такого референдума состоит в том, что на него одновременно могут выноситься вопросы и императивного значения, и консультативные, как это имело место, например, на референдуме, проводившемся в Республике Беларусь 24 ноября 1996 г.

Список использованных источников:

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.
2. Г.А. Василевич. Народ – источник государственной власти // Государство. Демократия. Закон: сб.науч.ст., посвящ.80-летиюпроф. А. А. Головки / редкол. Г. А. Василевич (отв. ред.) [и др.]. – Мн.: ГИУСТ БГУ, 2005. – 317с.
3. Цит. по: Демичев Д. М. Конституционное право: учебник / Д. М. Демичев. - Минск: Адукацыя і выхаванне, 2012. – 416с.
4. С 3 СССР, 1936. - № 33. – Ст. 209.
5. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики 1937 года. – Минск, 1965.
6. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 02.07.2009г., № 31-З // ЭТАЛОН Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД ПРИ ИЗУЧЕНИИ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ СОВЕСТИ

Т.В. Лисовская,

доцент кафедры гуманитарных наук, Брестский государственный технический университет, кандидат исторических наук, доцент

Международное право в области прав человека подтверждает важность равенства и недопущения дискриминации при применении правовой защиты прав человека. Однако законодательство содержит очень мало указаний для устранения противоречий между определенными правами, когда их осуществление вступает в противоречие с защитой других прав. Это особенно заметно, когда право на вероисповедание используется для оправдания нарушений прав на выражение мнений, собраний или ассоциаций, или для закрепления дискриминационных приемов в отношении женщин, религиозных и этнических меньшинств.

Оспаривание традиционных гендерных ролей на основе религии воспринимается как угроза реализации прав на свободу совести и религии. Возникает конфликт между отстаиванием прав дискриминируемой, с внерелигиозной точки зрения, гендерной группы, с одной стороны, и принципом свободы совести и вероисповедания, то есть уважения к вере и религиозным практикам другого человека – с другой.

Так, сокрытие тела и лица мусульманки с внерелигиозной точки зрения является признаком ее угнетения и пассивности (а снятие чадры или хиджаба – соответственно способом обретения женщиной свободы и дееспособности), тогда как для нее самой – это часть ее национального и религиозного самосознания, подлинности и телесной неприкосновенности. И в данном случае, применение законодательных ограничений ношения религиозной одежды может трактоваться как нарушение права на свободу выражения свободы совести. И если в этом случае законодательное ограничение может быть оспорено с точки зрения реализации свободы совести, то применение женского обрезания как практика, обусловленная религиозными принципами, выводит на первый план вопрос приоритета прав женщины над религиозными правами.

Таким образом, актуальным на сегодняшний день является с одной стороны, вопрос законодательных ограничений в сфере религиозной свободы (например, на ношение религиозной одежды и символов, как ограничения свободы выражения веры женщин), а с другой стороны, проблемы религиозных запретов, ограничивающих права женщин (вопросы контрацепции и женского обрезания). Соответственно, исследовательский вопрос при изучении реализации гендерного равенства в контексте регулирования и осуществления свободы совести и вероисповедания заключается в том, как сбалансировать законодательство в сфере свободы совести так, чтобы обеспечить реализацию индивидуальных прав женщин вне зависимости от религиозных норм и религиозной принадлежности

В процессе урегулирования противоречий между принципами равенства, свободы вероисповедания и защиты от гендерной дискриминации, в первую очередь, необходимо изучить весь потенциал конфликта, а также определить грань между следованием религиозным нормам и традициям как осуществлением свободы совести и нарушением личностных прав на основе религиозных норм. Закрепление гендерных ролей и объема реализации свободы совести предопределено господствующим в конкретной культуре мировоззрением, историческим и социокультурным контекстом. Именно они задают соответствующую картину мира и отражаются в специфических чертах его правового закрепления.

В связи с этим, методологическую основу исследования реализации прав женщин в рамках свободы совести и вероисповедания должен составлять принцип междисциплинарности – комплексное изучение проблемного поля с использованием как общенаучных методов и частноправовых методов, так и методов, используемых в других областях знаний.

Следует помнить, что для составления полной картины исследователю следует опираться на триангуляционный подход. Под триангуляцией понимается «использование данных, собранных из различных источников различными методами, различными исследователями и, по возможности, всеми триангуляционными техниками, обладающими необходимой надежностью». Триангуляция, предполагающая комбинирование качественных и количественных методов, расширяет возможности получения информации и обеспечивает валидность и надежность полученных результатов, она применяется в целях повышения обоснованности интерпретации полученных эмпирических данных [2, с. 201].

Так, количественные методы, при которых выдвигаемые в ходе исследования гипотезы верифицируются с помощью математического анализа полученной информации, позволяют исследователю получить точные эмпирические данные. К наиболее часто используемым количественным методам при изучении гендерного аспекта в юридическом исследовании относятся опросные методы социологии (опрос, анкетирование и формализованное интервью), наблюдение, методы статистического анализа. Количественные методы позволяют охарактеризовать такие факторы, как соотношение представленности полов в органах управления религиозных общин, степень их участия в различных видах религиозной деятельности, установить влияние правового регулирования религиозной деятельности на реализацию религиозных свобод мужчин и женщин, и т.д. Так, анкетирование и другие опросные методы позволят получить данные о реализации женщинами определенных вероисповеданий прав на образование, доступность образования, что позволит выявить степень реализации женщинами их прав, оценить их потребности. Данные, получаемые в ходе социологических опросов, следует дополнять иными статистическими материалами, которые необходимо использовать в качестве материалов исследования: количество женщин, получивших среднее, высшее образование по вероисповеданиям; представительство женщин в бизнес-структурах с соотнесением с их вероисповеданием; возраст вступления в брак, количество детей, количество разводов по вероисповеданиям и другие необходимые данные.

Использование данных методов позволит составить комплексное представление о реализации прав женщин-верующих и максимально целостно определить зоны ограничения прав женщин в зависимости от вероисповедания.

Однако, гендерные отношения помимо влияния на них экономических, политических, культурных процессов конструируются еще и самими субъектами. Именно поэтому использование количественных методов для изучения гендерной проблематики на наш взгляд недостаточно. Качественные методы позволяют проанализировать правовое и реальное положение субъектов исследования с точки зрения их личностной, субъективной оценки.

Наиболее часто используемыми методами, позволяющими получить императивные данные по качественным индикаторам является нарративное интервью, дискурс-анализ, контент-анализ. Данные методы исследования позволяют исследователю раскрыть степень согласия либо несогласия субъектов с процессами, протекающими в обществе, контекстуально рассмотреть правовые нормы в рамках культуры и идеологии общества и выявить скрытые причины зарождения противоречия между нормой и ее реализацией [1; 3].

Лингвистический анализ законодательства в сфере свободы совести и религиозных норм позволит определить наличие гендерных стереотипов и их отражение в правовых нормах, регулирующих права женщин-верующих. Контент-анализ [4, с.13] позволяет получить данные о закрепленных религиозных правах женщин; об игнорировании отдельных аспектов прав женщин в контексте реализации свободы совести, о мотивах и мировоззренческих принципах законодателя или другого субъекта правоотношений.

Также, изучая исторически и мировоззренчески детерминированный вопрос обеспечения прав женщин и реализации гендерного равенства в контексте свободы совести и вероисповедания следует также, на наш взгляд, также использовать теоретические религиозоведческие знания, анализируя, оценивая религиозные нормы, их сущность и влияние на реализацию нерелигиозных прав женщин.

Использование качественных и количественных методов в юридическом исследовании позволяет рассмотреть гендерную проблему в разных срезях, получая тем самым многомерное, объективное представление о протекающих в данной области процессах.

Несомненно, в рамках исследования свободы совести и вероисповедания, как и в других юридических исследованиях, исследователь будет использовать методы формальной логики (анализ, синтез, индукция), общенаучные методы (сравнение, метод деконструкции) и специально-юридические методы (метод толкования юридических норм, сравнительно-юридический метод, метод кейсов) и другие методы, что при сочетании с междисциплинарным подходом позволит комплексно изучить проблему реализации прав женщин в рамках свободы совести и вероисповедания.

Так, при изучении спектра прав женщин и мужчин одного вероисповедания метод сравнения позволит выявить проблемные зоны, в которых ограничены права женщин и нормы (религиозные и законодательные), которые ведут к ограничению прав. Для выявления законодательных лукунов, наличие которых ведет к

ограничению прав женщин определенных вероисповеданий, необходимо проанализировать международное, но, прежде всего, национальное законодательство. При этом логичным является применение метода трансляции действующих норм на существующую (уже нами выявленную с помощью вышеперечисленных методов) актуальную ситуацию. Это позволит определить недостатки законодательства и оценить эффективность норм по обеспечению гендерного равенства.

Анализ практики Европейского суда по правам человека и Комитета по правам человека ООН по вопросам нарушения ст. 18 Международного Пакта о гражданских и политических правах и ст. 9 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод в сочетании с законодательством по недискриминации позволит, при применении метода индукции, определить общие принципы обеспечения гендерного равенства при реализации свободы совести и разработать рекомендации по усовершенствованию законодательства

Таким образом, применение междисциплинарного подхода при изучении вопроса гендерного равенства в контексте свободы совести и реализации прав женщин позволяет комплексно и всесторонне изучить данный вопрос, определить проблемные зоны ограничения прав женщин, в зависимости от религиозной принадлежности, законодательные лукуны и предложить методы усовершенствования законодательства для обеспечения гендерного равенства в сфере свободы совести.

Список использованных источников:

1. Дубровская, Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи : автореф. дис. ... док. фил. наук [Электронный ресурс] / Т. В. Дубровская – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/sudebnyu-diskurs-rechevoe-povedenie-sudi#ixzz4pBG8jMvm> – Дата доступа: 12.06.2017;

2. Кошарная, Г. Триангуляция как способ обеспечения валидности эмпирического исследования / Г. Кошарная, В. Кошарный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – Серия: Общественные науки, № 2 (38).

3. Храмцова, Н.Г. Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения / Н.Г. Храмцова. – Курган: Изд-во Курганский гос. ун. – та, 2012. – С. 41

4. Шалак, В.И. Современный контент-анализ. Приложение в области политологии, рекламы, социологии, экономики, психологии, культурологии / В.И. Шалак. – Москва: Омега-Л, 2006.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Т.С. Масловская,

доцент кафедры конституционного права, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент

Понятие конституционализма является многогранным. В научной литературе даются его различные формулировки. Так, обращая внимание на многоаспектный характер конституционализма, профессор Н.А. Богданова понимает под конституционализмом систему идей и взглядов, в которых воплощены представления о конституционном государстве, конституционно-правовое отражение таких идей и политико-правовая практика их реализации. Другое определение конституционализма – это способ организации и осуществления публичной власти, обеспечивающий верховенство права, свободу человека, широкое участие граждан принятию государственно значимых решений как через представительные органы, так и непосредственно, и исключающий монополизацию власти [1, с. 49].

И.М. Степанов рассматривает понятие конституционализма в двух аспектах – широком и узком. В широком смысле это явление охватывает теорию конституции, историю и практику развития той или иной страны, группы стран, мирового сообщества в целом. В узком смысле под конституционализмом понимается система знаний о фундаментальных ценностях демократии: их составе, формах выражения, методах и степени реализации [2, с. 3]. Несколько ранее И.М. Степанов обозначил конституционализм как систему представлений об общедемократических, общецивилизационных политико-правовых ценностей государственно-организованного общества [3, с. 30-31].

Таким образом, говоря о конституционализме в широком смысле слова, исходя из его определения, предложенного И.М. Степановым, можно вести речь о наличии конституционализма в конкретном государстве (российский конституционализм, белорусский конституционализм и т.п.), в определенном регионе (западноевропейский конституционализм, арабский конституционализм и т.п.) и в глобальном масштабе (мировой конституционализм). На основе анализа данного подхода можно поставить вопрос о том, может ли, например, отдельно внутри государства развиваться конституционализм в субъектах федерации, в политических автономиях (так называемый «субконституционализм»).

Соглашаясь с использованием термина «конституционализм» в отношении конкретного государства, отметим, что в отношении других терминов (западноевропейский, мировой конституционализм) следовало бы сделать некоторые уточнения. Безусловно, Западная Европа внесла огромный вклад в развитие представлений о демократических ценностях (например, работы Ж. Бодена, Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локка, Ш.-Л. Монтескье, И. Канта и др.). Политико-правовые идеи, выработанные в Западной Европе (в частности, разделение властей, народовластие, правовое государство), были восприняты во многих странах различ-

ных регионов мира. Вместе с тем, следует иметь в виду, что значение некоторых из них, например, разделения властей не стоит абсолютизировать [4, с. 72-73].

На сегодняшний день актуальным является вопрос о существовании европейского конституционализма. Европейский Союз, в целом не являясь федеральной демократией (федеративным государством), но как конституционная транснациональная модель, формирует систему представлений об общедемократических политико-правовых ценностях. Перечень общеевропейских ценностей нашел отражение в отдельной статье 2 Договора, устанавливающего Конституцию для Европы, в соответствии с которой Европейский Союз основан на ценностях уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, правового государства и соблюдения прав человека, включая права лиц, принадлежащих к меньшинствам. Таким образом, закрепление указанных общих ценностей Европейского Союза предопределяет необходимость их признания и соблюдения государствами-членами и выражается как в их формальном отражении в текстах национальных конституций, так и в практике органов конституционного контроля. Отметим, что в редких случаях конституции государств-членов Европейского Союза закрепляют нормы о преданности европейским принципам и ценностям (например, ст. 1 Конституции Сербии 2006 г.).

Содержание современных зарубежных конституций, включая конституции стран СНГ, свидетельствует о том, что они закрепляют в своих текстах общепризнанные в мире идеи современного конституционализма: народовластие; разделение государственной власти; верховенство права; приоритет прав и свобод человека; политический и экономический плюрализм; местное самоуправление (Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.), Конституция Российской Федерации 1993 г.) Вместе с тем, на сегодняшний день общепринятого перечня общедемократических ценностей, закрепленного в международных документах, не существует. Другой вопрос, который возникает, какие ценности относятся к общепризнанным демократическим, а какие нет. Например, светскость – это общепризнанная демократическая ценность или нет.

В целом следует согласиться с Г.Г. Аратюняном в том, что конституционализм необходимо рассматривать как явление, которое базируется на верховенстве права, последовательном разделении властей, непосредственно действующих правах человека, дееспособном местном самоуправлении, эффективной системе конституционной диагностики и контроля [5, с. 6].

Идеи о конституционном государстве, отраженные в конституционных нормах должны быть реализованы на практике. Можно говорить о подлинном конституционализме, когда не существует оторванности конституционных норм от практики их реализации.

Все страны СНГ конституционно установили приверженность демократическим, правовым ценностям, признали основополагающие принципы народовластия, верховенства права и разделения властей, заложили институциональный фундамент правового государства. Насколько эти ценности, принципы

и механизмы приобрели реальное содержание в общественной жизни [6, с. 20]? Ответ на этот вопрос может дать правоприменительная практика, деятельность специализированных органов конституционного контроля.

Основаниями развития современного конституционализма выступают происходящие изменения в общественной и политической жизни государств, а также глобальные вызовы современности. Развитие конституционализма связано не только с развитием конституционных идей, но и с их воплощением в реальную действительность, которое возможно, в том числе, посредством конституционных преобразований.

В качестве основных векторов развития конституционализма на современном этапе можно выделить правовое государство, демократию и права человека.

В отношении правового государства следует сохранять баланс властей в целях соблюдения конституционного равновесия и избежания монополизации власти, обеспечивать верховенство Конституции. При указанном направлении развития конституционализма могут проводиться частичные конституционные реформы, в ходе которых вводятся новые институты власти или модернизируются уже существующие. Однако необходимо учитывать возможные риски ослабления позиций других органов государственной власти. Так, как известно, конституционная реформа 2008 г. во Франции усилила полномочия Парламента в законодательной деятельности, области национальной обороны, европейской и международной политики, в решении кадровых вопросов, контроле за деятельностью Правительства. Наряду с этим, реформа ограничила определенными рамками некоторые президентские полномочия (право назначения, использование исключительных полномочий). Более того, она ограничила президентство двумя последовательными сроками [7]. В Италии в начале 2015 г. была инициирована конституционная реформа, целью которой выступал уход от существующей в стране модели «равноправного бикемерализма» как источника политической нестабильности путем значительного уменьшения полномочий Сената (верхней палаты Парламента Италии), однако данная реформа не была поддержана гражданами на референдуме.

Демократия выступает в качестве важной составляющей конституционализма. В отношении этого направления представляется необходимым развитие партиципаторной демократии, которая предполагает широкое участие граждан в управлении делами общества и государства и выражается в ряде характеристик, связанных как с формами участия граждан в решении государственных и общественных дел (выборы, референдумы, правотворческая инициатива и др.), так и с другими аспектами (соблюдение прав и свобод человека, доступ к правосудию, к различным публичным органам власти, прозрачность принятия решений государственными органами и др.). В рамках дальнейшего развития институтов демократии следует вводить новые формы и способы учета мнения граждан, упрощать процедуры организации и проведения референдумов, опросов общественного мнения, совершенствовать формы местного самоуправления.

Развитие научно-технического прогресса может оказать влияние и на развитие демократии в государстве. Использование современных информационных

технологий дает дополнительные возможности для реализации гражданами своих фундаментальных политических прав и свобод. Участие граждан с помощью информационных технологий в разработке законов, их обсуждении, реализации законодательной инициативы, а впоследствии, возможно, прямого принятия законов и пр. позволяет говорить о более открытой процедуре их участия в решении вопросов государственной и общественной жизни – электронной демократии (Е-демократии), развитие которой, представляется, в современных условиях будет выступать перспективным направлением.

В отношении прав человека следует в дальнейшем усилить их защиту. В частности, в этих целях в Республике Беларусь представляется необходимым дальнейшее развитие специализированного конституционного контроля. Полагаем, что перспективным представляется расширение путей доступа граждан к конституционному правосудию.

Таким образом, основными направлениями развития конституционализма выступает консолидация основ правового государства, развитие и укрепление демократических институтов, защита основных прав.

Список использованных источников:

1. Богданова Н.А. Конституционное право. Общая часть: Программа, тезисы лекций и задания к семинарским занятиям. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2012. – С. 49.
2. Степанов И.М. Уроки и парадоксы российского конституционализма; Очерк-эссе. – М., 1996. – С. 3.
3. Степанов И.М. Грани российского конституционализма (XX век) // Конституция России: Вып. 1. – М., 1992. – С. 30-31.
4. Масловская Т.С. Институт президентства в Республике Беларусь: теоретические и конституционные основы. – Минск: БГУ, 2010. – С. 72-73.
5. Аратюнян Г.Г. Некоторые характеристики конституционно-правового развития в странах постсоветского пространства // Выступление на международной научной конференции в Астане 27 августа 2010г. на тему «Конституция - основа демократического развития государства». – С. 6.
6. Аратюнян Г.Г. Конституционализм: уроки, вызовы, гарантии: сб. избр. публ. И выступлений на междунар. форумах, посвященных данной проблематике. – К.: Логос, 2011. – С. 210.
7. См.: Масловская Т.С. Конституционная реформа во Франции 2008 г. / Т.С. Масловская. // Вестник Конституционного суда Республики Беларусь. – 2009. - № 1. – С. 143-154.

К ВОПРОСУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАЗЛИЧНЫХ ПРАВОВЫХ ПОРЯДКОВ

Л.О. Мурашко,

заместитель начальника экспертно-правового управления Секретариата Конституционного Суда Республики Беларусь, доктор юридических наук, доцент

1. Глобализация, вызвав к жизни разноуровневую и «разноскоростную» интеграцию государств, привела к тому, что в современном мире государство чаще всего выступает элементом многих региональных объединений государств. В связке «международное право – внутригосударственное право» региональные объединения государств и их правовые массивы начали играть особую роль, дополняемые правилами транснациональных корпораций. При этом региональные объединения, как правило, во многом не удовлетворяет форма международной организации, в связи с чем они тяготеют к надгосударственным образованиям, акты органов которых носят наднациональный характер.

2. Наднациональное право как система правового регулирования имеет особую природу, по своему содержанию, форме, прямом применении субъектами правоотношений приближаясь к положениям национального законодательства, а в силу способа и субъекта принятия не включаясь в необходимой степени в национальные механизмы соблюдения, исполнения и обеспечения (защиты) соответствующих положений.

3. Следует отметить, что традиционно именно нормы международного права, международные стандарты аккумулируют прогрессивный опыт различных государств. Наряду с прямым воздействием международного права путем имплементации в национальную правовую систему норм, содержащихся в конкретных международных договорах, можно выделить влияние посредством актов рекомендательного характера, которые побуждают государства принимать меры к их претворению в жизнь. Таким образом, в национальное законодательство по сферам оказываются «встроенными» региональные правовые системы, универсальные стандарты, представляющие собой обобщение «хорошей практики» (good practice) или выработку соответствующих руководств (guidance) на уровне ООН или ее специализированных учреждений. Отражая универсальные ценности, нормы международного права, правила региональных, транснациональных и наднациональных образований, образуют различные правовые или квазиправовые порядки, тесно переплетаясь с конституционными ценностями государств. Европейские конституционалисты образно обозначают данное явление как «многоголосый конституционализм» (Е. Танчев).

4. В настоящее время вместо европейского «супергосударства», что, следуя линейному прогрессу, можно было бы наблюдать на европейском континенте, мы видим взаимодействие разноуровневых правовых порядков, взаимодействие государств и наднациональных объединений и их органов, что выстраивает «многомерную архитектуру» общеевропейского пространства. В частности, инструменты по защите прав человека в отдельном государстве, в рамках Евро-

пейской конвенции, Совета Европы, Европейского Союза, на универсальном уровне не структурированы иерархически, а взаимно дополняют и обогащают друг друга. Разрешение споров достигается прежде всего путем согласованности ценностей и принципов конституционно-правовой природы, содержание которых осмысливается и адаптируется в конкретных ситуациях. Данный подход может быть воспринят и в процессе выстраивания взаимоотношений в рамках Евразийского экономического союза.

5. В разные периоды интеграции на постсоветском пространстве конституционные суды государств отмечали необходимость соблюдения принципа верховенства национальных конституций и приоритетную защиту конституционных прав и свобод граждан при достижении баланса конституционных ценностей. Так, в нормативном постановлении Конституционного Совета Республики Казахстан от 5 ноября 2009 года № 6 «Об официальном толковании норм статьи 4 Конституции Республики Казахстан применительно к порядку исполнения решений международных организаций и их органов» Конституционный Совет Казахстана указал, что суверенитет Республики распространяется на всю ее территорию; о недопустимости изменения установленных Конституцией унитарности и территориальной целостности государства, формы правления Республики; а также подчеркнул, что не могут применяться непосредственно и, соответственно, иметь приоритет перед нормативными правовыми актами Республики Казахстан решения международных организаций и их органов, ущемляющие конституционные права и свободы человека и гражданина.

Конституционный Суд Республики Армения в постановлении от 14 ноября 2014 г. по делу «Об определении вопроса соответствия Конституции Республики Армения обязательств, закрепленных в подписанном 10 октября 2014 года в Минске Договоре о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года» признал обязательства, закрепленные в указанном Договоре соответствующими Конституции Республики Армения. При этом в решение отмечено, что «участие государства в международных структурах считается правомерным, если это осуществляется в соответствии с международными договорами, не ведет к ограничению прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя».

Практике Конституционного Суда Российской Федерации также характерен указанный подход о верховенстве Конституции в национальной правовой системе. В частности, в постановлении Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П Конституционный Суд в отношении такого международного договора, как Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года, подчеркнул, что «в силу статей 4 (части 1 и 2), 15 (части 1 и 4), 79 и 125 (пункт «г» части 2 и часть 6) Конституции Российской Федерации, закрепляющих суверенитет России, верховенство и высшую юридическую силу Конституции Российской Федерации в российской правовой системе (в том числе по отношению к международным договорам Российской Федерации), условия участия России в международных договорах и их ратификации, соблюдение которых обеспечивается и посредством конституционного контроля, Российская Федерация была вправе подписать и ратифицировать Конвенцию о защите прав человека и ос-

новых свобод лишь в том случае, если ее положения не противоречат основам конституционного строя, закрепленным в главе 1 Конституции Российской Федерации, и не влекут ограничение прав и свобод человека и гражданина в том виде, как они урегулированы в ее главе 2».

6. Сходные подходы о приоритете Конституции в системе национального законодательства и необходимости в первую очередь соблюдать конституционные права и свободы граждан вырабатываются и в практике Конституционного Суда Республики Беларусь.

Конституционный Суд Республики Беларусь в отношении действия технических регламентов ЕАЭС на территории Республики Беларусь в решении от 13 октября 2016 г. № Р-1069/2016 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об оценке соответствия техническим требованиям и аккредитации органов по оценке соответствия». сформулировал правовую позицию, в которой отметил, что исходя из верховенства Конституции, а также учитывая указание преамбулы Договора о ЕАЭС на необходимость безусловного соблюдения всеми его сторонами принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина, устанавливаемый проверяемым Законом приоритет права ЕАЭС в соответствующих отношениях не должен приводить к нарушению прав и свобод граждан, гарантированных Конституцией.

Получают развитие в белорусской конституционно-правовой доктрине вопросы соотношения национального и наднационального права, формирование которого продолжается в рамках ЕАЭС. Так, Конституционный Суд Республики Беларусь в Послании Президенту Республики Беларусь и палатам Парламента «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2015 году» обратил внимание на то, что важнейшим содержательным элементом государственного суверенитета выступает правовой суверенитет, который во внутрисударственной сфере проявляется в функционировании государственной власти на основе верховенства Конституции, а во внешнеполитической – в признании государством общепризнанных принципов международного права. В настоящее время, учитывая участие Республики Беларусь в интеграционных процессах, важно сохранить конституционную идентичность, суверенное право народа Беларуси самостоятельно определять свой путь развития.

7. В настоящее время в условиях формирования интеграционного права ЕАЭС по-новому стоит вопрос о соотношении национального и наднационального законодательства, структурировании взаимоотношений государств и межгосударственных объединений и их органов. Опыт позитивного межгосударственного строительства свидетельствует, что наиболее успешным является соединение как эффективных моделей и институтов национального уровня, так и имплементация международных практик, когда международное право предлагает механизмы, «вобравшие в себя» прогрессивные традиции такого взаимодействия.

При этом сохранение конституционной идентичности государств, учет национальных правовых традиций и своеобразия духовно-культурных структур возможно путем выстраивания «многомерного пространства» общих конституционно-правовых подходов государств, которые в настоящее время выступают краеугольным камнем эффективных интеграционных процессов.

О СООТВЕТСТВИИ КОНСТИТУЦИИ АКТОВ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

О.В. Назарова,

аспирант кафедры конституционного права, Белорусский государственный университет

Участие Республики Беларусь в Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС, Союз) – знаковое явление для белорусской юридической науки, которое требует осмысления, в первую очередь в рамках конституционного права.

Как и любое объединение, предусматривающее углубленную интеграцию, ЕАЭС имеет признаки наднациональности, закрепленные через систему органов Союза, их компетенцию и юридическую силу издаваемых правовых актов.

Наднациональность в деятельности интеграционного сообщества – это определенный в учредительных договорах объем полномочий институтов интеграционного сообщества принимать решения, имеющие обязательный характер для государств-членов, согласно процедуре, установленной в учредительных договорах [1].

Наднациональность имеет широкое распространение как на универсальном, так и на региональном уровнях (Совет Безопасности ООН, ВТО, МБРР, МВФ и ряд других международных организаций и их основных органов).

Наиболее широкое распространение наднациональность получила в рамках Европейского союза, где такими полномочиями обладают Европейская комиссия, Европейский парламент и Суд Европейского союза. В то же время, ни политики, ни исследователи феномена наднациональности в рамках ЕС не считают наличие подобного феномена чем-то проблемным.

Именно в Европе была сформулирована доктрина «совместной реализации суверенитета», при которой Европейские Сообщества рассматривались в качестве способа для государств-членов осуществлять свой суверенитет не через автономное, а через совместное принятие решений.

Как следует из положений Договора, наднациональный орган – Коллегия ЕЭК, состоящая из международных служащих, находится в самом низу иерархической пирамиды. Вышестоящие органы, включая Совет ЕЭК, полномочные пересматривать решения Коллегии, состоят из государственных служащих, что подразумевает возможность учета национальных интересов при принятии решений.

Государства также вправе обжаловать действия ЕЭК в Суде Союза.

Кроме того, государства-члены без ограничений вправе выйти из Союза (статья 118 Договора) чему не препятствует даже неурегулированность финансовых обязательств, связанных с участием в Союзе.

Таким образом, фактически, для ЕАЭС наднациональность возникает исходя из сочетания:

- свободного волеизъявления его государств-членов на передачу ряда функций и полномочий совместным институтам;

- объективной необходимости такой передачи в целях интеграции экономической жизни в рамках региона.

Учитывая объем компетенции ЕЭК, можно сделать вывод о том, что наднациональность в рамках ЕАЭС носит функциональный характер и не охватывает все сферы деятельности государств-членов. Анализ сферы полномочий Коллегии ЕЭК позволяет говорить об ограничении техническим регулированием, которое в публично-правовом понимании не имеет ничего общего с наднациональностью в рамках ЕС.

Комплексный анализ положений Конституции (статьи 1, 7, 8) показывает, что Республика Беларусь добровольно согласилась на осуществление регулирования определенных сфер на союзном уровне, имея легитимные возможности для влияния на принятие решений в рамках Союза.

Кроме того, инструментарий разрешения споров также свидетельствует в пользу наличия у Республики Беларусь инструментов для защиты своих интересов, вплоть до выхода из состава ЕАЭС.

Таким образом, по нашему мнению, наднациональность в рамках Евразийского экономического союза не влечет угроз для суверенитета, независимости и территориальной целостности государств-членов. Участие Беларуси в ЕАЭС в полной мере соответствует нормам Конституции и общепризнанным принципам международного права.

Список использованных источников:

1. Мещерякова, О.М. Соотношение наднациональности и суверенитета государств-членов международной организации [Электронный ресурс] / О.М. Мещерякова. – 2017. – Режим доступа: <http://впж.рф/ru/2013/5/1>. – Дата доступа: 10.08.2017.

ИННОВАЦИОННОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И КАК ЕЕ ОБЕСПЕЧИТЬ

И.И. Пляхимович,

доцент кафедры конституционного права, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент

В последнее время в Беларуси общепризнанным стал тезис о важности переориентации национальной экономики на инновационный путь развития. Все убедительнее звучат слова о решающем значении передовых технологий, новых подходов и разработок. Инновационный характер, однако, необходим всем сферам общественной жизни, а также деятельности государства и формируемому им законодательству. В условиях свободного социума степень инновационности государства, а значит и законодательства, уступает инновационности гражданского общества. Тем не менее эта разбежка не должна превышать пределов, за которыми государство перестает быть эффективным и компетентным регулятором общественных отношений. Государственные органы, должностные лица обязаны не только решать текущие вопросы, но и выдвигать новые, перспективные предложения, совершенствуя как собственную деятельность, так и сферу, входящую в предмет их ведения. Без всякого преувеличения, это первостепенная и одновременно крайне сложная задача, решение которой требует реформирования государственного аппарата и реализации модели инновационного государства.

Важнейшим направлением правового развития Беларуси должна стать организация постоянного совершенствования (мониторинга) законодательства, иначе его инновационность невозможна. На сегодня в Беларуси нет целостного механизма, который обеспечивал бы деятельность государственных органов по совершенствованию нормативно-правового регулирования. Нами предложена модель механизма совершенствования белорусского законодательства, основы которой заключаются в следующем.

Названный механизм должен представлять собой комплекс организационно-правовых мер, обеспечивающих постоянную и эффективную деятельность государственных органов и организаций по изучению действующего законодательства, подготовке и реализации предложений о его совершенствовании. Организационно-правовые меры при этом включают необходимые нормативные правовые акты, совокупность уполномоченных государственных органов и организаций, а также формы и процедуры их деятельности.

I. Необходимо четко распределить законодательство между государственными органами (организациями) с закреплением их обязанности принимать меры для его совершенствования. Данная обязанность должна носить нормативный характер и тем самым осуществляться на постоянной основе. Распределение законодательства следует провести одновременно по трем направлениям.

1. Обеспечить отраслевое распределение законодательства – отнести каждый элемент отраслевой (горизонтальной) системы законодательства (отрасль,

массив, институт) к компетенции одного или нескольких государственных органов, которые станут ответственными за его совершенствование. При установлении элементов системы законодательства следует руководствоваться Единым правовым классификатором Беларуси (ЕПК). В законодательство, распределяемое между государственными органами (ответственными), должны входить все виды актов, включая законодательные и подзаконодательные, республиканские и местные.

Ввиду разветвленности и сложности законодательства, равно как и механизма государства, отраслевое распределение законодательства между государственными органами требует следования целому ряду правил и принципов.

1.1. Необходимо руководствоваться такими критериями: применение законодательства в деятельности органа; приспособленность органа к решению перспективных задач и выполнению аналитической работы; связь органа с правовой сферой. Основными являются первые два критерия, поскольку обширность законодательства, его огромные количественные параметры не позволяют осуществить распределение только между органами с юридическим характером деятельности. Кроме того, это было бы недостаточно эффективно в силу отсутствия у таких органов полной информации о практике реализации актов. Исходя из второго критерия стоит назначать ответственными за совершенствование законодательства республиканские, а не местные государственные органы. Совершенствование большинства элементов системы законодательства (по рубрикам ЕПК) будет относиться к компетенции Правительства, а непосредственно – подчиненных ему республиканских органов государственного управления.

1.2. В число ответственных не следует включать все органы, применяющие соответствующий элемент системы законодательства, а лишь основных правоприменителей. Желательно, чтобы элемент системы законодательства относился к компетенции одного государственного органа. Это упрощает организацию работы по совершенствованию нормативно-правового регулирования и повышает уровень ответственности органа. Однако нередко элемент системы законодательства регулирует отношения, которые в значительной степени входят в компетенцию ряда органов. В таких случаях назначается несколько ответственных.

1.3. При отнесении законодательства к компетенции того или иного органа следует по возможности стремиться к тому, чтобы элемент системы законодательства, в который входят акты самого этого органа, включить в его компетенцию.

1.4. Требуется определить субъекта, отвечающего за совершенствование законодательства в целом. Назначение ответственных за рубрики ЕПК, в том числе рубрики первого уровня, еще не гарантирует целостного развития всего законодательства. Несмотря на большую специфику законодательных отраслей, они являются лишь частями одного целого и должны в сущностных аспектах своего содержания и системы быть едиными. Субъектом, изучающим состояние законодательства в целом и принимающим меры для его совершенствования на единых принципах, предлагаем определить Национальный центр законодательства и правовых исследований.

1.5. Деятельность ответственных органов должна осуществляться с учетом принципов открытости, а также равноправия субъектов механизма совершенствования законодательства. Распределенные отрасли и институты законодательства не превращаются в «вотчину» соответствующих органов, а система их совершенствования не носит замкнутого характера.

2. Наряду с отраслевым распределением законодательства следует закрепить обязанность правоприменителей вырабатывать предложения по совершенствованию применяемых ими актов. Выше нами уже отмечалось, что для четкой организации работы по совершенствованию нормативно-правового регулирования в число ответственных за состояние конкретного элемента системы законодательства включаются не все органы, применяющие акты данного элемента системы законодательства, а лишь основные из них. Вместе с тем необходимо закрепить обязанность и всех других, «неосновных» органов изучать практику применения нормативных правовых актов и готовить предложения по их совершенствованию. То есть каждый орган, применяющий акты законодательства, должен обобщать и анализировать собственную правоприменительную деятельность и исходя из данного анализа вносить предложения по улучшению нормативно-правового регулирования. В свою очередь, ответственные органы следует наделить полномочием запрашивать информацию о правоприменении и предложения по совершенствованию соответствующих актов у всех их применителей.

3. Необходимо предусмотреть обязанность нормотворческих органов совершенствовать свои собственные акты независимо от того, назначены ли они ответственными и применяют ли акты законодательства. Это значит, что обязанность обеспечения надлежащего состояния нормативных правовых актов должна лежать прежде всего на органе, их принявшем. Данное правило не распространяется на акты Парламента и Президента.

II. Законодательство, чтобы быть стабильным и эффективным, должно совершенствоваться не только исходя из практики его реализации, но и научных достижений. В какой-то степени все органы, ответственные за совершенствование законодательства, обязаны изучать и использовать научные рекомендации. Тем не менее, очевидно и другое: министерства, государственные комитеты, суды и другие органы власти ближе к практике, нежели к науке, они вовсе не должны и не могут превращаться в научные организации. В этой связи в механизме совершенствования законодательства представляется необходимым предусмотреть соответствующее научное сопровождение. Эту функцию можно возложить на Национальный центр законодательства и правовых исследований. Национальный центр, в частности, вырабатывал бы направления (концепции) развития отраслей и иных важных элементов системы законодательства совместно с органами, ответственными за их совершенствование.

III. Формы и процедуры, как элементы механизма совершенствования законодательства, предлагаются следующие.

Государственные органы, назначенные ответственными, и правоприменители должны вносить предложения по совершенствованию законов в Национальный центр законодательства и правовых исследований согласно существующей процедуре формирования ежегодных планов подготовки законопроектов.

Опять же подчеркнем, что внесение предложений должно быть обязанностью, а не правом данных органов, как, по сути, это имеет место сегодня.

Недостатком нормотворческого процесса в Беларуси является фактическое отсутствие планирования разработки иных видов нормативных правовых актов, помимо законов. Предлагаем преобразовать планы подготовки проектов законов в планы подготовки проектов законодательных актов, распространив планирование и на нормативные акты Президента.

Правительственные планы подготовки законопроектов следует преобразовать в планы подготовки проектов нормативных правовых актов. Эти планы будут предусматривать разработку подчиненными Правительству республиканскими органами государственного управления проектов:

законов, указов и декретов Президента, подготовка которых возложена на Совет Министров планом подготовки проектов законодательных актов; постановлений Совета Министров.

В части проектов постановлений Совета Министров план подготовки проектов нормативных правовых актов должен предусматривать не только разработку, но и принятие постановлений.

Ответственные органы и правоприменители обязаны ежегодно не позднее 1 июля направлять предложения о совершенствовании законодательных актов Национальному центру законодательства и правовых исследований, а предложения о совершенствовании нормативных постановлений Правительства – Министерству юстиции.

В тот же срок ответственные органы и правоприменители должны внести предложения о совершенствовании других видов нормативных правовых актов, не относящихся к законодательным актам и постановлениям Правительства. Речь идет об актах общегосударственных (Национальный банк, Генеральный прокурор, Высшая аттестационная комиссия, Национальная академия наук и др.) и местных органов. Эти предложения следует вносить органам, которые уполномочены принимать соответствующие акты. Последние обязаны рассмотреть поступившие предложения и не позднее 31 декабря текущего года принять предлагаемые акты либо проинформировать инициаторов о причинах отклонения предложений.

Нормотворческим органам требуется также не позднее 1 июля подготовить предложения об улучшении собственных актов и не позднее 31 декабря реализовать данные предложения, приняв необходимые акты.

IV. Элементом механизма совершенствования законодательства следует определить также контроль за работой ответственных органов и иных уполномоченных субъектов.

Представленный механизм совершенствования законодательства необходимо закрепить в специальном указе Президента. Подчеркнем, что этот указ должен, в том числе, предусмотреть ответственных за совершенствование законодательства каждой рубрики ЕПК. Кроме того, требуется внесение изменений и дополнений в целый ряд действующих актов законодательного и подзаконодательного уровней.

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ КАК ГАРАНТИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

О.О. Полещук,

аспирант кафедры теории и истории права факультета права Белорусского государственного экономического университета

Гарантии деятельности Президента – необходимый элемент его правового статуса, позволяющий ему осуществлять свою деятельность независимо от чье-либо воздействия, материальных и иных условий [1, с. 104].

Единственной гарантией деятельности Президента Республики Беларусь, закрепленной в Конституции, является неприкосновенность. Так, ч. 3 ст. 79 Основного Закона Республики Беларусь гласит: «Президент обладает неприкосновенностью, его честь и достоинство охраняются законом» [2]. При этом стоит отметить, что данный правовой акт не содержит понятия президентской неприкосновенности, а также не указывает на наличие у Главы государства гарантий от какого-либо воздействия.

Будучи Главой государства, Президент Республики Беларусь является гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина. Президент олицетворяет единство народа, гарантирует реализацию основных направлений внутренней и внешней политики, представляет Республику Беларусь в отношениях с другими государствами и международными организациями. Президент принимает меры по охране суверенитета Республики Беларусь, ее национальной безопасности и территориальной целостности, обеспечивает политическую и экономическую стабильность, преемственность и взаимодействие органов государственной власти, осуществляет посредничество между органами государственной власти (ст. 79 Конституции Республики Беларусь).

Все вышеизложенное характеризует конституционно-правовой статус Главы Белорусского государства, который исходя из предоставленного ему Конституцией такого статуса, нуждается в надлежащей правовой защите, чему служит указанная выше норма Основного Закона Республики Беларусь.

Исходя из определения понятия данной правовой категории, которое приводится в юридической литературе, неприкосновенность определенной категории должностных лиц (Глава государства, депутаты Парламента и судьи) означает их особую охрану законом в силу исполняемых ими государственных функций [3, с. 160]. Российский ученый И.А. Алебастрова под неприкосновенностью понимает недопустимость привлечения к уголовной ответственности и ограничения личной свободы [4, с. 232].

При этом президентская неприкосновенность определяется как гарантия независимости деятельности Президента и предоставляется в целях создания условий для эффективного функционирования Главы государства, для беспрепятственного осуществления им своих функций [5, с. 156].

Представляется, что неприкосновенность Главы Белорусского государства, в отличие от неприкосновенности парламентариев, не детализирована, из чего следует, что она абсолютна. При этом единственная возможность привлечения Президента к ответственности – смещение его с должности.

Предоставление Президенту Республики Беларусь такой гарантии его деятельности как неприкосновенность обусловлено его особым конституционно-правовым статусом, а также той особой ролью, которой он наделен Конституцией. При этом основное назначение президентской неприкосновенности состоит в правовой гарантии бесперебойного осуществления Президентом своих функций.

Следует отметить, что президентская неприкосновенность действует только в течение срока осуществления Главой государства своих полномочий. Она не является личной, а только должностной, от которой невозможно отказаться.

Таким образом, президентская неприкосновенность – это один из элементов конституционно-правового статуса Президента, указывающий на наличие у него тех особых гарантий его деятельности, которые обеспечивают свободное и ответственное осуществление Главой государства его полномочий в течение срока пребывания в этой должности, а также постоянство, непрерывность и беспрепятственность функционирования данного конституционно-правового института.

При этом представляется целесообразным урегулировать на конституционном уровне содержание понятия «неприкосновенность Президента», указать при этом на наличие у него гарантий от какого-либо воздействия (физического, психического), а также от уголовной, административной и гражданско-правовой ответственности.

Список использованных источников:

1. Колобаева, Н. Е. Правовое закрепление гарантий деятельности Президента РФ / Н. Е. Колобаева // Российский юридический журнал. – 2007 – № 1. – С. 104–107.
2. Конституция Республики Беларусь от 15 мар. 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 1. – 1/0; 2004. – № 188. – 1/6032.
3. Туманов, В. А. Конституция Российской Федерации. Энциклопедический словарь / В. А. Туманов, В. Е. Чиркин, Ю. А. Юдин; под ред. В. А. Туманова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, Большая Рос. Энцикл., 1997. – 320 с.
4. Алебастрова, И. А. Конституционное право зарубежных стран: учеб. пособие / И. А. Алебастрова. – М. : Юрайт-М, 2001. – 640 с.
5. Масловская, Т. С. Институт президентства в Республике Беларусь: теоретические и конституционные основы / Т. С. Масловская. – Минск : БГУ, 2010. – 183 с.

КОНСТИТУЦИЯ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ НАРОДНОГО СУВЕРЕНИТЕТА ПРИ ОБРАЗОВАНИИ НОВОГО ГОСУДАРСТВА

А.Н. Пугачёв,

доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса, УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», кандидат юридических наук, доцент

Конституция может рассматриваться как учредительный правовой акт – первопричина государственности. США в этом отношении – характерный пример, поскольку на месте колониальных штатов «отцы-основатели» стремились закрепить установленный ими внутренний порядок, пошли на решительный разрыв с метрополией с намерением создания собственного государства на принципиально иных основах. Создание государственности шло параллельным курсом с учреждением основного закона, всё начиналось с «чистого листа» и первым написал об этом А. де Токвиль [1, с. 51].

В этом усматривается очевидное преимущество американского пути развития.

В современной научной литературе [2, с. 407] принято обращать внимание на тот факт, что борьба за независимость английских колоний в Америке рассматривается учёными как «американская революция», хотя лидеры её опирались на традиционные английские принципы права («No taxation without representation») и первоначально требовали только ограниченного самоуправления. Как пишет Ниал Фергюсон [3, с. 144], известный лозунг Сэмюэля Адамса «Нет налогов без представительства» знаменовал не отказ от британского духа, скорее – его решительное утверждение.

Образование республики в виде США стало революцией тогда, когда английские переселенцы окончательно порвали связь с британской короной (и с британским парламентом), одновременно доказывая, что и государства с большой территорией могут жить по республиканской конституции. Ранее, как известно, почти все теоретики демократии (тогда республикой называли то, что мы сегодня – демократией) были убеждены, что демократическое устройство возможно только в небольших сообществах, наподобие античных полисов.

Следуя чёткой исторической хронологии зафиксируем, что образование независимого государства в США состоялось всё же раньше принятия федеральной конституции, поэтому утверждения типа «каждое государство берёт своё начало именно с конституции» [4, с. 162], мягко говоря, не соответствуют действительности. Но если вести отсчёт от Декларации независимости 1776 года, то американскую «конституционную революцию» можно во временном отношении значительно «растянуть».

Особенность этой «конституционной революции» А.Н. Медушевский [5, с. 151] усматривает в том, что во время неё не происходило радикального внеправового изменения социальной системы, а речь шла скорее об изменении политических и правовых параметров. Но не следует забывать и о том, пишет К.В. Арановский, что «до принятия Конституции США народы штатов уже имели конституционный опыт (так, действующая Конституция Массачусетса дати-

руется семью годами раньше федеральной американской Конституции), как и предысторию союзнических отношений. Конституцию США поэтому приняли не без возражений, но всё же с готовностью...» [6, с. 207]. Первым ратифицировал Конституцию самый маленький штат – Делавэр.

Интересное наблюдение предлагает М.Ф. Чудаков. Он пишет о том [7, с. 145], что Британия не приняла писаную конституцию в виде отдельного акта в числе прочего и потому, что такая конституция впервые появилась на территории бывших североамериканских британских колоний, которые образовали Соединённые Штаты. Можно предположить, что английские правоведы и политики посчитали обидным для себя, что на территории колоний, где проживали, как они полагали, необразованные, примитивные колонисты, и к тому же «бунтовщики», вдруг приняли конституцию, тогда как Британия этого не сделала.

Поэтому, возможно, они и не стали ничего менять в своей системе. Бывший доминион Великобритании – Новая Зеландия – возможно, не принимала и не принимает конституцию в порядке солидарности со своей «матерью-родиной», ибо абсолютное большинство жителей Новой Зеландии (коренных племён маори очень мало) – потомки английских колонистов.

В XX веке принятие многих конституций также означало учреждение совершенно новых по своей природе государств. Верно отмечено [8, с. 35], что во всех странах Азии, Африки, Латинской Америки, Океании, освобождавшихся в 50–80-е годы XX века от колониальной зависимости, принятие конституций (иногда дарованных метрополией) означало юридическое признание первоначального образования государства в прежнем колониальном обществе. «Конституции и создаются для того, – подчёркивает А. Шайо, – чтобы организовавшиеся в новое государство нации могли заявить всему миру: вот, мы существуем. Если новорождённый кричит, значит он жив» [9, с. 25]. Всего таким путём возникло более 130 новых государств.

Ситуация с Африкой наиболее симптоматичная. «Вот уже чего всегда хватало при деколонизации, – пишет П. Джонсон, – так это конституций на бумаге. По иронии судьбы, Британия, которая никогда не имела собственной конституции, в 1920–1975 годах подготовила более 500 конституций для своих колониальных территорий. Большинство из них просуществовало несколько лет, некоторые – несколько месяцев, другие вообще не вступили в действие и ни одна не уцелела до 80-х годов. Европейские империи начали с патернализма и отрицания политического духа, а закончили диаметрально противоположным образом – чрезмерной демократизацией и политическим гигантизмом. Серебряный век империи был полон конференций и составлений конституций» [10, с. 92]. Появление новоиспечённых государств-членов ООН резко подорвало её эффективность, нивелировало европейские стандарты.

В большинстве появившихся «конституционных» государств уничтожение господства закона происходило параллельно с моральным падением вождей-президентов, ростом коррупции и экономической разрухой. «Племена с флагами» [11, с. 270] – лучше и не скажешь. Исключения, конечно же, были. В основном речь идёт о бывших английских колониях (Индия, Гонконг, Сингапур, Ямайка). Джон Кампфнер, изучая самую «густонаселённую демократию мира», приходит к выводу: «Конституционализация достижений Индии за 60 лет неза-

висимости впечатляет. Эта страна с населением, превышающим 1 миллиард человек, с 2 тысячами этнических групп и 200 языками неуклонно, за исключением короткого периода (правления Индиры Ганди), следовала путём многопартийной демократии, разделения властей, независимого правосудия и защиты свободы выражения» [12, с. 201].

Между тем, «английские власти дважды принимали конституции для Индии (в 1919 и 1935 гг.), однако индийцы считают своей первой конституцией Основной Закон 1950 года, который был принят через 3 года после обретения независимости в 1947 году» [13, с. 107]. О том, почему и как в английских колониях утвердился конституционализм, убедительно пишет Ниал Фергюсон [3].

В Европе в 90-е годы XX века происходили иные процессы, и связано это с распадом существовавших стран и образованием на их территории новых государств (это касается бывших СССР, Чехословакии, Югославии). Беларусь, по нашему мнению, не может быть причислена к этому ряду.

Если брать в расчёт первую Конституцию БССР 1919 года, то она не предусматривала суверенности новообразования и ни о какой реальной государственности речи не было. Принятие в 1994 году Конституции суверенного государства произошло уже в условиях состоявшейся независимости, берущей начало с 1991 года – момента распада СССР, где наша республика была на правах субъекта федерации.

Список использованных источников:

1. Токвиль, А. де. Демократия в Америке / А. де Токвиль; пер. с фр. Гарольда Дж. Ласки. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.
2. Паліталёгія. Асноўны курс. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2002. – 680 с.
3. Фергюсон, Н. Империя: чем современный мир обязан Британии / Н. Фергюсон; пер. с англ. К. Бандуровского. – М.: Астрель: CORPUS, 2013. – 560 с.
4. Попов, Е.А. Конституции мира – ценности цивилизации / Е.А. Попов // Право и политика. – 2013. – № 2. – С. 162–168.
5. Медушевский, А.Н. Российская модель конституционных преобразований в сравнительной перспективе / А.Н. Медушевский // Конституционное право: Восточно-европейское обозрение. – 2003. – № 2(43). – С. 148–166.
6. Арановский, К.В. Конституционная традиция в российской среде / К.В. Арановский. – СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2003. – 658 с.
7. Чудаков, М.Ф. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учеб. пособие / М.Ф. Чудаков. – Минск: ООО «Новое знание», 2001. – 576 с.
8. Хабриева, Т.Я. Теория современной конституции / Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин. – М.: Норма, 2005. – 320 с.
9. Шайо, А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма) / А. Шайо. – М.: Юристъ, 1999. – 292 с.
10. Джонсон, П. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы: в 2 т. / П. Джонсон; пер. с англ. В. Атанасов, Д. Матев. – М.: Аноубис, 1995. – Т. II. – 480 с.
11. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: АСТ, 2014. – 571 с.
12. Кампфнер, Дж. Свобода на продажу: как мы разбогатели – и лишились независимости / Дж. Кампфнер; пер. с англ. С. Львовского. – М.: Астрель: CORPUS, 2012. – 414 с.
13. Чудаков, М.Ф. Конституционный процесс в Беларуси (1447–1996 гг.): монография / М.Ф. Чудаков. – Минск: Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь, 2004. – 327 с.

ВЛИЯНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ

Р.В. Пузиков,

доцент кафедры гражданского права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», кандидат юридических наук, доцент

Прежде чем начать говорить о юридической доктрине, выработанной в решениях Конституционного Суда РФ (далее КС) необходимо говорить об учете решений КС, о пределах такого учета, о его технике, решать следующие вопросы: 1) что по существу представляют собой решения КС, являются ли они источниками права; 2) какова юридическая техника подготовки, принятия, издания соответствующих решений и при каких обстоятельствах, и в какой части они могут претендовать на то, чтобы их учитывали в обязательном порядке; 3) определяют ли закон, или КС, или кто-либо необходимость учета соответствующих решений вообще или технику учета, в частности [3, с. 47].

Необходимо оговориться, что в данном контексте, под учетом юридической доктрины выработанной в решениях КС как источника права, понимается юридическая техника в ее широком и узком значении, т.е. речь идет, не только о средствах (технике) выражения законодательной воли в тексте закона, но и об отношениях, связанных с подготовкой законопроекта вообще. Прежде всего, имеется в виду «технология» учета позиций КС Государственной Думой как органом, принимающим законы.

Постановка вопроса об источниках права не претендует на особую оригинальность. С того времени, когда был принят еще первый закон о КС, начались дискуссии о характере принимаемых им актов. Комплексно вопросы сформулировал, например, Л.В. Лазарев: то ли акты конституционного правосудия являются нормативными актами, то ли это судебные прецеденты, то ли просто правовые констатации, то ли решения преюдициального плана [4, с. 4]. С разными вариациями и в разных ракурсах эти вопросы обсуждались Г.А. Гаджиевым, Н.В. Витруком, В.А. Кряжковым, В.А. Тумановым и др. Весьма решительно комментирует соответствующую статью конституционного закона о Конституционном Суде Б. С. Эбзеев. С его точки зрения, КС «формирует конституционно-правовую доктрину, предлагает свое понимание тех или иных положений Конституции, которое «связывает» все иные органы государственной власти и других субъектов конституционно-правовых отношений, и тем самым фактически выполняет правотворческую функцию» [5].

Юридическая доктрина, выработанная в решениях КС, по мнению В.В. Лазарева, «представляет собой полноценный источник права в том смысле, что они: акты федерального органа власти; в большинстве своем носят нормативный характер; принимаются в строго установленном порядке; по формулированию правовых положений приближаются к законодательным текстам, хотя

и имеют особенности в плане законодательной техники; содержат целый набор внешних атрибутов; являются официально публикуемыми текстами; всегда обязательны для своих адресатов; действуют непосредственно; они окончательны; влекут утрату юридической силы правовых норм; адресатами их является в большинстве случаев относительно неопределенный круг лиц (физических, должностных, юридических); участники правовых отношений всегда вынуждены руководствоваться решениями КС; государство обеспечивает обязательность решений КС не только соответствующими нормативными актами, но и соответствующими организационно-принудительными мерами»[3, с. 48].

На Западе, оказывается, вновь получает свою силу такой источник права, как доктрина. Так вот, акты КС более всего приближаются по своему содержанию к доктрине. По содержанию! Правовые позиции, выраженные в решении КС — вместе, или лучше сказать, в контексте с особыми мнениями судей — во многом напоминают доктрину в самом прямом смысле этого слова.

Следовало бы также уподобить решения КС праву юристов, коллективно-му праву юристов. Если бы особые мнения судей принимались в качестве обязательного руководства к действию, то мы могли бы вспомнить об Ульпиане, о римских юристах, чьи позиции являлись настоящим источником права. В РФ такого пока нет. Но если доктрина в чистом виде получит свои права (предположим на одну минуту, что и здесь мы поспешим вслед за европейским правом), то особые мнения членов КС будут первыми претендентами на эту роль.

Оценивая юридическую доктрину, выработанную в решениях КС в качестве источника права, следует проанализировать структуру постановлений и определений КС. Вывод напрашивается такой, что акт в целом является источником права. В то же время разное значение имеет мотивировочная часть, в которой содержатся позиции КС, и часть резолютивная, в которой формулируется итоговое решение. В определенном отношении правовые позиции (непосредственно сама юридическая доктрина) приобретают самостоятельное значение, как бы отрываясь от резолютивной части.

Если мы признаем решения КС источником права, по-иному будет оцениваться их эффективность. Одно дело правоприменительный акт и другое — акт, содержащий право. Дело уже не ограничится доказательственным значением документов, заключений экспертов, позиций сторон и т. д. Их оценка сместится в сторону обоснованности права, его эффективности, его места в системе других источников права, его цены и т. д.

Довольно часто и в самых решительных выражениях КС предписывает законодателю принять необходимые нормы. По-видимому, это особая разновидность правового предписания, казалось бы, индивидуального характера. Но если акт будет принят, он будет действовать вместе с предписанием КС, и, следовательно, налицо известные черты его нормативности.

Законодатель пристально следит за решениями КС. Следует со всей определенностью заметить, что законодатель реагирует, как мы только что убедились, отнюдь не только по прямому его указанию. Если в ходе рассмотрения дела в КС выявляются потребности более полно гарантировать интересы граждан, более полно выразить демократическую линию развития, он вносит изменения

идополнения в свои нормативные акты. Так, после того, как КС в принципе решил вопрос о возможности приватизации комнаты в коммунальной квартире без обязательного согласия нанимателей других помещений, вначале московский, а затем и российский законодатель разработали законопроекты, которыми в определенной мере гарантируются права граждан, проживающих в коммунальных квартирах.

Признание КС нормативного акта или отдельных его положений неконституционными должно в обязательном порядке повлечь их отмену даже без специального на то указания в тексте решения.

Нет никакого сомнения в том, что законодатель и КС в равной степени озабочены проведением в жизнь демократических принципов российского законодательства. Если здесь и могут возникать своего рода коллизии, то только в части выявления подлинного смысла конституционных положений или в части избрания способов проведения демократических принципов законодательства в жизнь.

Следует констатировать, что технология учета юридической доктрины, выработанной в решениях КС в законодательной деятельности нормативно не определена, и никто ее пока официально не установил. Конституционный закон о Конституционном Суде в ст. 79 определил юридическую силу решения КС, и, как убеждаемся, она очень высокая (решение действует непосредственно, подтверждения кем-либо не требует, повторное принятие признанного неконституционным акта невозможно, последние окончательно утрачивают силу и не подлежат исполнению). Но, ни здесь, ни в какой-либо другой статье не устанавливается право КС давать соответствующие указания законодателю. Законодатель сам должен пересмотреть признанные неконституционными акты «в установленных федеральным законом случаях». Его никто не может обязать восполнить пробел в законодательстве. В случае, если таковой образовался в результате вынесения решения КС, конституционные нормы применяются непосредственно (с учетом вынесенного судом решения).

Список использованных источников:

1. Витрук Н.В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. - 1999. № 3 (28). – С. 82.
2. Кросс Р. Прецедент в английском праве. — М., 1985. — С. 111.
3. Лазарев В.В., «Техника учета решений Конституционного Суда Российской Федерации в законодательной деятельности», Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование, Том 1, Нижний Новгород, 2001. – С. 47.
4. Лазарев Л.В. Конституционный Суд и развитие конституционного права // Журнал российского права. 1997. – № 11. – С. 4.
5. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». Комментарий. – М., 1966. – С. 23.

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО СТАТУСА «НЕГРАЖДАН» КАК СУБЪЕКТОВ ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ***Н.О. Рамазанова,****ассистент УО «Белорусский государственный экономический университет»*

Общеизвестно, что к одному из признанных на практике международно-правовых критериев, характеризующих физическое лицо, относится понятие «гражданство». Международный Суд Организации Объединенных Наций (далее – ООН) своим решением от 18 ноября 1953 года пришел к выводу, что реальная, фактическая и тесная связь лица со страной и есть гражданство [1]. В силу обязательности решений Международного Суда ООН для государств – участников понятие «гражданство» нашло свое отражение и национальном законодательстве государств, входящих в ООН. Республика Беларусь не является исключением в данном вопросе. Отметим, что в соответствии со статьей 1 Закона Республики Беларусь «О гражданстве Республики Беларусь» гражданство Республики Беларусь – это устойчивая правовая связь человека с Республикой Беларусь, выражающаяся в совокупности их взаимных прав, обязанностей и ответственности, основанная на признании и уважении достоинства, основных прав и свобод человека. Гражданство Республики [2].

Проведя правовой анализ законодательства Республики Беларусь, выделим следующие категории физических лиц, в зависимости от наличия/отсутствия гражданства: гражданин Республики Беларусь, иностранный гражданин, лицо без гражданства, постоянно проживающий в Республике Беларусь иностранец, беженец и другие. Вместе с тем, международное законодательство в ряде случаев использует понятие «негражданин», которое характеризует физическое лицо, которое не признано или которому отказано в признании, как имеющее тесную правовую и устойчивую связь со страной – нахождения. Рассматривая международную практику, отметим, что под дефиницию «негражданин» могут подпадать такие категории (группы) физических лица как: постоянные жители, мигранты (до получения гражданства), беженцы, просители убежища, туристы, иностранные студенты, лица, начавшие процедуру отказа от гражданства, временные перемещенные лица или временные переселенцы, лица, утратившие гражданство в силу изменения территориального устройства государства и многие другие категории лиц. Каждая указанная группа физических лиц имеет тот объем правомочий, который соответствует ее правовому режиму пребывания (т.е. административно-правовому статусу). Причем в зависимости от страны – нахождения права «неграждан» могут существенно отличаться.

Вместе с тем, принимая во внимание приоритет международных договоров в регулировании вопросов правового положения иностранных граждан в Республике Беларусь, действующее законодательство нашей страны не содержит в себе термин «негражданин», который имеет место в международном законодательстве, а, следовательно, в полном объеме не охватывает права данной ка-

тегории физических лиц, что является негативным явлением для международного права прав человека. В 2016 и 2017 годах в Закон Республики Беларусь от 04.01.2010 г. № 105-З «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» были внесены существенные изменения, в т.ч. юридическое закрепление получает термин «иностранец». Однако ставить знак равенства между понятием и правовым содержанием дефиниции «иностранец» и «негражданин» нельзя. Следовательно, мы можем говорить, об определенном правовом пробеле в регулировании прав «неграждан» как субъектов международного права прав человека в законодательстве Республики Беларусь.

Таким образом, полагаем, что более детальное правовое исследование понятия «негражданин», в том числе и в контексте сравнения с содержанием понятия «иностранец», позволит выработать наиболее эффективные правовые нормы, регулирующие положение всех физических лиц, находящихся на территории Республики Беларусь без статуса «гражданин», с целью соблюдения международных норм, защищающих и охраняющих права каждого.

Список использованных источников:

1. Международный Суд // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org> – Дата доступа: 07.09.2017.

2. О гражданстве Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 01.08.2002 г., № 136-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.12.2015 г., № 330-З // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017. – Дата доступа: 07.09.2017.

**ВЫНУЖДЕННЫЕ МИГРАНТЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ:
ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ЗАЩИТА**

О.М. Савкин,

*старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права,
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины*

С развалом Советского Союза обострилась проблема беженцев. Прибывавшие в Республику Беларусь мигранты нуждались в определении их правового статуса.

В последние годы события в Донецкой и Луганской областях ещё в большей степени обострили миграционные процессы, вызвав значительное число беженцев и вынужденных переселенцев из Украины в Беларусь.

Данная проблема стала ещё более актуальной в связи с происходящими в настоящее время на Ближнем Востоке, Северной Африке и других регионах событиями, когда из-за острых политических внутрисударственных или межгосударственных конфликтов, либо по экономическим и иным причинам, большое количество местного населения вынуждено мигрировать в поисках защиты, убежища, работы.

Достаточно эффективная защита прав человека, и в частности прав беженцев, стала возможной, так как в Республике Беларусь создано правовое поле, в рамках которого соблюдаются законные права и интересы мигрантов и беженцев. Беларусь ратифицировала международные пакты о гражданских и политических правах, об экономических, социальных и культурных правах, а также присоединилась к Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации и к Конвенциям против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания; о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин; о правах ребенка; о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами.

В Республике Беларусь создана национальная система предоставления убежища, основанная на международной признанной концепции убежища. В частности, определены государственные органы, осуществляющие управление в области вынужденной миграции, разработана и принята необходимая законодательная база, соответствующая современным тенденциям развития международной правовой защиты лиц, ищущих убежище, создана необходимая инфраструктура для приема вынужденных мигрантов [1]. Всем иностранцам, прибывающим на территорию нашей страны и имеющим опасения, связанные с возвращением в государство гражданской принадлежности или прежнего обычного места жительства, гарантирован доступ на территорию страны, а также доступ к процедуре предоставления статуса беженца, дополнительной или временной защиты в Республике Беларусь.

Особенности правового положения иностранцев, ходатайствующих о предоставлении статуса беженца, или дополнительной защиты, или убежища

в Республике Беларусь, а также иностранцев, которым предоставлены статус беженца, или дополнительная либо временная защита, или убежище в Республике Беларусь, регулируются специальными законодательными актами Республики Беларусь [2, ч.2 ст. 4].

Краткая ретроспектива рассматриваемого вопроса такова. В первой половине 90-х гг. были приняты законы Республики Беларусь «О гражданстве Республики Беларусь», «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь», «О порядке выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь граждан Республики Беларусь», «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь», издан Указ Президента Республики Беларусь «Об утверждении Положения о порядке рассмотрения вопросов предоставления убежища иностранным гражданам и лицам без гражданства», которые в определенной степени регламентировали порядок работы с иностранными гражданами и лицами без гражданства в Республике Беларусь.

Практически в этот же период началась разработка проектов законов Республики Беларусь «О беженцах», «Об иммиграции», «О внешней трудовой миграции». Закон Республики Беларусь «О беженцах», принятый Верховным Советом Республики Беларусь в феврале 1995 г. и номинально вступивший в силу с 1 июля 1995 г., установил правовые основания предоставления иностранцам статуса беженца, а также экономические, социальные и правовые гарантии для признанных беженцев.

Правительством Республики Беларусь, в целях приведения законодательства Беларуси в соответствие с требованиями указанного Закона, были приняты следующие постановления: «О перечне государств, временное нахождение в которых до прибытия в Республику Беларусь является основанием для отказа в регистрации ходатайства о признании иностранца беженцем и отказа в признании беженцем», «Об установлении квоты приема беженцев для поселения на 2000 год», «Об утверждении Положения о пребывании беженцев на территории Республики Беларусь», «Об утверждении Положения об удостоверении беженца». Постановлениями Министерства труда утверждены форма удостоверения беженца, инструкция о порядке его выдачи и порядок хранения бланков удостоверений, а также заключительный нормативный документ в новом законодательстве о беженцах — Инструкция о процедуре признания беженцем.

В ходе реализации Закона Республики Беларусь «О беженцах» 1995 года выявился ряд недостатков, в первую очередь, процедурного характера. В июне 1999 года вступил в силу Закон Республики Беларусь «О беженцах» в новой редакции.

В связи с принятием Закона Республики Беларусь «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь» от 23.06.2008 г. № 354-З [3], упомянутые выше Закон РБ от 22.02.1995 г. «О беженцах» и Закон РБ от 16.06.1999 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О беженцах» » утратили силу.

В настоящее время законодательство Республики Беларусь о статусе беженца, дополнительной и временной защите основывается на Конституции Республики Беларусь и состоит из Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 года «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» [2], Закона Республики Беларусь «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь» от 23.06.2008 г. № 354-З [3], иных нормативных правовых актов Республики Беларусь [4], а также международных договоров Республики Беларусь.

Республика Беларусь сотрудничает с другими государствами, Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев и международными организациями в целях разрешения проблем иностранцев, ходатайствующих о защите, и иностранцев, которым предоставлены статус беженца или дополнительная либо временная защита.

В новом законодательстве о беженцах [3] определение понятия «беженец» приведено в полное соответствие с Конвенцией ООН о статусе беженцев. Детально определены место, время и порядок обращения с ходатайством о признании беженцем, а также процедуры приема, регистрации, рассмотрения ходатайства, предоставления статуса беженца, утраты и лишения статуса беженца. Законодательно закреплены «принцип невысылки» для лиц, ходатайствующих о признании беженцем, и добровольность возвращения для признанных беженцами, являющиеся основополагающими нормами международного права. Предусматривается установление распределительных квот для поселения беженцев и их последующей интеграции.

В соответствии с национальным законодательством в Беларуси социально-экономические права беженцев уравниваются с правами граждан Республики Беларусь. Беженцы имеют право на проживание на территории Республики Беларусь на срок признания беженцем, самостоятельный выбор населенного пункта для поселения, работу по найму или предпринимательскую деятельность, социальную защиту, включая социальное обеспечение. Беженцам предоставлен бесплатный доступ к национальной системе образования и здравоохранения [3, ст. 19].

Несовершеннолетний иностранец, которому предоставлен статус беженца, кроме прав, установленных в ч. 1 ст. 19 Закона РБ «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь», имеет также право на обучение в учреждениях, обеспечивающих получение дошкольного и общего среднего образования, и медицинское обслуживание наравне с несовершеннолетними гражданами Республики Беларусь [3, ч. 2 ст. 19].

Аналогичные права предоставлены несовершеннолетним иностранцам, которым предоставлена дополнительная защита [3, ч. 2 ст. 19, ч.2 ст.22].

Иностранцы и их дети, которым предоставлена временная защита, в соответствии со ст. 25 могут получать бесплатную скорую (неотложную) медицинскую помощь в государственных учреждениях здравоохранения, а также пользоваться иными правами наравне с иностранцами, временно пребывающими

в Республике Беларусь, если иное не определено законодательными актами и международными договорами Республики Беларусь [3, ст. 25].

Таким образом, национальное законодательство Республики Беларусь, регламентирующее правовой статус и защиту прав вынужденных мигрантов в Республике Беларусь, соответствует требованиям международных документов и направлено на оказание им надлежащей защиты и гуманитарной помощи.

Проводя активную и гуманную миграционную политику, Республика Беларусь вправе рассчитывать на адекватную международную помощь с тем, чтобы эффективно решать проблемы защиты уязвимых групп мигрантов и с максимальной эффективностью управлять миграционными процессами в целом.

Список использованных источников:

1. Справка о миграционной обстановке в Республике Беларусь за 2016 год: официальный сайт МВД Республики Беларусь [Электронный ресурс] – 2017 – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=9871> – Дата доступа: 26.03.2017.

2. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь № 105 от 4.01.2010 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2010 г., № 15, 2/1657.

3. О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной и временной защиты в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь от 23.06.2008 г. № 354-З (с изм. и доп.) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2008 г. № 2/1451

4. Правила пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь: утверждены постановлением Совета министров Республики Беларусь от 20 января 2006 г № 73 (в ред. постановления СМ Республики Беларусь от 09.07.2010 № 1030) [Электронный ресурс] – 2017 – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C20600073> – Дата доступа: 26.03.2017.

**КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА
(НА ПРИМЕРЕ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ)**

В.В. Седельник,

заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, кандидат юридических наук, доцент;

С.Е. Чебуранова,

декан юридического факультета, доцент кафедры теории и истории государства и права, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, кандидат юридических наук, доцент

Государства, правовая система которых относится к романо-германской правовой семье, имеют богатую и многообразную практику конституционного развития. При этом не следует упускать из виду то обстоятельство, что в рамках данной правовой семьи действуют конституции, принятые в разные периоды истории. В качестве источников права, общих для данной правовой семьи, в современной юридической литературе называются нормативные правовые акты во главе с законом, правовые обычаи, судебная практика, общие принципы права, доктрины, с помощью которых вырабатываются многие принципы романо-германского права. При этом в некоторых конституциях непосредственно закрепляется система источников права. Одним из такого рода Основных законов является Конституция Республики Польша 1997 года, в которой имеется специальный раздел «Источники права», в ст. 87 которой называются в качестве источников общеобязательного права Республики Польша Конституцию, законы, ратифицированные Международные договоры, а также распоряжения. Кроме того, в ч.2. ст. 87 Конституции Республики Польши установлено, что источниками общеобязательного права Республики Польша на территории деятельности органов, которые их издали, являются акты местного права. Следует признать такую практику весьма положительным моментом, так как четкое регламентирование системы исключает попытки включения в нее иных элементов, появляющихся в юридической практике.

Важнейшей особенностью романо-германской правовой семьи является приоритетная, доминирующая роль закона по отношению не только к другим нормативным актам, но и к иным источникам права. Особенностью же нормативных правовых актов, которые также довольно часто называют письменными или формально-юридическими актами или законами в широком смысле слова, является их дифференциация и иерархичность построения. Одной из тенденций развития данного источника права можно считать наличие нескольких видов законов, их разную юридическую силу, разграничение по которой провести порой довольно трудно. Весьма показательным в этом плане можно считать французский опыт. Здесь парламент принимает три вида законов - конституционные (изменяющие Конституцию), органические (по особо указанным в Конституции

вопросам) и обычные. Кроме того, в этой стране на уровне Основного закона выделяются программные законы, «определяющие цели экономической и политической деятельности государства». При этом уместно заметить, что компетенция французского парламента четко определена в Конституции, за пределы которой он выходить не имеет права, так как там начинается сфера регламентарной власти, т. е. власти Президента и Правительства. В Испании органическими законами регулируется осуществление основных прав и публичных свобод, утверждение уставов об автономии, установление общего избирательного режима и регулирование других вопросов, когда это предусмотрено Конституцией. Для принятия, изменения или отмены органических законов требуется абсолютное большинство голосов депутатов.

Правовая система каждого из европейских государств, несомненно, имеет специфические особенности, обусловленные историческими, национально-культурными и иными условиями ее возникновения и развития, однако это не исключает общности принципов установления и функционирования законов, как и в целом нормативных правовых актов как источников права. Современными правоведами верно, по нашему мнению, констатируется существование перманентного расхождения между теорией (традицией), требующей строго следовать букве закона, «весьма серьезно относиться к буквальному пониманию закона», и практикой, ставящих «континентальных судей и ученых-юристов» перед необходимостью «широкого, смыслового понимания и толкования законов».

Анализ конституций западноевропейских государств показывает, что в них уделяется значительное внимание также общим принципам права. В этом плане опять-таки показателен опыт Франции, где они были закреплены еще в Декларации прав человека и гражданина 1789 г., а затем в последующих конституционных актах. Одна из новейших европейских конституций - Конституция Испании также закрепляет и гарантирует такие принципы как принцип законности, принцип «отсутствия обратной силы у норм, содержащих санкции, не способствующие осуществлению личных прав или ограничивающие их».

Особую разновидность законов представляет делегированное законодательство, когда законодательная функция передается на определенный срок и по определенным вопросам исполнительным органам в соответствии с конституцией. Делегированное законодательство закрепляется в качестве источника права в конституциях многих государств, (Испания, ФРГ и другие), принятых после второй мировой войны. В качестве примера можно привести Конституцию Франции, в которой закреплена норма о том, что по вопросам, не подлежащим регулированию органическими законами, французский парламент может, приняв базовый закон, делегировать Правительству право издавать акты, имеющие силу закона.

Также одной из тенденций конституционного регулирования источников права в странах романо-германской правовой семьи можно считать, на наш взгляд, включение в качестве составного элемента национального права общепризнанных норм и принципов международного права. Такого рода положения

содержатся, например, в ст. 25 Основного закона Федеративной Республики Германии.

В действующей Конституции Испании устанавливается, что «законно заключенные и официально опубликованные в Испании международные договоры составляют часть ее внутреннего законодательства. В Конституции Украины закрепляется, что действующие международные договоры, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины, являются частью национального законодательства Украины. В России в Конституции 1993 г. в ст. 15 практически впервые за всю историю развития конституционного права закреплено, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Итак, можно констатировать тенденцию расширения и углубления конституционно-правового регулирования роли и места основополагающих источников права в континентальной правовой семье. Кроме того, расширение и углубление сферы правового регулирования, связанные с распространением действия права как на новые, недавно возникшие области социальной жизни, так и на те из них, которые ранее не находились в поле зрения законодателя, делает весьма актуальным вопрос об использовании регулятивного потенциала и иных, кроме закона источников права.

УДК327.7

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА И ПЕРСПЕКТИВАХ ЕГО РАЗВИТИЯ

Ю.П. Сергиенко,

заместитель директора Научно-исследовательского института трудовых и социальных отношений «Международного университета «МИТСО», кандидат юридических наук, доцент

«Экономическая интеграция Беларуси и России – это не только и не столько результат позиций и действий Президентов и правительств, а объективный процесс единения двух народов. И если они желают жить в едином государстве, то рано или поздно это произойдет...»

А.Г. Лукашенко

Республика Беларусь и Российская Федерация уже 20 лет совместно идут по пути экономического и политического развития. Пройден нелегкий путь от Сообщества – первого достаточно аморфного межгосударственного объединения, – до Союза с более четкой структурой и системой органов. Идет формирование Союзного государства, открывающего новые перспективы перед двумя странами. Между государствами-участниками Союзного государства развиваются интеграционные взаимосвязи во всех сферах их жизнедеятельности.

Однако проблема интеграции Беларуси и России остается и является одной из актуальных в современной правовой науке. Поэтому так необходимо предложить: научное обоснование наиболее оптимального варианта конституционно-правового сближения России и Беларуси, нормативное оформление международно-правового статуса Союзного государства и определить перспективы его развития в конституционно-правовом аспекте.

Человечеством выработаны многообразные формы интеграции, которые не могут быть отнесены ни к федерации, ни к конфедерации. Среди них можно назвать: содружества, сообщества, союзы и т.д. Приведем некоторые примеры: содружества – СНГ, сообщества – Сообщество Беларуси и России; союзы – Европейский Союз, Союз Беларуси и России.

Приведенная классификация достаточно условна. В конечном итоге приведенные виды ассоциаций обладают с одной стороны общими признаками, свойственными федерации и конфедерации, а с другой – имеют специфические, особенные черты, характерные только для определенной, конкретной ассоциации.

Что касается классификаций, предложенных известным российским ученым С.А. Авакьяном [5. с. 3–6], то, разработанные с точки зрения конституционного права, они не всегда полностью соответствуют нормам международного права. В частности, С.А. Авакьян утверждает, что «международно-правовой и государственно-правовой практике известны несколько видов объединений государств в зависимости от характера связей в рамках создаваемых ими образований. Это международно-правовой союз; конфедеративное объединение; Со-

юзное государство; федерация (единое государство)» [5. с. 4]. В тоже время, автор не приводит четких правовых признаков, позволяющих отличить это объединение от других предлагаемых им же объединений.

С точки зрения международного права подобные утверждения не являются бесспорными. Подтверждением сложности поставленной задачи является позиция автора Е.А. Достанко, который утверждает, что «международная интеграция – это настолько многомерная сфера деятельности государства, что не поддается единой типизации и моделированию...» [6. с. 109].

С этим утверждением сложно не согласиться. Учитывая интенсивность происходящих интеграционных процессов, следует признать, что каждому типу классификации присущи свои специфические формы интеграционных объединений. С изменением политической структуры общества, прогрессивным развитием международного права эти формы видоизменяются, появляются новые и исчезают устаревшие, уточняются правовые термины. Поэтому конкретное наименование того или иного интеграционного объединения не имеет основополагающего значения для определения его правовых характеристик.

Сущность Союзного государства выражается в том, что «государствами-учредителями являются суверенные государства, между которыми устанавливаются и динамично развиваются интеграционные взаимосвязи во всех сферах их жизнедеятельности (экономики, политики, прав человека и гражданина, социальной, внешних отношений, обороны и др.). Базовую краеугольную основу всякой ассоциации составляет суверенитет. Отказ от суверенитета по своим политическим и юридическим последствиям равносителен утрате государственности, прекращению существования государства как геополитической организации» [8, с. 12].

Представляется, что Союзное государство – это новый тип межгосударственного объединения, соединяющего в себе признаки международной организации, федерации, конфедерации. Важной особенностью этого межгосударственного объединения является то, что у него нет суверенитета, носителями которого согласно ст.6 Договора от 8 декабря 1999 года являются государства-участники. Образовав Союзное государство, Российская Федерация и Республика Беларусь не передали ему свой суверенитет. Они передали ему часть своих полномочий и обеспечивают функционирование деятельности органов Союзного государства для их реализации. Сохранение суверенитета у государств-участников Союзного государства соответствует мировым стандартам образования межгосударственных объединений. При необходимости Союзное государство может быть наделено широкой международной правосубъектностью, без наделения статусом государственного суверенитета. При этом расширение компетенции Союзного государства не должно влечь сужение суверенного статуса Республики Беларусь и Российской Федерации.

О том, что наличие международной правосубъектности у Союзного государства подразумевалось, говорит и включение в Договор о создании Союзного государства положений, предусматривающих предоставления ему права заключения международных договоров. Согласно вышеизложенному договору (ст.36) Председатель Высшего Государственного Совета наделен полномочиями вести

международные переговоры и подписывать от имени Союзного государства международные договоры, а за Парламентом Союзного государства закреплено право ратифицировать международные соглашения (ст. 40 договора).

Не вызывает сомнения тот факт, что Союзное государство может обладать международной правосубъектностью и государства-учредители при создании Союзного государства намеревались придать ему статус субъекта международного права, наделив возможностью заключать международные договоры и исполнять обязательства по ним.

Как отмечалось, не каждый субъект международного права является суверенным государством, но каждое суверенное государство является субъектом международного права.

В отношении Союзного государства следует заметить, что передача отдельных полномочий его органам не подразумевает утраты государствами-участниками своего суверенитета и не означает приоритет актов Союзного государства над конституциями государств-участников.

Из этого следует, что передача части своих полномочий на основе норм международного права иному субъекту, не ограничивает суверенитет государства, а лишь изменяет объем его полномочий. Таким образом, речь идет об отношениях, построенных на основе международного права, неотъемлемой и важнейшей частью которого является принцип суверенного равенства государств.

Учитывая развитие интеграционных процессов во всех сферах межгосударственных отношений Беларуси и России и возрастания роли Союзного государства, представляется целесообразным государствам-учредителям Союзного государства определить ряд направлений социально-экономической деятельности, где данное государство могло бы действовать самостоятельно. При этом Республика Беларусь и Российская Федерация могли бы выступать гарантами самостоятельности Союзного государства. Кроме того, самостоятельность деятельности Союзного государства могла бы обеспечиваться и его собственностью.

Равно как и учредители, Союзное государство должно быть демократическим, правовым, социальным и светским, а деятельность его органов должна основываться на конституционных принципах, которыми руководствуются органы государственной власти Республики Беларусь и Российской Федерации. В этом видится залог успешного функционирования Союзного государства по обеспечению благосостояния и безопасности его граждан.

Рассматривая вопросы формирования собственной конституционно-правовой базы Союзного государства, следует отметить, что для выполнения государствами-участниками Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 года необходимо принять Конституционный Акт.

Работа над проектом Конституционного Акта Союзного государства впервые была инициирована Президентами двух государств В.В. Путиным и А.Г. Лукашенко. Для ее осуществления была создана совместная белорусско-российская рабочая группа, в которую вошли представители органов государственного управления Республики Беларусь и Российской Федерации, в задачу

которых входила разработка предложений и принципов создания Конституционного Акта, определение его правового статуса и содержания. Принятие Конституционного Акта предполагалось осуществлять на референдуме в государствах-участниках.

Между тем, принятие этого Акта постоянно откладывается, что свидетельствует о недостаточной согласованности позиций политического руководства обоих государств о правовой природе и содержании Конституционного Акта. И этому есть свое объяснение. Даже поверхностный анализ проекта Конституционного Акта показывает на многие неясности и трудности в реализации его положений. Так, если Российская Федерация передает часть своих полномочий в исполнительное ведение Союзного государства, то следствием этому будет перераспределение компетенций между Российской Федерацией и ее субъектами, что вряд ли допустимо без изменения Конституции Российской Федерации. Кроме того, проект Конституционного Акта предусматривает распространение решений юридических органов Союзного государства на территорию Российской Федерации. При этом основы законодательства, некоторые законы Союзного государства будут иметь приоритеты по отношению к Федеральным законам. Такой статус нормативных правовых актов Союзного государства будет противоречить основам конституционного строя России, так как частью 2 статьи 4 Конституции Российской Федерации предусмотрено, что Конституция и федеральное законодательство имеют верховенство на всей территории Российской Федерации. Следует иметь в виду также то, что статьей 79 Конституции Российской Федерации не допускается участие России в межгосударственных объединениях, и передавать им часть своих полномочий, если это противоречит основам конституционного строя Российской Федерации.

Не в полной мере соответствует проект Конституционного Акта и Конституции Республики Беларусь, в частности статьям 1 и 136. Установление приоритетного положения законодательства Союзного государства по отношению к национальным законодательствам Беларуси и России противоречит статьям 3 и 6 Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 года, согласно которым Союзное государство базируется на принципах суверенитета и равенства государств-участников.

Поэтому выносить на референдумы государств-участников нормативный правовой акт, противоречащий Договору о создании Союзного государства и национальным конституциям, представляется преждевременным.

Заключение

После существенной доработки проекта Конституционного Акта принять Конституцию Союзного государства просто необходимо. Конституция является обязательным атрибутом любого государства, и Союзное государство не должно быть исключением из этого правила. Наличие Конституции максимально укрепило бы правовую базу Союзного государства, способствовало бы стабилизации деятельности общества, граждан и органов Союзного государства, определила бы конституционный механизм их взаимодействия.

Список использованных источников:

1. Сергиенко Ю.П. Конституционные основы сближения Российской Федерации и республики Беларусь//Конституционное и муниципальное право. 2008.№4.
2. Сергиенко Ю.П. Правовая система Союзного государства// Конституционное и муниципальное право. 2008.№6.
3. Сергиенко Ю.П. Некоторые проблемы унификации законодательства Беларуси и России. Информационный бюллетень Парламентского Союза Беларуси и России. 1998. №2.
4. Сергиенко Ю.П. Формирование Союзного государства Информационный бюллетень Парламентского Союза Беларуси и России. 1999. №1.
5. Авакьян С.А. Договор между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о создании Союзного государства: конституционно-правовой анализ//Вестник Московского Университета, Серия 11. Право – 2001. №1–с. 3–15.
6. Достанко Е.А. Современные концепции интеграции//Европейский союз: история, политика, экономика, право: сборник научных трудов международной научно-практической конференции, Минск 17–18 декабря 1997 г.//Белорусский государственный университет, гл. ред. А.А. Козулин – Минск 1998 г. – с. 107–109.
7. Согласованный проект конституционного акта Союзного государства, разработанный российско-белорусской группой по выработке Конституционного Акта Союзного государства, 20 марта 2003 г.//Постоянная Комиссия Союзного государства, текущий архив. – М.2003 – 23 с.
8. Шабайлов В.И., Гуйда Е.П. Союзное государство: организационно-правовые проблемы становления и развития. Монография, Минск – МИТСО – 2014, с.12

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРЕДЕЛЫ

И.Г. Скороход,

ассистент кафедры теории и истории права, Белорусский государственный экономический университет

Конституция Республики Беларусь (далее – Конституция, Основной Закон) концептуально определяет человека, его права, свободы и гарантии их реализации высшей ценностью и целью общества и государства (часть первая ст. 2) [2]. Однако конституционные ценности «личность, общество, государство» не могут существовать изолировано. Находясь в обществе себе подобных человек не может быть свободным от него, поскольку современное общество и само не свободно от ряда пороков (преступность и жестокость проникшая с ворами и убийцами в каждый дом с помощью телевидения и ставшая обыденностью, безответственность, воспитанная интернетом и цифровыми технологиями и др.). Как отмечает П. П. Миклашевич, права и свободы человека абсолютны, но Конституция допускает возможность их определенного ограничения в интересах общего блага [3, с. 123]. Поэтому проблема ограничения прав человека требует доктринальной разработки в целях установления баланса индивидуального и коллективного в определенных Конституцией пределах.

В действующей Конституции впервые закреплён принцип разделения властей: государственная власть в Республике Беларусь осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 6). Данный принцип сопрягается с другим фундаментальным конституционным положением: ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц (часть первая ст. 23), что соответствует Всеобщей декларации прав человека (ст. 29) [1].

Названные ограничения прав личности можно отнести к ограничениям общего характера.

Вместе с тем Основной Закон допускает приостановление прав и свобод личности в условиях чрезвычайного или военного положения в порядке и пределах, определенных Конституцией и законом (часть первая ст. 63). Одновременно в Конституции установлен запрет на ограничение отдельных прав личности (на жизнь, на самостоятельное определение своего отношения к религии), а также запрет пыток, жестокого, бесчеловечного обращения и проведение медицинских и иных опытов без согласия человека и устранения презумпции невиновности (части вторая ст. 63).

Конституция допускает также ограничение основных прав для отдельных категорий лиц соответственно их правовому статусу (военнослужащие, лица, за-

ключенные под стражу или содержащиеся по приговору суда в местах лишения свободы и др. (ст. 36, часть вторая ст. 64)).

Таким образом, конституционные ограничения прав личности образуют определенную систему, обеспечивающую баланс между законными интересами государства и гарантированной защитой прав и свобод личности при установлении таких ограничений, что является их сущностью.

Определение конституционных пределов допустимого ограничения прав и свобод личности относится исключительно к полномочиям Парламента – Национального собрания Республики Беларусь. Вторжение в эту сферу иных ветвей государственной власти, а также Президента Республики Беларусь, органов местного управления и самоуправления и иных субъектов – запрещается. В. Е. Чиркин по рассматриваемому вопросу отмечает: «Если конституционное право ограничивается, то такое ограничение осуществляется путем принятия закона, а не указа главы государства или иного акта. Притом в законе должно быть указано, какое право ограничивается и названы статьи конституции, позволяющие это делать» [5, с. 81]. Иными словами: нет ограничения прав без закона. Данная конституционная аксиома не требует дополнительных доказательств. Хотя в Конституции Беларуси в этом плане присутствуют некоторые разночтения и противоречия со ст. 23 Основного Закона: часть третья ст. 34 и п. 23 ст. 84 допускают ограничение прав не законом, а «законодательством». Так, Декрет Президента Республики Беларусь от 2 апреля № 3 «О предупреждении социального иждивенчества» ограничивает право собственности граждан на часть их имущества (деньги) [4]. Конституция же допускает ограничение прав только законом, а не Декретом, даже имеющим силу закона. В данном случае необходимо руководствоваться принципом системы сдержек и противовесов и закон трактовать как акт парламента. Поэтому установление границ вторжения государства в сферу интересов личности всегда должно являться предметом проверки в Конституционном Суде Республики Беларусь.

Однако конституционный атрибут «ограничение прав только законом» вовсе не означает установление (определение) прав законом, поскольку их (права) определяет и гарантирует Конституция. Из этого следует, что гарантированные Основным Законом права человека возвышаются над законом, поскольку Конституция обладает большей юридической силой по отношению ко всем актам государства. Поэтому ограничение прав человека по формальному основанию (нарушение закона) при отсутствии неблагоприятных последствий в виде вреда (угрозы) интересам национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц не допускается.

К сожалению, в судебной практике имеют место случаи, когда суд при разрешении дела отдает закону преимущество перед Конституцией.

Так, например, в декабре 2016 г. в суд Осиповичского района поступило исковое заявление от гражданки Е. о восстановлении нарушенного права потребителя жилищно-коммунальных услуг по газоснабжению квартиры. Решением суда от 20 января 2017 г. гражданке Е. отказано в иске на том основании, что со-

гласно ст. 118 Жилищного кодекса 1999 г. ей необходимо было на момент газоснабжения квартиры в 2006 г. согласовать установку газового котла с местным исполнительным и распорядительным органом, чего сделано не было. Такую же позицию, заняла судебная коллегия по гражданским делам областного суда. Ответы на вопросы, какие и для кого неблагоприятные последствия (вред, ущерб, угроза вреда и др.), перечисленные в части первой ст. 23 Конституции наступили в результате газоснабжения квартиры гражданкой Е. в 2006 г. в постановлениях судов отсутствуют. Тем самым суды отдали предпочтение закону перед Конституцией, ограничив право потребителя по формальной причине, что является недопустимым. В настоящее время постановления судов обжалуются в порядке надзора.

Правомерное введение государством ограничений прав человека характеризуется некоторыми особенностями. Во-первых, в части первой ст. 2 Конституции содержится обоснование ограничения прав: человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. При этом права человека не нуждаются в обосновании, поскольку являются конституционными императивами. Во-вторых, такое ограничение не является вынужденным средством и исключением из правового регулирования общественных отношений. Оно не должно быть чрезвычайным условием, позволяющим государству приостанавливать осуществление гражданами предусмотренных Конституцией прав и свобод (часть первая ст. 63). В-третьих, ограничение прав должно быть оптимальным. Например, участвуя в государственных расходах, гражданин обязан отдать безвозмездно государству такую часть своей собственности, при отчуждении которой он будет в состоянии финансировать государственные расходы и в дальнейшем. В-четвертых, ограничение прав человека не должно препятствовать его свободному развитию, достойному уровню жизни, не быть ограничителем в необходимом питании, отдыхе, жилье и одежде, в способности реализовать конституционную обязанность по заботе о своих детях, родителях. Иными словами, ограничение прав не должно препятствовать полному осуществлению конституционных прав (часть первая ст. 59).

Важной характеристикой конституционных пределов ограничения прав человека является правомерность целей такого ограничения.

В ст. 2 Конституции прямо определена высшая цель общества и государства – это человек, его права, свободы и гарантии их реализации. Кроме того, ст. 23 Конституции относит к целям ограничения прав человека государственные блага: обеспечение интересов национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, а также индивидуальные блага как цель – это права и свобода других лиц. В ст. 13 Основного Закона также указаны цели ограничения прав при регулировании государством экономической деятельности в интересах человека и общества; координация государственной и частной экономической деятельности в социальных целях. Допускается принудительное отчуждение имущества по мотивам общественной необходимости (часть пятая ст. 44 Конституции). Закрепить в Конституции все цели ограничения прав личности не представляется необходимым. Однако

важно, что в Конституции определена принципиальная цель такого ограничения – конституционная обязанность государства обеспечить права и свободы человека и гражданина.

Цели законного ограничения прав человека непосредственно связаны с необходимостью ограничения, которая вытекает из потребностей государства в осуществлении своих функций. Принципиальные направления деятельности государства сформулированы в Конституции: «Республика Беларусь обладает верховенством и полнотой власти на своей территории, самостоятельно осуществляет внутреннюю и внешнюю политику, защищает свою независимость и территориальную целостность, конституционный строй, обеспечивает законность и правопорядок» (ст. 1). При этом необходимость в ограничении прав человека нуждается в обосновании. В содержательном плане это возможно путем конституционно-правовой оценки значимости функций государства на их соответствие высшей ценности и цели общества и государства, какой является человек, его права и свободы. Например, оценка социальной функции государства и конституционных прав граждан на социальное обеспечение в старости, в случае болезни, инвалидности, утраты трудоспособности, потери кормильца и в других случаях, предусмотренных законом (ст. 47), обуславливает необходимость законного ограничения прав граждан на часть их имущества (деньги) (ст. 56).

Таким образом, правовая регламентация пределов проникновения государства в сферу личности является наиболее актуальной в Республике Беларусь и поэтому вызывает необходимость проведения научных исследований по данной проблеме.

Список использованных источников:

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] : [Принята резолюцией 217 А Генеральной Ассамблеи ООН в Париже 10.12.1948 г.] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. – Дата доступа: 27.09.2015.

2. Конституция Республики Беларусь, 15 мар. 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 1. – 1/0; 2004. – № 188. – 1/6032.

3. Миклашевич, П. П. Повышение эффективности конституционного правосудия в защите прав и свобод человека / П. П. Миклашевич // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2015. – № 2. – С. 119–124.

4. О предупреждении социального иждивенчества : Декрет Президента Респ. Беларусь, 2 апр. 2015 г., № 3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 04.04.2015. – 1/15728.

5. Чиркин, В. Е. Конституционная терминология : монография / В. Е. Чиркин. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2017. – 272 с.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СФЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЦИНЫ

О.Я. Сливко,

*старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права,
УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»*

В соответствии с главой IX Устава ООН под международной защитой прав человека понимается сотрудничество государств, усилия и меры ООН по содействию всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии.

Международная защита прав человека состоит в основном в следующих направлениях: в создании всеобщих рекомендаций, какие именно права человека, без различия расы, пола, языка и религии, должны подлежать универсальному уважению и соблюдению; в разработке международных соглашений о правах человека; в создании специального международного механизма по проверке выполнения государствами своих международных обязательств по правам человека.

Первые два направления в рамках ООН в области защиты прав человека в современной медицине представлены рядом принятых универсальных международных актов. Все они, несомненно, имеют важное значение и на их основе приняты многие специализированные акты международного и национального характера. Среди них можно отметить Всеобщую Декларацию прав человека 1948 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. В соответствии с ними государства признают право каждого на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья, право на пользование результатами научного прогресса и их практического применения, право на жизнь, право не подвергаться без согласия медицинским или научным опытам, на свободу и личную неприкосновенность, на гуманное отношение и уважение достоинства, право не подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь.

Специальные акты в сфере современной медицины приняты в рамках специализированных учреждений ООН. Специализированные учреждения ООН, в том числе ЮНЕСКО в последние 20 лет уделяют большое внимание проблеме применения современных биомедицинских технологий. Но стоит отметить, что механизм защиты прав человека в данной сфере в целом основывается на декларативных нормах, в том числе и таких актов как Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека от 19 октября 2005 г., Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека от 11 ноября 1997 г., Международной декларации о генетических данных человека от 16 октября 2003 г.

Разработка международных документов по правам человека в области медицины является важным направлением реализации и защиты прав человека

в данной сфере, однако не менее важным направлением выступает осуществление международного контроля за соблюдением прав и свобод человека.

В международном праве одним из основных принципов выступает принцип *pacta sunt servanda*, т.е. «каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться». В соответствии с этим принципом международного права особое значение имеют вопросы эффективного контроля за выполнением государствами своих обязательств в области прав человека. В настоящее время в рамках ООН действует целый ряд механизмов, осуществляющих этот контроль. Обычно различие проводится между договорными органами, которые создаются в соответствии с международными договорами, и уставными процедурами, которые основываются на резолюциях или решениях международных организаций или их органов. Последние действуют на основании своих уставов - международных договоров.

Международные процедуры в области прав человека сводятся к:

- 1) рассмотрению докладов государств в международной организации или ином органе о выполнении ими своих обязательств в области прав человека;
- 2) рассмотрению жалоб-заявлений государств друг к другу по поводу нарушения таких обязательств;
- 3) рассмотрению индивидуальных жалоб, заявлений отдельных лиц, групп или неправительственных организаций на нарушение их прав тем или иным государством;
- 4) изучению ситуаций, связанных с предполагаемыми нарушениями прав человека.

В настоящее время, в системе ООН можно выделить в качестве основного действующего уставного органа по защите прав человека Совет по правам человека. Система договорных органов по правам человека включает 10 комитетов, основанных на конкретных договорах в области прав человека и контролирующих выполнение этих договоров. Договорные органы контролируют соблюдение только тех прав, которые признаны в договоре, их учреждающем, и имеют только те полномочия, которые определены в договоре. Ни один договорный орган не может принимать к рассмотрению какие-либо сообщения, если они касаются государства, которое, хоть и является участником соответствующего договора, не признает компетенции этого органа рассматривать такие сообщения.

Совет по правам человека в отличие от договорных органов является межправительственным органом в системе Организации Объединенных Наций, отвечающим за содействие всеобщему уважению и защите всех прав человека по всему миру и за рассмотрение ситуаций, связанных с нарушением прав человека, а также подготовку соответствующих рекомендаций. Совет по правам человека был создан на основании Резолюции 60/251 Генеральной Ассамблеи ООН 15 марта 2006 года и сменил предшествующую ему Комиссию ООН по правам человека. Если ранее Комиссия по правам человека была вспомогательным органом Экономического и Социального Совета, то Совет по правам человека – это вспомогательный орган Генеральной Ассамблеи.

Среди процедур, осуществляемых Советом по правам человека можно выделить универсальный периодический обзор, в рамках которого проводится оценка ситуаций в области прав человека в каждом из государств-членов ООН; деятельность Консультативного комитета, который предоставляет экспертные заключения и проводит консультации по тематическим вопросам в области соблюдения прав человека; процедуру подачи и рассмотрения жалоб, которая позволяет частным лицам и организациям довести до сведения Совета о нарушениях прав человека; специальные процедуры ООН, которые состоят из специальных докладчиков, специальных представителей, независимых экспертов и рабочих групп, осуществляющих мониторинг, исследования, консультации и представляющие открытые отчеты по тематическим вопросам, касающимся соблюдения прав человека в конкретных странах.

Специального универсального договора по вопросам защиты прав человека в сфере современной медицины на сегодняшний момент не существует. Как мы указывали выше, нормы, регулирующие данный вопрос декларативные и контрольный механизм в рамках договорных процедур отсутствует. Поэтому механизм защиты в области медицины на универсальном уровне сводится к деятельности уставных органов ООН и ее специализированных учреждений. Особое место среди последних занимает ЮНЕСКО. Именно этот орган является разработчиком многочисленных деклараций, направленных на провозглашение прав человека в области современной медицины, в том числе Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека, Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека, Международной декларации о генетических данных человека.

Значительными полномочиями в области контроля за выполнением рекомендаций или конвенций обладает Генеральная конференция ЮНЕСКО. Так, в соответствии с п. 6 ст. IV Устава ЮНЕСКО Генеральная конференция получает и рассматривает предоставляемые Организации государствами-членами доклады о выполнении рекомендаций и конвенций. На основании ст. VIII каждое государство-член представляет Организации в те сроки и в той форме, которые определяет Генеральная конференция, доклады, содержащие сведения о законах, положениях и статистических данных, касающихся его учреждений и его деятельности в области образования, науки, культуры, а также о выполнении рекомендаций и конвенций, упомянутых в п. 4 ст. IV Устава.

К числу контрольных механизмов ЮНЕСКО относится деятельность Комитета по рекомендациям и конвенциям. Основная деятельность Комитета сводится к принятию жалоб от лиц, групп лиц, чьи права, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и напрямую связанные с полномочиями ЮНЕСКО в области образования, науки, культуры и информации были нарушены, а также принятию сообщений от неправительственных организаций, которым стало известно о подобных нарушениях.

Однако стоит отметить, что перечисленные выше акты ЮНЕСКО, регламентирующие права человека при применении к нему современных медицинских технологий, приняты в форме деклараций, носят скорее политический характер и, соответственно, не предусмотрен какой-либо контрольный механизм за

выполнением их положений. Вместе с тем, они оказывают несомненное влияние на национальный правотворческий процесс в различных государствах.

Еще одним специализированным учреждением ООН, непосредственно занимающимся вопросами здравоохранения, является Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). ВОЗ является направляющей и координирующей инстанцией в области здравоохранения в рамках системы ООН. Согласно Уставу (Конституции) ВОЗ, целью ВОЗ является достижение всеми народами возможно высшего уровня здоровья. Однако, в отличие от ЮНЕСКО в рамках ВОЗ отсутствует контрольный механизм по защите прав человека в области современной медицины. Деятельность ВОЗ в сфере защиты прав человека в области современной медицины не приводит к созданию каких-либо обязательных для государств международных договоров и механизмов их реализации.

Научный прогресс в области современной медицины ставит перед международным сообществом ряд важных этических и правовых вопросов. В связи с бурным развитием современной биомедицины и отсутствием конвенционного механизма защиты прав человека в данной сфере, целесообразно принять на универсальном уровне международный договор, который учитывал бы нормы действующих деклараций и практику их применения. Кроме того, в данном договоре следовало бы предусмотреть полномочия контрольного органа по защите прав человека в сфере современной медицины. Создание этих элементов, несомненно, усилило бы эффективность международного механизма по защите прав человека в сфере современной медицины.

**ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСТВА И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА:
ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПРАВЕ**

Е.С. Смирнова,

*проректор по научной работе, Международный славянский институт
(г. Москва), кандидат юридических наук, доцент*

Юриспруденция, как область научного знания и сфера общественных отношений, руководящая всеми без исключения областями жизни государств имира в целом, прошла долгий путь своего развития. От обычая до закона, от закона до современных сверхсложных для имплементации международно-правовых актов – все это величайшее достижение человечества, которое должно быть сохранено и использовано во благо мира между народами.

Институт гражданства в современном его понимании представляет большой интерес для исследователя и практического работника в силу того, что он связан со всеми отраслями государственных и межгосударственных отношений. Начав свой путь со времен Римской империи, когда в VI веке до н.э. начинается оформление государственности Рима (вначале в пределах города) и осуществляется первое «опубликование» законов XII таблиц с ясным и доступным пониманием основ взаимоотношения людей и власти, институт гражданства на протяжении более чем двадцати пяти веков стал поистине краеугольным основанием для поддержания мира в политической и экономической жизни народов планеты Земля. Теоретически, само юридическое понятие «гражданин» - это результат многолетней борьбы человечества за равенство в своих правах личности на достойный уровень жизни, возможность участия в делах своего государства, а также готовность разделять со страной и своим народом все трудности, включая участие в защите от вооруженного вторжения и несение денежных и других повинностей. На территории бывшего Советского Союза, 100 летие со дня образования которого мы будем отмечать через шесть лет, институт гражданства (если не брать за точку отсчета Манифест 1905 года, так и не получивший должного развития) был завоеван жесточайшей классовой борьбой, революциями, гражданской войной и иностранной интервенцией. Конституция СССР 1924 года – это поистине выдающийся документ XX века. Но, следует напомнить, что вначале - с 1918 года – конституционно провозгласившие свою независимость народы Российской империи заявили о принятии на себя обязательства по обеспечению правами трудящихся(граждан) своих республик, а затем – на основании Договора об образовании СССР 1924 года они объединились в великую державу, которая не только победила во Второй мировой войне, что свидетельствует о ее идеологической мощи, но и стала примером для подражания для правовых систем практически всех стран мира.

Конституция – это та сфера правовых отношений, которая принимается исключительно при глобальных изменениях, которым сопутствует большая политическая борьба и последующая готовность власти принять на себя кардинальные изменения, всегда имеющие характер улучшения социального положения народа, перспективы мирного будущего и готовность защищать интересы своих граждан, своей территории. Несмотря на новации в международном праве со времен созда-

ния в 1945 году Организации Объединенных Наций, а также разработку самой обширной сети конвенций в защиту прав человека, институт гражданства остается статичным, неизменным. Перечень прав человека варьируется на протяжении XX века, но по существу мало изменяется. Прежде всего, подлежат защите со стороны государства граждане, права иностранцев в смысле защиты прав человека, соблюдаются, провозглашаются, но все-таки иностранцы остаются «гостями», срок пребывания их на территории государства определен документально, обоснован причинами их приезда. Сроки, необходимые иностранцу для натурализации, в законах разных стран изменяются не столь существенно: от 10 до 3 лет. Правовые льготы или обоснования для получения гражданства в более короткий срок имеют жены, дети, а также особо заслуженные, принесшие пользу новому государству, лица. Вооруженные силы страны пополняются за счет собственных граждан, призыв иностранных граждан происходил в историческом прошлом лишь в условиях чрезвычайных обстоятельств, например, изданный в условиях военного времени в 1920 году Приказ Петроградского военного округа №134 «О привлечении к воинской повинности беженцев из Литвы, Латвии и Белоруссии». Нет иного способа упорядочить жизнь общества, рамки которого очерчены государственной границей, кроме как определить вне всяких идеалистических иллюзий, категории лиц, являющихся гражданами страны и иностранцами (т.е. теми лицами, которые не являются гражданами данного государства).

Новации в институте гражданства – это попытки решения временных проблем, созданных в сфере политики, путем принятия международно-правовых конвенций: Гагская конвенция о некоторых вопросах, касающихся коллизии законов о гражданстве 1930г.; Европейская (Совета Европы) Конвенция о гражданстве 1997 года. Но, как общепринято в мировой практике, любой международный договор должен пройти процедуру его принятия органами государственного представительства, а также процедуру подписания главой государства. Процесс имплементации включает также в себя необходимость дальнейшего включения положений международного договора (конвенции) в национальное право. Подписавшись под международно-правовым документом, государство обязано ему следовать. Необходима многократная проверка того, в полной ли мере принятые обязательства соответствуют тому, что написано в законе. Это сложная процедура, получившая свое развитие в XX веке в полной мере. Таким образом, можно сказать, что права человека и гражданина, вынуждены на первое место *de iure* размещать положения международных договоров в соответствии с конституцией и законами государства. Безусловно, во имя избежания войн и конфликтов между народами и государствами, следует напомнить, что человек ценен сам по себе, вне состояния его в гражданстве того или иного государства. Организация Объединенных Наций в Уставе отражает именно такую цель. В Преамбуле Устава ООН от имени народов мира выражается решимость «избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности».

Не вызывает сомнения, что государства мира стали слишком взаимозависимыми за последние пятьдесят лет. Устоявшаяся система международных отношений после очередного испытания Европы войной 1939 -1945гг., не позволяет легко

изменять границы и даже делать попытки создания некоего благостного супергосударства «от Лиссабона до Владивостока», каковым пытались представить нам в последние десятилетия Европейский союз. События в Украине после 2014 года стали той конечной – так хотелось бы – точкой иллюзий в политике и праве, за которой наступит пора ответственности за эксперимент под названием «ассоциированное членство государства в Европейском союзе», а также попытки воплощения теории «Восточного партнерства» для славянских стран Центральной Европы.

Юристы-международники выступают за мир во всем мире, но помимо прокламаций в праве существуют процессуальные, веками выработанные, нормы национального права. Международное право не имеет подобного процессуального порядка, оно рекомендует, но не столь жестко обязывает. Нет подобных национальному порядку международных законов и, необходимых для прекращения войны и революций в соседних странах, санкций. Мы не можем сказать, что ООН вправе указывать государствам-членам, как универсально регулировать институт гражданства в своей стране (ГА ООН 54/112 от 9 декабря 1999 года о включении в повестку дня 55 Сессии ГА ООН резолюции «Гражданство физических лиц в связи с правопреемством государств»). Правила обращения с иностранцами – это законы и традиции государства, т.е. нормы прав человека, по-разному воспринимаются в странах Запада и Востока. Мир хрупок и юридически связан как никогда. Поэтому так важно знать прошлое своего государства, историю своего народа, соседних стран и народов. Опыт прошлого поможет в будущем сформировать новое правовое направление в политике, а человек – вне значения его государственной принадлежности – обяжет правительство следовать курсу мира ради будущего своих детей. Гражданство – это всегда состояние защищенности и гордости за принадлежность к большому сообществу людей конкретной земли, к территории, на которой надежно организована власть государства. Иного способа правового регулирования отношений в стране и между государствами человеческий разум не создал. Попытки внести что-то кардинально новое в этот статичный институт – это только эксперимент, который даст те или иные результаты. Научное сообщество начала XXI века получает возможность наблюдать процесс поиска нового пути в области межгосударственных отношений, касается ли этот опыт института гражданства Европейского союза или гражданства Союза Беларуси и России. Трудно было провести в жизнь даже идеологически крепко обоснованную Конституцию для Европы в 2004 году – процесс ее принятия не состоялся. Еще сложнее нам – юристам Беларуси и России – с нашим впервые в общей истории созданным, но, в том числе, укрепившим наши общие Западные рубежи, институтом «Союзного гражданства Беларуси и России».

Европа всегда была местом столкновения интересов различных политических сил. Войны глобального характера вот уже более двухсот лет начинались и завершались именно Беларусью. На сегодняшний день Западные рубежи имеют сакральный характер не только для граждан Беларуси и России, несущих военную службу на этом участке Государственной границы. Это и напоминание нам – юристам – о том, что самым ценным в нашей работе является следование нормам права, в которых права человека в своем самом высоком международном конвенционном смысле имеют четкие пределы, очерченные конституционно определенными правами и обязанностями граждан.

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ХАРТИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И НАРОДОВ:
УТОПИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ*****Л.В. Сокольская,****доцент кафедры частного права, Государственный гуманитарно-технологический университет, кандидат юридических наук, доцент*

Общепризнанный институт прав и свобод человека, зафиксированный во Всеобщей декларации (1948 г.), получил законодательное закрепление почти во всех современных правовых системах. Данный документ содержит ценности, которые определяют положение человека в обществе – свобода, равенство, справедливость. Но у представителей каждой цивилизации выработалось собственное миропонимание, влияющее на трактовку данных категорий. Поэтому принятие универсальных международных актов о правах человека сопровождалось созданием стандартов и механизмов защиты прав человека применительно к культурным, историческим особенностям и традициям конкретного региона. Например, Европейская конвенция о правах человека (1950 г.), Американская конвенция о правах человека (1969 г.), Африканская хартия прав человека и прав народов (1981 г.), Всеобщая исламская декларация прав человека (1981 г.), Азиатско-Тихоокеанская декларация человеческих прав индивидов и народов (1988 г.), Арабская хартия прав человека (2004 г.) и др. содержат основополагающие принципы прав человека и закрепляют значимость культурных традиций и ценностей собственных цивилизаций (европейской, американской, исламской, африканской, арабской и др.).

По мнению автора статьи, уже назрела необходимость обобщения и утверждения основных духовно-культурных и цивилизационных принципов в области прав человека на Евразийском континенте или хотя бы в его северо-центральной части. Вместе с уже принятой Концепцией Евразийской социальной хартии (2004 г.), необходимо продумать вопросы, связанные с разработкой и принятием Евразийской хартии прав человека и народов.

Проблемы разработки Евразийской концепции прав человека и народов обсуждаются сегодня на научном и политическом уровнях. Так президент Казахстана Н.А. Назарбаев неоднократно подчеркивал, что в Евразийском союзе стержнем интеграции должна стать сама евразийская идея, пронизывающая прошлое, настоящее и будущее евразийских народов, их менталитет и культуру. [1.]. Профессор из Казахстана Ж.Д. Бусурманов в своей монографии «Евразийская концепция прав человека» осмыслил права человека с позиции права евразийских народов на сохранение собственных национальных культур, политико-правовых традиций и обычаев [2]. Российский ученый д.ю.н. Р.С. Байниязов полагает, что мировое сообщество может обогатиться такими евразийскими ценностями как: диалогичность, терпимость, миролюбие, сотрудничество, сохранение народов в контексте всего человечества, обеспечение евразийского геополитического баланса и др. [3, с.4].

Данные положения подтверждают тезис о том, что восприятие основных идей прав человека возможно только через традиционные устои общества, уклад жизни и менталитет народа. Универсальные идеи прав человека, по мнению автора, должны сопрягаться с такими мировоззренческими универсалиями

евразийской правовой культуры как: толерантность; наличие наиндивидуальных ценностей идея общей пользы, общего блага и солидарная взаимопомощь; неприятие частной собственности, как основной формы собственности; этатизм; коллективизм и отсутствие традиций индивидуализма и гражданской ответственности; этикоцентризм и др. [4].

Основной евразийской культурной ценностью является мультикультурализм. Мультикультурализм – это теория и практика неконфликтного сосуществования в одном социальном пространстве многочисленных разнородных культурных сообществ. «Мультикультурализм провозглашает политику перехода от политики «включения» индивидуальных и групповых различий в более широкие структуры к политике «признания» их права на существование в качестве иных». [5, с.12].

Различают мультикультурализм по «европейски», что означает унификацию общества на основе европейских ценностей, создание «общечеловека», формирование единого образа жизни, созданного по лекалам европейской культуры. И мультикультурализм по «евразийски», который не связан с идеологическим проектом, а основан на стремлении иметь в одном сообществе возможности для культурной самореализации разных социумов с их религиозными и этническими особенностями. Поэтому позволим себе продолжить мысль Дмитрия Медведева о том, что «Россия не будет отказываться от социально-политической концепции мультикультурализма, направленной на согласование и разрешение этнонациональных проблем внутри государства» фразой «направленной на согласование и разрешение религиозных и межэтнических проблем на Евразийском континенте». Это означает выработку согласованных правил сосуществования различных культур и их носителей в одном, едином евразийском сообществе, в едином правовом, социальном и экономическом пространстве. И закрепления их в Евразийской хартии прав человека и народов.

Мультикультурная идентичность отличается гибкостью, так как она не основывается на принадлежности к чужой или родной культуре. И именно ее гибкость позволяет успешно приспосабливаться к новым культурным условиям, предотвращать межкультурные конфликты. Одной из основных ценностей при этом становится межкультурная толерантность. Толерантность подразумевает уважение иного мироустройства, даже если оно противоречит собственным убеждениям, отказ от насильственного внедрения иннокультурных ценностей в чужеродную среду. Национальные обычаи и традиции состыкуются с общепринятыми правами человека и через них осуществляется адаптация чужеродных норм изнутри вместо насильственного насаждения извне.

Согласование различных правовых традиций и обычаев – дело сложное и длительное. Оно не может быть решено автоматически путем законодательного закрепления «самоочевидных истин». Народы, населяющие Евразийский континент обладают собственными «самоочевидными истинами», которые могут не совпадать с Западными. Укоренившиеся в сознании народов тысячелетиями, передающиеся из поколения в поколение, они являются барьерами для безоговорочного внедрения и реализации западноевропейских ценностей, несмотря на их закрепление в национальном законодательстве. Надо признать, что евразийские ценности и традиции составляют основу правовой культуры россиян, которые невозможно уничтожить даже через их отрицание государственной властью. От-

сюда, например, и вытекает проблема применения многих правовых норм и правовых институтов прозападного характера в российском обществе, а также проблема параллельного существования государственно-правовой культуры (формального права) и правовой культуры народа (живое право).

Другой характерной чертой евразийской правовой культуры выступает этатизм – как историческая традиция тесной связи народа с государством. Так у россиян в сознании сохранилось почитание исполнительной власти и принижение официальной судебной власти. Это элемент «традиционалистского (азиатского) образа поведения». Стремление обходить официальные суды и решать споры путем различных внесудебных, согласительных процедур типично для востока. В степях центральной Азии в XIII-XVI вв. до судебный спор мог разрешить уважаемый в роду человек – бий или бек. Бий (старейшина) в степях центральной Азии – это знаток норм обычного права с безупречной репутацией. Они были носителями высокой правовой культуры кочевников, девиз их деятельности гласил, что честь дороже жизни. На них ориентировалась вся общественность, а их решениям подчинялись как знатные, так и рядовые кочевники. Институт биев получил широкое распространение среди кочевых народов Евразии и существует в отдельных государствах до сих пор. В России сегодня возрождается институт медиации, который по своей сути является традиционным для народов Евразии.

Коллективизм – это еще одна характерная черта евразийской культуры предполагает, что деятельность общества и его членов строится на постановке общественно значимых целей, которые опосредуют общественные отношения и межличностные связи. Для людей в евразийских сообществах общие цели занимают господствующее положение по сравнению с индивидуальными целями. Следствием этого является приоритет развития и сохранения общества как целого по сравнению с личным развитием. Принцип коллективизма основан на ответственности индивида перед обществом, неотделимости личности от коллектива. Самостоятельные, индивидуальные действия оцениваются членами восточного общества как предательство.

Таким образом, Евразийская хартия наряду с правами человека будет отстаивать приоритет нравственных, духовных и экологических ценностей, а также равные права и интересы как «больших», так и относительно «малых» социумов (этносов, этноконфессиональных групп, наций и народов), закреплять взаимное соблюдение прав и свобод (а также обязанностей и ответственности) между людьми, обществом и государством.

Список использованных источников:

1. Казахстан-2030: Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев: послание президента страны народу Казахстана. – Алматы : Жеты Жаргы, 2010.
2. Бусурманов, Ж.Д. Евразийская концепция прав человека: монография / Ж.Д. Бусурманов. – Алматы: Изд-во КазГЮУ, 2006.
3. Байниязов, Р.С. Декларация Евразийского экономического союза [примерный проект] / Р.С. Байниязов. – Саратов, 2013.
4. Сокольская Л.В. Евразийская правовая культура: особенности формирования и перспективы развития. – Орехово-Зуево: МГОГИ, 2014
5. Петручак Л.А. Правовая культура России и межкультурный диалог в условиях глобализации. //Актуальные проблемы российского права. 2011. № 4.

О.Г. Станкевич,

заведующий кафедрой конституционного и административного права, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук

Новый инновационный уровень развития общества и государства предопределяет сложность стоящих перед национальной правовой системой тактических и стратегических задач.

Финансовое право (априори и как динамично развивающаяся отрасль) включено в процессы инновационного развития, обеспечивая финансовую составляющую механизма реализации всего спектра функций государства и, соответственно, сбалансированность и устойчивость бюджетной системы, качество управления государственными финансами.

Необходимость инновационного обновления финансового права обусловлена, с одной стороны, такими целями социально-экономического развития страны, как повышение уровня и качества жизни населения, устойчивый экономический рост, модернизация экономики и социальной сферы, с другой стороны, неудовлетворенностью участников финансовых правоотношений традиционными подходами к правовому регулированию отношений в сфере государственных финансов.

Интенсивность и темпы обновления финансово-правовых норм должны быть адекватны потребностям ускоренного инновационного развития общества и государства. Вместе с тем, длительность периода такого обновления обусловлена влиянием ряда объективных факторов, среди которых следует отметить сложную, изначально конфликтную природу финансовых правоотношений, их взаимосвязь с экономическим развитием, острый характер определенных фискальных задач государства, низкий уровень финансовой культуры участников финансовых правоотношений.

К настоящему времени в финансовом праве Республики Беларусь уже успешно функционирует ряд инноваций, позволяющих, прежде всего, согласовывать интересы участников финансовых правоотношений и разрешать тем самым некоторые противоречия. Одной из таких инноваций является «проникновение» диспозитивных начал в правовое регулирование отношений в сфере государственных финансов.

Традиционно диспозитивность – нехарактерное явление для финансово-правового регулирования. Однако в современных условиях диспозитивные начала в финансовом праве объективно востребованы и становятся все более распространенными. Они не только способствуют согласованию фискальных интересов государства и экономических интересов иных участников финансовых правоотношений, но и развивают позитивную мотивацию последних в процессе их участия в образовании и использовании государственных денежных фондов.

Конкретным проявлением диспозитивных начал в финансовом праве можно считать: институт налогового кредита; отдельные особые режимы налогообложения (упрощенная система налогообложения, единый налог с индивидуальных предпринимателей и иных физических лиц, сбор за осуществление деятельности по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма и др.); такие формы государственной поддержки юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, как бюджетный заем и бюджетная ссуда; предоставляемый в рамках межбюджетных отношений бюджетный кредит и др.

Расширение сферы использования диспозитивных начал в финансовом праве не умаляет значения императивного метода, который, являясь преобладающим, обеспечивает надлежащие условия для финансовой деятельности государства.

Инновацией в финансовом праве является также внедрение качественно нового подхода к организации финансового контроля. Яркой иллюстрацией инновационного обновления норм финансового права в этой части служит перечень принципов контрольной деятельности, закрепленный впервые Указом Президента Республики Беларусь от 16.10.2009 № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь», среди которых на первом месте принцип презумпции добросовестности и невиновности проверяемого субъекта.

Примером инновационного обновления финансово-правовых норм является и процесс постепенного внедрения системы среднесрочного планирования бюджета и бюджетирования, ориентированного на результат.

Инновационное обновление финансового права - сложнейшая многоаспектная задача, в ходе решения которой неизбежны проблемы как объективного, так и субъективного характера. Так, уровень финансовой культуры участников финансовых правоотношений, особенности их профессионального и обыденного правосознания определяют существенную разницу в понимании проблем реализации государственной финансовой политики должностными лицами государственных органов и иными участниками финансовых правоотношений. Указанное обстоятельство затрудняет функционирование механизма «обратной связи» между обществом и государством, что отражается на реализации финансовой политики, в том числе на успешности введения финансово-правовых инноваций.

Правовая действительность в целом и реализация финансовой политики в частности отражаются в сознании субъектов финансовых правоотношений в виде определенного набора стереотипов, которые играют существенную роль в правоприменительной деятельности, влияют на эффективность правового регулирования отношений в сфере государственных финансов. В этой связи процесс инновационного обновления финансового права должен происходить в условиях последовательной работы по формированию и развитию финансовой культуры участников финансовых правоотношений.

ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ МИГРАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА БЕЖЕНЦЕВ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Ж.В. Хацук,

доцент кафедры международного права УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент

Вопросы, связанные с предоставлением убежища, в последние годы постоянно находились в поле зрения европейских политиков, законодателей, правоохранительных служб, органов международных структур. Это вполне объяснимо на фоне весьма бурных миграционных процессов, в эпицентре которых на рубеже XX и XXI вв. оказалась Европа.

С начала 2015 года тема кризиса беженцев в Европейском Союзе, вышла в его текущей деятельности на первый план. Кризис потребовал от высших институтов Европейского союза и национальных властей экстренных и неординарных усилий с целью восстановления контроля над иммиграцией, предоставления убежища тем, кто бежал из стран, охваченных войной, и их обустройства, а также создания временных лагерей и последующей депортации иммигрантов, прибывших по экономическим мотивам.

Определение статуса и юридического термина беженца дано в Женевской конвенции 1951 года о статусе беженцев, которая была подписана и ратифицирована всеми государствами – членами Европейского союза. Положения Женевской конвенции реализуются через национальное законодательство каждого государства–члена ЕС.

Если обратиться к законодательству ЕС, то Хартия основных прав ЕС предусматривает право на убежище (ст. 18) и запрещение высылки (ст. 19) [1]. Ст. 78 Договора о функционировании Европейского союза (далее – ДФЕС) предусматривает создание общеевропейской системы предоставления убежища, которая должна соответствовать обязательствам государств согласно Женевской конвенции 1951 г.

Хотя ст. 18 Хартии гарантирует право на убежище, в законодательстве ЕС не предусмотрены способы содействия прибытию лиц, ищущих убежище [1]. Лица, желающие просить убежища в ЕС, – это, в первую очередь, граждане стран, которым для въезда в ЕС требуется виза. Поскольку эти лица часто не соответствуют критериям, необходимым для получения обычной визы, им, возможно, приходится пересекать границу незаконно.

Ст. 3 (1) Регламента «Дублин» (Регламент (ЕУ) № 604/2013) требует, чтобы государства-члены ЕС рассматривали каждое заявление о предоставлении международной защиты, поданное гражданином третьей страны или лицом без гражданства, и чтобы такое заявление рассматривалось только одним государством-членом ЕС [2]. Нормативно-правовая база ЕС в области убежища действует только с момента прибытия лица на границу, включая территориальные воды

и транзитные зоны (ст. 3 (1) Директивы об общих процедурах предоставления и лишения международной защиты (2013/32/EU)) [3]. Для таких ходатайств в ст. 6 данной директивы детально изложен порядок доступа к процедуре предоставления убежища. В частности, ст. 6 (1) требует, чтобы государства регистрировали заявление в течение трех рабочих дней (или шести рабочих дней, если заявление подано в орган власти, не уполномоченный его регистрировать). Ст. 6 (2) обязывает государства обеспечить лицам реальную возможность для скорейшей подачи заявления. Предусмотренные директивой гарантии вступают в действие с момента получения доступа к процедуре. Они не распространяются на лиц, которые не могут попасть на территорию государства, на границу или в транзитную зону.

Однако, в случае, если лицо претендует на статус в другом государстве-члене ЕС, то срок регистрации заявления продлевается до 10 дней: государство-член, на территории которого находится заявитель, передает его ходатайство в то государство, в адрес которого заявитель оформил ходатайство [3].

На сегодняшний день в связи с массовыми потоками людей, ищущих международной защиты, преимущественно из Сирийской Арабской Республики, прибрежные государства вынуждены нарушать положения Регламента, так как не способны справиться с потоком людей в рамках своего государства.

Хартия основных прав ЕС гарантирует право на убежище (ст. 18), не ограничиваясь, таким образом, правом искать убежище. Лица, отвечающие критериям предоставления убежища, имеют право на признание этого статуса. Ст. 13 (статус беженца, так называемые «конвенционные беженцы») и ст. 18 (статус дополнительной защиты для лиц, которые не соответствуют критериям предоставления статуса беженца, в науке данную категорию именуют «беженцы де факто») Квалификационной директивы [4] (2011/95/EU) прямо предусматривают право на получение статуса беженца или дополнительной защиты.

На сегодняшний день практика государств-членов ЕС по имплементации положений данной Директивы указывает на то, что статусы конвенционных беженцев и беженцев де факто в целом равны. Доказательством этому утверждению может послужить существующая в большинстве стран ЕС «one-stop shop» процедура: ходатайства о признании статуса рассматриваются в рамках единого процесса, то есть уполномоченный орган проверяет возможность предоставления лицу статуса как беженца, так и лица с дополнительной защитой. В случае, если лицо не может быть признано беженцем, то автоматически рассматривается возможность присвоения ему статуса лица с дополнительной защитой и наоборот [5]. Данная практика осуществляется в национальном законодательстве в Федеративной Республике Германии (ст. 25 Закона «О предоставлении международной защиты» от 27 июля 1993 г.), Португалии, Швеции (Закон «Об иностранцах» от 31 марта 2006 г.) и других странах.

Ст. 78 ДФЕС предусматривает, что ЕС должен развивать политику по вопросам предоставления убежища, дополнительной защиты и временной защиты и обеспечить соблюдение принципа невысылки. Государству-члену ЕС может

быть разрешено возвратить заявителя по причинам, связанным с предоставлением международной защиты, в другую страну для рассмотрения его ходатайства, при условии, что такая страна считается безопасной и там соблюдаются определенные гарантии.

Исходя из всего вышесказанного и подробно анализируя ситуацию с беженцами в настоящее время, можно прийти к заключению, что кризис беженцев, поразивший Европейский Союз, поставил под угрозу интеграционную политику данного объединения, которая выстраивалась более 50 лет. Общая Европейская система предоставления статуса беженца, состоящая в большинстве своем из Директив, должна быть пересмотрена в следующих положениях:

во первых, индивидуальное собеседование должно быть обязанностью заявителя, а не правом; это необходимо в целях снижения рисков ухудшения криминальной обстановки, в числе которых террористические акты;

во вторых, ответственность государств-членов Союза за рассмотрение ходатайств и принятие заявителей должна быть солидарной; во избежание ситуаций, подобных итальянской, греческой и венгерской, следует ввести квотирование на каждое государство-член. Основной проблемой, которую вызвали мигранты, является не сам их наплыв, а отсутствие солидарности для принятия совместных правил решения проблем с их расселением, что приводит к существенно неравномерной нагрузке на миграционные службы отдельных стран. Как следствие, массовый наплыв мигрантов угрожает существованию Шенгенского соглашения, а противоречия между странами ЕС по расселению мигрантов углубляют раскол в Европейском Союзе;

в третьих, в процессе рассмотрения проблематики Процедурной Директивы можно также прийти к выводу о необходимости создания Единого Органа ЕС по рассмотрению ходатайств о предоставлении международной защиты, филиалы которого одновременно принимали и регистрировали бы заявления в единой электронной системе. Данный орган вполне мог бы справиться со справедливым распределением количества беженцев среди стран-участниц ЕС, хотя бы потому, что именно у данного органа будут самые достоверные сведения о количестве зарегистрированных ходатайств о предоставлении международной защиты;

в-четвертых, необходимы меры для стабилизации уровня жизни населения, за счёт политики ограничения рождаемости и повышения уровня образования среди женщин в странах Африки и Ближнего Востока. Естественно, подобные меры можно осуществить лишь после окончания конфликтов и стабилизации политических режимов в странах исхода мигрантов.

В связи с появлением в 2015 году так называемого «Европейского миграционного кризиса» следует безотлагательно принять меры для решения этой проблемы. Во многом, конечно, стабилизация ситуации в ЕС будет зависеть от готовности государств – членов ЕС во многом пересмотреть свою законодательную базу и найти компромиссы с целью адекватного распределения числа беженцев на территории государств – членов ЕС.

Список используемых источников:

1. Хартия Европейского Союза об основных правах(Страсбург, 12 декабря 2007 г.) (2007/С 303/01) [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://eulaw.ru>. - Дата доступа: 19.03.2017 г.
2. Регламент «Дублин» (Регламент (ЕУ) № 604/2013) // Сайт Европейского союза [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32013R0604>. - Дата доступа: 17.03.2017 г.
3. Директива об общих процедурах предоставления и лишения международной защиты (2013/32/EU). // Сайт Европейского союза [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32013L0032>. - Дата доступа: 19.03.2017 г.
4. Квалификационная директива (2011/95/EU). // Сайт Европейского союза [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32011L0095>. - Дата доступа: 18.02.2017 г.
5. Peers S. Procedural rights and subsidiary protection. // Блог «Анализ законодательства ЕС. Экспертное понимание развития законодательства ЕС» [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://eulawanalysis.blogspot.com/2014/05/proceduralrights-and-subsidiary.html>. - Дата доступа: 28.03.2017 г.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ХАРТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ПРАВОВАЯ ОСНОВА ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА ПРИМЕРЕ УКРАИНЫ

О.Н. Цукан,

менеджер европейских проектов Харьковского национального экономического университета имени Семена Кузнеця, старший юрисконсульт по унификации законодательства правительственных учреждений Украины в соответствии с Соглашением об ассоциации Украины и ЕС, член Целевой группы Ассоциации Европейских приграничных регионов (АЕВР), представитель Фонда содействия трансграничному сотрудничеству в Украине (GFGZ), член общественного совета межфракционного объединения народных депутатов Украины «Равные возможности»

Об актуальности темы в Украине «Правовые основы трансграничного сотрудничества с Европейским Союзом» свидетельствует постановление Верховной Рады Украины № 1537-VIII от 21.09.2016 "О Рекомендациях парламентских слушаний на тему:" Трансграничное сотрудничество как фактор евроинтеграционных процессов Украины". В первых абзацах которого подчеркивается: «для повышения эффективности трансграничного сотрудничества местным органам исполнительной власти, органам местного самоуправления и территориальным общинам следует предоставить больше самостоятельности в решении общих с административно-территориальными единицами соседних государств трансграничных проблем развития, в частности формирования местных бюджетов и использования соответствующих средств. Этот вопрос тесно связан с процессами децентрализации власти в Украине, происходящих в соответствии с принципами и основами, принятыми в Европейском Союзе» [1].

Децентрализация власти в Украине невозможна без процесса перераспределения полномочий, основываясь на принципах демократии. Такое развитие приводит к усилению независимости органов местного самоуправления путем имплементации европейского законодательства на Украине. Особым шагом вперед стала ратификация Европейской хартии местного самоуправления в 1995 году. Этот документ - унифицированные нормы-принципы, по взаимодействию органов местного самоуправления с другими органами власти [2].

Принципы, указанные в Хартии, имеют характер международных стандартов развития и функционирования системы местного самоуправления. Хартия состоит из преамбулы и трех частей, всего 18 статей. Первая часть содержит основные положения, определяющие принципы местного самоуправления, другие две части - носят процессуальный характер.

Основная цель ратификации Европейской Хартии местного самоуправления изложена в преамбуле, а именно: целью Европейского Совета является установление тесной связи между его членами для сохранения и осуществления идеалов и принципов, которые составляют их общее наследие. Только осознавая то, что развитие Европы на принципах демократии и децентрализации власти воз-

можно только при условии усиления роли местного самоуправления в различных странах Европы [2].

Ст.10 Хартии определяет право органов местного самоуправления сотрудничать и в рамках закона объединяться с другими органами местного самоуправления для выполнения задач, представляющих общий интерес, создавать ассоциации, а также быть членом международной ассоциации органов местного самоуправления, сотрудничать с органами местного самоуправления других государств. «Отмечаются стратегические цели такого сотрудничества - реализация своих полномочий и решения задач, представляющих общий интерес, а также защита и продвижение общих интересов органов местного самоуправления. Называются основные субъекты такого сотрудничества - международные неправительственные организации местной власти и органов местного самоуправления других (зарубежных) стран [3].

Этот принцип полностью нашел свое закрепление в ст. 15 Закона Украины «О местном самоуправлении», где указано, что органы местного самоуправления с целью более эффективного осуществления своих полномочий, защиты прав и интересов территориальных общин могут объединяться в ассоциации органов местного самоуправления и их добровольные объединения; могут входить в соответствующих международных ассоциаций, других добровольных объединений органов местного самоуправления; и указано, что ассоциациям и другим добровольным объединениям органов местного самоуправления не могут передаваться властные полномочия органов местного самоуправления [4].

Закон Украины «О трансграничном сотрудничестве» определяет, что трансграничное сотрудничество - совместные действия, направленные на установление и углубление экономических, социальных, научно-технических, экологических, культурных и других отношений между территориальными общинами, их представительными органами, местными органами исполнительной власти Украины и территориальными общинами, соответствующими органами власти других государств в пределах компетенции, определенной их национальным законодательством [5].

Комитет Верховной Рады Украины по вопросам правовой политики и правосудия рассмотрел на своем заседании 9 декабря 2015 (протокол № 38) поданный Президентом Украины как неотложный законопроект о внесении изменений в Конституцию Украины (относительно децентрализации власти) (рег. № 2217 от 15 июля 2015) [6].

Целью законопроекта является уход от централизованной модели управления в государстве, обеспечение способности местного самоуправления и построение эффективной системы территориальной организации власти в Украине, реализация в полной мере положений Европейской хартии местного самоуправления, принципов subsidiarity, вездесущности и финансовой самодостаточности местного самоуправления.

Правительство Украины распоряжением № 688 от 22.09.2016 р. утвердило новую редакцию плана мероприятий по реализации Концепции реформирования местного самоуправления и территориальной организации власти в Украине. Это будет способствовать обновлению задач, сроков их реализации, а также исполнителей таких задач с целью дальнейшей реализации положений Концепции.

Основными мероприятиями предусматривается разработка проектов законов Украины о принципах административно-территориального устройства по усилению ответственности органов местного самоуправления за принятие решений, нарушающих Конституцию и законы Украины, и обеспечения сопровождения в Верховной Раде Украины проектов законов Украины, необходимых для реализации реформы, проведение информационно-разъяснительной работы, оказание консультативно-методологической помощи (прежде всего в объединенных территориальных общинах). Это распоряжение будет способствовать реализации реформы местного самоуправления и территориальной организации власти [7].

Таким образом, органы местного самоуправления начинают трансграничное сотрудничество с подписания договоров (соглашений, меморандумов) о сотрудничестве (партнерство, создание еврорегионов, совместная деятельность), в которых отмечают цель, предметную сферу и организационно-правовые формы такого сотрудничества. Такие сделки считаются заключенными только при достижении согласия по всем существенным условиям и должны соответствовать требованиям предъявляемых к форме и содержанию вышеуказанных договоров согласно действующему законодательству Украины.

Ратифицированная должным образом Хартия составляет неотъемлемую часть национального законодательства, является правовой основой трансграничного сотрудничества, и в случае расхождения с национальным законодательством Украины должны применяться нормы данного международного договора. Дальнейшие научные исследования связаны с обеспечением соответствия национального законодательства принципам Европейской хартии местного самоуправления и дополнительных протоколов к ней касательно правовой основы деятельности органов местного самоуправления как субъекта трансграничного сотрудничества.

Список использованных источников:

1. Рекомендации парламентских слушаний на тему: "Трансграничное сотрудничество как фактор евроинтеграционных процессов Украины" Постановление Ведомости Верховной Рады Украины: № 1537-VIII від 21.09.2016 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/1537-19>.
2. Европейская хартия местного самоуправления [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/994_036
3. Муниципальное право Украины: учеб. / [В. Ф. Погорилка [и др.] под ред. В. Ф. Погорилка К.: Юринком Интер, 2006. - 592 с.
4. Закон Украины «О местном самоуправлении» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/280/97-%D0%B2%D1%80>
5. Закон Украины «О трансграничном сотрудничестве» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/1861-15>.
6. Проект Закона о внесении изменений в Конституцию Украины (относительно децентрализации власти)» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=55812.
7. Распоряжение КМУ № 688 от 22.09.2016 «Некоторые вопросы реализации Концепции реформирования местного самоуправления и территориальной организации власти в Украине» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.kmu.gov.ua/control/uk/cardnpd?docid=249350402>.

О КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ТЕНДЕНЦИЯХ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

С.П. Чигринов,

судья Конституционного Суда Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

1. К факторам, которые будут определять конституционализм XXI века, относятся: 1) институционализация информационного общества и формирование электронного правительства; 2) развитие краудэкономики, основанной на прямой коммуникации производителя с конечным потребителем; 3) усиление тенденции региональной политико-экономической интеграции государств. Указанные факторы повлекут изменение содержания не только отдельных конституционных прав и свобод личности, но и механизмов их правовой охраны.

2. В качестве первого фактора необходимо назвать дальнейшую институционализацию информационного общества, которая в политико-правовой сфере идет по пути формирования электронного правительства.

Создание многофункционального электронного правительства не только снизит издержки социальных коммуникаций, но и упростит процедуры предоставления управленческих услуг, облегчит процесс реализации гражданами их прав и законных интересов. Закономерным итогом развития электронного правительства является повышение степени открытости государственного аппарата для граждан. Однако процесс этот двусторонний: повсеместное внедрение в политическую и экономическую сферы информационных технологий влечет большую открытость гражданина для государственных структур. Формирование электронных регистров населения – социальных, пенсионных, медицинских и многих других; введение в оборот электронных денег позволит государству быть в курсе практически всех аспектов социально-экономической деятельности индивида.

В условиях такой «универсальной транспарентности» можно ожидать изменения содержания не только отдельных конституционных прав и свобод личности, но и механизмов их правовой охраны, например, новую трактовку тайны частной жизни или коммерческой тайны; действенный механизм правовой защиты чести и достоинства в условиях практически мгновенного распространения информации в сети интернет и др.

С развитием цифрового мира, совершенствованием электронных технологий появилась возможность выстраивания принципиально новых экономических отношений. В связи с этим важнейшим фактором, определяющим содержание конституционного процесса в нынешнем столетии, станет развитие краудэкономики [2], основанной на прямой коммуникации производителя с конечным потребителем, когда последний заказывает продукт непосредственно у производителя и контролирует все стадии его производства. Это позволяет отказаться от промежуточного звена – специалистов, осуществляющих планирование производства, складов и предприятий торговли. Краудэкономика способствует формированию класса фрилансеров – свободных работников, автономных частных

специалистов. Формирование подобной «нелогистической» экономики напрямую влияет на содержание такого важнейшего конституционного права, как право на труд, на формы и методы правового регулирования экономической деятельности.

2. Одним из важнейших тенденций конституционно-правового развития является тенденция региональной политико-экономической интеграции государств. Данная тенденция отчетливо проявляется на Евразийском континенте (Евразийский экономический союз, Европейский союз).

При этом следует подчеркнуть, что региональные интеграционные процессы в рамках межгосударственных объединений имеют объективно-обусловленный характер: во-первых, в их основе лежит цивилизационное начало, ментально-культурная общность народов; во-вторых, в условиях усложнения технологических задач, которые будет решать человечество в связи с оскудением природных ресурсов, климатическими изменениями, межгосударственная интеграция позволяет объединить необходимые экономические, технологические и научные ресурсы для успешного решения указанных задач.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что региональная интеграция успешно развивается при действенных механизмах соблюдения баланса наднациональных и национальных интересов. При этом важнейшей задачей государств является обеспечение незыблемости наиболее важных конституционных ценностей.

3. В философской традиции идентичность связывается со сферой взаимодействия бытия и сознания, с практикой самообозначения индивидуальности через ограничение выбора из многозначности. Когнитивная психология в основу развития концепции идентичности кладет предпосылку о том, что каждый индивид характеризуется как социальными, так и индивидуальными характеристиками.

Выдающийся французский философ П.Рикёр, выстраивая концепцию повествовательной (нарративной) идентичности, подчеркивал необходимость различия двух конкурирующих значений термина идентичность, подчеркивая отличие латинского слова «idem» (идентичный) как синонима «в высшей степени сходного», аналогичного, от слова «même» (тот же самый, один и тот же), заключающего в себе некую форму неизменности во времени [3, с. 61].

Крупнейший представитель современной немецкой философии Ю.Хабермас выделяет два взаимосвязанных измерения идентичности: личностное (вертикальное), которое обеспечивает связность истории жизни человека, и социальное (горизонтальное), отвечающее требованиям всех ролевых систем, к которым принадлежит человек [4, с. 7].

Именно на социально-научной трактовке значения термина «идентичность» основываются такие понятия как культурная, национальная, этническая, конституционная идентичность. Выполняя функцию междисциплинарной категории, в социальной практике идентичность приобретает черты не только этнокультурного и политико-правового феномена, но и важнейшего социообразующего фактора.

4. Конституционная идентичность определяется как такое состояние конституционного строя, которое характеризуется неотчуждаемым характером его основополагающих элементов, определяющих само существо государства, его

уникальность в ряду других членов международного сообщества. Конституционная идентичность опосредуется наличием в Конституции так называемого конституционного ядра, то есть норм и принципов, обладающих абсолютным характером, в том смысле, что они не могут быть изменены или нейтрализованы любым юридическим средством наднациональной правовой системы. Конституционная идентичность дополняется гарантией вечности таких абсолютных конституционных норм и принципов, в соответствии с которой они не могут быть изменены и суверенным национальным законодателем.

Касательно понятия «конституционная идентичность» необходимо отметить, что оно генетически восходит к понятию «национальная идентичность». На нормативном уровне последнее закреплено в пункте 2 статьи 4 Договора о Европейском Союзе, согласно которому Союз уважает равенство государств-членов перед Договорами, а также их национальные идентичности, присущие их основным структурам, политическим и конституционным, включая региональные и местные самоуправления; он должен уважать их основные государственные функции, в том числе по обеспечению территориальной целостности государства, законности и правопорядка, национальной безопасности; в частности национальная безопасность остается исключительной ответственностью каждого государства-члена [5, p. 18].

5. Евразийский экономический союз стал реальностью. Пришло время ускорения процесса формирования евразийской идентичности: совокупность характеристик, отличающих народы, населяющие постсоветское пространство от иных народов в традициях, культуре, образе жизни и системе мышления, осознание собственной принадлежности к евразийству в силу единства цивилизационного и исторического развития формирование евразийской идентичности имеют объективные предпосылки.

При этом следует исходить из того, что евразийская идентичность станет объективной реальностью во всей полноте своих качеств лишь в том случае, если будет найден общий знаменатель, позволяющий синтезировать общие евразийские политико-правовые и культурные ценности, которые находились бы в полной гармонии с аналогичными национальными ценностями всех членов Евразийского экономического союза. Формула интеграции, на наш взгляд, проста: «Мы едины, потому что ценим уникальность друг друга».

Список использованных источников:

1. Послание Конституционного Суда Республики Беларусь Президенту Республики Беларусь, Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь, Совету Республики Национального собрания Республики Беларусь «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2013 году» // *Веснік Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь*. 2014. № 1. С. 29–51.

2. Первая международная конференция по краудэкономике. Минск, 30 октября 2015 г. Режим доступа: <http://www.crowdconference.by>. Дата доступа: 17.09.2017.

3. Рикёр П. Повествовательная идентичность // *Поль Рикёр в Москве*. – М., 2013.

4. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. – М., 1992.

5. Consolidated version of the Treaty on European Union // *Official Journal of the European Union*. Vol. 55. October 26, 2012.

**СУБЪЕКТНЫЙ АСПЕКТ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА**

А.А. Шафалович,

доцент кафедры теории и истории права, Белорусский государственный экономический университет, кандидат юридических наук, доцент

Самым главным (и отнюдь не простым) вопросом в системе защиты прав человека является вопрос о предполагаемом нарушителе, от которого, собственно, и создается вся система защиты прав человека. Между тем, этот вопрос получил лишь фрагментарное освещение в научной литературе, что, на наш взгляд, является упущением. Данная статья направлена на исправление этого досадного упущения.

В последнее время в контексте международной ответственности выделяют институт международно-правовой ответственности и институт индивидуальной уголовной ответственности [1, с. 185–186]. Субъектами последней являются исключительно физические лица, а субъектами международно-правовой ответственности — субъекты международного права. Их конкретизация оказалась отнюдь не однозначной, что объясняется недавним возникновением самого понятия международной ответственности — в 2001 г. в связи с принятием резолюции Генеральной Ассамблеи ООН.

Итак, учебное пособие под научной редакцией С.А. Балащенко к субъектам международно-правовой ответственности относит только государство и международные организации [1, с. 185]. Причем, «международный судебный или квазисудебный орган при установлении факта нарушения не указывает, какой национальный орган власти отвечает за данное нарушение, а лишь констатирует международную ответственность государства в целом» [2, с. 20].

Википедия к субъектам международной ответственности причисляет кроме государства и международных организаций, также «государственно-подобные образования» (Святой Престол, Мальтийский орден) и «народы, борющиеся за независимость» [3]. Последние, по нашему мнению, даже не стоит рассматривать в качестве потенциальных ответчиков за нарушение прав человека в силу их организационной неформальности.

Остается спорным вопрос о самостоятельной международной ответственности международных организаций. Согласно точке зрения, в основном поддерживавшейся советскими учеными, международная организация не может нести самостоятельную ответственность (особенно материальную), так как её бюджет складывается из взносов государств-членов. В западной доктрине утверждается обратное, хотя существует несколько подходов к данному вопросу, основанных на различном понимании концепции полномочий международной организации [4, с. 13–19].

Относительно признания физических лиц субъектами международно-правовой ответственности за нарушение прав человека, то лишь единичные учёные признают за частными лицами международную правосубъектность [5], а значит и международно-правовую деликтоспособность. Индивиды, как и юридические лица, могут быть дестинаторами определенных норм международного права (например, фундаментальных прав, напрямую вытекающих из основных международно-правовых договоренностей по правам человека), что, однако, не означает

признания их субъектами международного права. Физические лица, даже в том случае, если они совершают международно-противоправное деяние в качестве должностных лиц государства, «лиц-органов», традиционно не признаваясь субъектами международного права, не рассматриваются ни в качестве субъекта международного деликта, ни субъекта претензий об ответственности, в частности потому, что они несут международную уголовную ответственность [6, с. 43]. Так, В.Т. Батычко пишет: «Если считать, что субъект международного права — это лицо, на которое распространяется действие международно-правовых норм, которое эти нормы наделяет субъективными правами и обязанностями, то индивид, безусловно, является субъектом международного права... если считать, что субъект международного права не только обладает правами и обязанностями, вытекающими из международно-правовых норм, но и является коллективным образованием и, самое главное, принимает прямое участие в создании норм международного права, то индивида к субъектам международного права относить нельзя» [7].

Из анализа статьи Р.Л. Хачатурова [8] следует, что физических лиц в качестве субъектов ответственности за международные преступления за нарушения прав человека рассматривали лишь те авторы, которые не различали международно-правовой ответственности и индивидуальной уголовной ответственности (Г.И. Тункин [9], Д.В. Левин [6]), и это — устаревший подход, поскольку он зафиксирован в публикациях 60-ых годов прошлого века.

В качестве потенциального субъекта международно-правовой ответственности за нарушения прав человека можно рассматривать транснациональные корпорации (далее — ТНК). Б.М. Ашавский упоминает точку зрения, что ТНК, как и физические лица, несут ответственность за нарушение норм международного права. Более того, в судебной практике США и ряда других стран известны случаи признания ТНК, несущими не только гражданскую, но и уголовную ответственность за различного рода нарушения международного права, включая права человека [10]. Однако И.И. Лукашук считал, что приравнивать ТНК в отношении ответственности к физическим лицам не стоит [11]: ТНК не являются субъектами международного права и поэтому не могут нести международно-правовую ответственность, в том числе за нарушение прав человека. Однако, как отмечает Б.М. Ашавский, они могут нести ответственность в соответствии с нормами внутригосударственного права, поскольку ТНК выступает субъектом внутригосударственного права. Это означает, что государство, на территории которого базируется головная компания ТНК, должно нести ответственность за массовые нарушения прав человека в результате деятельности ТНК [10].

Пытаясь обосновать правосубъектность ТНК, обычно забывают, что ТНК участвуют в экономических отношениях частноправового характера, а не публичного характера. Идеи наделить ТНК, индивидов и т.п. международной правосубъектностью не воспринимаются действующим международным правом [10].

Иначе решается вопрос об международной деликтоспособности ТНК, если рассматривать их не как единый субъект права, а как организацию нескольких самостоятельных в правовом отношении юридических образований. Как указывалось выше, некоторые ученые признают международные организации субъектами ответственности за нарушение прав человека. В таком случае ТНК может рассматриваться как субъект международно-правовой ответственности.

Таким образом, отмечаем, что к обозначению определенного субъекта в качестве субъекта международно-правовой ответственности за нарушение прав человека правоведа подходят очень взвешенно, не стремясь бездумно расширять список потенциальных ответчиков по указанной категории дел. Безусловным субъектом международно-правовой ответственности за нарушение прав человека является государство. Далее перечень таковых носит спорный характер. Обосновано причислить к субъектам международно-правовой ответственности международные организации, «государственно-подобные образования». И однозначно исключить из списка субъектов международно-правовой ответственности за нарушение прав человека ТНК, физических лиц и народы, борющиеся за независимость.

В качестве прогноза отметим, что в далекой перспективе, на наш взгляд, ответчиком за нарушения прав человека станут любые субъекты (государственно организованные или нет), причинившие реальный вред правам человека.

Список использованных источников:

1. Права человека: учеб. пособие / С.А. Балашенко [и др.]; науч. ред.: С. А. Балашенко, Е. А. Дейкало. – Минск: Юнипак, 2014. – 200 с.
2. Гиони, И. Международно-правовая ответственность государств за нарушение обязательств в сфере защиты прав человека в европейском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Ина Гиони; Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации. – М., 2010. – 26 с.
3. Международно-правовая ответственность // Википедия [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Международно-правовая_ответственность. – Дата доступа: 08.09.2017.
4. Воробьева, Е.А. Международно-противоправное деяние международной организации и основания его возникновения / Е.А. Воробьева // Журнал международного права и международных отношений. – № 3. – 2007. – С. 13–19.
5. Карташкин, В.А. Права человека в международном и внутригосударственном праве [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: http://adhdportal.com/book_3422.html. – Дата доступа: 08.09.2017.
6. Левин, Д.Б. Ответственность государств в современном международном праве / Д.Б. Левин. – М.: Международные отношения, 1966. – 152 с.
7. Батычко, В.Т. Международное право: конспект лекций / В.Т. Батычко [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: http://www.aup.ru/books/m232/5_10.htm. – Дата доступа: 07.09.2017.
8. Хачатуров, Р.Л. Вопросы международно-правовой ответственности / Р.Л. Хачатуров // Вектор науки ТГУ. – №1 (4). – С. 69–75.
9. Тункин, Г.И. теория международного права. – М.: Международные отношения, 1970. – 512 с.
10. Ответственность государств за нарушение прав человека. «Круглый стол» [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/443>. – Дата доступа: 07.09.2017.
11. Лукашук, И.И. Право международной ответственности. — М.: Волтерс Клувер, 2004. – 432 с.

**ПРЯМАЯ (НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ) ДЕМОКРАТИЯ
КАК ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАРОДНОГО СУВЕРЕНИТЕТА**

А.А. Шишкин,

аспирант Академии управления при Президенте Республики Беларусь

Демократические основы современного общества предполагают обязательное участие граждан в определении путей развития государства, решении текущих вопросов государственной и общественной жизни. Реальная возможность населения определять государственную политику для народа и в интересах народа и есть суть народного суверенитета. Автор теории народного суверенитета французский мыслитель Ж.-Ж. Руссо утверждал, что власть народа и правление, которое ее осуществляет, должны существовать только в интересах народа. При этом все граждане должны участвовать в принятии решения при условии подчинения воли большинства [1, с. 219].

Если первые зачатки социального устройства (родовой строй первобытного общества) и государственного строительства (демократические практики государств Древней Греции и Древнего Рима, древнеславянских государств и др.) характеризовались прямым (непосредственным) участием членов рода или граждан в принятии управленческих решений, то с разделением труда, разрывом в имущественном положении членов общества, усложнением общественных отношений и регулирующих их управленческих методов и правовых систем на первый план вышла представительная демократия, в которой ключевое место в системе властных отношений играют представительные органы и выборные должностные лица.

Ключевым отличием представительной и непосредственной демократий является то, что при представительной демократии граждане путем выборов делегируют право на участие в государственном управлении, в том числе местном, а также в местном самоуправлении своим избранным представителям. Непосредственное участие населения в государственном управлении и местном самоуправлении позволяет максимально сблизить субъекта и объект властеотношений. Неслучайно российский исследователь В.В. Комарова среди особенностей прямой демократии выделяет единство воли и субъекта ее выражения, а также осуществление власти от своего имени [2, с. 6].

По мнению правоведа Е.А. Казьминой, основной характеристикой прямой демократии выступает непосредственное волеизъявление народа, которое содержит в себе волю народа, отображает его интересы [3, с. 33-34]. Иными словами, ключевым понятием при характеристике прямой демократии является народ. Народ непосредственно и самостоятельно участвует в принятии решений, которые ему, как субъекту государственно-правовых отношений, придется реализовать. Исходя из этой логики, принятое посредством институтов непосредственной демократии решение является максимально легитимным, поскольку воплощает не только общественное мнение, но и общественную пользу.

Новый взгляд на непосредственную демократию предлагает концепция партиципаторной демократии (англ. *participate* – участвовать), авторами которой являются зарубежные исследователи К. Пэйтман, Дж. Циммерман и др. Суть концепции заключается в возвращении к классическим идеалам демократии, предполагающим активное участие граждан в обсуждении и принятии решений по главным вопросам общественной жизни. По утверждению Г.А. Криворотова, именно массовое участие граждан в политическом управлении и является одним из важнейших залогов существования зрелого гражданского общества [4, с. 33].

Конституция Республики Беларусь единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь провозглашает народ, который осуществляет свою власть непосредственно, через представительные и иные органы в формах и пределах, установленных Конституцией (статья 3) [5]. К институтам непосредственной демократии в Республике Беларусь можно отнести: на общегосударственном уровне – референдум и прямые выборы, отзыв депутата, народная законодательная инициатива, республиканские собрания, на местном уровне – местный референдум и выборы депутатов местных Советов депутатов, их отзыв, местные собрания и другие. Вместе с тем активное развитие коммуникационных технологий (прежде всего, сети Интернет), повышение уровня политической культуры и правосознания современного общества создает хороший фундамент для расширения практик непосредственной демократии с целью вовлечения значительного числа граждан в перманентный процесс управления государством, что, в конечном итоге, несомненно, послужит укреплению народного суверенитета.

Список использованных источников:

1. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре : монография / Ж.-Ж. Руссо [пер. Л. Неманов] ; под ред. Д.Е. Жуковский. – СПб.: Типография т-ва «Обществ. польза», 1906. – 247 с.
2. Комарова, В.В. Формы непосредственной демократии в России / В.В. Комарова. – 2-е изд. М.: Проспект, 2011. 142 с.
3. Казьмина, Е.А. К вопросу о формах (способах) реализации конституционной правосубъектности народа / Е.А. Казьмина // СОВРЕМЕННОЕ ПРАВО. – 2011. – № 10. – С. 33–36.
4. Криворотов, Г.А. Кризис представительной демократии в системе политического управления в современном обществе: теоретические проблемы исследования / Г.А. Криворотов // Социум и власть. – 2011. - № 2. – С. 33–36.
5. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.

Научное издание

**ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ
В ПРАВЕ**

Материалы международной
научно-практической конференции,
посвященной 20-летию юридического факультета
и 50-летию Полоцкого государственного университета

(Новополоцк, 6–7 октября 2017 г.)

В трех томах

Том 1

Текст печатается в авторской редакции

Ответственный за выпуск *И. В. Вегера*

Техническое редактирование *О. П. Михайловой*
Компьютерная верстка *П. В. Соловьёва*
Дизайн обложки *М. С. Мухоморовой*

Подписано в печать 20.09.2017. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 18,13. Уч.-изд. л. 20,72. Тираж 145 экз. Заказ 1074.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Полоцкий государственный университет».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/305 от 22.04.2014.

ЛП № 02330/278 от 08.05.2014.

Ул. Блохина, 29, 211440, г. Новополоцк.